

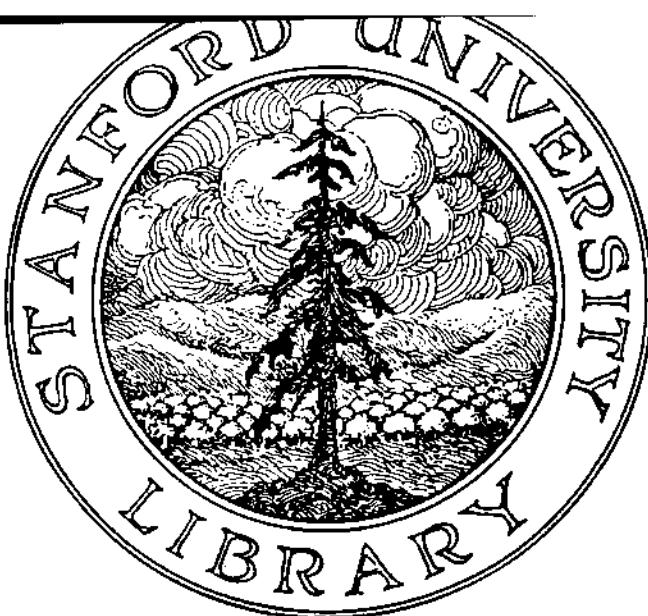
Андрей Биль

НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ

ТОМ II

Нью Иорк
1961

РИЛИ НАШИ ПРЕДКИ?

сих, малороссов - украинцев
· кривичей).

А писаръ земскій маеть по ру-
литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати
а писцими въ езыкомъ и словы а присягнути маеть на вѣраff

“Литовский Статут” — 1588 год.

В приведенном отрывке написано: “А писарь земский маеть по ру-
литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати а не-
шими езыкомъ и словы. А присягнути маеть на урядъ свой.”

Как известно, сепаратисты украинские в своих многочисленных трудах пишут, что “Литовский Статут” написан “по украински”. Сепаратисты белорусские утверждают, что “Литовский Статут” написан “по белорусски.”

Общеросийская же историография считает, что “Литовский Статут” написан “по русски.”

Приведенный выше отрывок из этого “Статута” вносит ясность в этот спорный вопрос.

АНДРЕЙ ДИКИЙ.

НЕИЗВРАЩЕННАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ

Издательство "Правда о России"

(основ. Блоком Националов — Народов России)

Нью Йорк, 1961 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В томе I "Неизвращенной Истории Украины-Руси" дана правдивая картина ее прошлого, начиная с древнейших времен и кончая рубежом 18-го и 19-го столетий.

Излагая это прошлое, во всех тех случаях, когда историческая правда была извращена украинской сепаратистической историографией, параллельно с правдой, приводилось и ее извращение.

Благодаря этому книга приобрела в известной степени полемический характер, на что и обращают внимание некоторые читатели. Но зато она много выиграла, сделалась понятнее, доходчивее, чем если бы ограничилась сухим изложением фактов и событий, без упоминания их извращений. Таково мнение подавляющего большинства читателей, приславших свои отзывы о 1-м томе "Неизвращенной Истории Украины-Руси".

Разделяя это второе мнение, и во II томе я придерживаюсь того же метода сравнения правды и извращения, разумеется, доказывая неопровергимо все то, что сепаратисты, как для них невыгодное, извращают или замалчивают.

За полтора столетия, которые охватывает том II "Неизвращенной Истории Украины-Руси", в ее жизни было много явлений и событий — и мирных, и кровавых,— от правдивого описания которых зависит правильная оценка прошлого и разумные выводы для будущего.

В первой половине 19-го века в Российской Украине пробудилась и начала развиваться национально-культурная самодеятельность и литература на народном языке. Развитие это шло по путям не отделяющим от общероссийской культуры, а, скорее, по путям сближающим. При развитии, бедного словами и понятиями, народного языка в литературный, недостающие слова и понятия заимствовались из русского литературного языка, и это, естественно, вело к сближению.

В Галичине, бывшей под властью Австрии, в значительной степени, ополяченной и окатоличенной, тоже появились первые робкие признаки национально-культурного возрождения и стремления к слиянию с общерусской культурой. Но во всю первую половину 19-го века, кроме издания небольшого альманаха, вскоре запрещенного, сколько нибудь значительных проявлений национально-культурной деятельности, до самой революции 1848 года, не было.

Во второй половине 19-го века, по целому ряду причин и обстоятельств, которые изложены во II томе, в украинской национально-культурной деятельности (главным образом в Галичине), появляются течения, отрицающие единство и общность Руси, ее историю и культуру. Эти течения привели к украинскому политическому сепаратизму некоторой части населения Галичины и пропаганде руссонационализма. В Российской Украине эти течения никаких откликов не нашли и, кроме нескольких десятков молодежи, сторонников не приобрели.

Чтобы обосновать и оправдать этот политический сепаратизм, начинает с конца 19-го века создаваться украинская историография, которая, извращая прошлое Украины-Руси, создает предпосылки для пропаганды сепаратизма, как среди украинцев, так и среди иностранцев. Пропаганда же эта непрестанно повторяет, что сепаратистические настроения не есть настроения только некоторой части населения Галичины, а есть настроения всего населения, как Галичины, так и Российской Украины.

Между тем события I-ой Мировой Войны и войны Гражданской, с предельной очевидностью, доказали, что лозунги сепаратизма чужды подавляющему большинству населения Украины-Руси. Только микроскопическая его часть пошла за теми, кто имел на своих знаменах сепаратизм. Подавляющее же большинство или осталось нейтральным, или поделило свои симпатии между двумя носителями лозунгов общероссийских: большевиками и Белой Армией.

Этот совершенно неоспоримый факт признали сами вожди сепаратизма, и целый ряд их виднейших деятелей, во главе с их идеологом — Грушевским совершенно добровольно перешли к большевикам, которые в их борьбе с украинскими сепаратистами, при совершенно одинаковой социальной программе, победили своими общероссийскими лозунгами.

Но не признала этого разная сепаратистическая мелкота, очутившаяся в эмиграции и поступившая на содержание разных государств.

Сделавши из пропаганды украинского сепаратизма выгодную профессию, эти заграничные самозванные представители украинского народа забыли слова своего лидера, В. Винниченко, сказавшего: "будем честны сами с собой и с другими: мы воспользовались несознательностью и забитостью масс. Не они нас выбрали, а мы им навязали себя". Забыли и слова премьера Украинского Правительства И. Мазепы, который сказал: "большевики имели право,

когда позднее писали, что Украину они освоили не так вооруженной силой, как силой своей пропаганды".

Замалчивая одни факты и извращая и искажая другие, заграничные украинские историки в своих многочисленных "История Украины" пытаются представить последние полтора столетия истории Украины-Руси, как непрерывное ее угнетение и порабощение великороссами и непрестанную борьбу украинского народа за освобождение от этого национального порабощения и угнетения. А все события в годы Гражданской Войны на Украине, которые, как и во всей России, были событиями революции социальной, украинская сепаратистическая историография изображает, как революцию чисто национальную — борьбу за освобождение от порабощения и угнетения великороссов.

К сожалению, общероссийская эмиграция, несмотря на наличие в ее рядах крупных культурных сил и ряда квалифицированных историков, за 40 лет, кроме нескольких тощих брошюр и статей в периодической печати, не сделала ничего для опровержения этой сепаратистской агитки, облеченный во псевдо-научную форму.

В результате, многочисленная общероссийская эмиграция, в подавляющем большинстве, пребывает в блаженном неведении о содержании, силе и значении украинской сепаратистской пропаганды, считая ее «вздором»; иностранцы смотрят на прошлое Украины-Руси и на русско-украинские взаимоотношения глазами сепаратистов; а известная часть эмиграции — выходцев с Украины-Руси — слепо верит пропаганде сепаратистов и идет за ней. Изявление истории Украины-Руси сделало и продолжает делать свое дело.

Являясь ответом на эти извращения, "Неизвращенная История Украины-Руси" дает не фальсифицированное и поставленное в службу политике, а правдивое, подтвержденное неоспоримыми доказательствами, описание ее прошлого.

Знать же это прошлое именно теперь, когда украинский сепаратизм своей пропагандой не только сеет и культивирует в эмиграции русско-украинскую вражду (на Родине ее нет), но и толкает политику всего мира на ложные пути — совершенно необходимо.

Я не обольщаю себя надеждой, что "Неизвращенная История Украины-Руси" сразу разрушит мифы, распространяемые десятилетиями авторами многочисленных сепаратистско-шовинистических "Историй Украины".

Но я твердо верю, что многих обманутых и искренно заблуждающихся она заставит задуматься и вызовет проверки и исследо-

вания. А это, неизбежно, приведет к восстановлению той исторической правды о прошлом Украины-Руси, которая исказается украинской историографией и восстановление которой является целем “Неизвращенной Истории Украины-Руси”.

Принимая во внимание эту цель, как в I-ом, так и во II-ом то допущена и полемика, и, нередко, повторения. Сделано это сознательно, чтобы остановить внимание читателя на том, что подлеж проверке и исследованию и что нужно запомнить.

Андрей Дикий.

РОССИЙСКАЯ УКРАИНА В 19-М ВЕКЕ.

(“Великая Украина”)

Территория.

Исторические события второй половины 18 века привели к созданию к началу 19-го века Российской или, как часто ее называют, “Великой Украины”, в границах Российского государства. Кроме Левобережья (Гетманщины) в нее вошли: Слободская Украина, воссоединенное в 1793 г., Правобережье, а также, освоенные и заселенные к этому времени, степи Новороссии и земли Войска Запорожского.

Вся эта обширная и богатая территория была заселена, в подавляющем большинстве, украинцами или, по тогдашней терминологии, “малороссами”, с незначительным вкраплением других этнических групп (евреи, великороссы, поляки, сербы, греки, болгары, немцы), из которых самой многочисленной были евреи, рассеянные по всей территории, особенно густо в Правобережье.

Административно-политически вся эта территория, после кратковременного существования “наместничества” и “малороссийских” и “новороссийских” генерал-губернаторов, представляла собой восемь губерний Российской Империи: Черниговскую и Полтавскую — бывшая Гетманщина; Харьковскую — бывшая Слободщина; Екатеринославскую и Херсонскую — Новороссия; Киевскую, Волынскую и Подольскую — Правобережье. Кроме того, этнографически, можно отнести к Украине и северную часть Таврической губернии. Не мало было украинцев в пограничных уездах Бессарабии.

Все эти губернии имели административный и судебный аппарат точно такой же, как и остальные губернии России и подчинялись общим для всей России законам и правилам, кроме некоторых исключений: на территориях, бывших когда то в составе Вс. Кн. Литовского, оставались в силе некоторые нормы “Литовского Статута” (Черниговская и Полтавская губ.); ограничения права участия в органах местного самоуправления для католиков (поляков) в губерниях Правобережья и ограничения для евреев (по признаку религиозному, а не расовому: с отказом от иудейской религиипадали все ограничения).

Права населения.

Основная масса населения, украинцы-малороссы, никаким ограничениям не подлежали и были во всех отношениях равноправны со всем остальным населением России, заполняя собою не только все органы местного самоуправления, но и общероссийский административный аппарат, до самых высоких должностей Империи включительно.

Язык административных учреждений и суда был русский, что не вызывало никаких затруднений и конфликтов. Без всяких переводчиков, население и представители администрации, (в большинстве, местные уроженцы) отлично понимали друг друга. В то время, как в других областях России, где было не-великорусское население, при судах и учреждениях существовали переводчики, на Украине таковых не было.

В, исключительных тогда, учебных заведениях преподавание велось на литературном русском языке, заменившем в начале 19-го века старый "книжный" язык, который, как уже упоминалось, был весьма близок один другому и в Великороссии и на Украине — Руси.

Участие в общегосударственной жизни.

Твердо включившаяся в жизнь всей России, начиная с 19 века, Украина жила жизнью общероссийской и ее история в 19 веке является частью истории всероссийской.

Вместе со всей Россией она развивалась и защищала общую родину; вместе с ней вела войны, изгоняла вторженцев, переживала и хорошее и плохое, неизбежное в жизни каждого государства.

Когда пришла первая проба крепости совместной жизни во времена вторжения французов в 1812 г., Украина так же грудью стала на защиту общей родины, как и вся Россия. Бывшая старшина и их потомки, превратившиеся к тому времени в помещиков и потомственных дворян Российской Империи, так же энергично принимали участие в формировании ополчений в помощь регулярной армии, как и помещики великороссийские. Народ охотно шел в эти ополчения, ибо распространялись слухи, что Наполеон идет в союзе с поляками и католиками, память о власти которых еще была свежа в народной памяти.

Общеизвестно, что отец украинского литературного языка — Котляревский, не только был одним из инициаторов формирования добровольцев Полтавской губернии, но и возглавил один из полков.

По инициативе украинских помещиков было тогда сформировано несколько "малороссийских казачьих полков", при полной поддержке тогдашнего генерал-губернатора кн. Ренинина. Командиром 5-го каз. полка был Котляровский. В связи с этим, распространялись слухи о восстановлении Гетманства и о том, что гетманом будет кн. Ренинин, близкий родственник последнего гетмана Разумовского.

Однако, слухи эти не подтвердились и после Отечественной войны казачьи полки были расформированы. Сепаратисты голословно утверждают, что казаки-добровольцы были "ссыпаны на Кавказ"; сохранившиеся же исторические документы свидетельствуют, что большинство их вернулось по домам и только незначительная часть, по собственному желанию, переселилась на Северный Кавказ в области, где незадолго до этого, было расселено Кубанское Казачье Войско — потомки запорожцев.

В частности, Котляревский, комавдир полка, не только не "ссыпался", а получил награду за свою деятельность, как и многие другие участники формирования казачьих полков.

Сохранилось не мало данных — разных мемуаров — о попытках агентов Наполеона внести разложение среди населения Украины и привлечь его на сторону французов. Инициаторами и исполнителями этого были поляки, помещики Правобережья. Но, все их попытки были бесплодны.

Народные массы в поляках-католиках видели своих исконных врагов, а потому не хотели и слушать их пропаганды. Не больше успеха имела пропаганда и среди помещиков, потомков войсковой старшины. Известен случай, когда такой агент появился в одном из "поворотов" (уездов) Левобережья и обратился к "маршалу шляхетства" (так тогда назывались предводители дворянства), потомку старой старшинской семьи, с сыновьями которого он учился в Харьковском Университете. Выслушан он был внимательно и "сочувственно" и ему было сказано, что этот вопрос надо обсудить совместно с соседями-помещиками, которые для этого вскоре приедут.

Когда помещики — все украинцы — собрались и поляк изложил им план создания независимой Украины при помощи французов, хозяин кликнул конюхов и агитатор тут же, в господском доме, был жестоко вышорот, а затем связан и отправлен в город для передачи полиции.

Подробности этого события, изложенного в "рапорте" предводителя дворянства, оглашенном на "поворотов" собрании "шляхетства", до революции 17-го г. можно было прочитать в докумен-

так, хранившихся в архиве "Дворянской Опеки" Конотопского уезда Черниговской губернии.

Был ли этот случай единичным — сведений не имеется. Но что он был типичным для настроений украинского высшего слоя, можно утверждать с достоверностью, ибо нигде не найдено никаких доказательств, что хотя бы маленькие группы или даже единицы из многомиллионного населения Украины-Малороссии поддались на подобные уговоры и стали на сторону Наполеона, как это сделали поляки.

В 1831 году, в ожидании большой войны с Турцией, было также, как и в 1812 г. сформировано несколько казачьих полков из казачьих добровольцев, но воевать им не пришлось, т. к. до большой войны не дошло.

В дальнейшем никаких территориальных (национальных) военных формирований среди населения Украины-Малороссии не происходило и оно отбывало воинскую повинность на общих основаниях с остальным населением России.

Вместе с ним вело оно Крымскую войну 1854-6 гг., Турецкую 1877-8 гг., Японскую 1904-5 г. и первую мировую войну, занимая в Российской армии различные должности, до высших командных включительно, ибо для украинцев никаких ограничений не существовало. Унаследованная же, надо полагать, от предков, поколениями боровшихся с поляками и татарами, склонность к военному делу, выдвигала непропорционально высокий процент украинцев на командные должности, что отмечают русские военные историки.

Не меньший успех, имели украинцы и на гражданской службе в Российской Империи. Уже во времена Екатерины среди высших сановников Империи мы видим украинцев: Безбородко, Трощинского и других. Ближайший советник и друг Александра I-го был Коцубей. Описывая, хорошо ему известное, как современному, положение украинцев в общероссийской администрации в начале 19-го века, известный писатель И. Котляревский, устами простого казака Михаила говорит: "вот загляни в столицу, в одну и другую, за загляни в Сенат, да на министров, да тогда и говори, годятся ли куда наши или нет!" ("Москаль-Чаривнык"). Эту отповедь Михаил дал солдату, который сказал: "хочлы никуда не годятся"...

А в конце 19-го века Толстой подтверждал слова Михаила, рассказывал, как в Петербурге "все департаменты переполнены малороссами".

Вряд ли, нечто подобное можно было увидеть в Австрии и в начале, и в конце 19-го века.

Крестьянство.

Но, наряду с равноправием и возможностью участвовать в государственном аппарате России, открывавшим широкую дорогу представителям высшего сословия, пришла и одинаковость социальных взаимоотношений Украины с таковыми во всей России, от чего пострадали народные массы.

Достигшее в России к концу 18-го века высшей точки своего развития, крепостничество не могло не оказать влияния на социальные взаимоотношения на Украине, тем более, что к усилению крепостничества, как упомянуто выше, стремились и сами украинские высшие классы. Уже в начале 19-го века широкие массы сельского населения в смысле тяжести крепостного права ни чем не отличались от великорусских крестьян. А на Правобережье, где сохранилось много из крепостнической практики Польши, положение крепостных было еще тяжелее чем в Великороссии. Счастливое исключение представляли собою казаки Левобережья, не знавшие крепостного права, да некоторые категории сельского населения, усиленно заселявшейся тогда, Новороссии.

Жестокий опыт "военных поселений" Аракчеева одинаково тернили государственные крестьяне и Новгородской губернии, и окрестностей Чугуева. Однаково переносили и тяжесть 25-летней военной службы и великороссы, и украинцы-малороссы.

Социальный порядок на всей Украине-Малороссии к началу 19-го века, как уже говорилось, в основном, соответствовал социальному порядку в остальной России. Около 7% всего населения жило городах (чиновники, торговцы, ремесленники); а основную массу составляло сельское население (93%), которое делилось на: помещиков (меньше 1%) и на людей физического сельско-хозяйственного труда. Эта последняя категория, в свою очередь, делилась на: "частновладельческих" крепостных крестьян, "государственных", крестьян и казаков. Распределение их в разных частях Украины было весьма различно. Различно было и их положение.

Наиболее тяжелым было положение "частновладельческих" крестьян, всецело зависевших от произвола помещиков. По данным 1860 г., собранным при подготовке ликвидации крепостного права, на всей Украине было 5.400.000 крепостных, при общем населении в

13 миллионов. Крепостные эти распределялись следующим образом: Правобережье — 3 миллиона, или 58% всего населения. Левобережье — 1,7 миллиона, или 35% населения, Южная Украина — 690 тысяч или — 25% населения. В среднем же процент крепостных на всей Украине равнялся 40%.

В то время как в Великороссии этот процент был неизмеримо выше, доходя в некоторых уездах до 100%.

Как видно из приведенных цифр, наиболее "крепостническим" было Правобережное. Оно же являлось и той частью Украины, где положение сельского населения было наиболее тяжелым. Помещики там были исключительно полки, которые смотрели на своих православных крестьян, как на бесправных рабов и соответственно с этим с ними обращались. Царское правительство стояло на страже существующего социального порядка и всемерно его поддерживало. Всем помещикам были даны права и привилегии российского дворянства, долго еще были оставлены в силе некоторые польские законы, к которым они привыкли, а в судах — польский язык.

Не лучше было и положение "государственных" крестьян Правобережья, особенно в первые десятилетия после воссоединения. Имена, принадлежавшие раньше Польскому государству, стали собственностью России, разумеется, с жившими там крестьянами. Они сдавались в аренду арендаторам — "посессорам", которые их безжалостно эксплуатировали. Таких "государственных" крестьян из Правобережья было 22% всего сельского населения. Вместе с 58% частновладельческих крестьян, они составляли 80% всего земельного населения и были в положении полурабов.

Только в 1839 г. была отменена система сдачи в аренду имений с государственными крестьянами, которые взамен были обложены денежной повинностью.

Свободных казаков на Правобережье не было вообще, т. к. Польша успела всех закрепостить.

На Левобережье положение было несколько лучше. Там, частновладельческих крестьян было всего около 35%, а всю остальную массу сельского населения составляли или казаки или государственные крестьяне, которые никаких аренд не знали и платили налоги деньгами.

Еще лучше было положение сельского населения в Южной Украине — Новороссии. Крестьяни-крепостных там было всего 25% сельского населения, а, благодаря огромным площадям свободных земель, жили они гораздо лучше чем в других частях Украины.

Реформа 1861 г. (ликвидация крепостного права) стерла все раз-

личия между отдельными категориями земледельч. населения и превратила его в, одинаковую в правах и обязанностях, массу. Масса эта, разумеется, не была однородна в социальном отношении и в ней, наряду с казаками-собственниками десятков, а иногда и сотен десятия, были и крестьяне малоземельные или почти безземельные, дававшие рабочую силу, как в крупных сельско-хозяйственных предприятиях капиталистического типа, имениях, так и в, быстро растущих, фабрично заводских предприятиях.

Во всем остальном, социальная структура Украины, изменилась точно так же, как и в остальной России, причем развитие капиталистических предприятий на Украине шло еще быстрее, чем в остальной России.

Сахарная и винокуренная промышленность, разработка руд и угля, мукомольное дело, огромные количества зерна для вывоза — все это привлекало все новые и новые капиталы и постепенно превращало Украину из края исключительно сельско-хозяйственного, с экстенсивной культурой в богатую область с быстро растущей индустрией и самыми интенсивными в России формами сельского хозяйства.

Национально-культурная деятельность.

Процесс политического, социального и культурного слияния воссоединенной Украины-Руси не угасил у

ее населения любви к родному языку, родной истории. Ощущая себя органической частью России (а не насильственно присоединенной, как утверждают шовинисты-сепаратисты) оно гармонически сочетало свой, украинский, патриотизм с патриотизмом общероссийским. Любило и ценило свою Украину, и общую родину — Россию.

И, начиная с конца 18-го века, на Украине-Малороссии, появляется литература на украинском языке и наблюдается повышенный интерес к прошлому Украины, наряду с участием в обще-российской культурной жизни.

И. Котляревский пишет на прекрасном народном языке свою "Энеиду", имевшую огромный успех и выдержавшую несколько изданий (первое — в 1798 г. в Петербурге). Появляются в печати и на сцене его пьесы "Наташка-Полтавка" и "Москаль Чаривнык", которые не сходят с репертуара украинских театров и по сей день. Одновременно, как упомянуто выше, Котляревский активно участвует в культурной жизни общероссийской и в обороне России от французской армии в 1812 г.

В. Нарежный своими историческими романами, знакомит с прошлым Украины и пробуждает к нему интерес. Писал он на русском языке, для того, чтобы их читала "вся Россия", как он говорил.

Г. Квитка-Основьяненко приобретает широкую известность своими произведениями, писанными частью на украинском, частью на русском языках.

П. Артемовский-Гулак и Е. Гребинка, рядом произведений на украинском и русском языках, свидетельствуют, как о свободе развития украинской культуры, так и о ее связи с культурой общероссийской.

Во второй четверти 19-го века общероссийскую известность приобретает Гоголь, писавший по русски, и талантливый Шевченко, писавший частью по русски, частью по украински.

Создаются постоянные украинские театры: в 1805 г. — в Киеве; в 1804 г. — в Одессе; в 1810 г. — в Полтаве; в 1812 г. — в Харькове и в 1826 г. — в Нежине.

Бавтым-Каменский печатает свою "Историю Малой России", за несколько лет выдержавшую три издания.

Срезневский издает в 3 частях ценный исторический труд "Запорожская старина".

В 1840-41 году Максимович печатает две книги исторического сборника "Киевлянин", в котором главное внимание уделено доказательству вековечного исторического единства всех "русских" (великороссов, украинцев, белоруссов).

Не мало появляется в этот период (первая половина 19 века), книг, посвященных украинскому фольклору. В 1819 г. Цертслев, выпускает "Опыт собирания старинных малороссийских песен"; в 1836 г. выходят "Малороссийские и Червонорусские думы и песни", собранные Лукашевичем; известный историк Костомаров печатает в 1827 г. "Малороссийские песни", в 1834 г. — "Украинские народные песни", в 1849 г. — "Сборник украинских песен".

Ряд журналов и альманахов этого периода печатаются или вперемежку на украинском и русском языке, или только на русском, но на украинские темы.

1816-19 гг. в Харькове выходит "Украинский Вестник". В 1816 г. в Харькове же — юмористический журнал "Харьковский Демократ", а в 1824-25 г.г. — "Украинский журнал"; в 1831 г. — "Украинский альманах".

В 1838 и 1841 гг., Срезневский, выпустил в Харькове и Мо-

ские, два сборника — “Украинский Сборник” (ч. 1 — в Харькове, ч. 2. — в Москве).

В 1841 г. в Харькове, выходит альманах “Сноп” (Сніп); а в 1843-44 гг. четыре книги альманаха “Молодик” (первые три в Харькове, последняя в Петербурге).

В 1841 г. под редакцией Е. Гребинки и при ближайшем участии писателя — историка П. Кулиша выходит альманах “Ластівка”.

Из приведенного выше, далеко не полного, перечия, проявлений украинской культурной деятельности первой половины 19-го века, с несомненностью вытекает, что она (вопреки утверждениям шовинистов-сепаратистов) существовала и Российское правительство ей не препятствовало. Не надо забывать, что в ту эпоху вся печать была под строгой правительственной цензурой.

Так как в задачу настоящего труда не входит подробное изложение проявления этой деятельности, мы ограничиваемся только приведением исторических данных о ее существовании.

Что же касается ее чисто политических настроений и устремлений, почти всегда неразрывно связанных со всякой культурной деятельностью, то о них высказал свое авторитетное мнение, известный украинский писатель, галичанин Иван Франко. В своем труде “Русь.-Українська Література” (Черновцы, 1898 г.) на стр. 12, он говорит следующее: “не думая о политическом сепаратизме от России, наоборот, ощущая себя ее частью, видя в ее силе, также и свою силу, а в ее развитии — свое развитие, они, одновременно понимали, что, именно, в интересах этого развития и этой силы, есть удовлетворение духовных потреб украинского народа на его родном языке”.

Что же в это время было в той части Украины-Руси, которая еще не была воссоединена с Россией? Ответим на это словами идеолога украинского сепаратизма проф. М. Грушевского. В своей “Истории Украины” он пишет: “В западной части Украины все покрыла Польша: польское и ополяченное дворянство, более богатое мещанство и даже высшее духовенство (униатское) были ополячены и польскими глазами смотрели на прошлое и настоящее своего народа” (стр. 477).

К это правдивой картине культурной жизни части Украины-Руси, остававшейся вне России, следует прибавить, как относилась Австрия и ополяченные высшие классы Галиции к попыткам проявления национально-культурной деятельности населения. Когда группа галичан захотела, по примеру Российской Украины, издать свой альманах и отпечатала таковой в Будапеште, в 1837 г.,

назавши его "Русалка Днестровая", он был немедленно конфискован, а инициатор издания — Шашкевич подвергся преследованиям.

**

Обзор культурной деятельности и настроений на Украине-Малороссии был бы не полным, если бы обойти молчанием "Историю Руссов" и ее тенденции.

История Руссов.

На рубеже 18 и 19-го веков появилась книга анонимного автора под названием "История Руссов или Малой России". Весьма далекая от исторической действительности, в романтическо-фантастических красках рисовала она прошлое Украины-Руси и более похожа на роман, чем на научный труд. Казаки, по словам автора, это особый народ, ничего общего не имеющий с другими народами.

Все они безумно храбры, честны, благородны, полны всех возможных достоинств и не имеющие ни одного недостатка. И вот этот особый народ, имевший свои "вольности и привилегии", в результате сложившихся обстоятельств, должен подчиняться общим для всей России порядкам. А потомки их вождей вместо того, чтобы быть казацкими гетманами и предводителями и носиться с саблей по полям брани, превратились в "гречесеев"...

Написана книга горячо, с пылом—вероятно автор обладал не малым поэтическим даром. Но, исторически, она настолько неправдоподобна, что даже Грушевский говорит, что она "фантастична".

Тем не менее, "История Руссов" в 20-х и 30-х гг. 19-го века приобрела большую известность и ее охотно читали, изнывавшие от скуки и безделия, в своих имениях потомки казацкой старшины, "малороссийские помещики", в особенности те, которым не удалось сделать карьеру и которые, благодаря этому, вынуждены были сидеть в глухих селах.

В начале автором "Истории Руссов" считали известного архиепископа Конисского, но позднейшие исследования, с большой степенью вероятности, утверждают, что "Историю Руссов" написал помещик Роменского уезда Полтавской губернии Григорий Полетика с сыном, при участии полтавского помещика Калиниста. Любопытно, что оба предполагаемые авторы или соавторы, не украинцы, а греки по происхождению. Возможно, что это просто совпадение.

дение, а можно допустить и то, что свойственное греческому народу, мифотворчество, повлияло на характер книги. Не будучи рядом поколений связанными с жизнью народа Украины-Руси, появившись на ней в 18 веке, когда бурный и жертвенный период ее истории уже закончился, не выйдя из широких народных масс, им трудно было быть выражителями настроений народа. Поэтому и книга их похожа больше на миф, создавать которые были такие мастера их предки — греки.

Тем не менее миф этот, облеченный в форму научного труда и названный “История Руссов”, произвел не малое впечатление на невзыскательных читателей, главным образом, — “малороссийских помещиков”. В достоверности сообщаемых сведений о прошлом разбираться они не могли, а читать о том, что они — потомки “высшей расы” — благородного “казацкого народа”, им было приятно. Некоторые из них, поверивши в это фантастическое прошлое, начинали мечтать и о возможности это прошлое восстановить в будущем. И здесь, можно предполагать, надо искать первые зародыши сепаратизма политического.

Не безинтересно тут обратить внимание и на то обстоятельство, как действовало чтение “Истории Руссов” на разные категории читателей. Одни, люди образованные и осведомленные, понимали, что это поэтический миф и, как таковой, его воспринимали, не делая из него выводов политических, сепаратистского направления.

Например, высокообразованные: Гоголь, Серебрянский, Костомаров и др., которые читали и знали “Историю Руссов”, не пришли к сепаратизму, а, наоборот, недвусмысленно стояли на позициях единства Руси и даже всего славянства.

Людей же без подготовки или увлекающиеся наивностью “История Руссов” толкала если не на пути, то на мечтания о политическом сепаратизме.

Как описывает Шевченко, настольной книгой одного мелкого “малороссийского помещика” и, при том единственной, которую он вообще читал, была “История Руссов”. Читая ее, он в мечтах переживал славное прошлое своих казацких предков, перенося эти мечты и на будущее.

Не избег влияния этой книги и сам Шевченко, называвший ее “Летописью Коинисского”, ибо в то время, было распространено мнение, что ее автор — известный архиепископ Г. Коинисский. Фантастические картины прошлого увлекли Шевченка, что и отразилось в некоторых его произведениях, хотя, как известно, полити-

ческим сепаратистом Шевченко не был. Идея единства общей родины и необходимости ее защищать недвусмысленно выражены в ряде его произведений. Мог ли политический сепаратист написать то, что Шевченко написал по поводу вторжения французов в 1812 году? А написал он следующее: "Как жертва всесожжения, всыхнула святая Белокаменная, и из конца в конец по всему царству, раздался клич, чтобы выходили и стар и млад заливать вражеской кровью великий пожар московский. Достиг этот судорожный клич и до пределов нашей мирной Украины. Зашевелилась она, моя родная маты; зашевелилось охочекомонное и охоченшее ополчение малороссийское" ... (Повесть "Близнецы").

Так писал Шевченко, который настроения и устремления своего народа знал лучше, чем выпущенные новинисты-сепаратисты, называющие себя его почитателями и непозволительно и непочтительно искажающие взгляд Шевченко на единство Руси.

В общем же, "История Руссов", несмотря на произведенное, на многих впечатление, яя их политические взгляды и устремления не повлияла и никакого политического сепаратизма не вызвала.

Малороссийско-украинская же национально-культурная деятельность, всю первую половину 19-го века, беспрепятственно развивалась, разумеется, в рамках общей свободы, которая тогда была ограничена в одинаковой мере для всех народов России. Никаких специальных ограничений для украинско-малороссийской деятельности не было.

Волна революций 1848 г. и предреволюционные настроения конца 40-х гг. в Европе вызвали огромные изменения и в украинско-малороссийской национально-культурной деятельности, как в России, так и в находящейся под властью Австрии, части Украины-Руси.

В Австрии (до 1848 г.) правительство, в своей политике в Галиции, делало ставку на поляков, игнорируя интересы большинства населения — русских-украинцев. Во время революции поляки, в основном, были на ее стороне. Забитое же бесправное крестьянское население отчетливо стало против революции, в защиту "цисара", как они называли австрийского императора. Не разбираясь в политических программах, целях и задачах революции, галицкие крестьяне рассуждали так: пана за революцию — следовательно, она для них полезна; а, что полезно и хорошо панам — то плохо хлонам; потому мы за "цисара". Австрия, эти настроения учла и после подавления революции изменила свою по-

литику в Галиции: вначале поддерживать "рутенов", как официально называлось русское население, что привело, сначала к возникновению украинской (тогда ее называли "русской") национально-культурной деятельности, а впоследствии, с ее усилением и развитием, к ее использованию в общей политике Австрии и ее подготовке к столкновению с Россией. (Более подробно о жизни под Австро-ией изложено в соответствующей главе).

Кирилло-Мефодиевское Братство.

В России же откликом революционных настроений Европы конца 40-х гг. были настроения, вылившиеся в формы организационные и приведшие к созданию "кружка Петрашевцев", в Петербурге (за участие в котором был приговорен к смерти Достоевский) и "Кирилло-Мефодиевского Братства", в Киеве, состоявшего, преимущественно, из уроженцев Украины и активных участников ее национально-культурной деятельности. Как известно, за участие в "Братстве" был сослан в солдаты Шевченко, с запрещением что либо писать или рисовать.

"Кирилло-Мефодиевское Братство" объединило около сотни людей, далеко не одинаковых взглядов и устремлений. На его левом крыле находились пылкие сторонники самых радикальных решений, к каковым можно причислить Шевченка и Белозерского, но большинство, с Костромаровым во главе, по словам Грушевского, были "умеренные патриоты, романтики национальности, настроенные гуманно, приязненно к народным массам, но не склонные к тактике резкой и насилиственной" (Ист. Укр. стр. 495).

Каковы же были цели "Братства", его конечные устремления?

На этот вопрос, лучше всего ответить словами представителей левого, т. е. наиболее радикального крыла "Братства" — Шевченка и Белозерского.

Шевченко пишет, что "Братство" "ставило целью освобождение славянских народов, в том числе и украинского, и создания из них славянской федерации".

Белозерский говорит подробнее: "ясно, что отдельное существование Украины невозможно: она будет между несколькими огнями, будет под давлением и может подпасть горшем доле чем та, которую претерпели поляки. Единственный способ для возвращения прав, приицпятый разумом и одобренный сердцем, лежит в объединении славянских племен в одну семью"... а дальше он пишет,

что члены Братства "должны искоренять всякое недоброжелательство между племенами и ширить воспоминания, которые вызывают понимание народности и братства". (Обе выдержки цитируются по Грушевскому). Таковы были крайние требования, программа-максимум, "братчиков" в секторе национальном, т. е. в вопросе государственного украинско-русского единства. Программаминимум, большинства, была неизмеримо скромнее и дальше сентиментально-романтических мечтаний о славянском братстве и желаний беспрепятственного продолжения украинской культурной самодеятельности, не выходящей за рамки дозволенного, не шла.

Зато, гораздо радикальнее, была программа "Братства" в области социальных взаимоотношений и гражданских свобод. Требования ликвидации крепостничества и произвола администрации и уравнения всех в правах и обязанностях, участия в самоуправлении было общим настроением у всех членов Братства. Требования эти не были специфически украинскими, а общими для всей культурной, прогрессивной части высшего слоя, тогдашей России.

Надо полагать, что именно эта вторая, политическая часть, программы "Братства", а не его украинофильство, вызвало репрессии со стороны режима. Члены братства, которое, фактически, еще не только не приступило к активной пропаганде, но даже не успело и организационно оформиться, были арестованы и получили разные сроки ссылки в разные места. Большинство отделалось сравнительно легко: годом-двумя высылки в губернии внутренней России. Только Шевченко получил суворое наказание — был сдан в солдаты, в глухой гарнизон Средней Азии. (У него нашли стихотворение, оскорбительное для Императрицы).

С разгромом Кирилло-Мефодиевского Братства, всякая национально-культурная деятельность замерла и наступил период более чем десятилетней реакции, продолжавшейся до конца 50-х годов.

Петербургский период украинской культуры. деятельности.

политическая "оттепель". Даже наиболее тяжело наказанный член братства — Шевченко, был возвращен из ссылки. И с конца 50-х гг. украинская национально-культурная самодеятельность возрождается вновь. На этот раз ее центром является уже не Харьков и

Только после Крымской войны, доблестной для армии, в которой одинаково боролись все народы России и которая выявила недостатки режима, началась

Г. Квятка-
Основьяненко

И. Котляревский

П. Гулак-
Артемовский

МАЛОРОССІЙСКАЯ
ЕНЕИДА
ВЪ ТРЕХъ ЧАСТІХъ

Съ прієздомъ
актнаго Малороссійскаго театра въ
дергахъ въ земли, таинъ и веселы
именихъ другъ.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ,

Энейда

ЛАСТОВКА.

Сочиненіе
на Малороссійскому языке.

К. І. Грибінка, Е. Гулак-Артемовський,
І. Котляревський, В. Борисовъ, А. Каневъ,
І. Кочубея, В. Неструевъ, А. Некрасовъ,
І. Шевченко, С. Шевченко и інші.

ВОЛОСТИ И РАЗНОСТИ.
Новоіома народнаго малороссійскаго
языка, письмоград, сказаний, студен-
ческіи и смѣлы.

Составлено Е. Грибінкою.

С ПЕТЕРБУРГА
Издав. Елизаветинъ Наслед. Издатель.

1840.

Листовка

КОБЗАРЬ

Т. ШЕВЧЕНКА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

Кобзарь

Е. Гребінка

Т. Шевченко

Н. Костомаров.

Украинские национально-культурные деятели
первой половины 19-го века
(Российская Украина).

Киев, а Петербург, куда постепенно собралось не мало бывших членов Кирилло-Мефодиевского Братства, а также и новых молодых сия.

Начинают переиздаваться украинские писатели первой половины 19-го века, появляются новые произведения, создается журнал "Основа", печатавшийся частично по украински, частично по русски. Старые "братчики" П. Кулиш и В. Белозерский готовят альманах "Хата", в чем принимает самое деятельное участие, вернувшись из ссылки, Шевченко и новая литературная сила — писательница Марко Вовчок.

Великороссия по происхождению, дочь орловского помещика Вилинского, она вышла замуж за, высланного в Орел, члена "Братства" А. Марковича, черниговского помещика, который, будучи на положении высланного, работал тогда в канцелярии Орловского губернатора. Вернувшись с мужем на Украину, она увлеклась украинским фольклором, а вскоре занялась писательством на украинском языке и заняла среди украинских писателей того времени первое место.

Петербургская группа украинских деятелей не была организационно оформлена, хотя она и была в то время весьма деятельной. Они попросту группировались около редакций и издательств и вели свою культурную работу. Политически-социальные устремления, которые были так сильны в Кирилло-Мефодиевском Братстве, здесь почти полностью отсутствуют. Предреформенные настроения и мероприятия правительства, ишедшего по пути широких реформ, освобождение крестьян, подготовка к введению земств и судебной реформы, создавали впечатление, что значительная часть социально-политической программы "Братства" осуществляется самим правительством.

Поэтому главный упор был на культурную деятельность вообще и на легализацию малороссийского языка, в частности.

Русская общественность относилась весьма сочувственно к этой деятельности и всячески ее поддерживала. Так, например, "Петербургский Комитет Грамотности", в 1862 г., обратился к правительству с просьбой "разрешить преподавание на малороссийском языке в начальных школах Украины", а в прилагаемом при прошении списке книг для школ больше половины было украинских. Это предложение вызвало горячую полемику об украинском (малороссийском) языке вообще, и о его пригодности в культурной жизни. В то время, как Кулиш, Костомаров и их единомышленники доказывали его возможность и нужность в культурном обиходе, очень

многие, украинцы по происхождению, это категорически отрицали, считая, что "общерусский" язык должен быть общим языком в культурной деятельности и великороссов, и малороссов-украинцев. В спор вмешались и поляки, которые, по словам Грушевского, "хотели подтянуть украинцев под свою старую историческую Польшу", от мысли восстановления которой, они не отказываются никогда. Как и всегда, в прошлом, "забота" поляков об украинцах, ни к чему хорошему не привела: противники украинского языка начали распространять слухи о тесном сотрудничестве сторонников украинского языка с поляками, которые тогда подняли восстание. Хотя теперь можно с полной уверенностью утверждать, что у украинцев, никаких связей с польскими повстанцами не было, тем не менее, слухи эти оказали свое действие и усилили позиции тех малороссов-украинцев, которые настаивали на "общерусском" языке и которых Грушевский презрительно называет "тоже малороссы", боясь это слово в кавычки.

Ограничения культ. деятельности.

В результате, министр Валуев, высказал свое (обязательное для всех) мнение по этому вопросу: "большинство

малороссиян весьма основательно доказывают, что никакого, особенного, малороссийского языка не было, нет и быть не может". Украинское же движение, по мнению Валуева, вызывают в своих целях поляки. В соответствии с этим, было приказано не допускать к печатанию на украинском языке никаких книг, кроме беллетристики. Таким образом было прекращено печатание всех книг, как научного содержания, так и книг, предназначенных для народа. Против этого протестовал тогдашний министр народного просвещения Головин, указывая, что нельзя запрещать книги, не входя в расмотрение их содержания, только из-за языка, на котором они написаны. Но его протесты остались бесплодны. Надо полагать, что не малое влияние на это, оказали те общие настроения которые тогда господствовали в "польском вопросе". Общеизвестно, что когда Герцай — идеолог прогрессивной русской интеллигенции, выступил на стороне поляков — от него многие из ее рядов отвернулись.

Мысль хотя бы о возможной связи украинского движения с польским восстанием или полезности движения для поляков, несомненно, оказала не малое влияние на запретительные меры русского правительства.

В результате, только начавшаяся развиваться культурная деятельность "украинофилов" остановилась и замерла.

А в Галиции в это время, как известно, Австрия, в своих целях, делала ставку на украинское движение и создавала возможность для его развития. Русские "украинофилы" потянулись туда. Как когда-то в 17 веке центр культуры Украины-Руси переместился из Львова на восток, в Киев, так, в конце 60-х гг. 19-го века, началось перемещение обратное. Создалось положение, когда "все были довольны". Довольно было недальновидное царское правительство тем, что "беспокойный" элемент сам уезжал за границу; довольна была Австрия, дальновидная политика которой, умело культивировала идеи украинского сепаратизма, понимая под ним, отгораживание от России всей Украины и присоединения ее к Галиции — все в границах Австро-Венгрии; относительно довольна были и "украинофилы" российской Украины, ибо, вместо арестов и ссылок за свою деятельность, они получали возможность ее развивать и продолжать в Австрии.

Но не все «украинофилы» потянулись в Австрию. В начале 70-х гг. была сделана еще одна попытка оживить украинскую культурную деятельность в пределах России.

**Ю.-З. Отдел
Геогр. Общ-ва.**

В начале 70-х гг. в Киеве собрались высококвалифицированные культурные силы. Историки — Костомаров, Антонович, Бец, Драгоманов; этнографы — Чубинский и Рудченко; языковеды — Житецкий и Михальчук; юрист-знаток права Юго-Западной Руси — Кистяковский и друг.. Они добились, в 1872 году, разрешения открыть в Киеве "Отдел Географического Общества", вокруг которого быстро сформировались украинские культурные силы.

В это же время, на смену писателям старшего поколения, появились новые силы: Нечуй-Левицкий, Мирный, Конисский, Старицкий и др. — бытописатели уже посткрепостнических времен.

В отличие от Кирилло-Мефодиевского Братства, конца 40-х гг., с его упором на литературу, направление «Юго-Западного Отдела Географического Общества», было, главн. образом, научное. Во всех его трудах красной нитью проходит стремление доказать и научно обосновать оправданность малороссов — украинцев тяготеть к развитию своей собственной, обособленной от русской (но не враждебной ей) культуры.

По существу, это были практики, разрабатывавшие и обосновы-

вавшие идеи Кирилло-Мефодиевского Братства и то не все, а их чисто культурный сектор. Вопросов социальных и политических они избегали и сторонились, будучи чистыми учеными и культурниками.

Социальные же и политические настроения того периода, "хождение в народ" — неповторимое проявление жертвенного служения народу — были одинаково типичны для всей России и одинаково привлекали пылкую молодежь всех народов. Малороссы-Украинцы не делали исключения, принимая участие в, так называемом "освободительном движении" (в широком смысле) того времени. Шли в него сыновья знатнейших украинских фамилий и нередко гибли. Как пример, можно привести Дмитрия Лизогуба, который, получивши от отца наследство, все отдал на революционную работу, в которой сам принимал участие и за которую был повешен. (Его брат, крупный полтавский помещик — при гетмане Скоропадском (в 1918 г.) был премьер министром). Таких примеров, правда, не всегда с таким концом, история революционного движения дает не мало. Редкая помещичья семья Украины не имела среди родственников "пострадавших за убеждения", как тогда говорили. Естественно, что при таких настроениях молодежи, научное культурничество Ю.-З. Геогр. Об-ва, ее не привлекало и она туда не шла. Да и сами культурники к этому не стремились, погрузившись в дела научные.

Чрезвычайно характерным для настроений интеллигенции Украины того времени является тот, совершенно неоспоримый, факт, что никогда и нигде в революционном общероссийском движении, не только не было создано отдельных украинских организаций или групп, но даже не было попыток к этому. Не свидетельствует ли это о настроениях общероссийских? Современные украинские шовинисты-сепаратисты старательно замалчивают этот факт, который противоречит их мифу о "национальном угнетении украинцев великими русскими". Ведь, если бы таковое было, то кто, как не пылкая молодежь первая бы пошла против него бороться и создавать свои, украинские, организации. Однако, как свидетельствуют факты, ничего в этом направлении не предпринималось, а молодежь шла в организации общероссийские. Голое "культурничество" ее не зажигало, а сентиментально-романтическое обожание прошлогошло в разрез с, господствовавшим тогда, материалистическим мирапониманием. Не надо забывать, что это было время "нигилизма", увлечения Чернышевским, Писаревым, Добролюбовым.

Ограничившись научным "культурничеством", Ю.-З. Отдел Геогр. Общества, далеко не был единодушен в своем взгляде на методы, значение и цели этого культурничества. Костомаров, в

прошлом один из идеологов Кирилло-Мефодиевского Братства, стоял на весьма умеренных позициях, продиктованных ему его огромной эрудицией и долгим жизненным опытом. За это Грушевский называет его "односторонним культурником" и обвиняет в "отречении от высших проявлений культуры", которую, по словам Грушевского, Костомаров признавал только для «домашнего употребления».

Диаметрально противоположной была точка зрения Антоновича, поляка по происхождению, который решительно отмежевывался от всего русского, не исключая и общероссийского "освободительного движения" иставил задачи полного отделения украинской культуры от русской, которое бы предопределило и политический сепаратизм (о последнем открыто не говорилось). Драгоманов, по словам того же Грушевского, "признавал общее и для украинцев универсальное значение великорусской литературы и культуры и резко выступал против переоценки национальной стороны украинского вопроса". Он стоял за тесное сотрудничество с общероссийским «освободительным движением» и главным и основным в украинском вопросе видел не его сентиментально-романтическую национальную сторону, а вопросы социальные. Драгоманову принадлежит формула: "космополитизм в целях -- национализм в формах и способах". Он же отчетливо высказался за федерацию, отрицая целесообразность и возможность существования Украины, как отдельного государства.

За короткий период своего существования (1872-5 гг.) Ю.З. Отд. Геогр. О-во проделал не малую научно-литературную работу, главным образом, в области фольклора, филологии и исторических наук. Но основного, с чего бы было логично начать историческую работу -- оценки самого фундамента Украинской Истории -- летописей и уже упомянутой "Истории Руссов", эта работа не коснулась. И уже после закрытия Общества Костомаров писал в 1882 г.: "во всех наших летописях надо идти руке беспристрастного и добросовестного критика". Слова эти относятся к украинским летописям Самонидца, Грабянки, Величко, Лукомского и к "Истории Руссов", и заслуживают особого внимания, ибо оказаны они крупнейшим украинским историком 19-го века и ставят под сомнение те источники, которые и до настоящего времени служат основанием украинской историографии.

Не так давно, например, сепаратистский профессор Оглоблин, в католической газете "Америка" (1946 г.) назвал "Историю Руссов", "шедевром украинской историографии". Другой же укра-

инский историк, Борщак, в своем труде, выпущенном на французском языке в 1949 г., приближаясь к истине, называет этот «шедевр» «легендой» и неопровергимо доказывает расхождения этой легенды с неоспоримо установленными фактами, разрушая тем самым весь фундамент нынешней сепаратистской украинской историографии. Разумеется, этот труд, “La legende historique de l’Ukraine, Istorija Rusov” на украинский язык не переведен и вряд ли сепаратисты когда либо это сделают.

Деликатно называвши легендой “Историю Руссов”, о которой еще Костомаров, сказал, что она “распространила ложные воззрения на прошлое Малороссии”, Борщак, эпизод за эпизодом, разоблачает ее утверждения, написанные явно тенденциозно и расходящиеся с исторической действительностью. Например, утверждение “И. Р.”, что “Галиция никогда оружием польским покорена не была”; или, что казаки — это потомки хазар, нечто вроде средневековых рыцарей, которые были правящим сословием Украины; или утверждения, что Украина никогда ни Литвой, ни Польшей завоевана не была, а соединялась с ними добровольно. Наряду с этим — вычищивание, преувеличения и обобщение самых незначительных эпизодов, с невыгодной стороны освещавших русско-украинские отношения. Для всякого культурного человека, который ознакомится с “Историей Руссов”, совершенно неоспоримо ясно, что это, просто, хотя и талантливо состряпанная, агитка, а не добросовестный исторический труд, за который его выдают сепаратисты. К сожалению, эта агитка до сих пор надлежащим образом не разоблачена и уже больше столетия вводит в заблуждение и держит в своем плечу не только рядовых читателей, но и людей, называющих себя “учеными”.

Почему ее в свое время не разоблачил до конца Костомаров и другие историки Географ. Общества, имея для этого все возможности, объявили трудно. Возможно, что они сознательно не хотели “тьмой низких истин” разбивать тот “возвышающий обман”, которым, талантливо написанная “История Руссов”, зажигала молодежь, будила в ней гордость славным прошлым и любовь к Украине. А, возможно также и то, что тут сказалось Галицийско-Австрийское влияние.

Для, создаваемого там, украинского сепаратизма было невыгодно разбивать миф о полной обособленности украинцев-малороссов от великороссов и об их враждебности в прошлом.

За деятельностью Ю.-З. Географ. Общества внимательно следили. Не столько правительство, сколько, главным образом, свои же малороссы-украинцы, противники украинской национально-куль-

турной деятельности вообще, сторонники полного слияния с великорусской культурой.

Непрерывная связь с Галицией, где открыто призывалось к отторжению всей Украины Российской и присоединение ее к Галиции для создания "Самостийной Украины" (в рамках Австро-Венгерской Монархии), конечно, не могла оставаться тайной. Посыпались доносы в Петербург с обвинениями, что за фасадом научно-культурной деятельности Ю.-З. Геогр. Об-ва скрывается деятельность чисто политическая, направленная против единства России.

К такого рода обвинениям, ни одно государство никогда не оставалось равнодушным и всегда вело борьбу за свое единство. Не осталось равнодушным и Российское Правительство. Была назначена ревизия деятельности Ю.-З. Геогр. Об-ва, после которой оно было закрыто, хотя никаких неоспоримых доказательств государственной измены, повидимому, обнаружено не было. Хотя Об-во и было закрыто, ни судебного процесса, ни даже административных репрессий по отношению к его членам не было, как, в свое время, против членов Кирилло-Мефодиевского Братства.

Новые ограничения.

Вслед за закрытием О-ва, вскоре был введен ряд ограничений для украинской культурной деятельности: на украинском (малороссийском) языке (по официальной терминологии — «наречии») было разрешено печатать только исторические памятники, а из новой литературы только произведения беллетристические (стихи, пьесы, повести, рассказы, романы), при этом по общероссийскому правописанию, а не по правилам новосоздаваемых «грамматик» (Кулеша, фонетических и др.). Украинские концерты, представления, доклады были, вообще воспрещены. В результате, украинская национально-культурная деятельность замерла.

Так кончился этот ее, третий по счету, период в течении 19-го века: первый — до ликвидации Кирилло-Мефодиевского Братства; второй — начала 60-х гг. ("Основа") и третий — Ю.-З. Отдел Географ. Общества.

Привели ли запретительные мероприятия российского правительства к желанным результатам?

То есть к исчезновению украинской национально-культурной деятельности и полному ее растворению в культуре обще-русской, к чему стремились инициаторы ограничительных меронпредприятий?

Уже ближайшие годы показали, что желаемая цель полностью

не была достигнута, хотя, внешне, и могло казаться, что все обстоит благополучно: почти совершенно исчезли книги на украинском языке, (кроме сравнительно бедной и далеко не первоклассной беллетристики); кончая школы и университеты на русском языке, молодежь, в подавляющем большинстве, все меньшие интересовалась вопросами украинской культуры, отдавая свои симпатии движению общероссийского характера; благодаря строгому контролю, почти совершенно, был прекращен доступ литературы из Галиции; ответы на то, единственное, что их интересовало — на вопросы социальные — находили они в движениях общероссийских. Гнета же, по признаку религиозному или притеснений из-за своей национальности (как это было во времена Польши) они не ощущали, по той причине, что их не было; ощущение равноправия и равности с великороссами не вызывали никаких сомнений.

Однако, при более внимательном рассмотрении, не трудно было увидеть, что далеко не все обстоит так благополучно, как могло показаться на первый взгляд.

Перенесение центра в Галицию.

Группа деятелей украинской культуры, недовольная ее ограничениями в России, перебрались за границу: часть

— в Галицию, часть — в Швейцарию, и начали развивать там свою деятельность. Драгоманов, писатели: Конисский, Нечуй, Кулеш и другие жили постоянно за границей, или подолгу там оставались, принимая самое активное участие в политической и культурной жизни Галиции, в которой в то время уже началась (при поддержке Австрии) борьба против традиционно-московофильских настроений широких народных масс и их тяготения к России, чего Австрия боялась.

Наличие эмигрантов из Российской Украины давало сепаратистической пропаганде в Галиции основания утверждать о «национальном угнетении» украинцев в России, а их резкие антисибирские выступления, эту пропаганду усиливали и подтверждали.

Таким образом в Галиции начал создаваться некий пропагандистский центр, направленный против единства России и требовавший отделения от нее Украины и в то же время боровшийся с очень сильными прорусскими настроениями в самой Галиции.

Для Австрии, разумеется, это было очень выгодно, и она всячески поддерживала это движение. Находило ли оно отклики на Великой Украине? Прежде всего — среди оставшихся там, быв-

ших деятелей украинской культуры? На этот вопрос Грушевский ясно и недвусмысленно отвечает, что "они пошли дальше в сторону культурничества, искали легальных для него путей и осуждали решную тактику, взятую против Российского правительства". (История Украины, стр. 521). То-есть, что значит, что австро-галицийская пропаганда вызывала осуждение, даже у испытанных борцов за свободу украинской культуры.

Настроенную радикально, молодежь тоже не могла увлечь идея верности австрийскому монарху и призыв к измене монарху российскому, которая сквозила из галицийской пропаганды; не могло ее увлечь и сколастическое украинское культурничество. И, те из них, которые желали бороться за свободу, шли в организации все-российские, не создавая своих, обособленных украинских.

Широкие же народные массы, как уже указано, интересовались (поскольку интересовались вообще) только вопросами социальными.

Говоря об этом периоде (последняя четверть 19-го века), Грушевский пишет: "наиболее живые и энергичные общественные элементы пренебрежительно покидали украинство, ибо оно казалось им каким то устаревшим романтизмом. Шли в российские партии, где была хоть видимость какой то более живой деятельности, смелые задачи и острый риск опасности, что всегда привлекает смелых, а не было всего этого в культурнико-кружках российского украинства" (Ист. Укр., стр. 521).

Тем не менее, украинская национально-культурная самодеятельность и в этот период не прекратилась, а, после некоторых послаблений и уменьшения ограничений, даже усилилась. В 1882-95 гг. в Киеве выходил толстый ежемесячный журнал "Киевская Старина", посвященный главным образом вопросам истории и этнографии Украины. Вокруг этого журнала группировались высококультурные силы тех, кого Грушевский, полупреизрительно, называет "культурниками" и "украинофилами".

Один из доживших до революции активных сотрудников "Киевской Старины" В. Н. Науменко, был расстрелян в 1919 году украинцами же (**«боротьбистами»**).

Вышло в этот период и несколько альманахов: "Луна", "Рада", "Нива". Были разрешены театральные представления на украинском языке. Украинский театр завоевывает широкие симпатии не только на Украине, но и во всей России.

Появляются произведения новых писателей: Коцюбинский, Гринченко, Самойленко и др., с темами, главным образом, из на-

родной жизни и, в общем, созвучными с настроениями русских писателей того времени.

Конечно, как и вся печать в России в то время, украинская печать была подцензурной и цензоры второго следили, чтобы в печати не пропагандировались галицийские сепаратистические настроения.

Но, несмотря на все старания правительства, из Галиции все же кое что проникало, как нелегальная литература, но особенного влияния на настроения Российской Украины она не оказывала. Только единицы интересовались тем, что шло из Галиции, а некоторые даже и материально поддерживали разные галицийские организации. Так, например, основанное еще в 1873 г. во Львове "Товариство імені Шевченка", после многих лет острого недостатка в средствах, смогло развернуть свою деятельность только в конце 80-х гг. в результате щедрого пожертвования одной черниговской богатой помещицы (Милорадович).

Под влиянием галицийского украинского полит. партии. ского движения, которое Грушевский называет "радикальным" (но духу оно было сепаратистским), к концу 90-х гг., все же появляются и на Великой Украине микроскопические ячейки созвучных настроений, преимущественно среди учащейся молодежи и, так называемой, «полуинтеллигенции». Они называют себя «украинцами», слово "малоросс" считают оскорбительным, а умеренных украинцев, презрительно, именуют "украинофилами". Никакой культурной деятельности эти "украинцы" развить не могли, по той простой причине, что не имели никаких культурных сил, каковые находились в рядах "украинофилов". Деятельность же политическая не могла развиться благодаря раздробленности на маленькие партийные группы—сколки партий общероссийских: были группики марксистские (разных фракций), были и группики пароднические (разных штенков). Не могли они сговориться ни на программах, ни на хотят бы общей тактике.

Ничего не вышло из попыток создать (в 1904 г.) "украинскую демократическую партию"; не вышло ничего и в 1905 г., когда эта партия была переименована в "радикально-демократическую".

Так же неудачно кончилась и попытка создания "Революционной Украинской Партии" (1900 г.), которая по замыслу должна была объединить левые элементы украинской общественности. С

таким же успехом, закончилась и попытка создать "Украинскую Радикальную Партию", народно-социалистического направления. Кое как удалось (в 1905 г.) сколотить малочисленную и анемичную "Украинскую социал-демократическую рабочую партию", которая ни чем себя не проявляла.

Несколько большее успеха имела попытка сорганизовать украинских автономистов, которые стояли на платформе автономии Украины, в пределах единого Российского Государства. Платформа эта оказалась приемлемой для многих и было основано "Товарищество Украинских Постененцев" (ТУП), которое тихо и мирно продремало до революции 1917 г.

Снятие ограничений украинской печати.

Все вышеизложенное, только значительно подробнее, было отлично известно

Российскому Правительству, которое в декабре 1904 г. в одном из своих заседаний занялось "украинским вопросом" и вынесло решение, что "украинское движение, как кажется, не содержит в себе сколько-нибудь серьезной опасности". Последствием этого решения было ослабление ограничений для украинской печати (в 1905 г.) и полная отмена всех ограничений (в апреле 1906 г.). "Принципиально, украинское печатное слово было сравнено с русским" — пишет, по этому поводу, Грушевский.

Появилось множество газет и журналов на украинском языке ("Хлібороб", "Рада", "Село", "Нова Громада", "Вільна Україна", «Літературно-Науковий Вістник» и много др.) Но, ... читателей не было или почти не было. Несмотря на все усилия и на крупные частные пожертвования органы печати не выдерживали долго и многие из них закрылись.

Из отчетов "Главного Управления по Делам Печати", за десятилетие перед первой мировой войной, видно, что тираж изданий на украинском языке был самым низким из всех не-русских печатных изданий. Даже микроскопическая Латвия, с населением около миллиона латышей, имела больший тираж своих газет, чем 35-миллионная Украина. Факт этот настолько известен и неоспорим, что его не решаются опровергать даже сепаратисты. Они только дают этому свое объяснение: будто бы российская администрация препятствовала распространению органов печати на украинском языке и рецессировала подписчиков этих изданий. Но ни одного документального доказательства своих голословных утверждений привести не могут.

Украинские печатные органы, по словам Грушевского (Ист. Укр. стр. 529), "не только запрещали выписывать служащим людям или наказывали за выписывание, но и просто приказывали почтам или сельским управам не выдавать адресатам в селах". Бросая это тяжелое обвинение Российскому Правительству, Грушевский не считал нужным привести доказательства, что бы он несомненно сделал, если бы эти доказательства существовали. Поэтому, с полным основанием, это обвинение можно назвать голословным и не доказанным. Это не означает, конечно, что отдельных безответственных действий против украинской печати не было, тем более, что по своему содержанию, она, в подавляющем большинстве, была оппозиционной и могла винить подозрение какому-нибудь мало разбирающемуся чиновнику. Но общих правительственный распоряжений о "запрещении выписывать", правительством же разрешенные, издания, о "наказании" за их выписывание и о распоряжении почтам "не вручать адресатам", конечно, не было, что отлично знал и Грушевский, бросая свое обвинение.

В те времена, если бы нечто подобное позволил себе какой-нибудь представитель администрации — поднялся бы шум на всю Россию, были бы запросы в Государственной Думе, протесты.

Возвращение центра в Киев. Оживление украинской культурной деятельности, в последнее десятилетие перед первой мировой войной, совпало с давлением поляков в Галиции на украинское движение.

Давление это было результатом конфликта между поляками, занимавшими высшие административные посты в Галиции, и той частью галичан, которые называли себя "украинцами". В течении ряда десятилетий они пользовались всемерной поддержкой австро-венгерской администрации в их борьбе с другой частью галичан — «москвофирами».

Во время же выборов в Галицийский Сейм в 1908 году галичане "украинцы" были лишены этой поддержки и из выборов выплыли настолько ослабленные, что все галицийские партии «украинского» направления вместе взятые едва смогли получить одну четверть депутатских мандатов в Сейм.

После этой выборной победы поляки дали это почувствовать галицким «украинцам» и начали урезывать их права.

Последствием было постепенное перемещение центра украинской культурной деятельности из Львова в Киев. Даже, один из ве-

дущих украинских органов "Літературно-Науковий Вістник", был перенесен из Львова в Киев, что является лучшим опровержением пропаганды шовинистов, что "украинская печать в России душилась". Ведь, если бы это было так, то украинцы не перенесли бы свой ведущий орган из Австрии в Россию.

**

Заканчивая краткий обзор 120-летней жизни "Великой Украины" в составе России (1793-1914 гг.), необходимо сказать несколько заключительных слов о некоторых моментах этого периода, создавших предпосылки для многих конфликтов в будущем.

Итоги.

При первом разделе Польши в 1772 г.,

Австрии удалось получить западную часть бывшего Киевского Государства — Галицию. (Восточную).

Свои претензии на Галицию Австрия обосновывала тем, что когда то, в 14-ике, венгерский король Людовик, племянник польского короля Казимира Великого, после его смерти короткое время был одновременно и королем Польши, к которой в момент смерти Казимира принадлежала и завоеванная им Галиция.

Польский король Станислав-Август (в 1772 г.) подписал акт об отторжении Галиции от Польши, назвавши это "ревидикацией", т. е. возвращением Австрии того, что ей по праву принадлежало.

Воспринимать этой "ревидикации" Россия (сама получившая по этому разделу Белоруссию) тогда не могла, ибо была занята войной с Турцией за выход на берега Черного моря и, в случае конфликта с Австрией и возможного ее выступления на стороне Турции, могла бы войну проиграть. Выход же на Черное море тогда был, конечно, гораздо важнее Галиции.

Но, если Россия не могла воссоединить Галицию в 1772 г., то сделать это после победы над Наполеоном, на Венском Конгрессе, перекраивавшем карту Европы, она и могла, и должна была, однако этого не сделала, а создала никому не нужное "Царство Польское", оставив под властью Австрии единокровную и единоверную Галицию, народ которой тяготел к России. Эта ошибка Александра 1-го была повторена в 1848 г. Николаем I, когда Россия спасла, уже было распавшуюся Австрию, вернула ее бежавшего императора и оставила под его властью Галицию, которая тогда никаких сепаратистов не знала и стремилась к воссоединению с Россией.

Российское правительство не поняло или не обратило долж-

ного внимания на стихийное стремление народных масс к воссоединению и отдало их Австрии. Интересы народные были подчинены идеи легитимного монархизма, которым руководствовалась Российская Империя, связавшая формально "Священным Союзом".

В результате же этих ошибок, Австрия получила возможность из рядов, так тяготевшего к России населения Галиции, создать кадры ее врагов и пропагандистов расчленения России.

За эти ошибки, впоследствии, было заплачено кровью, во время братоубийственной гражданской войны, вызванной пропагандой сепаратистов.

Не сделала Россия и попытку воспрепятствовать этой пропаганде, когда было еще возможно. В половине 19-го века, когда только еще начали зарождаться в Галиции шовинистическо-сепаратистские настроения, а подавляющее большинство народа занимало определенно прорусские, так называемые "москофильские" позиции, при поддержке из России, вероятно, можно было не допустить, чтобы эти шовинисты заняли к началу первой мировой войны все ключевые положения в Галицкой украинской политической и общественной жизни.

Хотя Грушевский и утверждает, что помощь России "москофилам" была весьма значительна, однако факты этого не подтверждают, а говорят, что помощь эта по сравнению с целью была мизерна. Сам Грушевский о ее размерах не говорит, а тот факт, что размеры этой помощи никогда не были опубликованы (после революции, когда стали доступны архивы) красноречиво говорит, что она была ничтожна.

Попытки сепаратистов -- "украинцев" борьбы с русофильскими настроениями в Галиции, путем обвинения их вождей в государственной измене, незорно провалилась.

На нескольких политических процессах, в предвоенные годы, обвинители не смогли своих обвинений доказать и для всякого объективного человека было ясно, что здесь вопрос идет о чисто идейном стремлении к воссоединению с братским русским народом, а не о деятельности "московских агентов и шпионов", как утверждали сепаратисты.

После провала на этих политических процессах, борьба с русофильскими настроениями велась другими методами: административно-полицейскими притеснениями и натравливанием "украинцев" на "московилов", при чем все насилия, совершаемые "украинцами", оставались безнаказанными.

Третьим ущущением российского правительства в "украинском

вопросе" надо считать, что оно не смогло (да и не пыталось) учесть пробуждающиеся национально-культурные стремления украинской интеллигенции и вместо того, чтобы направить ее по руслу общегосударственному, не всегда удачными и не всегда необходимыми, запретительными мероприятиями, толкало ее в оппозицию.

Тем не менее, несмотря на ошибки русского правительства и усилия немцев создать вражду между украинцами и русскими, лежащее в глубинах души народной ощущение единства и братства, понимание общности прошлого, настоящего и будущего победило. Никакого сепаратизма, по свидетельству самих сепаратистов, в Российской Малороссии (Украине) не было.

В Галиции же и Угорской Руси, несмотря на почти шестисотлетние усилия поляков, немцев, венгров и католической церкви, в народе не умерло сознание единства всей Руси и всегда было стремление к ее воссоединению.

Эта, граничащая с чудом, верность идеи народного единства у народа, лишенного интеллигенции, угнетаемого и притесняемого, свидетельствует о его огромной внутренней силе и является залогом, что никто и никогда не сможет разъединить триединую Русь — Великороссию, Малороссию — Украину и Белоруссию.

И, как "тяжкий млат, дробя стекло кует булат" так многочисленные удары млада истории не дробили, а крепили Русь, отбрасывая в мусорный ящик истории все то, что стояло на пути единства.

И когда началась первая мировая война, "Великая Украина" не пошла по пути измени общей родине — России, к которой ее призывали сознательные и несознательные немецкие агенты, а стала на ее защиту.

А широкие народные массы Галиции встретили, вступившую в 1914 г., российскую армию не как врагов и завоевателей, а как освободителей. И совершенно ничтожны численно оказались те, которых успели заразить немецкая провинистическо-сепаратистическая пропаганда и толкнуть в добровольческие отряды для защиты Австро-Венгерской монархии или на позорное сотрудничество с ее жандармерией, которая бесчеловечно расправлялась с «московофилами».

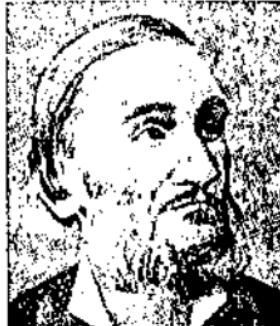
Ни австрийские добровольцы — "Украинские Сечевые Стрельцы", ни шпионы — доносители на своих братьев, не отравили настроения галичан. Мировая война и война Гражданская доказали это с предельной очевидностью.

М. Марко-Вовчок

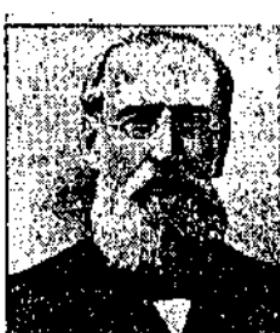
П. Кулиш

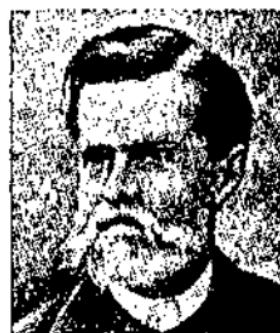
Л. Глебов

М. Старицкий

А. Мирный

И. Нечуй-Левицкий

М. Коцюбинский

Л. Косач

И. Табилович

Н. Лисенко

М. Заньковецкая

М. Крапивницкий

Украинские национально-культурные деятели
второй половины 19-го века
(Российская Украина)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Общероссийский патриотизм в начале войны.

Дни начала 1-ой Мировой Войны были днеми неповторимого патриотического подъема всех народов России, единодушно выступивших в защиту общей родины. В Петербурге мгновенно прекратились забастовки и рабочие, еще вчера выступавшие с красными флагами и революционными песнями, заменили их национальными флагами и гимном, а антиправительственные демонстрации превратились в патриотические манифестации и торжественном заседании Государственной Думы выступили одни за другим представители национальных групп с декларациями лояльности и поддержки обороны страны.

Не было только выступления украинцев по той простой причине, что в Думе не было, ни оформленной украинской группы, ни украинского парламентского клуба. Не потому, что это как-нибудь запрещалось, а потому, что отдельной украинской политической жизни тогда почти не было и депутаты-украинцы активно участвовали в работе общероссийских партий и фракций.

По словам бывшего самостийного украинского премьера И. Мазена, марксиста и сепаратиста, перед войной на Украине "почти не было заметно проявления какого либо широкого, массового национального движения"... "едва мерцал маленький огонек политической активной украинской интелигенции" ("Украина в огне и буре революции", стр. 8. И. Мазена.)

В той же книге Мазена, описывая деятельность наиболее активной из украинских политических партий «Спілка» (социалистско-марксистского направления) в предвоенные годы цитирует слова одного из ее идеологов, Тучанского:

"По моему мнению, жизнь украинского народа пересечур нерелиглась с жизнью русского народа; и не только политически и экономически, но и культурно" ... "Я готов был бы признать автономию Украины, если бы этого требовало национальное чувство украинского народа. Тогда бы это было требование пации. Но патриотическое чувство украинцев развито очень мало. Украинские крестьяне и украинский пролетариат не выступают с требованием автономии Украины" ... (стр. 9).

Таковы были требования самого левого, активного крыла украинской интеллигенции, если, может быть, и не всей, то значительной ее части, ибо за цитированные высказывания Тучапский из «Спілки» не был исключен.

Естественно, что в момент объявления войны украинцы, чувствуя себя органической частью России, никакой специфически украинской платформы в вопросе войны не занимали.

По словам другого украинского сепаратиста, Д. Дорошенко, не социалиста, на Украине «мобилизация проходила бодро, даже с некоторым подъемом, что захватило и интеллигенцию, которая пошла с народом» (Ист. Укр. Д. Дорошенко, стр. 4).

Советские историки в «Истории Украины С. С. Р.», на стр. 745, описывая начало войны, говорят о «шовинистическом чаде, который захватил не только мелкобуржуазные слои городского населения, но и части крестьянства и рабочих и привел их к участию в манифестациях для поддержки царского правительства».

Кроме приведенных свидетельств столь различных авторов, вынужденных признать патриотический подъем (в том числе и в Украине), сохранилась и декларация С. Петлюры от имени «сознательных украинцев». Об этой декларации Д. Дорошенко пишет: «Чтобы как то заполнить отсутствие украинской декларации в такой важный и торжественный момент (торжественное заседание Государственной Думы), а также, чтобы манифестиовать существование украинцев, паряду с другими народами Империи, редактор «Украинской Жизни» (в Москве) С. В. Петлюра, вместо очередной книги журнала, издал декларацию, так сказать, от имени организованных, сознательных украинцев». В этой декларации говорилось, что для украинцев есть лишь один выбор между Россией и Австро-Венгрией — выбор в пользу России и что, украинцы должны совестно и честно выполнить свои обязательства перед государством. Точно так же и киевская «Рада», напечатала передовую статью, что украинцы обязаны защищать российское государство (стр. 4-5 «Ист. Укр. Д. Дорошенко»).

Высказывая все приведенное, ни два украинских сепаратиста, ни советские авторы, не приводят ни одного случая выступлений против мобилизации, по мотивам украинского национализма, что они, конечно бы сделали, если бы таковые имели место.

Это дает нам право утверждать, что настроения Российской Малороссии-Украины в начале войны были настроениями полностью созвучными с патриотическими настроениями общероссийскими.

Не изменились эти настроения и во время войны, хотя прави-

тельство и предприняло ряд ограничительных мер для украинской печати, зная ее тесные связи с украинскими организациями в, вующей с Россией, Австрии и учитывая необыкновенную активность, которую развивали австрийские украинцы-сепаратисты, подстрекая солдат российской армии на государственную измену. Меры эти, были вызваны исключительно обстановкой военного времени (что сделало бы каждое государство), а отнюдь не были результатом желания России задавить украинскую культуру, как это, безосновательно и бездоказательно, утверждают сепаратисты.

Сепаратист. пропаганда из Австрии. Создание СВУ.

Чтобы создать видимость, что, про- пропаганду против России ведут не галичане, а выходцы с Великой Украина, уже через несколько дней после объявления войны, был создан из четырех эмигрантов "Союз Визволения Украины" (В. Дорошенко, Д. Донцов, М. Зализняк и А. Жук), который 4-го августа 1914 г. выпустил обращение к "Украинскому Народу в России" с призывом к измене России и сотрудничеству с Австрией. Вскоре, Союз (сокращенно СВУ) перебрался в Вену, где австрийский генеральный штаб предоставил ему самые широкие возможности для его деятельности, пополнивши его еще двумя членами: А. Скоропис-Йолтуховским и М. Меленевским.

Формально, СВУ был независимой эмигрантской организацией эмигрантов из Российской Украины, по существу же, он являлся послушным орудием австрийского генерального штаба, на изгнании которого и находился.

О целях и задачах СВУ сепаратистический историк Д. Дорошенко в своей "Истории Украины" (на стр. 31-33) говорит: "Союз Освобождения Украины взял на себя представительство интересов Великой Украины перед центральными государствами и, вообще, перед европейским миром"... «Формой правления Самостийной Украинской Державы должна быть конституционная монархия с внутренним демократическим строем и однопалатной законодательной системой»... "В случае присоединения к Австрии, большей или меньшей части территории Российской Украины, СВУ должен будет добиваться создания из всех земель, заселенных украинским народом в Австрии, отдельного автономного края".

Сказанное Д. Дорошенко длинно и туманно, можно изложить гораздо понятнее: СВУ, никем не выбранные и не уполномоченные "представители" Российской Украины хотят от нее оторвать

сколько удастся и, соединивши оторванную часть с Галицией, создать автономную украинскую монархию, в границах монархии Австро-Венгерской.

Не удивительно, что СВУ так горячо поддерживала Австралию и понятно почему к его деятельности относилась отрицательно Россия, не без основания подозревая в государственной измене всех тех, кто с СВУ был связан или ему симпатизирующих.

Пропаганда СВУ среди иностранцев.

Процессистическая деятельность СВУ была огромна — пишет Доронинко. В ряде стран СВУ имеет своих постоянных представителей: в Германии — Скоропис; в Турции — Меленевский; в Болгарии — Ганкевич; в Италии — Семенов; в Швейцарии — Чикаленко; в Скандинавских странах — Назарук. Они организовывают, не жалея средств, пропаганду за расчленение России: устраивают доклады, высчитывают в печати сами или инсценируют статьи местных журналистов, выпускают множество брошюр и книг на разных языках, в том числе и объемистый труд Грушевского — «История Украины». Регулярно издают журнал на немецком языке “Украинские Известия”. Австрийское правительство денег не жалеет и через своих дипломатических представителей в разных странах всячески содействует представителям СВУ, устраивая им встречи и беседы с ответственными политическими деятелями.

Один из членов СВУ, А. Жук, в своих воспоминаниях (стр. 375), сообщает об, устроенной в ноябре 1914 г., представителю СВУ — Меленевскому, аудиенции у турецкого министра Талаат-Бея, на которой он сказал: “Высокая Порта, точно так же, как кабинеты Берлинский и Венский, признает необходимость освобождения Украины от русского господства; когда Россия будет разбита, Оттоманское правительство поможет украинскому народу создать независимое государство”.

Пропаганда среди пленных.

Кроме пропаганды среди иностранцев, СВУ занялся пропагандой среди военно-пленных в лагерях, среди которых было до 400-500 тысяч украинцев из Украины-Малороссии.

Немцы создали особые лагеря с усиленным питанием и лучшими условиями жизни, куда в качестве “просветителей”-препа-

гандистов были направлены агенты СВУ из испытанных галицийских сепаратистов, которые для этой работы были Австрией освобождены от военной службы.

Успехи пропаганды сепаратизма среди украинцев-малороссов в лагерях оказались гораздо слабее, чем среди турок и немцев. Пленные ели повышенный паек (даже сало), слушали "просветителей", охотно пели украинские песни, но на измену общей родине-России так легко не попали. И когда в 1918 г. немцы приступили к формированию отдельных украинских частей, не для войны на фронте, а для немедленного возвращения на Украину, тогда уже оккупированную немцами, то из всей полумиллионной массы пленных украинцев не нашлось добровольцев больше, чем на две неполные дивизии. Были сформированы: дивизия "синегунаиников" и часть дивизии "серожунаиников" (называли их так по форме — синим и серым жупанам) и летом 1918 г. доставлены в Киев, но вскоре большинство дезертировало и разбежалось по домам.

Пропаганда СВУ на Росс. Украине.

На третьем секторе, своей деятельности — пропаганде, направленной на Российскую Украину и на разложение

российской армии, путем внесения в ее ряды межнациональной вражды, СВУ потерпел полное поражение. До самой революции 1917 г. во всей российской армии не было ни одного конфликта или проступка на этой почве.

Отсутствие этих конфликтов (а, если бы они были, то сепаратисты, конечно, бы их не замалчивали) красноречиво свидетельствует о настроениях украинцев в рядах российской армии.

Единственно, где СВУ мог похвальиться некоторым частичным успехом на Великой Украине — это среди незначительной группы украинских социалистов-шовинистов, состоявшей из зеленої молодежи и полуинтеллигентов. Вот, что пишет об этом Д. Доропиненко:

"Деятельность Союза Освобождения Украины спачала не нашла себе сочувствия среди украинской общественности в России. Центральный Комитет ТУП-а (Товарищество Укр. Поступовців), заслушавши, в ноябре 1914 г. от проф. М. Грушевского, приехавшего из Австрии, доклад о Союзе решил, что «Союз не имеет права выступать от имени Российской Украины». Но, постепенно, деятельность Союза все же приобретала себе некоторые симпатии на Российской Украине. В апреле 1915 г., в Киеве, состоялось совеща-

ние украинских деятелей социалистического направления, которое одобрило политическую позицию Союза и решило войти с ним в теснейший контакт. В результате этого решения, представитель этой группы деятелей, Евгений Галицкий дважды побывал за границей (в мае 1915 г. и зимой 1915-16 г.) и установил личный контакт с деятелями Союза". (Ист. Укр., стр. 36).

Это сообщение сепаратиста Дорошенко (в точности которого нет никаких оснований сомневаться) заслуживает особого внимания, ибо оно свидетельствует об отрицательном отношении культурной части украинской общественности, которая тогда группировалась в ТУЦ-е, к деятельности СВУ и подтверждает факт сношения группы социалистов, во время войны, с организаций, действующей по заданиям, на территории и в интересах противника.

Почему социалисты одобрили деятельность СВУ, имевшего целью изъять Украину из под власти правительства Монарха Российского и отдать под власть католического Монарха Австрийского, вид г. Дорошенко, ни многочисленные сепаратистские историки и мемуаристы не объясняют.

А то, что целью СВУ было отдать Украину под власть Габсбургов, неоспоримо вытекает из приведенной выше "платформы" СВУ, напечатанной в № 1 (5 окт. 1914 г.) его официального органа "Вестник Союза Освобождения Украины", выходившего в Вене, и вкратце изложенной Дорошенко на стр. 32 его "Ист. Украины".

Зная все изложение о деятельности СВУ с первых же дней войны и о его целях, не трудно, не только понять, но и оправдать ряд ограничительных мероприятий Российского Правительства, предпринятых по отношению к украинской печати. Не надо забывать, что подавляющее большинство этой печати было, или в руках, или под влиянием тех самых «деятелей социалистического направления», которые, во время войны, вступили в «теснейший контакт» с организацией, состоящей на содержании генер. штаба Австрии.

Можно только удивляться, что действия этих деятелей не привели к обвинению в государственной измене и суду по законам военного времени, что, несомненно, было бы сделано в любом государстве, даже самом демократическом.

И обвинения сепаратистов в удушении российским правительством украинской культурной деятельности и печати, в свете приведенных выше фактов, не только теряют всякую убедительность, но звучат как сознательное искажение истины в пропагандных целях.

Здесь уместно будет вспомнить, что эти самые деятели, когда пришли к власти, в декабре 1918 г., сделали правительственные распоряжение гласящее: "пропаганда федерализма карается по законам военного времени".

**

Деление населения Галиции на "Украинцев" и "Москофилов".

лагеря, на которые, в последние десятилетия перед войной, разделялись жители Галиции, испокон века называвшие себя до этого разделения "русскими" (с одним "с").

Одни, переименовав себя в "украинцев", стояли на приведенной выше платформе СВУ, были верноподанными Австрийского Монарха и отрицали свою общность и единокровность с русскими. В своих целях, Австрия всемерно поддерживала это течение.

Другие, называли себя "русскими", признавали единство с русскими и стремились к воссоединению с Россией вековечной мечте всей Галиции до появления, в половине 19-го века, "украинского" течения. Руссофилы называли "украинцев" "мазепинцами", а "украинцы" — русофилов — "москофилами". В годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, борьба "мазепинцев" с "москофилами" была чрезвычайно ожесточенной и сопровождалась насилиями и убийствами. При весьма активной поддержке австрийских властей, "мазепинцам" к началу войны удалось захватить ключевые позиции в политической и культурной жизни Галиции.

Но это не значит, что "москофильство" было убито и ликвидировано — оно только было приведено в молчание. (Более подробно о политических группировках в Западной Украине, их, целях и борьбе наложено в отдельной главе).

В то время, как настроение населения Российской Украины, как показало выше, к началу войны было общероссийско-натриотическим, этого далеко нельзя сказать о настроении в Австрийской Украине. В архивах бывшей Австро-Венгрии сохранились донесения администрации о настроениях населения. Так, например, начальник Ужанской жупы (области), в августе 1914 года, доносит: "Среди украинского населения заметно движение. Везде проявля-

Западной, в первые месяцы войны, почти всю Галицию, Россия нашла ее население разделенным на два, не-примиримо враждующих между собою,

ются симпатии к русским. Надеются на их приход. По этому поводу открыто выражается радость" (Ист. Укр., С.С.Р. стр. 750). Грушевский в своей "Истории Украины", на стр. 536, пишет: "по словам одного высокого чиновника, разницы между "украинцем" и "московофилом" столько же, сколько между евреем и израэлитом".

Вступившая в Галицию российская армия, конечно, была осведомлена о разных течениях и, естественно, сотрудничала и покровительствовала "московофилам", а не своим врагам — "украинцам", которые с первых дней войны проявили себя, как австро-германские "сверхпатриоты", навербовали для борьбы за своего "царя" отряд добровольцев ("сечевых стрельцов") и активно участвовали в репрессиях австро-германской администрации против "московофилов". Не мало друзей России — галичан попало в тюрьмы, на виселицы или были заколоты штыками жандармов по доносам "мазепинцев".

Кого было в Галиции больше, "московофилов" или "украинцев", установить нет возможности. Каждая сторона считала себя большинством и выступала от имени населения всей Галиции. "Украинцы", как доказательство своего большинства, приводили тот факт, что к началу войны все ключевые позиции в общественно-политических организациях были в их руках; "московофилы" же утверждали, что эти позиции захвачены "мазепинцами" против воли большинства, исключительно благодаря насилиям и давлению австро-германских властей, поддерживавших "украинцев". Провести же отчетливую границу между одними и другими было не легко.

Если руководители каждого из двух течений и выступали открыто, то широкие народные массы свои подлинные настроения боялись выявлять, опасаясь репрессий, как со стороны противников, так и со стороны власти. Многовековая жизнь под чужеземным игом приучила народ скрывать свои подлинные чувства и симпатии.

Ценным документом о настроениях населения Галиции, в первое время войны и о наличии симпатий к России, является высказывание сепаратиста Д. Дорошенко, который об этом пишет: "Несчастьем украинского народа в Австро-Венгрии было то, что он в своих национальных взглядах, а благодаря этому и в политической ориентации, был разделен на две части: одна, большая часть, хотела жить и развиваться, как отдельный украинский народ, добиваясь для себя полноты национальных и государственных прав в границах Австро-Венгерского государства; в конфликте Австрии и России она лояльно стала на сторону первой и надеялась, с помощью Австрии, освободить из под московского ярма, если не всю, то хотя бы часть Великой Украины.

Но была и другая часть галицко-украинских граждан, меньшая, которая считала себя не украинцами, а "русскими", свое спасение видела в России и в борьбе двух соседних государств склонялась на сторону России. Это были, так называемые, "московофилы", которые имели своих сторонников не только среди интеллигентии, но и среди крестьян. Часть руководителей москофильского направления уже пакануне войны бежала в Россию, чтобы оттуда с победоносным российским войском вступить в Галицию и "освободить" ее из под "австрийского ярма". Но масса обычных людей москофильского направления, активно себя не выявила и свои симпатии сберегала в душе, чтобы выявить их тогда, когда станет ясно на чьей стороне победа" (История Украины, стр. 24).

Репрессии Австрии.

Симпатии эти, конечно, были отлично известны австрийской жандармерии, имевшей множество добровольных доносчиков и шпионов из рядов противников "московофилов" — "украинцев", которые этими способами вели борьбу со своими идеяными противниками. И уже с первых дней войны начались не просто репрессии, а дикие и бесчеловечные расправы с "московофилами" или подозреваемыми в "москофильстве".

Так, например, по ложному доносу (впоследствии признанному и самим судом ложным) 30 сентября 1914 г. в Мукачеве были повешены: священник, писарь и крестьянин; 15 сентября того же года на улице Перемышля были заколоты штыками 40 человек арестованных интеллигентов и крестьян; в селе Скоморохи, около Соколя, было заколото и повешено 25 человек.. Примеров таких можно привести множество. Кроме убийств и повешений, многие тысячи были отправлены в концентрационные лагеря, вглубь Австрии, где, благодаря печеловеческому режиму, большинство погибло. Так расправлялись шовинисты — "украинцы", идеальные предтечи нынешних эмигрантских "самостийников" (на родине их нет) с политически с ними несогласными.

Не будучи в состоянии опровергнуть эти, документально удостоверенные, факты, сепаратистские историки и мемуаристы сваливают всю вину на венгров и, голословно, утверждают, что репрессиям подвергались и "украинцы". Однако, ни одного случая, в котором бы жертвой репрессий явился какой-либо хотя сколько нибудь заметный "украинец", привести не могут. По той, надо думать, причине, что их вообще не было. Желая, хоть несколько смяг-

чить эти, ничем неопровергимые факты, сепаратист Д. Дорошенко и другие авторы пытаются убедить читателя, что "московофилы" в деле долесов и наускивания, не только не отстали от "украинцев", но их превзошли. Однако, ни одного конкретного случая убийств или повешений за австрофильство не приводит, чем делает бездоказательным свои обвинения. Делал же неудачную попытку обелить "украинцев", Дорошенко невольно должен был признать что "безусловно, были случаи, что представители разных политических взглядов среди одного и того же народа, сводя свои политические, а иногда и личные счеты, или на позорные доносы и измывание"... (Ист. Укр., стр. 25).

По словам сепаратистов, их представители предпринимали шаги перед австрийским правительством с просьбой прекратить репрессии, но безрезультатно. Однако, несмотря на свою «неудачу», самого тесного, и при том совершенно добровольного сотрудничества с австрийским правительством не прекращали: добровольцы — "сечевые стрельцы" сражались в рядах австрийской армии, под командой Григория Коссака; "Головна Рада", в которой были представлены все "украинские" партии (конечно, кроме "московофилов") бежали из Галиции в Вену и всячески поддерживала правительство; Парламентский Клуб (тоже без "московофилов") послушно одобрял все начинания власти; бесчисленные агитаторы — "просветители" вели пропаганду в лагерях восхищенных за Австрию. Словом, все силы галицких "украинцев" добровольно были мобилизованы на поддержку Австро-Монархии и они не скучились на выражение своих верноподданнических чувств, которые каждый, кому не лень, может найти в многочисленных изданиях "украинцев" в годы войны.

Зная все это, возникает сомнение, как об искренности протестов против репрессий, так и о их твердости и категоричности. Ведь каждому ясно, что ни одна, уважающая себя, организация не будет добровольно сотрудничать с тем правительством, которое ждет штыками, венает и садит в тюрьмы и концлагеря певинных людей, но одному только подозрению.

Эвакуация галичан в Россию. Понимая это, сепаратистическая историография, не задерживается много над зверствами над частью населения Галиции со стороны австро-украинцев, говорит о них вскользь или вообще замалчивает, а главный упор делает на высылки вглубь России открыто враждебных

или сомнительных элементов (из рядов "украинцев"), которые, действительно, в интересах безопасности тыла, производили русские оккупационные власти, никого не убивая и не вешая. Причем эти высылки раздувают до невероятных размеров и снабжают совершенно фантастическими подробностями, конечно, без каких бы то ни было доказательств. Характерным примером такой злочамерской клеветы, рассчитанной на создание вражды у украинцев к русским, может служить следующее сообщение: "мне самому рассказывал очевидец, врач из Москвы, как, принимавши такие "беженские" (собственно выселеческие) поезда, он видел товарищие вагоны, набитые только детьми, которые поголовно вымерли или походили с ума" Давая такое сообщение, имя врача не приводится. Написал его, в своем "научном труде" профессор М. Грушевский; в своей "Иллюстрированной Истории Украины", вышедшей осенью 1917 г., в Киеве (стр. 539).

Так как за все время войны никогда ничего подобного в действительности не было, сообщение это вызвало бурю возмущения. Ряд, находившихся тогда в Киеве, деятелей Красного Креста и лиц, принимавших участие в эвакуации населения Галиции в 1915 г., коллективно обратились во все киевские газеты с письмом в редакцию, в котором опроверглась клевета и ставилось Грушевскому требование или неопровергнуто доказать свое сообщение или опровергнуть его в печати, как сделанное на основании ложных данных.

Но...ни одна газета не решилась напечатать это письмо, ибо тогда в Киеве уже была власть "демократической" и "свободной" Самостийной Украины.

Тогда это письмо было послано лично Грушевскому и Министру Юстиции, которого просили указать, как бороться с клеветой. Оба письма остались без ответа.

Из приведенного выше, самого краткого и беглого обзора положения в Галиции, которая, почти целиком была занята российской армией, в первые месяцы войны, видно, в каком трудном положении очутился административный аппарат в "освобожденной" (по мнению "москофилов") или "завоеванной" (по утверждении "украинцев") Галиции.

Русская Армия в Галиции. Зная настроения населения Галиции, исходя из исторических прав России на Галицию, как отторгнутую часть Киевского Государства, и учи-

тывая исконное стремление ее населения к воссоединению с братской Россией, Главнокомандующий Российской Армией, Вел. Кн. Николай Николаевич, 18-го августа 1914 г. выпустил следующее обращение к населению Галиции:

“РУССКОМУ НАРОДУ”.

Братья! Творится Суд Божий! Терпеливо, с христианским смиренiem, в течении веков, томился русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы. Как бурный поток рвет камни, чтобы ситься с морем, так нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению.

Да не будет больше Подъяремной Руси! Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла и князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузят стяг единой и неразделимой России. Да свершится Промысел Божий, благословивший дело великих собирателей земли Русской. Да поможет Господь царственному своему помазаннику, Императору Николаю Александровичу всея России, завершить дело Великого Князя Ивана Калиты. А ты, многострадальная братская Русь, встань на сретение русской рати. Освобождаемые русские братья! Всем вам найдется место на лоне Матери — России. Не обижая мирных людей, какой бы ни были они народности, не полагая своего счастья на притеснение иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца к Богу, с молитвой за Россию и за русского царя”.

Николай”.

Содержание обращения определяло политику России в Галиции — и было совершенно естественно и логично, что ставка делалась на друзей России — “москофилов”, а не на ее врагов — “украинцев”-“мазепинцев”.

Сепаратисты обвиняют русские оккупационные власти в запрещении “украинской” печати и общественно-политических организаций, но не уточняют, что под “украинскими” они понимают только все то, что принадлежало к “украинскому” политическому сектору, а своих же галичан — “москофилов” они не признавали “украинцами”. Поэтому, когда они говорят об ограничениях или запрещениях “украинской” печати и организаций, они говорят правду. Действительно, русские власти относились далеко неодобрительно к агрессивно-антирусской деятельности “украинской” части галичан. Но, вероятно, точно также поступили бы ок-

купационные власти, в военное время, любого государства, против определенно враждебного ему политического течения, да еще при наличии другого политического течения — дружественного.

Второе обвинение сепаратистов — это массовое перемещение галичан вглубь России. Этого никто и не отрицал. Действительно, многие десятки тысяч галичан, в течении 1914-15 гг. оказались в России, но далеко не по тем причинам, которые приводят сепаратисты, утверждая, что это была массовая депортация враждебного России населения. На самом деле перемещение галичан вглубь России происходило по другим причинам.

Эвакуация в Россию

В первые 9-10 месяцев войны русские власти высыпали из Галиции вглубь

России всего несколько тысяч полити-

чески - активных галицийских "украинцев", не успевших бежать с австрийцами. Они считали небезопасным оставлять их в прифронтовой полосе и ближайшем тылу, не без основания, опасаясь возможности шпионажа и актов саботажа, зная их агрессивно-анти-русские настроения и шовинистический фанатизм. Мера, обычная в военное время.

Главную же массу перемещенных галичан составляли те, кто летом 1915 г., при отступлении русской армии, бежали, опасаясь зверской расправы наступавших австрийцев и, сопровождавших австрийцев, своих же галицийских "украинцев".

Бежали целые села, главным образом, старики с женщиными и детьми, т. к. мужчины, более молодые, находились в австрийской армии. Это были, или "москвофилы" или те, кто поддерживал дружелюбные отношения с солдатами русской армии. Сами себя они называли «руськими» или «русинами» и пуще огня боялись своих земляков — галицких "украинцев".

Отвезли их вовсе не в Сибирь, а разместили большинство в Европейской России, значительную часть в Левобережной Украине: губерниях Черниговской и Полтавской. Все они получали пособие, достаточное, чтобы существовать, не голодая и не холода. Те из них, которые были работоспособны и хотели работать, работали, получая заработную плату, наравне с местным населением, что не отражалось на получении правительенного пособия. Все без исключения сахарные и винокуренные заводы, крупные имения и фабрично-заводские предприятия принимали и размещали этих беженцев целыми группами, доходящими иногда до нескольких сот душ. Конечно, им не легко было привыкнуть к новой обстановке, тяжело было мириться с утратой имущества, но положение их

всех не было такое невыносимое, каким его теперь представляют сепаратисты.

Как известно, даже идеолог "украинства" — Грушевский, после кратковременного пребывания в городах восточной Европейской России, жил и спокойно работал в Москве. Но этому уже можно судить, как относилось Российское Правительство, даже, к своим открытым противникам.

И сепаратисты, бросая России голословные обвинения в плохом обращении с эвакуированными галичанами, нигде и никогда не привели ни одного конкретного случая каких либо насилий над ними. Потому что, как правило, их не было. Не надо забывать, что правительство считало их своими, русскими.

Осенью 1915-го г., все эвакуации галичан были закончены, т. к. прекратилось отступление российской армии и они спокойно дождались конца войны в тех местах, куда попали.

**

Отступлением 1915 г., при котором была очищена почти вся Галиция, занятая было в первые месяцы войны, закончился короткий период воссоединенного существования Российской Украины-Малороссии и Галиции. Хотя этот период и был очень коротким, тем не менее он является очень показательным.

Прежде всего потому, что наглядно доказал, что ощущение народного единства со всей Русью у населения Западной Украины-Руси не умерло, несмотря на многие столетия раздельной жизни. Репорты австрийских губернаторов и прорусские настроения, слова Грушевского, что "разница между украинцем и москофилом, такая же, как между евреем и изарелитом", братание населения Галиции с солдатами российской армии, наконец, бегство передозвращавшейся австрийской армией — все это факты совершенно неоспоримые. И они гораздо убедительнее сепаратистической пропаганды о "вечновечной вражде" украинцев к чужим и чуждым "москалям".

Интересен этот период еще и потому, что он наглядно показал с какой легкостью рассеивалось все, насильственное насилие и привитое за время польско-католическо-немецкого владычества. Сепаратисты обвиняют Россию в "насильственной русификации" в занятых областях Галиции, совершившо замалчивая тот факт, что этой "руссификации" настоятельно добивались сами галичане- "москофилы", и что та "руссификация", по существу, была возвра-

щением к тем временам, когда еще не была, из соображений чисто политических, проведена "украинизация" культурной жизни Галиции, когда, национально пробудившаяся, Галицкая Русь стремилась к общерусской культуре и воссоединению с Россией.

Деятельность русского административного аппарата в Галиции была далеко не безупречна. Было сделано не мало промахов и грубых ошибок отдельными представителями этой администрации, очутившимися в незнакомой обстановке и не достаточно в ней разбиравшимися. Это признается и многими русскими мемуаристами, как, например, иртотпресвитером Шавельским, открыто признающим ошибки администрации в области церковной жизни. Были, несомненно, ошибки и в других областях жизни. Эти ошибки раздувались и служили основанием для пропаганды.

Но общее направление деятельности администрации исходило из установки, что Галиция — исконная русская земля, не "завоеванная", а "освобожденная", а ее население — свои, русские люди. Поэтому и та деятельность, которую сепаратисты называют "насильственной russификацией", администрация рассматривала, как ликвидацию следов польско - католическо - немецкого влияния и результатов руссоенавистнической пропаганды верных Австрии, шовинистов - "украинцев". Хотя народные массы и были чужды руссоенавистничества, однако эта пропаганда оставила свои следы.

Возможно, что эту ликвидацию надо было проводить более тонко, медленными темпами, осторожнее. Но нельзя отрицать, что неизбежность ее, логически вытекала из общероссийских национальных концепций, которых придерживалась также и "московофильски" настроенная часть населения Галиции.

И вряд ли было бы логично и целесообразно, если бы администрация стала на путь поддержки не "московофилов", стоявших на общероссийских позициях, а непавицников России и пропагандистов ее расчленения — "украинцев".

Уместно будет здесь вспомнить то, как несколько лет спустя, после крушения Австро-Венгрии, под короной которой проектировалась Самостийная Украина, и неудачных попыток создать независимую Западную Украину или объединенную "Соборную Украину", сотни галицкой интеллигенции "украинского", т. е. шовинистическо-сепаратистического антирусского направления попросили принять их в Россию — СССР и поступили на службу к большевикам, которым служили так же преданно и верно, как в свое время, своему "цисару" — императору Австро-Венгрии.

Перемена настроений

С затяжкой войны, начали меняться
и настроения ее первых дней и ме-

сяцев, как на фронте, так и в тылу. Начались неудачи на фронте, которые привели к тому, что, в течение весенних и летних месяцев 1915-го г., неприятель не только отбросил армию из Галиции, но и занял огромную территорию Российской Империи с многомиллионным населением.

Чуть не еженедельно, в июле-августе, неприятель занимал крепости или крупные города. В начале августа под угрозой оказался даже Киев. Правительство начало эвакуировать ряд учреждений (например, университет в Саратов), а население охватили настроения, близкие к паническим и оно стало выезжать на восток.

Россия волновалась и искала причину этих неуспехов. Скрыть ее было невозможно, ибо все видели, что причиной неудач было то, что царское правительство не подготовило для ведения войны нужного количества вооружения и снабжения. Не хватало снарядов и патронов, не справлялись со своей задачей ни госпиталя, ни интенданты. Армия доблестно отбивалась, но была бессильна что либо сделать перед, отлично вооруженным и снабженным, противником. К тому же лучшие, кадровые, части ее состава были брошены в бой в самом начале войны и, в значительной степени, были перебиты или изранены и вышли из строя. Тяжесть продолжения войны легла на запасных, людей не молодых, и на прапорщиков, которых непрерывно выпускали, вскоре организованные "школы прапорщиков" за 4 месяца, делая из студента или гимназиста офицера.

Беспрерывные мобилизации (к концу войны было мобилизовано 16 миллионов) давали огромное количество солдат, но их качество и пригодность оставляли желать многого. Из-за недостатка винтовок, обучение солдат, которыми были заполнены все города, нередко велись с деревянными палками.

Началось дезертирство, которое все усиливалось по мере продолжения войны.

Против режима росло и ширилось недовольство, поползли слухи об измене. Авторитет царя и династии стремительно падал. Близость к царской семье развратного проходимца, невежественного сибирского конокрада Распутина, этому падению не мало способствовала и вызывала резко отрицательное отношение к царской семье, даже среди ее ближайших родственников, не говоря уже о широких кругах российской общественности, не только левой, но и определенно монархической.

Так как в России, несмотря на существование Парламента — Государственной Думы — всех министров назначал и сменил царь по своему усмотрению, не считаясь с желаниями Думы, то недовольство направлялось не на правительство, как в других странах, а лично на носителя неограниченной власти — царя.

Летом 1915 г., когда отступление армии уже было приостановлено, император Николай II-ой сменил очень популярного Верховного Главнокомандующего, своего дядю, Вел. Кн. Николая Николаевича и сам провозгласил себя Верховным Главнокомандующим, несмотря на просьбы и уговоры министров этого не делать. Из каких соображений он это сделал — неизвестно.

Надо полагать, что он искренно верил словам царедворцев о “безграничной любви и преданности народа” и о своей популярности в армии и надеялся поднять ее дух под своим личным командованием.

Однако смена Главного Командования обстановки не изменила и на дух армии не подействовала. Слад настроений и веры в конечную победу продолжался.

Роль общественности

Спасать положение бросилась общественность, хотя она и находилась в резкой оппозиции к режиму. Были созданы “Военно-Промышленные Комитеты” из представителей промышленности и общественности, которые провели мобилизацию промышленности для целей войны. Наряду с ними, были созданы из представителей самоуправлений — земских и городских — “Земский Союз” и “Городской Союз”, которые с исключительной энергией занялись организацией госпиталей и санитарным обслуживанием армии, как на фронте, так и в тылу.

Видя свое бессильие самостоятельно справиться с делом вооружения, снабжения и санитарно-медицинского обслуживания армии, Правительствошло на сотрудничество с этими учреждениями и открыло им нужные кредиты, предоставив возможность самой широкой инициативы при выполнении поставленных задач, даже оставивши от мобилизации сотрудников этих учреждений.

Дало закипело — и уже к половине 1916 г. результаты его начали сказываться. Кроме того понемногу начали прибывать и заказанное за границей вооружение.

Это дало возможность в мае 1916 г. предпринять наступление довольно крупного масштаба. На одном из участков Юго-Западного фронта группа войск, под командой ген. Брусилова, прорвала фронт и нанесла австрийцам крупное поражение, взявши много

мленных и отбивши значительную, захваченную австрийцами, территорию. Но наступление быстро выдохлось и армия опять перешла к позиционной войне. Выдохлась потому, что было начато преждевременно, не закончив полностью подготовки для большой операции. Начато же было по требованию союзников для приостановки наступления Германии и Австро-Венгрии во Франции и Италии.

На турецком фронте тоже были достигнуты крупные успехи: была взята сильная крепость Эрзерум, а передовые казачьи отряды пробились в долину Тигра и Ефрата — нынешний Ирак, — что сильно обеспокоило англичан, считавших эти районы своими сферами влияния и саботировавших совместные операции против Турции в этом районе. Они опасались, что русские после победы не так легко уйдут из этих областей.

Начало общего разложения Однако, несмотря на эти успехи, не- сколько поднявшее дух армии, общее настроение в стране заставляло желать лучшего. Народ устал от войны. 16 миллионов людей были оторваны от хозяйственной жизни, особенно в деревне (работавшие в промышленности, связанный с обороной, были от военной службы освобождены), что не могло не сказатьсь на снабжении продовольствием, в котором начал ощущаться недостаток, равно как и в ширпотребе, ибо индустрия работала прежде всего на войну.

Конфликт общественности с Правительством расширялся и углублялся. Дни патриотического подъема начала войны и всеобщего единения давно прошли и заменились взаимным недоверием Правительства и организованной общественности. Даже в Государственной Думе, где подавляющее большинство депутатов были монархисты, господствовали антиправительственные настроения. Критика церковной власти находила так далеко, что переплеталась с подозрениями в измене и тайных спонсированиях с венциателем.

Монархист (лидер "конституционно-демократической" партии) Милюков с думской трибуны произнес речь против правительства, закончив ее словами: "что это? — глупость или измена?"... Хотя речь эта и была запрещена цензурой, она стала широко известна во всей стране и, конечно, духа последней не подняла. Попытки ряда лиц, в том числе и родственников Императора, добиться примирения с общественностью разбивались о нежелание Николая II устранить влияние Распутина и назначить министрами лиц, пользующихся доверием Думы, которая, как сказано выше, была монархическая настроена и вполне бы этим удовлетворилась.

Неудача этих попыток объяснялась влиянием Императрицы —

немки (принцессы Гессенской) па доброродного, но безвольного Николая II. По стране ползли слухи о государственной измене, свившей себе гнездо в царском дворце и ближайшем окружении Императора. Вспоминалось, что не только царица - немка, но и вся династия по крови немецкая, что во время войны с немцами было крайне неопублично.

Впоследствии, неопровергнуто доказано, что никакой измены не было, но тогда, в обстановке войны, слухи эти действовали разлагающие и подрывали окончательно авторитет не только царя, но и всей династии.

Видя все это, один из родственников Императора, Вел. Кн. Дмитрий Павлович, совместно с лидером монархистов — членом Гос. Думы Чуришевичем в декабре 1916 г., убили Распутина, надеясь, что с его устранением обстановка изменится к лучшему.

Но их надежды не оправдались. Убийство Распутина только озлобило Императрицу и политический курс не только не пошел по пути примирения с общественностью, но занял к ней определенно враждебные позиции, несмотря на то, что эта общественность, в подавляющем большинстве, была монархической.

Тогда, как известно из многочисленных мемуаров, среди членов императорской фамилии и высших сановников появилась мысль спасти положение отстранением Императрицы и заточением ее в монастырь.

Но, дальше разговоров дело не пошло и ничего конкретного предпринято не было. И в начале 17-го года страна и правительство были два противоположных и враждебных лагеря.

Однако, несмотря на свое резко отрицательное отношение к Правительству и отдельным министрам, общественность не покладая рук работала на дело обороны страны и снабжение армии, лояльно сотрудничая в этом деле с Правительством, которое тоже старалось сделать, что могло и как умело. Отказать ему в этом и обвинить в саботаже дела обороны нельзя.

В результате, к началу 17-го года армия была и вооружена и снабжена, что давало основание надеяться на успешное наступление и победоносное окончание войны.

Но и дух и состав армии, и настроение страны были не те, что в начале войны. И когда, в феврале (по старому стилю) в Петрограде вспыхнули беспорядки на почве недостатка продовольствия, войска Петроградского гарнизона, вышли из повиновения Правительству, а, носивший в начале чисто местный характер солдатский бунт, с молниеносной быстрой распространился по всей Импе-

рии, превратившись во всенародную революцию.

В защиту режима и династии не выступил никто. Министры сами приходили "самоарестовываться" к Временному Правительству, составленному из членов Государственной Думы, высшие генералы рекомендовали царю отречься от престола; даже родственники Императора, многочисленные великие князья, не выступили в его защиту, а поторопились от него отмежеваться.

И, всеми покинутый, Николай II подписал отречение от престола (2/15 марта 1917 г.), за которым к нему приехали члены Государственной Думы — монархисты Шульгин и Гучков. А в своем дневнике, в день отречения, он написал «кругом трусость, подхлость и измена»...

Окружение же царя, работавшее перед ним, обманывавшее его о любви и преданности народа, осыпанное его милостями и тесным кольцом отгораживавшее его от правды, рассеялось как дым. Много лет спустя, эмигрантский поэт Георгий Иванов, ярый монархист, назвал это окружение, "кольцом святош, кретинов и пройдох"...

Так кончилась последняя династия Российской Империи, продержавшаяся в России 155 лет. Как известно из истории, первым императором этой династии был немецкий принц Гольштейн-Готторпский, царствовавший под именем Петра III.

**

Период первой войны Украина-Малороссия переживала совместно со всей остальной Россией и ничем от нее не выделялась, ни по своим настроениям, ни своей активностью в деле обороны, которую она воспринимала как общее дело всей страны.

Общим со всей Россией был и патриотический подъем начала войны, и сущий настросний по мере ее продолжения, и жертвенная активность общественности в деле обороны, и резко оппозиционное настроение предреволюционного времени. Украинец Родзянко был Председателем Государственной Думы, резко оппозиционной к Правительству; уроженец Киева — Шульгин приехал к царю за отречением; сотни представителей украинских земств, городов и промышленности работали в общероссийских "Военно-Промышленном Комитете", "Земском Союзе" и "Союзе Городов". Поэтому и в очерке периода войны, Украина-Малороссия, не выделена особо, а рассматривалась в общероссийском масштабе.

Но было на Украине в этот период и нечто специфическое

украинское, что нельзя обойти молчанием. — Это рост и усиление чисто украинской, отличной от общероссийской, политической мысли и деятельности. Хотя деятельность эта сколько-нибудь заметного влияния на настроения широких масс и не имела, но после революции она сказалась, давши кадры будущих укр. лидеров.

Пораженчество украинских социалистов

В то время как старшее поколение деятелей украинской культуры полностью включилось в общее дело обороны страны и тесно сотрудничало с Правительством и общероссийской общественностью, когда большинство социалистов стояло на «оборонческих» позициях, начали проявлять известную активность и небольшие группы молодежи, стоявшей, подобно большевикам, на позициях «пораженческих». Кроме, малочисленных на Украине, чисто большевистских организаций, выступавших с лозунгом: «долов войну!», с этим же лозунгом, начали выступать и некоторые социалистические группы молодежи Украины, конечно, подпольно, как и большевики, выпуская воззвания и брошюры.

Вот, что пишет об этой деятельности украинский историк Д. Дорошенко в своей «Истории Украины»: «така пропаганда исходила от разных социалистических организаций и выдвигала лозунг прекращения войны и оживления классовой борьбы; но в этих воззваниях ставился иногда и лозунг автономии Украины, как, например, в воззваниях «Украинской Социал-Демократической Рабочей Партии». Украинское воззвание от «группы студентов-политехников (весною 1916 г.) выставляло только лозунг: «долов войну!» — Вот все, что мог привести украинский сепаратист в доказательство существования во время войны национально-украинских настроений. Как видно из приведенной цитаты, настроения эти были скорее большевистско-пораженческими, чем национально-украинскими.

Другой сепаратист — П. Христюк, в своих воспоминаниях сообщает о состоявшемся в Москве (в январе 1915 г.), нелегальном съезде делегатов «украинских социалистических партий», как называет Христюк, или малочисленных «кружков», как пишет Д. Дорошенко. Целью этого съезда было создание общей партии, но к соглашению не пришли... Направление делегатов съезда было пораженчески-большевистским и мотива национально-украинского в нем нечувствовалось. Но той причине, что по существу это были все национальные партии того или иного направления, а территориальные группировки сторонников той или иной общероссийской партии.

Приблизительно такого же, т. е. пораженческого, направления было создано, в Харькове, несколько групп, именовавших себя организациями: "Украинский Социалистический Коллектив", "Украинська Юнацька Спілка", "Украинский Студенческий Союз". Активность их заключалась в ведении пораженческой пропаганды, без какого либо оттенения своей украинской обособленности. В 1916 г. полиция прекратила их деятельность.

В Екатеринославе (Днепропетровск) также существовала пораженческая социалистическая украинская организация с лозунгом: "Долой войну! Да здравствует автономная Украина!" Называла она себя --- "Украинской Социал-Демократической Партией" и в ее деятельности принимал участие будущий премьер Украины В. Винниченко.

Кроме того группой социалистической молодежи, одно время издавался на украинском языке нелегальный журнал "Боротьба". Сначала к нему отнеслись благосклонно некоторые представители старшего поколения культурных украинцев умеренного направления, но, убедившись в пораженческо-революционном направлении журнала, резко порвали с этой группой.

Вот и все, что сепаратисты могут привести, как доказательство существования во время войны украинской национальной деятельности. Как видно из приведенных лозунгов, взятых из сепаратистических источников дальше пожеланий автономии Украины эти лозунги не шли. И только впоследствии, в 1917 году, эти лодунги сыграли огромную роль в событиях на Украине в годы революции и гражданской войны.

Отсутствие сепаратистских настроений

Поэтому есть основание, с полной категоричностью утверждать, что во времена войны на Российской Украине никаких проявленияй сепаратистских настроений не было; а раз не было проявлений, надо полагать, не было и настроений.

Десятки тысяч украинцев — по тогдашней терминологии "малороссов" — были в Российской армии офицерами, занимая часто самые высшие генеральские должности, командуя не только полками, но и дивизиями, корпусами и армиями, т. к. никаких ограничений по национальному признаку не существовало. Все они доблестью защищали общую родину — Россию и за все времена войны не было ни одного случая, чтобы офицеры Российской армии, украинцы по происхождению, по мотивам национальным, переходили к немцам, которые обещали украинцам королевство и уже имели и

готового "украинского короля" — одного из родственников австрийского императора.

Лучшим доказательством того, что таких случаев действительно не было, служит то обстоятельство, что о них нет никаких упоминаний в весьма богатой сепаратистической исторической и мемуарной литературе. Ведь не подлежит сомнению, что если бы такие случаи были, сепаратисты их бы не замалчивали, а выпичивали.

То же самое, что об офицерах, можно сказать и о нескольких миллионах солдат-украинцев, боровшихся на всех фронтах в Российской Армии.

Освобождение от непосредственного участия в войне всех служащих "Военно-Промышленного Комитета", "Всероссийского Земского Союза" и "Всероссийского Союза Городов", работавших на оборону и обслуживание армии, открыло широкие возможности для лиц, желавших быть подальше оттуда "где стреляют". И туда устремились, как лица не отличавшиеся храбростью, так и многочисленные последователи социалистических идей, бывших тогда принципиальными «пацифистами». Как известно, в рядах служащих этих учреждений провел войну и будущий Украинский Главковерх С. Петлюра.

Боязнь быть из этих учреждений откомандированными и попасть на фронт, заставляла служащих этих учреждений работать для дела обороны, не только за совесть, но и за страх. Это относится, конечно, не ко всем служащим этих учреждений, которых тогда иронически-презрительно называли "земгусарами". Было не мало среди них и идейных работников, особенно среди руководства, людей пожилых, которым отправка на фронт не угрожала. Это были старые заслуженные общественные деятели.

Но, кроме личной безопасности и возможности не воевать пребывание в рядах «земгусаров» давало возможность постоянного соприкосновения с мобилизованной шестнадцатимиллионной солдатской массой и ведения среди нее соответствующей пропаганды.

В армии же, в результате многочисленных призывов, оказалось не мало активных революционеров, без всякого специального за ними наблюдения, что облегчало возможность этой пропаганды.

Когда же начались неудачи на Фронте и почувствовалась усталость от затянувшейся войны, антиправительственная пропаганда начала расти и усиливаться, приведя, в конце концов, к тем настроениям, которые сделали возможной революцию.

И из всей шестнадцатимиллионной Российской Императорской Армии и Флота, с трехсоттысячным офицерским составом не на-

шлось никого, кто бы имел мужество выступить в защиту Императора и его правительства.

Только два генерала отказались присягнуть Временному правительству, да и то были не русские: немец — граф Келлер и татарин — Хав Нахичеванский.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Первым известием о революции в Петербурге была телеграмма члена Государственной Думы Бубликова, посланная по линии железных дорог, с извещением о падении Правительства и призывом соблюдать спокойствие и порядок. Но никаких других официальных сообщений не было и еще целые три дня Киев и вся Украина ждали разными слухами и ничего достоверного не знали. Только после разрешения Главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Брусилова, Командующий Киевским военным округом ген. Ходорович позволил газетам напечатать сообщение о событиях в столице — и Киев и Украина узнали о совершившейся революции. Приглушенная во время войны, политическая деятельность разных, легальных и нелегальных, организаций сразу возводилась в акции.

Создание Исполн. К-та

На следующий же день, 17-го марта (по новому стилю) в Киевской городской думе собрались представители общественных организаций и партий и выбрали из себя Исполнительный Комитет из 12 членов.

На этом собрании были, конечно, представители всех революционных партий и организаций, так как с падением царского правительства они получили возможность выступать отдельно и принимать участие в общественной и политической жизни.

При рассмотрении списка представителей бросается в глаза, что на этом их многолюдном собрании в столице Украины была представлена только одна украинская организация — «Товариство Українських Поступоців» (ТУП). Почему это случилось, объясняет украинский историк Д. Дорошенко, который на стр. 42 своей «Истории Украины» сообщает, что «ТУП была в то время единственной украинской организацией». Все другие украинцы левого, социалистического, направления, как уже упоминалось раньше, пребывали в рядах общероссийских партий и не ощущали потребности создания своих отдельных украинских партий. Кое где только существовали разрозненные группы и кружки украинской молодежи социалистического направления, малочисленные и не авторитетные потому что состояли из зеленої молодежи.

Сообщая о выборе Исп. К-та из 12 человек, сепаратистские

историки пишут, что из этих 12 членов 5 были украинцы, но о том, кто были эти 5 украинцев, большинство их умалчивает. Напомним, что это были: волынский помещик — барон Штейнгель, представитель русских, кавказских и украинских «народных социалистов» С. Ефремов (впоследствии лидер социалистов-федералистов), представитель кооперативов — Н. Порш (впоследствии петлюровский министр), представитель киевских рабочих (так он сам себя называл) — Паламарчук и единственный представитель организованных украинцев, представитель ТУП-а, — Никовский, т. е. представитель украинцев был только один, а не пять.

Этот Исполнительный Комитет, пополненный впоследствии многочисленными кооптациями, в течении первых трех месяцев революции фактически был высшей властью в Киеве, пока эту власть не захватила Центральная Рада.

То, что произошло в Киеве, произошло и в остальных губерниях Украины. И, как и в Киеве, в первое время революция, носившая характер общероссийский и голоса организованной украинской политической общественности не было слышно, ибо до революции ее вовсе не было. Как указалось выше, общественная и политическая деятельность населения Украины шла в рамках партий и группировок общероссийских.

Создание Центр. Рады

Организовываться она начала только после революции, быстрыми темпами.

Вот как описывают эту организацию украинские мемуаристы М. Жученко и Е. Чикаленко: «сначала совет ТУП-а хотел сам стать общей объединяющей организацией, но на его заседание явились Степаненко, Антонович и Степаненко, как представители украинских социалистических организаций и добивались, чтобы в совет было принято такое же число представителей этих организаций, какое есть в данный момент в совете ТУП-а. Чтобы не разбивать сил и не создавать двух центров, совет ТУП-а согласился на требования социалистических представителей с тем, чтобы в новый центральный орган, для которого принято название Центральная Рада (совет), входили впоследствии и представители от разных новых организаций.

Так создалась Центральная Рада, в которую сразу же вошли, кроме членов ТУП-а, представители от социал-демократов, украинских социалистов-революционеров, украинцев-военных, украинцев-рабочих, кооперативов, студентов, православного духовенства г. Киева, от разных «товариществ» («Украинское Научное Товарищество», «Товарищество украинских техников и агрономов», «Ук-

ранское Педагогическое Товарищество" и др.), обществ и кружков". (Цитируется из "Истории Украины" Д. Дорошенко, стр. 42).

Буквально в несколько дней маленькие социалистические группы и кружки переименовали себя в политические партии, создалася целый ряд новых украинских организаций и каждая из них получала для своего представителя место в Центральной Раде, которая росла численно изо дня в день.

И, уже 22 марта, Центральная Рада выпустила свое первое "обращение к украинскому народу", составленное в туманных и неясных выражениях, одинаково приемлемых для всех партий и направлений. Повидимому, это результат компромисса между различными точками зрения. Ни сепаратистская, ни автономистическая точка зрения отчетливо не выражены, а только глухо сказано, что во Всероссийском Учредительном Собрании должен быть услышан голос украинского народа, который "сам за себя скажет, как он хочет жить".

Тот факт, что это высказывание предвиделось во Всероссийском Учредительном Собрании и никогда не упоминается об Украинском Учредительном Собрании, дает основание думать, что в тот момент Центральная Рада стояла на позициях единства России.

Всего за один день до выпуска обращения от Центральной Рады, было выпущено обращение от ТУП-а, в котором отчетливо выражается мысль об автономии Украины, федерации ее с Россией и, как и в обращении Центр. Рады, нет никаких упоминаний вопросов социальных.

Это, отдельное обращение ТУП-а, в котором состояли наиболее видные деятели украинской культуры, заслуживает особого внимания, ибо свидетельствует о крупных расхождениях в самом начале деятельности Центральной Рады между ее подлинно культурной частью, с большим общественно-политическим стажем, оказавшейся в Раде в меньшинстве, и ее большинством, состоявшим или из зелевой молодежи — выдвиженцев разных социалистических кружков — "турков", или из малокультурных "деятелей" — сельской или уездной "интеллигенции", или, наконец, из совсем некультурных представителей разных "солдатских" и "рабочих" организаций.

Вскоре это большинство полностью подмяло под себя культурное меньшинство и вследствие дало из своей среды украинских "деятелей", "политиков" и "министров" эпохи "петлюровской" и эмигрантской, гордиться которыми, украинскому народу не приходится.

В первое время непререкаемых авторитетом в Раде были Грушевский, который прибыл в Киев из Москвы, где он жил последнее время перед революцией, работая в Московских архивах. Но свой авторитет он не использовал для руководства массами и создания их настроений, а избрал другой путь — самому приспособляться к настроениям масс. Вместо положения вождя, ведущего и направляющего, он добровольно и сознательно избрал положение демагога, плывущего в бурных волнах переменчивых настроений народных масс.

Уже в первом № газеты "Нова Рада", выпущенной после революции, под редакцией народного социалиста Никонского (впоследствии одного из лидеров "социалистов-федералистов"), Грушевский написал статью установочного характера, в которой он определил свою будущую деятельность: "Мы должны держать руку на пульсе народной жизни и идти в ритм его биения. Оно только нам закон, ему только должны мы подчиняться, его провозглашать всем, не взирая на то, будет ли это нам приятно или нет".

В результате такой установки, член несоциалистического, автономистического ТУП-а, Грушевский, чья подпись стоит под "обращением ТУП-а от 21 марта (1917 г.), следуя «ритму пульса народной жизни», начал скатываться все дальше и дальше влево. Сначала попал на поводу у социалистического большинства Центральной Рады, потом оформил свое вступление в партию украинских социалистов-революционеров, а закончил, как известно, покаянием перед большевиками и переходом к ним на службу.

Центральная Рада, создавшая в первые же дни революции, росла численно, включая все новых и новых "представителей", в том числе и представителей национальных меньшинств, каковыми считались поляки, евреи и великоруссы, причем "великоруссом" считался не только подданные великоруссы, но и каждый уроженец Украины, не стоявший на "украинской" национальной платформе.

Таким образом, благодаря постоянному пополнению, число членов Рады быстро возросло до 600, как об этом сообщала сама Центральная Рада. Создавались новые организации, которые требовали мест для своих представителей в Центральной Раде. Эти места им охотно давались.

Состав Центр. Рады

Как создавалась Центральная Рада, уже указано в выдержке из сепаратистских мемуаристов и историков.

Что из себя представляли эти 600 "представителей Украин-

ского Народа", сообщает в своих мемуарах бывший член Центральной Рады В. М. Левитский (стоявший на общероссийских позициях). Вот что пишет он в своих воспоминаниях: "Официально украинский парламент состоял из 600 депутатов, избранных населением и 2-х миллионной армией сторонников украинской республики на фронте.

Немедленно по получении депутатских карточек мы произвели подсчет, находившихся в зале, депутатов (на этом заседании решался вопрос о подчинении Временному Правительству и было мобилизованы все силы). Украинских депутатов в Раде оказалось 117 человек. Из них 1 священник, 20-25 представителей интеллигентии, несколько крестьян, остальные — солдатские шинели, мирно дремавшие в креслах. Мы сейчас же избрали своего представителя в мандатную комиссию. Появление его в комиссии вызвало в рядах украинцев настоящую панику. Пользуясь малокультурностью и растерянностью секретаря, наш уполномоченный завладел папкой с депутатскими документами и принял за их внимательное изучение. Венгером мы собрались, чтобы выслушать его доклад. Доклад не вызывал никаких сомнений. Никаких выборов в Центральную Раду нигде не было. Депутаты из армии заседали на основании удостоверений, что такой то командирется в Киев для получения в интендантском складе партии салог; для отдачи в починку пуделетов; для денежных расчетов; для лечения; и т. п. Депутаты "тила" имели частные письма на имя Грушевского и других лидеров, приблизительно одинакового содержания: "посылаем, известного нам"... В конце — подпись председателя или секретаря какой-нибудь партийной или общественной украинской организации. Наш представитель успел снять кончики с полномочий депутатов г. Полтавы. Все они были избраны советом стариния украинского клуба, в заседании, на котором присутствовало 8 человек. Всего депутатских документов оказалось 300. На официальный запрос, секретарь смущенно ответил, что здесь все документы. Остальные депутаты (около 300) — это Грушевский, Винниченко, Порш и другие члены президиума, которым "передоверены" депутатские полномочия и каждый из них разняется 10-15-25 депутатам.

Наконец, пояснил секретарь, часть депутатов еще не успела зарегистрироваться, но таким, успокоил он, мы выдаем вместо депутатских билетов, только квитки на обед.

Тайна украинского парламента была разоблачена. Мы, сложили свои полномочия и ушли из Рады". ("Что надо знать об Ук-

риве". Ю. Макаров. стр. 87, Буэнос Айрес 1939.).

Как видно из изложенного, описание состава Центральной Рады, сделанное "русским", не находится в противоречии с описанием способа ее создания и пополнения, данным украинцами-сепаратистами. Только последние, признавая, что в Раду посыпали своих представителей даже отдельные "гуртки" (кружки), скромно умалчивают, что из этого получилось.

Приведенные же выше свидетельства из двух, противоположных, источников, которые одно другое не опровергают, а только дополняют и уточняют, дают основание утверждать, что Украинская Центральная Рада не имела ни формального, ни морального права выступать от имени всего населения Украины и утверждать, что она выражает его волю.

В лучшем случае она могла выступать только от ее известной части — "национально-активных украинцев". Каковой же была эта часть установить невозможно, по той причине, что тогда (в первые полгода революции) никаких свободных выборов, в которых бы участвовало все население Украины не производилось.

Городские выборы

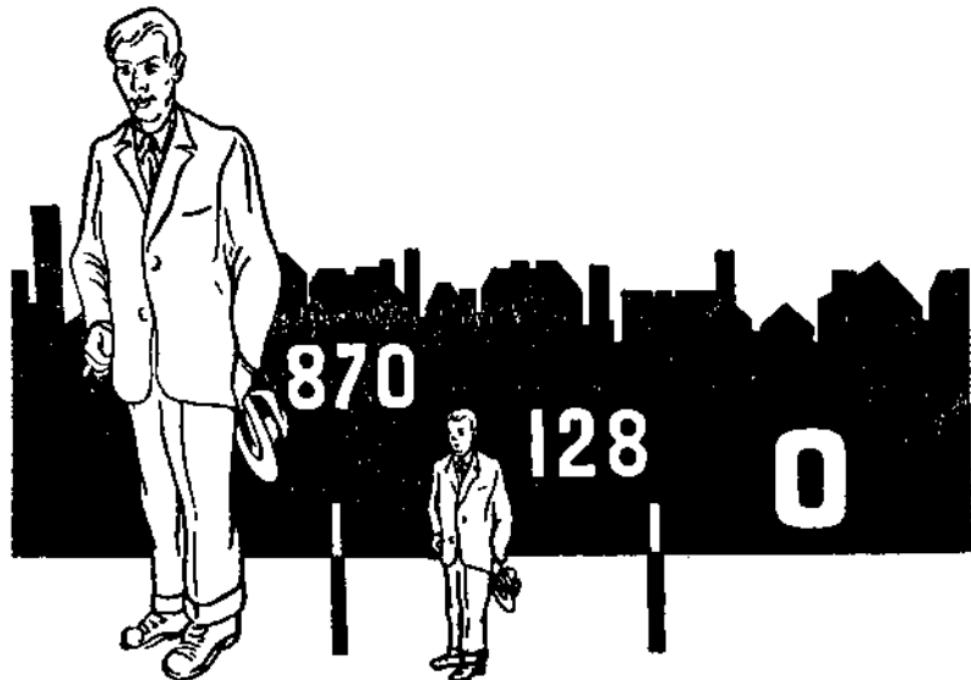
Известную картину настроений населения, хотя и не исчерзывающую, все же дают результаты выборов в органы городского самоуправления, летом 1917 г. Выборы были всеобщие, прямые, равные и тайные и свободные. Любая партия или блок партий имела право выставить свой список, свободно вести всех видов пропаганду и бороться за места депутатов — гласных городских дум.

Украинский историк-сепаратист Д. Дорошенко, в своей "Истории Украины" (стр. 143-4) дает данные о результатах этих выборов в городах Украины, (главнейшие города 8 Российских губерний с украинским — "малороссийским" населением):

	Всего гласных	из них украинцев	
		(блок всех украин. партий)	
г. Киев	125		24
г. Екатеринослав	110		11
г. Одесса	120		5
г. Херсон	101		15
г. Житомир	98		9
г. Умань	56		10
г. Чернигов	60		16
г. Винница	59		12
г. Звягель	40		9
г. Кременчуг	101		17

Как видно из этой таблицы, поражение "национально-активных" украинцев было полным. Ни в одном из городов Украины они не получили не только большинства, но даже хоть сколько нибудь значительного меньшинства. "Только там, где украинцы выступали в блоке с русскими социалистами, они получали более значительную часть мандатов", — продолжает этот сепаратистический историк ("История Украины", стр. 143).

В результате этого поражения на выборах, даже в столице Украины — Киеве, место городского головы занял русский — Рыбцов, его заместителя-еврей — Гинцбург.

Результаты свободных выборов в городах Украины
летом 1917 года:

Партии общероссийские ————— 870

Партии укр.-федералистические --- 128

Партии сепаратистические —————

**
**

Начало украинизации
"Союзом" были предприняты первые шаги к "украинизации".

Не нашли отклика у населения и предпринятые Радой шаги к "украинизации" школ, суда и административных учреждений. Появились многочисленные протесты, определилось, резко отрицательное отношение

ние к украинизации большинства населения, как в городах, так и в селах. Протестовали, не Центральное Русское Правительство, а — Киевский Университет и Политехникум, Духовная Академия, представители суда и администрации, городские думы всех городов Украины и многочисленные органы самоуправления в селах.

Когда в Киеве, по требованию Центральной Рады, было объявлено об открытии гимназии с преподаванием на украинском языке и открыта запись учеников, то изо всего, миллионного тогда, населения Киева, нашлось немногим больше сотни, желающих поступить в эту гимназию, что признают и украинские историки, объясняя это результатом насильственной русификации.

Из пятидесяти школ Киева, только в одной, решено было (по настоянию Рады) ввести преподавание на украинском языке — в школе на Куреневке, названной ее школой имени С. Грушевского (в честь отца Грушевского). Но куреневцы, украинцы-огородники, запротестовали и реформа была отложена до осени.

Появление

Галичан

Кiev в эти первые месяцы револю-

ции быстро наполнялся галичанами-самостийниками. Часть прибиралась из Австро-Венгрии через фронт, который уже начал разлагаться, часть — из загарей военнопленных и мест расселения галицких беженцев и высланных в первые месяцы войны. Так в Киеве очутились австр. подк. Мельник и капитан Коломаец — будущие вожди украинского фашизма.

Эти галичане-“украинцы”, считавшие себя квинтесценцией украинской культуры, давили на, оказавшихся на гребне революционной волны, юношей-социалистов и полуинтеллигенцию и требовали немедленной украинизации всей жизни, разумеется, по их упомянутым и под их руководством. Широкие же круги населения не чувствовали их “своими” и относились к ним, в лучшем случае, настороженно, а то и враждебно.

Но напористость галичан, в соединении с честолюбием и жаждой власти вчерашних студентов, мелких служащих и полуинтеллигентов, делали свое дело — и Центральная Рада быстро распространяла, расширяла и углубляла свою власть на Украине.

Отпора она почти не встречала, ни со стороны центральной власти, ни со стороны местной администрации и органов самоуправления, занятых своими партийными несогласиями и обессиленных борьбою со всюду созданными “Советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов”, сила и значение которых неуклонно росла и которые все больше склонялись к большевикам.

Начиная с Петрограда и кончая самым маленьким уездным городом всюду было двоенластие, которое, фактически, приводило к безвластию. Только известная инерция, установившаяся веками, взаимоотношений и быта, сдерживала быстро падавшуюся анархию.

Как известно, общие настроения не пощадили и армию и она начала быстро разлагаться. В результате падения дисциплины, появились сотни тысяч дезертиров, которые прежде всего наполнили тыловые города, каковыми тогда являлся Киев и все города Украины. По иронии судьбы, эти дезертиры положили основание так называемой "Украинской Армии" принимавшей впоследствии участие, в бурных событиях 1917-21 г.г., которые украинские сепаратисты называют "Борьбой за Укр. Национ. Освобождение".

Создание Укр. Армии Уже с самого начала революции был

брошен лозунг украинизации армии, (надеясь этим путем создать собственную вооруженную силу), каковая мыслилась в выделении украинцев из общероссийских частей и сведениям сначала в отдельные части, а затем в "Украинскую Армию". Лозунг этот сопровождался пропагандой, что все украинцы будут возвращены с далеких фронтов на Украину для ее обороны, а также пропагандой против продолжения войны вообще, которую развивали не только большевики, но и часть украинских социалистов-революционеров и социал-демократов. Впоследствии, во время гражданской войны, они перешли к большевикам.

Если не лозунг, то, сопровождавшая его, пропаганда имела успех. Одни записывались в "украинцы" в надежде скорее почасть на родину; другие, бросивши фронт и болтаясь по тылам, оправдывали свое дезертирство желанием воевать только в украинских частях. И когда, к концу апреля 1917 г., в Киеве наконецилось много тысяч дезертиров и их начал "беспреконти" тогданий Командующий войсками полк. Оберучев, они решили "легализоваться" путем превращения себя в "украинскую часть".

В последних числах апреля весь Киев был залеплен плакатами: "товарищи дезертиры! все, на митинг на Сырец 30 апреля!" Хотя я не был дезертиром, а, после ранения, находился на излечении в Киеве и передвигался с костылем, я на этот необычайный митинг поехал и был свидетелем всего на нем происходившего.

Огромный пустырь против Политехнического Института заполнила многотысячная толпа дезертиров. На груди у многих были желто-голубые украинские ленточки. После выступления многочисленных ораторов, оправдывавших свое дезертирство украинским

патриотизмом и желанием бороться, но только "под украинскими знаменами", была вынесена резолюция, предложенная штабс-капитаном Путником-Гребенюком, о немедленном сформировании украинской части в Киеве и немедленном "зачислении на все виды довольствия". Последнее, т. е. требование немедленного зачисления на "все виды довольствия", вызвали гром рукоплесканий. Довольные своим "достижением", дезертиры припятались штурмовать Святошинские трамваи, на которых они, конечно, ездили бесплатно.

О дальнейших событиях рассказывают в своих воспоминаниях К-щий войсками в Киеве полк. Оберучев («В дни революции»): «группа дезертиров с распределительного пункта — тысячи четыре человека — вышли на улицу и, во главе с избранным ими командиром полка, штабс-капитаном Путником-Гребенюком, направилась к дворцу (в это время во дворце помещались исполнительные комитеты), и они заявили требование признать их "Первым украинским имени Богдана Хмельницкого полком".

Мнения о том, удовлетворить ли требования дезертиров, разделились. Центральная Рада вынесла резолюцию: "данную группу солдат признать полком и считаться с этим, как с фактом". Совет солдатских депутатов стал на противоположную точку зрения и категорически воспротивился такому способу создания украинской армии.

После длительных переговоров и совещаний, к которым были привлечены не только Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Брусилов, но и военный министр, дезертиры восторжествовали и был признан факт сформирования этого первого полка украинской армии, правда, с оговоркой, что не все дезертиры, объявившие себя полком, будут таковыми признаны, а из их среды будет отобран только кадр полка, который в дальнейшем будет пополняться только добровольцами, не обязанными военной службой, а все же остальные должны быть отправлены на фронт. Но оговорку эту провести в жизнь не удалось, ибо все, не попавшие в кадр полка, попросту разбежались и на фронт не поехали. Полк же продолжал формироваться, не двигаясь из Киева и пополняясь не добровольцами (таковыми, среди "сознательных украинцев" не пользовалось), а исключительно дезертирами. Удобно расположившись в казармах, полк рос как на дрожжах, ежедневно увеличивая требования довольствия, не вес никаких караулов по гарнизону и не помышляя ни о каком фронте. Это была какая то, никого и ничего не признающая, «Сечь Запорожская» в центре Киева, которая бездельничала, митинговала и пьянствовала и разлагающее действова-

ла на остальные части. Быстро сам полк арестовал своего командира — основателя "Украинской Армии", штабс-капитана Гребенюка и доставил его под конвоем в распоряжение командующего войсками Киевского военного округа. Последний, в сопровождении одного офицера, отправил Гребенюка на фронт, где след его теряется.

Троить "Богданщев" никто не смел, ибо они находились под особым покровительством Центральной Рады и всякое действие против них рассматривалось как "контрреволюционное" и "антиукраинское".

Пример «Богданщев» был заразителен, и вскоре в Киеве сформировался еще один такой же полк — "имени гетмана Назара Полуботка". Как и "Богданщевы" он о фронте и не помышлял, но зато принял активное участие в попытке захватить большевиками власть в Киеве, в дни большевистского восстания в Петрограде (3-5 июля ст. ст.).

О том, как сформировался второй полк «Украинского Войска», сообщает (в № 5 - 6, 1917 г.) "Вестник Украинского Генерального Войскового Комитета". Глава Генерального Секретариата, Винниченко, уведомил о событиях, по прямому проводу, Петербургское Правительство, такими словами: «в ночь на 5 июля, группа украинцев-солдат, около 5.000, которая проходила распределительный пункт и, самовольно, вопреки распоряжению Генерального Комитета, назвала себя полком имени гетмана Полуботка, захватила арсенал, вооружилась и поставила караулы около 2 государственных учреждений. Генеральный Секретариат немедленно предпринял решительные меры для восстановления порядка».

Но, восстановить порядок оказалось не так просто. Правда, от государственных зданий и из города, полуботковцы были изгнаны, но, они расположились на Сырце и в с. Грушках и организовали своеобразную дезертирскую Сечь.

Попытка привести их к покорению силой первого полка — "Богданщев", не увенчалась успехом, т. к. значительная часть "богданщев" перешла на их сторону.

Власти, и русские, и украинские, их тем не менее снабжали всем необходимым и пытались «уговорить». Центр. Рада посвятила не мало времени обсуждению поведения «товарищей в Грушках», как они назывались в протоколе заседания Центр. Рады. Вынесена была резолюция: «призвать товарищей солдат, которые живут в Грушках, к национальной гражданской дисциплине». Несколько раз, ездили и в Грушки вожди Рады их уговаривать, но все было безрезультатно.

Подстрекаемые двумя прaporщиками - дезертирами (Майстенко и Гузиенко), «полуботковцы» не хотели никому подчиняться, а только предъявляли требования увеличения довольствия.

Все попытки высших военных властей отправить на фронт украинизированные части, неизменно, кончались неудачей. Только один раз, 8 авт. 1917 г., после длительного уговаривания, удалось посадить в вагоны для отправки на фронт два эшелона «Богдановцев», но дальше Поста Волынского (9-й километр от Киева) они не уехали. Они подняли стрельбу и начали так безобразничать, что, находившийся на Посту Волынском на охране, еще не разложившийся, эскадрон Кирасирского полка, принужден был их разоружить (при этом было 16 убитых) и вернуть в Киев.

Весть об этом изволила весь Киев. Украинцы обвинили «русских» в провокации и циничем не оправдываемом кровопролитии. Вспыхнула Центральная Рада и потребовала от Временного Правительства выхода из Киева «русских» войск и смещения Командующего Округом.

Требования эти не были удовлетворены, а прислань из Петрограда чрезвычайная следственная комиссия для расследования этого инцидента. Комиссия (в которой принимали участие также представители Рады и Совета союзнических депутатов) установила, что «богдановцы» были пьяны, сами первые открыли стрельбу, а большинство погибших были жертвы разрыва ручных гранат, которых у кирасиров не было, а у «богдановцев» они были в изобилии. Дело пришлося замять.

После этого большие никаких попыток отправки на фронт «украинизировавшихся» частей не было.

О результатах «украинизации» частей, приведем мнение двух компетентных авторов: активного политического деятеля того времени, историка Д. Дорошенко (былни, министра Самост. Украины) и — Командующего в то время войсками Киевского военного округа полк. Оберучева.

В своей «Истории Украины» (стр. 62), Дорошенко говорит: «Реальной пользы от этой украинизации было немного: солдаты разбегались, не доехавши до фронта, а у себя в казармах ничего не делали. Только митинговали, и, в действительности, не хотели даже нальцем щевельнуть, чтобы помочь Украине».

Полк. Оберучев, сообщая, что «украинизация войск проводилась в это время явочным порядком и с большой настойчивостью», в своих воспоминаниях («В дни революции». стр. 57) пишет следующее: «Чуть только я посыпал в какой-нибудь запасный полк приказ

о высыпаке марлевых рот на фронт в подкрепление тающих полков, как в, жившем до того мирной жизнью и не думавшем об украинизации, полку созывался митинг, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался клич: пойдем, но только под украинским знаменем! И затем — яи с места. Проходят недели, месяцы, а роты не двигаются. Ни под красным, ни под желто-голубым знаменем”.

К миссиям этих двух, высоко-авторитетных и отлично осведомленных лиц, для полноты картины, следует добавить и то, что главными подстрекателями к немедленной украинизации были галичане — “украинцы”, австрийские подданные. Цапи же “сознательные украинцы” не только рассматривали их как “своих”, но и подчинялись их авторитету. Действовали ли эти австрийск. подданные по прямым заданиям своего правительства, или, по привычке, старались угадать его желание, или ими руководила ненависть к России — дела не меняет. Украинизация ослабляла боеспособность Российской армии, следовательно, была полезна Австрои и Германии, с которыми, тогда, Россия воевала.

Создаваемая же в течение весны и лета 1917 г., «украинская армия» (из дезертиров или путем украинизации отдельных частей) ничем себя в боевом отношении не проявила, кроме активного участия, совместно с русскими частями, в знаменитом погроме в Калуше. Погром этот, как известно, произошел после неудачного «наступления Керенского» в июне 1917 г. и в нем дружно приняли участие и украинизированные и неукраинизированные части Российской армии. В дальнейшем они также дружно разлагались под влиянием большевистской пропаганды и так же дружно бросали фронт и разъезжались по домам.

Зная все приведенные выше неопровергимые данные о зарождении Украинской Армии и о ее духе, уместно будет здесь привести, как пример извращения истории, описание создания Украинской Армии, которое дает капитан Удовиченко, бывший “Генерал-инспектор украинской армии”, интернированной в 1921 г. в Польше после ее бегства с Украины.

Вот что пишет Удовиченко на стр. 14-ой своей книги, “Украина в войне за державность”: “В самом Киеве весной 1917 г. сформирован 1-ый украинский пехотный полк имени гетмана Богдана Хмельницкого. Сформированные украинские части, сплоченные национально дисциплиной, вскоре заслужили уважение среди российского командования на фронте, ибо тогда как части из русских солдат часто самовольно оставляли фронт, их места в окопах занимали дисциплинированные пебольшие украинские части”.

Описывая в таких розовых красках, зарю создания Украинской Армии и ее высокие боевые качества, Удовиченко скромно умалчивает о ее дальнейшей судьбе, которая, как известно, ничем не отличалась от судьбы всей Российской Армии, разложившейся и самодемобилизовавшейся. Умалчивает он также и о том, что, все без единого исключения украинские части, сформированные весной и летом 1917 г., отказались выступить в защиту Центральной Рады, когда она, вследствие этого отказа, бежала из Киева за помощью к немцам. Нет, наконец, во всей книге Удовиченко, где подробно перечисляются все части Украинской Армии времен Гражданской войны, упоминания хотя бы одного полка или роты из тех, которые, по словам Удовиченко, были, "слажны национальной дисциплиной". Естественный вопрос: "куда же они исчезли? "генерал-инспектор Украинской Армии" — оставляет без ответа.

Тем самым он подтверждает, приведенные выше, правдивые сведения Дорошенка и Оберучепа, которые, будучи непримиримыми политическими противниками, сходятся в оценке качеств и дезертирских настроений тех украинских частей, которые, по словам Удовиченко, были "слажны национальной дисциплиной".

Поэтому все изложенное дает нам право, с полной достоверностью и категоричностью, утверждать, что основным мотивом при "украинизации" "частей или сформировании отдельных украинских полков был во все не мотив национальный, как утверждают сепаратисты, а, или желание поскорее вернуться на родину, или стремление уклониться от фронта. Факт позднейшей "самодемобилизации" этих частей неопровергимо подтверждает высказанное выше. Поэтому, надо полагать, сепаратисты молчат о судьбе "Укр. Армии" 1917 года.

**

Борьба Цен. Рады с Цент. К-м.

Сформированная без всяких выборов, Центральная Рада вскоре предъявляет права на власть и вступает в соперничество, как с Исполнительным Комитетом Киева, созданным полномочными представителями всех общественных организаций и партий и призванным Всероссийским Временным Правительством, так и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов (СОВДЕП-ом), также, как и Рада, претендующим на власть. В результате этого соперничества, в Киеве и на всей Украине начинается троевластие, против которого было бессильно бороться импотентное Временное Правительство. А, быстро растущие численно, никому и ничему не

подчиняющиеся "украинские" воинские части, приближают это троевластие к полному безвластию.

Всероссийское Временное Правительство, возглавляемое кн. Львовыми, состояло из высококультурных людей, демократов, и имело в своем составе только одного социалиста — молодого адвоката, Керенского, главным качеством которого была неудержимая страсть к произнесению речей. Но, благодаря своей мягкости, нерешительности и боязни предпринять какие либо шаги, которые бы могли быть истолкованы, как ущемление свободы, оно стремительно теряло свой авторитет под давлением японистых социалистических деятелей, объединенных в Совете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Большинство руководителей СОВДЕЦ-а состояло из молодых людей, вышедших из революционно-социалистического подполья и в значительной части происходивших из че-русских этнических групп, а потому им было чуждо понимание национальных интересов России. Эти интересы они подчиняли своей партийной программе, ведя за нее демагогическую пропаганду и совершенно не считаясь ни с интересами России, ни с обстановкой военного времени.

В результате, уже с первых недель революции началось разложение армии и паралич всего правительственного аппарата.

Свобода же начала поиматься так широко, что совершение свободно велась пораженная пропаганда во время войны. А, находившиеся в эмиграции лидеры пораженных, которых немцы (используя пользу их пропаганды для себя), в запломбированных вагонах, провезли через свою территорию, не только были свободно впущены в Россию, но и торжественно встречены по прибытии в Петроград.

Так же свободно, без всяких запломбированных вагонов, как уже упомянуто выше, начали проникать галичане-“украинцы”, как через фронт, так и из лагерей военно-пленных и устремляться на Украину для руководства украинской национальной самодеятельностью. Не удивительно, что в такой обстановке сила и удельный вес в украинской жизни Центральной Рады начали быстро расти.

С необычайной энергией ведется пропаганда, созываются всевозможные съезды и конгрессы, оформляются путем съездов бывшие социалистические кружки во “всесоюзные партии”. Разбухший состав Рады быстро и неуклонно начинает катиться влево. Умеренные элементы, в частности представители ТУП-а, растворяются в этой, все более левеющей, массе и теряют всякое влияние. Руково-

дающую роль начинают играть, соревнующиеся во влиянии, две социалистические партии: "украинских социал-демократов" и "украинских социалистов-революционеров".

Левые фланги этих партий по своим настроениям весьма близко подходят к большевикам, а впоследствии, под именем "независимых украинских социал-демократов" и "боротьбистов", полностью идут на сотрудничество с большевиками во время их борьбы с Центральной Радой, создавая и идеологически обосновывая формирование из украинцев чисто большевистских частей.

Общее положение

Грушевский идет за общими настроениями, тесно сотрудничает с землями (соц.-рев.), а потом и формально вступает в эту партию. Чрезвычайно интересно и характерно, что положение Рады идет только в области социальной, совершив не касаясь тех, в основном, автономистических национальных требований, которые были поставлены в первые дни революции. Партия "самостийников-социалистов" была численно ничтожна и никаких признаков роста не показывала.

Полевение это шло параллельно с полевением во всей России и борьбой за голоса широких народных масс, прежде всего — крестьянства, которая велась путем демагогических обещаний.

Что вопрос национальный или не играл никакой роли, или только роль второстепенную, не скрывают и многие сепаратистские историки, хотя сепаратистская пропаганда и пытается убедить, что революция на Украине носила чисто национальный характер — была "борьбой за украинское национальное освобождение".

Так И. Христюк, лидер украинских социалистов-революционеров, пишет: "само собой разумеется, что организация крестьянства проводилась не на национально-политической, а на социально-экономической и классово-профессиональной основе" ("Воспоминания", часть 1, стр. 42).

Один из лидеров не-социалистов, историк Д. Доренико, пишет несколько подробнее: "Возглавители движения, начиная с самого Грушевского, не верили, что при помощи чисто национальных лозунгов можно потянуть за собой народные украинские массы. Поэтому они старались разжечь социальные аппетиты и стремления и, под их покровом, привести в жизнь украинские национальные поступаты. Конкуренция со стороны общероссийских левых партий, особенно со стороны большевиков (эта пропаганда выросла стихийно,

когда осенью в села нагрянула масса обольщевиченных солдат и начала распространять и проводить в жизнь лозунг «грабь награбленное!»), принуждала и украинских эсеров все больше “склоняться влево”, то есть привлекать крестьянство все более радикальными перспективами захвата и раздела помещичьей земли” (История Украины, стр. 75-76).

Третий украинский сепаратист, В. Липинский, по вопросу о характере революции на Украине пишет: “Понятие Украина подменялось понятием “десятны” земли, обещанной тому, кто заишется в украинскую партию эсеров и будет голосовать “за Украину”. Вместо патриотизма героичного, патриотизма жертвы и любви, создавался, нигде на свете невиданный, какой то патриотизм меркантильный, с расценкой на земельную валюту: за Украину давали десятни”. (Хлебор. Укр. Кн. I, стр. 15).

Приведенные цитаты из книг трех авторов красноречиво говорят, что на Украине, как и в России, революция была чисто социальная.

Настроение укр. села

Ведя свою пропаганду, укр. эсера, которые стояли на позициях федера-

ции, всегда и неизменно внушали крестьянским массам, что они получат землю, только в том случае, если Россия будет федеративной. В связи с этим, В. Винниченко, в своих воспоминаниях приводит забавный эпизод: “На всероссийском крестьянском съезде, на котором были и депутаты-украинцы, при каждом упоминании слов “Российская Демократическая Республика”, украинцы, неистово стучали сапогами и кричали: “Хвадеративна! Хвадеративна!”. (В. Винниченко -- “Возрождение Нации”).

Приведенные выше выдержки из книг четырех украинских сепаратистов (Христюка, Дорошенка, Липинского и Винниченко), очень верно и точно изображают картину настроения украинского села в 1917 году и в то же время красноречиво и убедительно опровергают пропаганду украинских самостийников, что революция на Украине воспирала прежде всего характер национальный — была “борьбой украинского народа за освобождение от иорабощения москалями”, как об этом постоянно повторяется в многочисленных сепаратистических изданиях.

Для всякого объективного исследователя не может подлежать никакому сомнению, что революция на Украине была, прежде всего, революцией социальной, как и во всей России.

Попытка же, “под покрышкой социальных амбитетов и стремлений протянуть украинские национальные постулаты” не увенчалась успехом. Лучшим доказательством этого служит тот неосно-

римый факт, что Центральная Рада, несмотря на "украинский национальный постулат", не смогла собрать больше десятка тысяч своих защитников, когда, в конце 1917 г., наступило время вооруженной борьбы и столкновений с враждебными ей силами. Подавляющее большинство населения вообще не приняло участия ни в какой борьбе, а та часть, которая в ней участвовала, была или на стороне белых или на стороне красных.

По весной и летом (1917 г.) эта оторванность Центральной Рады от масс еще не была видна и заметна, а шумная пропаганда и реклама принималась за подлинную популярность.

Месяцы апрель, май и июль (1917 г.), были месяцами разных политических съездовъ, конгрессов, совещаний, многочисленных и шумных, проводимых под желто-голубым украинским знаменем.

В эти же месяцы оформились и главные украинские политические партии, которые, впоследствии, принимали участие в политической жизни Украины, деятельности Центральной Рады и в событиях эпохи гражданской войны. Дадим им краткий обзор.

Украинские полит. партии

1. — Единственная украинская политическая партия, которую застала революция 1917 г., была "Товариство

Українських Поступовців" — ТУП — с умеренной социальной программой и автономией Украины, в области национальных требований. К ней принадлежали все широко известные на Украине украинские национально-культурные деятели старшего поколения: В. Науменко, М. Грушевский, А. Никоновский, С. Ефремов, А. Шульгин и др. Уже в конце марта в Киеве состоялся съезд ТУП-а, на котором партия была переименована в "Союз Украинских Автономистов-Федералистов". А в начале июня этот "Союз" переименовался в "Партию Украинских Социалистов-Федералистов", хотя в своем составе, кроме нескольких "народных социалистов", и не имел ни одного социалиста. Этим переименованием отдавалась дань времени, когда было общее увлечение социализмом и без приставки "социалист", трудно было выступать в политической жизни.

Партия эта была весьма малочисленна (приставка "социалисты" не помогла), но качественно была необычайно сильна, ибо в ней были подлинно культурные и образованные люди, чем не могли похвастаться шумные и многочисленные украинские социалисти-

ческие партии. Поэтому с ней считались и из ее рядов искали людей для замещения высших должностей.

2. — “Украинская Социал-Демократическая Рабочая Партия” существовала короткое время в годы первой революции, но с 1907 г. фактически прекратила свое существование, превратившись в несколько разрозненных кружков, хотя формально и не была распущена. С началом революции эти отдельные кружки соединились в одну организационно оформленную партию. Программа ее была программой общероссийской партии марксистов — “меньшевиков”, с добавлением требования автономии Украины. Возглавили партию: В. Винниченко — писатель-беллетрист (писал на русском языке), С. Петлюра — по профессии бухгалтер, редактор украинского журнала “Украинский Вестник”, адвокат И. Иоран, и несколько других молодых марксистов — украинских “меньшевиков”.

О настроениях партии можно судить по решению “Учредительной Конференции”, на которой присутствовали и представители российских “меньшевиков”. Эта конференция решила, кроме требования немедленного введения в жизнь автономии Украины (на что согласились и российские меньшевики) “высказаться против дальнейшего ведения войны и обратиться к Временному Правительству с предложением начать, через представителей международного пролетариата переговоры о мире”.

Как видно из приведенного решения конференции, уже при самом своем основании, в настроениях партии было не мало идей, созвучных большевикам. Впоследствии это привело к переходу к большевикам самого лидера — Винниченко и ряда других национальных деятелей.

Нутром своего печатного органа (“Робитичча Газета”), многочисленных афиширов, листовок и устных выступлений “Украинская Социал-Демократическая Рабочая Партия” широко проводила пропаганду в народе, а в Центральной Раде ее представители заняли ряд ключевых позиций. Ее главным соперником в борьбе за симпатии народных масс была другая социалистическая партия — Украинские Эсеры (Соц.-Рев.).

3. — “Партия Украинских Социалистов-Революционеров”, как и партия украинских меньшевиков создалась только после революции. До этого сторонники ее программы или работали в общероссийской партии эсеров, или составляли разрозненные кружки. Организационно эта партия оформилась на съезде 4-5 апреля, причем все ее руководители состояли из молодежи, в большинстве студен-

тов первых курсов, в возрасте до 25 лет. По программе и идеологии укр. всевры отличались от всевров общероссийских, только своими национально-украинским мотивом.

Во всем же оставшем, ничего нового или оригинального их программа не представляла. Тактика же была тактикой российских всевров, с их демагогией и многообещающими лозунгами немедленного наделения крестьян землей. О том, что по программе вся земля социализировалась (или национализировалась), в том числе и крестьянская, и "наделение" предвиделось не в собственность, а во временное пользование, скромно умалчивалось. Собственнические настроения украинских крестьян всевры хорошо знали, а потому и скрывали от него правду. Пропаганда, обещавшая немедленное наделение землей, имела у крестьян огромный успех, в результате которого всевры быстро захватили в свои руки низовые организации в селах: культурно-просветительные общества и кружки, кооперативы и "земельные комитеты", ставившие своей задачей проведение аграрной реформы.

Существовавшее короткое время до революции, крестьянские организации - "Спілки" (бывшие раньше под идеиним руководством марксистов - юдеков), были быстро возрождены и захвачены народниками-всеврами. Они сумели превратить их в густую сеть "профессионально-классовых" крестьянских организаций, которые начали выступать в политической жизни Украины как отдельная организация, хотя, по существу, были ничем иным, как организациями всевров. Возглавляли всевров: П. Ковалевский, Н. Шаповал, Н. Христюк, А. Севрюк, Н. Шраг, В. Зализняк, И. Михайличенко, В. Голубович и еще целый ряд молодежи переменного состава.

Как у юдеков, левое крыло было очень близко большевикам и русским "левым всеврам" и вносядствии это крыло откололось от партии и под именем "боротьбистов" весьма активно сотрудничало с большевиками в годы гражданской войны.

4. — «Спілка», как указано выше, не являлась политической партией, но в политической жизни и Центральной Раде выступала отдельно, а потому при обзоре украинских политических партий и групп, действовавших на Украине в 1917 г., ее нельзя обойти молчанием.

Кроме перечисленных выше, четырех главных политических группировок (фактически, даже не четырех, а двух: всевров и юдеков), в течении 1917 г. были организационно оформлены еще четыре украинские партии.

5. — «Украинская Демократическо-Хлеборобская Партия» была создана в конце июня 1917 г. Недовольные, все далее идущими влево, социалистическими настроениями Центральной Рады, решили соорганизоваться земельные собственники — зажиточные крестьяне и помещики. 29-го июня в Лубнах состоялся Учредительный Съезд партии, в котором приняло участие 1550 крестьян-собственников (людей физического труда) и 20 помещиков-владельцев крупных хозяйств капиталистического типа. Все они были противниками того, чтобы у них без всякого выкупа отобрали их землю ветры и ведки под видом социализации или национализации. Соответственно этому, была составлена и их программа, которая предусматривала и допускала принудительное отчуждение земли, но только за выкуп. В остальных вопросах программа партии была умеренной буржуазно-демократической в области социальной, и автономистической, в области национально-украинской.

Инициаторами и возглавителями этой партии были: С. Шемет, М. Боярский, В. Чигриц, В. Шклляр, И. Корниенко, М. Макаренко, В. Липинский — земские деятели или хлеборобы-собственники.

Программа партии была созвучна настроениям многих крестьян — хороших хозяев, не обманутых демагогией социалистов, но большого успеха не имела, т. к. они были терроризированы, захватившими в селах власть, социалистами.

Сочувствовали, но боялись выступать открыто. Остальные три второстепенные партии оформились лишь в конце 1917 г. и сколько-нибудь заметного влияния на политическую жизнь не имели.

Партии эти были:

6. — «Украинская партия самостийников-социалистов», сконструированная в ноябре-декабре 1917 г. ее инициаторами: инж. Макаренко, адвокатом Андреевским и врачом Луценком.

Принятая на съезде (30 декабря 1917 г.) программа содержала требование немедленного провозглашения самостийности Украины и признавала "социалистический идеал, как единственный, который может уничтожить современный капиталистический строй, созданный на насильни, принуждении, неравенстве и господство", как говорилось в программе.

Большой роли эта партия в наступивших событиях не играла, хотя ее отдельные члены и сотрудничали активно в попытках украинских социалистов (асаров и ведеков) удержать в своих руках, власть над Украиной.

7. — «Украинская Трудовая Партия», созданная в октябре 1917 г. группой кооператоров, во главе с Ф. Крыжановским, была

попыткой бороться с эсерами, захватившими в свои руки все кооперативы.

8. — Восьмой и последней, из украинских партий 1917 г., является, созданная в декабре, "Украинская Федеративно-Демократическая Партия". Ее инициаторы и возглавители были стары украинские деятели во главе с В. Науменком, И. Лучицким и В. Игнатовичем. Программа ее была умеренной буржуазно-демократической, сродной программе русской партии «Народной Свободы» ("Кадеты"), с умеренным украинским мотивом.

Несмотря на высоко-культурное возглавление и большой личный авторитет отдельных членов партии, успеха она не имела и, как и все не-социалистические партии, была покрыта волной расступающихся социалистических настроений.

**

Создание, в течении первых недель и месяцев, Украинской Центральной Рады, главных политических партий и "украинских военных сил" создало предпосылки для дальнейшей украинизации жизни Украины, к чему стремились так называемые "национально-сознательные" украинцы.

Для демонстрации силы украинского движения и определения его дальнейших путей, в апреле и мае состоялись три многолюдных съезда: съезд чисто политический — «Украинский Национальный Конгресс», "Украинский Военный Съезд", а также "Крестьянский Съезд".

Укр. Наци. Конгресс.

Открытый в весьма торжественной обстановке, многолюдный (1500 участников) Конгресс занялся вопросами чисто политическими, заслушал и обсудил доклады и вынес ряд резолюций. Общий тон и дух Конгресса был социалистический в области социальной политики и автономистический в вопросе национально-украинском. Выступления отдельных самостийников (Ф. Коломийченко и др.) никакого успеха не имели, ибо настроениям подавляющего большинства Конгресса не соответствовали. В вопросе же автономии Конгресс занял определенную позицию, которая выражена в резолюции следующими словами: "Украинский Национальный Конгресс, признавая за Российским Учредительным Собранием право санкции нового государственного устройства российской республики, считает однако, что до созыва Российского Учредительного Собрания сторонники нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными и должны, по соглашению с меньшинствами, безотлагательно создавать основы ее автономной жизни".

По вопросу о самостоятельности величайший тогда авторитет всего украинского движения, Грушевский, высказался на Конгрессе так: "Украинцы не имели намерение отрывать Украину от России. Если бы они имели такое намерение — они бы выступили искренно и открыто с таким лозунгом. Ведь теперь за это они ничем бы не рисковали". Впоследствии он выпустил отдельную брошюру, посвященную этому вопросу: "Откуда пошло украинство и к чему оно идет" (Киев, 1917 г.). В этой брошюре, он развивает и уточняет свою антисепаратистскую установку, высказанную на Конгрессе. Хотя Конгресс и был создан без каких либо выборов, а путем делегирования от многочисленных организаций, только "национально-сознательных украинцев", тем не менее он считал себя выражителем воли всей Украины, а потому считал нужным из своей среды выделить 150 депутатов в Центральную Раду, дабы этим усилить ее авторитет.

После этого пополнения был выбран президиум Рады в составе: Председатель — Грушевский; заместители председателя — Винниченко и Ефремов. Первый уже тогда тесно сотрудничал с эсерами, к которым впоследствии вошел и формально; Винниченко — марксист-левец; Ефремов — бывший общероссийский народный социалист, а теперь — "социал-федералист". Незадолго, как известно, Грушевский и Винниченко перешли к большевикам, а Ефремов остался верен своей установке, но никакого влияния в Раде не имел, т. к. эсеры и левые полностью захватили в свои руки в Раду и руководство политической жизнью "сознательных украинцев". Ефремов же для участия в активной политической жизни не был достаточно "левым".

Военный и Крестьянский Съезды. Первый "Украинский Военный Съезд" собрал 700 депутатов и, по словам ген. Удовиченко, представлял 1.000.000 украинцев-военных

Съезд избрал «Военный Генеральный Комитет», как высший руководящий военный орган для организации Украинской Армии, с С. Петлюрой во главе. Через два месяца, в июне, несмотря на прямое запрещение Временного Правительства, собрался в Киеве, 2-ой Военный Съезд, на котором уже было 2308 депутатов, представлявших 4.000.000 украинцев-военных.

Съезд этот происходил в напряженной атмосфере. Ходили слухи, что все его участники будут арестованы и преданы суду, так как Съезд собрался не только без разрешения Общероссийского Правительства и Верховного Командования, но вопреки прямому их запрещению созыва этого съезда.

Основная масса участников — солдаты. Некоторое количество молодых офицеров и довольно большой процент “земгуаров”, с Петлюрой во главе, тонули в общей серой массе.

Все участники Съезда считались “делегатами”, но никакой серийной проверки их делегатских мандатов не происходило. Все принималось на веру.

Среди “делегатов” велась усиленная пропаганда за немедленное создание своей “Украинской Армии”, что, по словам агитировавших, навлечет за собою немедленное возвращение всех украинцев с далеких фронтов на Украину.

Не менее энергично велась и пропаганда за немедленное прекращение войны и переговоры о мире.

Доступ на Съезд и даже участие в голосованиях фактически было доступно всякому, пожелавшему называть себя “делегатом”. В этом я мог лично убедиться, когда из любопытства (находясь тогда на излечении после ранения в Киеве), попал на этот съезд. В моем присутствии был внесен в список участников Съезда один солдат, который, по его словам, представлял 3.000, но свой мандат “згубил”... Неверили на слово.

Главную роль на Съезде играли украинские эсдэки и осеры, которые в этом случае отказались от, присущего социалистам, нацифизма и выступали, как украинские милитаристы.

Всеобщее внимание обращало на себя, необычайно говорливый, единственный генерал, участвовавший на Съезде, весь разукрашенный желто-голубыми ленточками и розетками.

Генерал этот — Лука Кондратович, как сообщает в своей “Истории Украины” Д. Дорошенко (т. 1, стр. 361) был выбран в “Украинский Главный Военный Комитет”, который, по решению Съезда, должен был создать “Украинскую Армию”.

Однако, председателем Комитета был выбран не генерал Императорской Армии Кондратович, а, никогда на военной службе не бывший, С. Петлюра.

В июне же (10-16) состоялся в Киеве, и “Всекирианский Крестьянский Съезд”, который полностью контролировался эсерами, точнее, “Спілкою”, находившейся в руках избранных. Этот съезд полностью поддержал Центральную Раду и высказался за автономию и уничтожение частной собственности на землю.

И Конгресс, и Съезд вызвал к себе настороженно-отрицательное отношение той части населения Украины, которая не была социалистами или, которая не считала себя “национально-сознательными украинцами”. А таких было не мало. Это были националь-

ные меньшинства: еврейское,польское, великорусское, немецкое, а также весьма значительная часть украинцев по рождению и происхождению, еще не ставших "национально-сознательными". "Сознательные" снисходительно-презрительно называли их "малороссами" или "зросийцами" (обрусевшими).

Показатель настроений — июльские выборы в городские самоуправления — принесли страшное поражение "национально-сознательным" украинцам (об этом уже даны сведения раньше).

Однако это поражение не поколебало уверенности "национально-сознательных" украинских эсеров и эсдеков в своем праве выступать от имени всей Украины и они продолжали, с большой энергией и настойчивостью, «создавать основы для автономии Украины», как сказали в резолюции "Украин. Национал. Конгресса".

Уже накануне Конгресса эти меры вызвали протесты общероссийских партий, которые тогда на Украине были гораздо сильнее чем "национально-сознательные украинцы" (что показали городские выборы), а также, созданных везде Советов рабочих и солдатских депутатов.

Состоялось межпартийное совещание всех социалистических партий (другие тогда были ничтожны и слабы) и соударов, на котором делегаты Центральной Рады заверили, что они вовсе не собираются объявить себя Украинским Учредительным Собранием или ввести автономию явочным порядком и что все свои мероприятия Рада проводит в согласии в Временном Правительством, а с крайними шовинистическими течениями ведет борьбу. Это внесло некоторое успокоение, но это не остановило деятельности по введению, чисто явочным порядком, автономии Украины.

Деятельность эта развивалась, параллельно и согласованно, в Киеве и во всех городах Украины.

Острый недостаток культурных сил среди социалистов — "сознательных украинцев" приводил к тому, что передко на ответственные должности в провинции попадали мало для этого пригодные люди. Так, например, городским головой Полтавы, благодаря поддержке российских социалистов, сделался 25-летний солдат Криворотченко, который через несколько дней был арестован, т. к. выяснилось, что он дезертир с уголовным прошлым. На смену ему пришел малограмотный кооператор — Косенко.

Не лучшие обстояло дело и в большинстве других городов.

Всюду ключевые позиции захватывали молодые украинские эсдеки и эсеры, без должного знания и авторитета среди населения. Население же было неорганизовано и никакого отпора дать не

могло. К тому же быстро выростали две новых силы: советы рабочих и солдатских депутатов и большевизм, прошаганда которого начала усиленно конкурировать с демагогическими лозунгами всаров.

**
*

Отношения с Петроградом.

Окрыленная успехом первых двух месяцев революции, не понимая всю не прочность этих успехов, "национально-сознательной", украинская социалистическая молодежь почувствовала себя хозяином положения не только в Центральной Раде, но и на всей Украине. А потому уже не удovлетворялась проведением автономии Украины явочным порядком, а захотела свои "достижения" оформить и закрепить путем соглашения с Временным Правительством.

В конце мая в Петроград выехала специальная делегация украинских социалистов для ведения переговоров с Временным Правительством. Делегация состояла из 10 человек: интеллигенты, солдаты, матросы, крестьяне и офицеры, а возглавлял ее В. Винниченко. Единственным умерешым и в то же время культурным человеком в этой делегации был социалист-федералист С. Ефремов. Остальные --- эсэры и эдеки. Делегация привезла с собой обширный меморандум, написанный с большим чувством, но это был не политический документ, который бы мог быть базой для серьезного разговора, а напечатанная митинговая речь. Поэтому его отказалась напечатать все петроградские газеты. Сепаратистский историк Д. Дорошенко, в своей "Истории Украины" (стр. 80) сообщает, что в этом меморандуме доводилось до всеобщего сведения, что «только Центральная Рада в состоянии сдержать порядок» и что «украинская нация наиболее демократическая из всех наций». Но, как пишет Дорошенко, "его не согласилась напечатать ни одна социалистическая русская газета в Петрограде." В своих воспоминаниях, Винниченко, пишет, что делегация была принята в Петрограде «без воодушевления».

Временное Правительство приняло делегацию срочно, и о приеме Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, Винниченко пишет: "три дня представительство украинской демократии, украинского крестьянства, рабочих и войска, обивало пороги Совета русских представителей рабочих и войска, пока, наконец, после письменных укоров, угроз и т. п. Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, согласились на выслушать". Хотя Совдеп делегацию и выслушал, но ничего конкретного не предпринял, а направил ее к Временному Правительству, а последнее, как

обижено пишет Винниченко, "вместо того, чтобы дать простой и точный ответ, начало играть комедию: напустило на делегацию комиссию профессоров, которая набросилась на нас и начала пушить со всех сторон, стараясь сбить ее с позиций, втянуть в юридические дебри, запутать и потом взять живыми в руки". Здесь, уместно упомянуть, что те, которые, по словам Винниченко, хотели "взять их живыми в руки" были: украинцы-юристы Лазаревский и Котляревский. По сравнению с ними члены украинской делегации были политическими «приготовившими», кроме Ефремова, человека образованного и серьезного.

Описание приемов и переговоров чрезвычайно характерно, ибо показывает, с каким исключительным легкомыслием украинские социалисты, выдававшие себя за представителей всей Украины, смотрели на такой сложный и ответственный вопрос, как решение судеб Украины. И не удивительно, что Временное Правительство "напустило" на делегацию специалистов, желая поставить переговоры на, единственно возможную, чисто юридическую точку зрения. Къ тому же Временное Правительство и «второе правительство» — Совдеп к моменту приезда в Петербург социалистического посольства Винниченка, получило из Киева множества протестов и предупреждений, как от своих киевских представителей, так и от ряда общественных организаций.

Желание Временного Правительства поставить переговоры на серьезную базу социалисты сочли за памеренную проволочку и "уважение" для себя и, обидевшись, вернулись в Киев, где как раз открывался "Всесоюзный Крестьянский Съезд" (10-16 июня), главное решение которого было принципиальное решение об "уважении прав частной собственности на землю" (виду спора юзеров и землевладельцев не было уточнено, будет ли земля национализирована или социализирована). На этом съезде делегация сделала доклад о своей поездке в Петроград в весьма пелестных выражениях об отношении центральной власти к делу автономии Украины. А под конец Съезда была получена телеграмма от Временного Правительства, что оно "не признало возможным удовлетворить желания Центральной Рады, ибо все вопросы, связанные с автономией Украины и других частей Государства, могут быть разрешены только Учредительным Собранием".

Отказ Временного Правительства, Съезд квалифицировал как "сознательные действия против интересов трудового народа Украины и нарушение права на самоопределение". По словам Винниченко, руководителями Центральной Рады была принята в связи с

этим следующая тактика: «ни бунта, ни покорности». Безостановочно вел организацию сил; организационное планомерное проведение в жизнь автономии. Революционно, но без изысков самим осуществлять постановленные требования". Эта тактика была обоснована тем, что ее защищают "завоевания революции" — два магические слова, которые в то время значили очень много, ибо широкие массы верили, что эти "завоевания" сразу же создадут лучшую жизнь. Учитывая настроения Съезда и неудачу в Петрограде, Центральная Рада решила выступить открыто и декларировать самоочинное проведение автономии Украины. На этом особенном настаивали Галичане — "украинцы", действовавшие закулисно.

1-ый Универсал. Сделано это было в форме торжественного обращения к народу — "универсала". Универсал был оглашен 23 июня, на II-ом "Войсковом Съезде", собравшемся в Киеве, вопреки запрещению военного министра Керенского. А два дня спустя — на торжественном заседании, в здании Троицкого Народного Дома. В нем обвиняется Временное Правительство в нежелании пойти навстречу стремлениям Украины к автономии и говорится, что оно "оттолкнуло протянутую руку украинского народа". Заявляя, что Украина "не отделяется от всей России и не разрывается с Державой Российской", універсал в то же время, заявляет, что украинцы "отныне сами будут создавать свою жизнь", то есть самоочинно вводить автономию. "Сознательные украинцы" прокляли Универсал восторженно. Остальное население — настороженно.

Первое Прав-тво Не прошло и нескольких дней, как **Украины.** Центральной Радой было образовано правительство Украины, под названием "Генеральный Секретариат Украинской Центральной Рады".

Это правительство было чисто социалпестическим и состояло из: 5 марксистов-бездеков (Винниченко, Петлюра, Мартос, Садовский и Степаненко), двух народников-эсеров (Христюк и Стасюк), одного социалиста-федералиста (С. Ефремов) и одного члена «Спілки», находившейся в руках эсеров (Барановский).

Не-социалистов в нем не было, хотя бы они и были «сознательные украинцы». Не было также никого от той части населения, которая не являлась сторонниками автономии и, которая, через несколько дней после создания Генерального Секретариата, на городских выборах во всех городах Украины, своими голосами нанесла такое страшное поражение, выступавшим единным блоком, "национально-сознательным украинцам". Всякое, уважающее себя, правительство, после такого очевидного выражения к себе недоверия,

должно бы было сделать выводы и поставить вопрос о своем праве выступать от всей Украины, тем более, если оно само себя называет «демократическим». Но социалистический Генеральный Секретариат этого не сделал, а постарался затушевать событие бесчисленными «приветствиями» и «одобрениями», посыпаемыми от «имени населения», украинскими всеврами и вседеками из разных городов и сел, и заявлениями, что — «все села за нас».

Однако, все это не могло обмануть группы населения, несогласные с фактической диктатурой украинских всевров и вседеков, и оно энергично протестовало против введения автономии и украинизации явочным порядком. В бесчисленных заседаниях «Исполнительного Комитета Объединенных Общественных Организаций» и Совете рабочих и солдатских депутатов, посвященных этому вопросу, единодушно выступали с осуждением деятельности Рады, как все общероссийские партии и группы, так и группы национальных меньшинств.

В ответ на это, Рада устраивала торжественные шествия по городу, с участием не только, вызванных из сел, своих сторонников, но, самое главное, «украинского войска», которое тогда, боясь отправки на фронт, иссемерно поддерживало свою покровительницу — Раду (войско это состояло, как известно, из дезертиров).

Так, например, 25 июня, в день торжественного оглашения Универсала «войско», совместно с публикой, бывшей на торжестве, устроило шествие через весь Киев — от Троицкого Народного Дома до Софийской площади, где был отслужен молебен под звон колоколов и состоялся митинг, на котором, в разных концах площади, со специальных трибун, Генеральные Секретари оглашали народу Универсал. Во время митинга все присутствующие опустились на колени и проявили Шевченковский «Заповіт». Любопытно было наблюдать, как социалисты-атеисты, новоизбранные вожди Украины, ханжески-лицемерно крестились и опускались на колени во время молебна.

Все это происходило в Киеве, несмотря на то, что, по признанию самих сепаратистов, «было ясно, что масса Киевского населения стоит на стороне всероссийской революционной демократии». (Д. Дорошенко. История Украины, стр. 93). Но, масса эта, была неорганизована и не встречала поддержки импотентного правительства Керенского, что давало возможность Раде продолжать самочинно вводить автономию.

Это стало в глупое и смешное положение тогданшего диктатора — Керенского и демонстрировало его бессилие, но, с другой

сторону, и Рада не чувствовала себя твердо и была не прочь, чтобы все ее мероприятия были одобрены Правительством. Тогда бы она стала не только фактическим, но и формальным Парламентом.

Прогулка по Днепру.

Как результат таких настроений. 2-го

июля, была организована прогулка на

пароходе по Днепру, в которой приняли участие, как представители Рады, так и представители организаций, стоящих на общероссийских позициях и не одобряющих действия Рады.

Во время этой прогулки Грушевский и Винниченко заверяли в своей общероссийской лояльности и подчеркивали, что Рада хочет договориться с Временным Правительством. Но, в то же время, сочли нужным и уместным сказать, что может быть и другое решение: призыв открыть фронт немцам и сделать ставку на них. Одновременно они призывали своих собеседников — российских социалистов дружно бороться против буржуазии, при чем Винниченко сказал: “безусловно украинская буржуазия придет и, может быть, через несколько месяцев она захочет занять свое место в украинском движении, и тогда украинская демократия будет, совместно со всей демократией, бороться против буржуазии” (“Киевск. Мысль” 3 июля 1917 г.).

После прогулки по Днепру Рада начала ускоренно проводить в жизнь ряд мероприятий, которые имели целью превратить Раду в Краевой Парламент с законодательными функциями, а Генеральный Секретариат — в Правительство Украины.

Комитет же Центральной Рады, так называемая “Малая Рада”, в промежутках между сессиями, получает все права Центральной Рады, не исключая и прав законодательных.

Так как превращение Центральной Рады, центра чисто национально-украинского, в Краевой Парламент для всей Украины требовало привлечения к участию в нем и тех, которые не были “национально-сознательными украинцами”, а также национальные меньшинства, то было решено так: представителями всех украинцев (независимо от степени их “сознательности”) считать уже существующую Центральную Раду; а меньшинства должны быть представлены “организованной революционной демократией” этих меньшинств. О демократии же не-“революционной” в те времена никто не думал.

С исключительной быстротой были проведены все мероприятия по введению автономии Украины явочным порядком, и уже 9 июля председатель Генерального Секретариата Винниченко огласил декларацию, в которой сообщалось о уже проведенных “рефор-

мах” и намечался план на будущее. Декларация составлена в независимом тоне, как бы игнорируя самое существование Временного Правительства: “Секретариат Межнациональных Дел имеет целью объединить работу всех национальностей России для борьбы за автономно-федеративный строй Российской республики и для согласования действий украинцев на этих основах с другими национальностями. На первом плане перед Секретариатом Межнациональных Дел стоит созыв съезда представителей народов и областей России и подготовка материала для этого съезда” — говорится в этой декларации. Отношение же к Временному Правительству неоднозначно выражено в следующих словах декларации: “Тут нет вразумы к Петрограду, а иная к нему безразличность, ибо украинская демократия имеет свое собственное Правительство, которое сама создала и полностью ему доверяет”.

После двухдневных дебатов декларация была одобрена Центральной Радой, а кроме того Генеральному Секретариату было поручено начать подготовку к созыву Украинского Учредительного Собрания. Так как Учредительное Собрание может быть созываемо только в независимом государстве, то, давая это поручение, Центральная Рада тем самым высказалась, косвенно, за полное отделение Украины от России, хотя прямо об этом и не сказала.

Миссия Керенского.

Но это прекрасно понимали все, даже

тищеславный болтух — Керенский,

которого мутные воды революции, выбросили тогда на вершину власти. И немедленно же в Киеве появился сам Керенский с министрами Церетели и Терещенко для “обсуждения с Центральной Радой создавшегося положения”.

Два дня длилось это “обсуждение” и закончилось 13-го июля полной капитуляцией Всероссийского Временного Правительства перед украинскими социалистами, выступавшими от имени всей Украины. О том, кого представляют те, кто с ним говорит от имени “всей Украины” и по какому праву они это делают, Керенскому даже не пришло в голову спросить. В то время людьми и гражданами почитались лишь социалисты, так называемая “революционная демократия”.

Не мало помогла этой капитуляции и, умело организованная Центральной Радой, демонстрация украинцев-военных. Но, переполненному тогда военными, Киеву (в большинстве, дезертирами) былпущен слух, что приехал Керенский, чтобы всех “гнать за фронт”, во Центральную Раду этому противится и хочет создать от-

дельную "Украинскую Армию". К 5 часам дня 12-го июля перед зданием Педагогического Музея, где происходили совещания, собрались "для парада" украинизированные военные части, а также многотысячная толпа в солдатских пинехах. Конечно, в полном составе были многочисленные Богдановский и Полуботковский полки (из дезертиров), а также некоторые другие части. Парад принимал Грушевский, а Главковерх — Керенского оставили в здании, откуда он мог все наблюдать через окно. Только после окончания парада Керенский смог выйти на улицу, чтобы "поздороваться с войсками", которые приветствовали приветствие более чем холодно (не мало слышалось ругательств и свиста). Тицеславного Керенского это потрясло и добило окончательно и он потерял всякую способность к сопротивлению наискусу украинских социалистов.

Было достигнуто "соглашение", как деликатно называли капитуляцию, и министры уехали в Петроград для доклада Временному Правительству, а Центральная Рада осталась господином положения, не интересуясь даже, утвердит ли это соглашение Временное Правительство или нет. "Соглашение" что, которое Милюков в своей "Истор. русск. револ." (ч. I, стр. 236) называет: "бесформенным и юридически неграмотным", вызвало разногласия во Временном Правительстве и привело к выходу из его состава пяти министров не-социалистов (кадетов), что, в свою очередь, вызвало дальнейшее колебание Временного Правительства и полное господство в нем социалистов. Немедленно же была послана от имени Временного Правительства телеграмма Центральной Раде с извещением о согласии на условия "соглашения", выработанного на совещании в Киеве. Рада немедленно созвала торжественное заседание своего пленума, на котором было доложено о достигнутом успехе и тут же был оглашен — "2-й Универсал", приблизительно с таким же церемониалом, как был оглашен и 1-ый Универсал.

2-ой Универсал

В отличие от "1-го Универсала", теперь обращались не к "Народу Украинскому", а к "Гражданим Земли Украинской", желая этим подчеркнуть, что теперь Центральная Рада есть уже не центр "национально-созидающих украинцев", а Краевой Парламент, который выступает от имени всего населения.

Оповещая об этом, "2-ой Универсал" говорит: "Мы, Центральная Рада, которая всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России, чтобы, совместно со всеми ее народами, ити к развитию и благополучию всей России и к единству ее демократических сил, с удовлетворением принимаем призыв Правительства к един-

ству". Дальше, "2-ой Универсал" сообщает о ряде конкретных мероприятий административного-политического характера, которые будут осуществлены в ближайшее время и приведут к оформлению автономии Украины.

Соглашение между Центральной Радой и Временным Правительством каждой сторона толковала по своему, но все понимали, что оно было для Временного Правительства вынужденным. В этом не могло быть никакого сомнения.

С чисто формальной стороны, это соглашение, Милюков, как уже упомянуто, назвал "юридически-неграмотным", а известный юрист проф. Нольде пишет о нем так: "ва скорую руку, между двумя поездами, три русских министра и проф. Грушевский договорились в деле создания Украинского государства"... "неопределенному числу российских граждан, которые живут на необозначенной территории, приказано подчиняться государственной организации, которую они не выбирали и не власть которой теперь их отдают, без каких бы то ни было серьезных оговорок. Российское Правительство, не знало даже, кого оно передало в подданство новому политическому творению"...

Именно, в эти дни, как уже упоминалось, на свободных городских выборах, получили 90% голосов, противники не только соглашения, но и самой Центральной Рады вообще — разные партии, стоявшие на общероссийских позициях. Правда, выборы были не всеобщие, на села они не распространялись, но проведены они были с соблюдением всех демократических свобод, а потому сомневаться в том, что они правильно отразили настроения наиболее культурной части населения Украины — жителей ее городов — не приходится.

Но после капитуляции Керенского перед ловкими и напористыми "национально-сознательными" украинскими социалистами разрозненные противники уже не могли бороться с Центральной Радой, в руках которой оказался весь административный аппарат и которую поддерживали украинизированные военные части, предпочитавшие не ити на фронт, а пребывать в тылу, под покровительством Центральной Рады, вредя до сформирования отдельной Украинской Армии. Пропаганда в этом смысле имела большой успех. Рада имела не малую поддержку и в селах, благодаря пропаганде засоров, обещавших немедленное и бесплатное получение земли, каковая пропаганда имела магическое действие.

Победа Ц. Рады.

И противники Рады, которые выступали против нее единым фронтом в

первые месяцы революции под именем "российской революционной демократии", не оставалось ничего иного, как молча признать себя побежденными и пойти на участие в Раде, в качестве революционной "демократии меньшинств".

Этим меньшинствам было предоставлено 30% мест в пленуме Центральной Рады и 18 мест в "Малой Раде" (расширенном Президиуме Центр. Рады), состоявшей из 58 членов, включая сюда и представителей меньшинств. Их дал, побежденный "Киевский Исполнительный Комитет объединенных общественных организаций", который в первые дни революции всю власть в Киеве взял в свои руки. И уже 25 июля состоялось первое заседание Малой Рады, с участием представителей народных меньшинств, которые получили, в реконструированном Генеральном Секретариате, три второстепенные портфеля.

Тогда же, Центральной Радой, был окончательно утвержден ее численный состав — 822 члена.

Для понимания обстановки, не безинтересно ознакомиться, как покомпилилась Рада.

Украинский историк, Д. Дорошенко, дает следующие данные (Ист. Укр., стр. 123):

Всеукраинский Совет Крестьянских Депутатов	—	—	—	212	членов,
"	"	Военных Депутатов	—	—	158 "
"	"	Рабочих депутатов	—	—	100 "
Представители общих Советов солд. и рабоч. депут.	—	—	—	50	"
"	Украин. Социалист. партий	—	—	—	20 "
"	Российск. Социал. партий	—	—	—	40 "
"	Еврейск. Социал. партий	—	—	—	35 "
"	Польск. Социал. партий	—	—	—	15 "
"	городов и губерний, выбран. на крестьянск.				
	и рабочем съезде	—	—	—	—
"	разных профессиональных и обществ.				
	организаций	—	—	—	108 "
Всего					822 члена

Как видно из этих данных, Центральная Рада была сплошь социалистическая. Редкие единицы не-социалистов тонули в социалистическом море, в котором главную роль играли украинские всевры, а с ними соперничали эсдеки и, постепенно набирающие силу, — большевики. Уже на "Всеукраинском Рабочем Съезде" (24 июля), который должен был дать 100 членов Ц. Р., ясно слышались большевистские ноты. Принятия этим съездом резолюция говорят, что:

"надо немедленно закончить войну, а для этого Временное Правительство обязано, в решительной форме, потребовать от Англии, Франции и других союзников, чтобы они, вместе с Россией, приступили к переговорам о мире с центральными державами. А если бы союзники отказались — приостановить войну". По существу, эта резолюция ничем не отличалась от позиций большевиков.

Пробольшевистские Укр. партии.

Настроения, высказанные в резолюции, все больше и больше охватывали

массы. А, так как большевики сумели эти настроения облечь и четкий лозунг: "долой войну", прибавив к нему — "грабь награбленное!", то их влияние и значимость, в политической жизни быстро росла. Даже в рядах организационно оформленных ведущих социалистических украинских партий — всаров и засдеков — создались "левые крылья", весьма созвучные большевикам. Это были (как уже упомянуто выше): "независимые всары" и всары — "боротьбисты".

Между тем анархия во всей России, в том числе и на Украине, росла и ширилась. Центральная Рада не могла с ней справляться, точно так же, как и Временное Правительство. Захвативши к концу июля всю власть над Украиной, украинские всары и засдеки, диктовавшие свою волю в Центральной Раде, по словам одного члена Рады, «вообще мало задумывались над тем, что такая реальная власть, что такое ведение администрации и народного хозяйства, думая, что можно регулировать жизнь края путем возвзаний, резолюций и деклараций. Все практическое, жизненно-необходимое, было вне круга социалистически-революционного мышления людей, с молоду воспитанных в понятиях, враждебных государственному порядку вообще». А Глава Правительства... Винниченко с редкой наивностью сказал, что: "все чиновники, какие бы они ни были — либеральные или реакционные — это наихудшие и наивреднейшие люди, к которым он всегда чувствовал враждебность и отвращение".

Не удивительно поэтому, что ближайшие месяцы после блистательной победы над Временным Правительством Центральная Рада занималась съездами, конгрессами, возвзаниями, декларациями, партийным местничеством и "суетничеством" с Временным Правительством по вопросу о своих правах и компетенции. Для конструктивной созидательной работы по упорядочению жизни края не находилось ни времени, ни желания, не было и соответствующей подготовки.

Боязнь же центр-революции, постоянный страх, как бы она ве-

произошла и мысли о том, как ее не допустить, ослепила "революционную демократию" (одинаково — и украинскую и общероссийскую) на левый глаз и она не замечала опасности слева — от растущего и усиливающегося большевизма.

После подавления июльского большевистского восстания в Петрограде, подавить которое Правительству удалось только благодаря казакам, юнкерам и паскотым группам офицеров, никто из власти имущих не подумал, что это восстание есть грозное предупреждение и, что оно может повториться, но уже с другим результатом. На предостережение не-социалистов никто тогда не обращал внимания, считая их "контр-революционерами" бредицами.

Корниловское выступление. Попытка генерала Корнилова (в сентябре) спасти разлагавшийся фронт и всю Россию, как известно, кончилась неудачей, благодаря дружному отпору революционной демократии вообще, а ее левого крыла, в особенности. Хотя Корнилов и не был реакционером, а подлинным демократом, сыном простого казака и честным российским патриотом, его попытка вооруженной силой прекратить анархию, вызвала обвинения в "контр-революции" и, в конечном результате, только усилила пробольшевистские настроения масс. Как теперь с достоверностью установлено, не совсем благовидную роль сыграл Керенский. Выступление сделано было с его ведома и согласия, а когда оно началось, Керенский, не только отрекся от всякого в нем участия, но и объявил Корнилова мятежником.

Выступление Корнилова оказало не малое влияние и на соотношение политических сил в Киеве и привело к тому, что в Киеве появились хорошо вооруженные отряды рабочих, одинаково враждебные и Центральное Раде, и Временному Правительству. Вот как описывает события в Киеве украинский историк Д. Дорошенко: "При первом известии, что Корнилов хочет взять в руки всю власть и стать диктатором, все демократии, все революционные организации и комитеты, охватила величайшая тревога. Сразу все революционные комитеты ожили; все советы солдатских депутатов на фронте и в тылу мобилизовали свои силы, заарестовали генералов и офицеров, которые заявили свою солидарность с Корниловым и на украинской территории все попытки поддержать Корнилова были подавлены в самом зародыше, можно сказать, без боя. Когда, 9 сентября, в Киеве, было получено известие о выступлении Корнилова, там, немедленно, сформировался "Комитет Спасения Революции", куда вошли: представители Генер. Секретариата, Комиссар Временного Правительства, Командующий войсками Киевского ок-

руга, Киевский городской голова, Начальник милиции, председатель Исполнительного К-та и Совета рабочих и солдатских депутатов, представители профессиональных союзов и всех социалистических партий, до большевиков включительно.

Был смешен (изгнан) Врем. Пр-вом.) комиссар города Киева, Н. Ф. Стадомский, как чеरечур "правый", закрыта на некоторое время газета "Киевлянин", произведены обыски и аресты правых деятелей, вооружены рабочие отряды и разоружены польские боевые дружины ввиду их "контрреволюционности". Наступило общее "полевение"...

Оружие, полученное большевиками в неограниченном количестве от «Комитета Спасения Революции», разумеется, возвращено не было, а был сформирован в Киеве ряд отлично вооруженных "боевых дружин" из рабочих-большевиков.

"И, перед глазами Генерального Секретариата" — пишет дальше Дорошенко — "в самой столице появилась третья вооруженная сила — кроме украинских и российских войск. В армии всякая дисциплина стала окончательно. Она превратилась в миллионную массу вооруженных и озлобленных людей, которые не чувствовали над собой никакой власти и были теперь страшны не внешнему врачу, а мирному обывателю". (Д. Дорошенко, "История Украины", стр. 146).

Говоря об армии, Дорошенко не выделяет украиноизированные части и тем самым признает, что и "украинское войско" было — "массой вооруженных и озлобленных людей, не чувствовавших над собой никакой власти", что совершенно соответствует действительности и опровергает утверждения сепаратистов, что "украинское войско" было дисциплинировано, "национально-сознательно" и послушно Центральной Раде. Настроения же "украинского войска" Дорошенко, член Малой Рады и кандидат в Председатели Генерального Секретариата, отлично знал и понимал, что расчитывать на свою "Армию" Цент. Рада не может.

Вольное казачество.

Понимая, что надеяться на свое "войско" нельзя и видя задвигающуюся полную анархию, некоторые деятели Центральной Рады пришли к мысли спасать положение путем создания народной милиции для борьбы с нарушителями закона и порядка. Началась организация, так называемого, "Вольного Казачества", которое, согласно уставу, имело цель — "физическое и духовное разлитие своих членов, поддержка спокойствия в крае, борьба с дезертирством во время войны и охрана мира, жизни и имущества граждан, особенно во

время демобилизации". (Устав Вольн. Казачества).

В селах и городах создавались отряды "Вольного Казачества", получали оружие и облачались в "историческую" форму: шапки со шнурками, жуаны, кривые сабли и т. п.

Уже в половине октября (но н. ст.) в Чигирине состоялся съезд "вольных казаков" с участием 2000 делегатов от 60.000 организованного «Вильного Козацтва». Съезд утвердил устав организации, выбрал "Раду", атамана — ген. Скоропадского, писаря-сотника Ко-чубея, и, по обычаю того времени, обратился с воззванием к на-селению.

Возможность легально получить оружие и формировать отряды привлекала в ряды "Вольного Казачества" разнообразные элементы. В своих воспоминаниях Гетман Скоропадский об этом пишет: "Деревенская молодежь, отчасти и ножные крестьяне, охотно вступали в казачество; менее сознательные — ради шапок с кистью и жупанов; более сознательные увлекались романтическими картинами прошлого. Было много казачьих организаций, хотя бы на Полтавщине, которые состояли из, преимущественно, зажиточных хлеборобов. Эти последние были настроены полностью антисоциалистично и антиреvolutionарно. Наряду с ними некоторые сотни при-нимали характер разбойничих организаций. Во главе последних обычно стояли разные авантюристы, редко идеальные; в большинстве такие, которые имели свои личные интересы, а то и просто искали удобного случая ноживаться чужим добром. Таким образом все зависело от того, кто стоял во главе части, будь то сотня, полк или корпус". (Хлеборобская Украина, кн. IV, стр. 26).

К объективной и правдивой характеристике "Вольного Казачества", которую дает сам его атаман, следует прибавить, что, параллельно с перечисленными категориями, в "Вильном Казачестве", было не мало дезертиров. Иногда целая их группа объявляла себя "сотней вольных казаков". Не мало было и элементов, определенно большевистски настроенных.

Вот на эту разномастную вооруженную массу и возлагали последнюю надежду и Центральная Рада и Генеральный Секретариат, надеясь, что она остановит надвигавшуюся аваргию.

Против организации "Вольного Казачества" и выдачи оружия непроверенным людям высказался, происходивший в половине октября, Съезд Губернских и Уездных комиссаров; но его мнение не было принято во внимание, хотя и высказано было 80 представителями с мест, хорошо знакомых с обстановкой.

А уже 31 октября, в том самом Чигирине, где проходил съезд

“Вольного Казачества”, образовался специальный “Комитет Гражданской Безопасности” для борьбы с обысками, арестами и конфискациями имущества, которые самочинно проводили «вольные казаки». Подобные комитеты пришлось организовать и в нескольких других городах Украины. Через несколько недель “Вольное Казачество” растянулось в волнах наступивших событий и никто не может указать случай, чтобы, хотя бы одна тысяча из 60-тысячного “Вольного Казачества” выступила в защиту Центральной Рады, которая так из него надеялась.

Так закончилась эта попытка Центральной Рады подворить какой-нибудь порядок на Украине.

Продолжая свое близорукое сутажничество с Временным Правительством, важно называя его “переговорами” и “конфликтами”, Центральная Рада, быстро тонула в море всяких мелодекламаций, иногда очень поэтичных, называемых “возвзваниями”, “декларациями”, “резолюциями”. Бесчисленные же съезды, конгрессы, “кризисы”, партийное начетничество и склокничество и бесконечная болтовня не оставляли ни минуты свободной, чтобы обратить внимание на то, что происходит на Украине, от имени которой выступила Центральная Рада.

А происходило нечто грозное для Центральной Рады и той группы социалистически-украинско-шовинистической молодежи и полуинтеллигенции, которая, засевши в ней, вероятно, искренно верила, что она выражает волю всего населения Украины. Не только падение авторитета Рады, но и полный паралич ее эфемерной власти, становился изо дня в день все очевиднее.

Более умеренные элементы населения, напуганные социалистически-шовинистическими мелодекламациями Рады, не имея возможности с ней бороться, отошли от всякой политики, со страхом наблюдав расступающую анархию, и относились резко отрицательно и к социализму, и к революции вообще.

Малокультурные крестьянские и солдатские массы все больше и больше поддавались заманчивым лозунгам большевистской пропаганды и “левели” изо дня в день. “Левела” и Рада, согласно установке Грушевского, что “надо ити в ногу с биением пульса народных настроений”, высказавшей им в первые дни революции. Но, Рада “левела” гораздо медленнее чем массы, а потому неизменно опаздывала и находилась в отрыве от них. И все заявления Рады, что она имеет четыре миллиона “национально-сознательных” украинцев-военных, от имени которых выступил 2-й Военный Съезд (по данным ген. Удовичекко) и 60.000 “вольных

казаков", были, в лучшем случае, самообманом, прикрывавшим не-прятливую для Рады действительность.

Трезвые голоса немногих, подлинно культурных членов Рады, указывающие на грозное положение, проходили мимо ушей министров из недоверчившихся семинаристов и студентов, или — людей с образованием церковно-приходской школы (например, министр Барановский), которые находились в усопии своей призрачной популярности и власти.

Пастушии вскоре, в связи с октябрьским восстанием в Петрограде, события показали и их популярность, и их власть, и выявила подлинные настроения населения Украины.

Октябрьские дни в Киеве. При первом известии о падении Временного Правительства, в Киеве отчетливо обрисовались три силы: сторонники Временного Правительства, Центральная Рада и большевики.

Несмотря на то, что эти три силы были враждебны друг другу, по инициативе Рады, уже 7-го ноября, был создан "Краевой комитет для защиты революции", в который вошли представители всех трех сил, не исключая и большевиков. Комитет считался "ответственным перед Радой", а власть его (теоретически, конечно) распространялась на всю территорию Украины. Деятельность свою, Комитет, разумеется, начал с воззвания к гражданам Украины, в котором оповещается, что "на улицах Петрограда идет борьба между Временным Правительством и Петроградским Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов" и, что «враги революции и народной воли, могут воспользоваться этой борьбой для того, чтобы вернуть старый царский порядок и бросить народ в неволю".

Как видно из этой формулировки, Комитет, своего отношения к борющимся в Петрограде сторонам, не высказывал, а опасался только воображаемой "контрреволюции", против которой и собирался бороться.

Но, как показали ближайшие дни, бороться пришлось не против "контрреволюции", а между собою тем трем силам, которые были представлены в Комитете. В борьбе этой приняли участие и, заседавшие в эти дни в Киеве, два съезда: «3-й Украинский военный» и «Всероссийский Обще-Казачий». Первый имел 965 делегатов, а второй — 600.

Из, названных трех сил ни одна не могла рассчитывать с уверенностью на свою победу, ибо в те времена трудно было строить планы на верности и устойчивости своих сторонников.

Наиболее отчетливую позицию занимали сторонники Времен-

ного Правительства, которые проявили себя в Киеве гораздо более стойкими, чем само Правительство в Петрограде, сам глава которого перед лицом опасности струсили и бежали несогласным, спасая свою драгоценную жизнь.

Командующим войсками Киевского военного округа в то время был энергичный генерал Квицинский, его верными сотрудниками и душою дела были два украинца: Комиссар при военном округе И. Кириенко и Комиссар города Киева, К. Василенко, оба — члены общероссийских партий и заклятые враги Центральной Рады.

Генерал Квицинский, «Краевой Комитет для защиты революции», не признал, на том основании, что в него входят и большевики (Пятаков, Затонский), и поставил караул около всех правительственные и общественных учреждений, а верные части начали собирать вокруг своего штаба. Городская Дума резко осудила выступление большевиков и постановила создать свой «Комитет защиты революции». 3-й Украинский Военный Съезд решил из своих делегатов сформировать, под командой полк. Калкана, «Первый Украинский Полк Защиты Революции» и подчинить его Украинскому Правительству. Казачий Съезд заявил, что казаки — «государственники» и вынес решение, что они должны «бороться с митровлением в Киеве, взять власть в свои руки и координировать свои силы со штабом округа и комисс. Кириенко».

Большевики срочно приводили в готовность боевые дружины, обильно снабженные оружием еще в дни Корниловского выступления и усилено всеми пропагандистами.

Центральная Рада «нацупынивала пульс настроений» и открыто против большевиков не выступала. Настроения эти определились, когда на «3-м Укр. Воен. Съезде» во время дебатов (10 ноября) один из ораторов сказал: «нам надо определить, с кем мы» — зал разразился криками: «с Лениным! с Лениным!»... А, накануне (9 ноября) Киевский совет рабочих и солдатских депутатов, большинством 489, против 187, при 17 воздержавшихся, вынес благожелательную к большевикам и их действиям резолюцию. В частях же «Украинской Армии» открыто велась большевистская пропаганда и рассчитывать на них в случае столкновения с большевиками не приходилось.

Еще днем раньше (8 ноября) в заседание «Комитета по защите революции» явились делегаты казачьего съезда и попросили «недвусмысленно определить позицию украинцев, чтобы, в зависимости от этого, определить позицию казаков».

Присутствие казачьей делегации привело в волнение украинцев — членов комитета и они начали или оправдываться, критикуя деятельность Военного Округа, и сваливать вину за отсутствие сотрудничества с ними на Квиицнского, Кириенка и Василенко, или выступать против всякого сотрудничества с большевиками.

В ответ на это, слово взял член Комитета, большевик-украинец Затонский. Содержание его выступления приводит в своей "Истории Украины" (т. 1, стр. 162), украинский историк Д. Дорошенко. Вот что, по его словам, сказал Затонский: «еще вчера, на закрытом заседании Малой Рады, где выбирали Краевой Комитет, не только не было осуждения выступления большевиков, но, наоборот, говорилось о его идеальности и революционном характере, отмечалось, что оно является противопоставлением контр-революционности Временного Правительства»... «он поставил ребром вопрос: есть ли Центр Рада — противник выступления или его друг?» Казачья делегация с недоумением выслушала речь Затонского, ожидая, что она будет, если не опровергнута, то, хотя бы исправлена. Но члены Малой Рады молчали. Надо полагать потому, что слова Затонского были правдой.

Вместо этого, приступили к обсуждению конкретного вопроса, поставленного Затонским и, в конце концов, выпесли резолюцию, осуждающую выступление большевиков. Большевики вышли из состава "Комитета по защите революции". Об этом выходе, украинский историк, Дорошенко, пишет: "Но, разрыв был только формальный: фактически, украинцы в вооруженном конфликте большевиков со "штабовцами" держали дружественный в первых нейтралитет и, в решительную минуту, помогли им вооруженной силой" (Ист. Укр. стр. 163).

В эти бурные дни большое влияние на поведение Центр. Рады оказали евреи-меньшиевики, объединенные в партии "Бунд". Их лидер — Раффес — был членом Президиума Рады и настроен определенно пробольшевистски.

Впоследствии Раффес издал в Москве (в 1920 г.) книгу "Два года на Украине", в которой описана помощь "Бунда" большевикам в Киеве, равно как и сотрудничество укр. социалистов Централ. Рады с большевиками.

Вооруженная борьба.

Киев постепенно превращался в вооруженный лагерь, в котором каждая сторона концентрировала свои силы около своих центров: Штаба Округа, Центральной Рады и Арсенала — цитадели большевиков. По городу ходили патрули: украинские, "штабовские" и большеви-

вистские, иногда арестовывая друг друга, но в большие бои не вступая.

Миллионный город — Киев пританлся и со страхом ждал чего это кончится.

Матросская секция «З-го Украинского Военного Съезда», недовольная деятельностью Краевого комитета, арестовала его в полном составе, но вскоре выпустила. Казаки вызвали подкрепления. Большевики постановили взять всю власть в свои руки. Кириенко арестовал 9 представителей Краевого Комитета, высланных к нему для переговоров и выпустил их только тогда, когда ему была доставлена резолюция Комитета об осуждении выступления большевиков. «Краевой комитет для защиты революции», никого и ничего не защищавши, самораспустился, а свою функцию передал Генеральному Секретариату. Атмосфера накалялась...

Первыми перешли в наступление сторонники Временного Правительства — «штабовцы». Вечером 10 ноября отряд в 1.000 человек, составленный из участников казачьего съезда, юнкеров и офицеров — членов Союза Георгиевских Кавалеров, окружила большевистский Революционный Комитет, который находился во дворце (на Печерске) и целый день принимал делегации от отдельных украинских частей, которые заявляли, что, в случае столкновения, они поддержат большевиков, вопреки запрещению Центральной Рады. Наступление «штабовцев» было неожиданным, и большевики его заметили только, когда дворец был окружен и на него паведены орудия и пулеметы. Украинские части не успели прибыть на подмогу. Прибыли только несколько членов Рады, но не для активной поддержки, а для защиты и для уговоров сдаться, казковое требование было предъявлено «штабовцами». Видя, что сопротивление невозможно, Революционный Комит. сдался, получивши обещание личной неприкосновенности. Эту сдачу подробно описывает «Рабочий Газета» (орган эсдеков, под редакцией Винниченко) в №172 за 1917 г.: «раздраженные казаки и офицеры кинулись на большевистских вождей и чуть их не разорвали на месте. Присутствование делегаты Центральной Рады, своими трудами защищали их от неминуемой гибели»... Как рассказывал впоследствии в Центральной Раде свидетель происшедшего, М. Ткаченко, «Цятакова застали в маленькой комнатке и мы своими телами, спасли его от зверской расправы».

Большевистский Революционный Комитет был спасен заступничеством членов Рады, во оставался под арестом. Однако, большевики не считали себя побежденными и, уже через один день, под-

няли в Киеве общее восстание.

Три дня длились бои в разных частях города. Сражались сторонники Временного Правительства и большевики. Центральная Рада заняла позицию, определенно дружественную большевикам, хотя официально это не декларировала, а действовала исподтишка или косвенно.

Отдельные же части, так называемой "Украинской Армии" совершенно открыто сражались на стороне большевиков. Так, например, в боях за цитадель большевиков — Арсенал, самое активное участие принимали: 1-й Запасный Украинский Полк и Полк Богдана Хмельницкого, вмешательство которых спасло, уже окруженный и отрезанный, Арсенал от надежд. Украинские части неожиданно напали (на Фундуклеевской улице) на чехословаков, шедших на подмогу Штабу и, после столкновения, в котором несколько чехов былобито, отряд был разружен. На Шулявке отряд "вольных казаков" все время сражался на стороне красных. А, в то же самое время, когда в Киеве шла эта борьба, 7-я сессия Центральной Рады вынесла резолюцию с требованием немедленного освобождения арестованного большевистского Революционного Комитета, мотивируя, как сказано в резолюции, "полным отсутствием, с их стороны, попыток восстания". Генеральный Секретарь Нориц вступил в непосредственный контакт с руководителем восстания, украинским большевиком Затонским и, совместно с ним и чешским социалистом Муной, выпустил к чехам обращение с просьбой быть нейтральными. Чехи согласились не сразу, а послали делегацию в Центральную Раду, которая сумела чехов уговорить — и они вышли из борьбы, не предупредивши даже Штаб.

Обо всем этом, кратко и сжато, сообщает украинский сепаратистический историк, Д. Дорошенко (Ист. Укр. стр. 168-170), в правдивости которого, нет никаких оснований сомневаться.

Более же подробно, описывает все эти события, редактировавшись тогда Винниченком "Рабітніча Газета", в №№172-174 за 1917 г. Надо полагать, что Винниченко, как марксист, считал нормальным, чтобы "Укр. Арм." и Рада не боролись против большевиков.

Сотрудничество с большевиками.

Случаев активного вооруженного участия украинских частей на стороне большевиков, в их борьбе с Временным Правительством, можно привести множество. Не только в Киеве и в других городах Украины, но даже в Великороссии. Так, например, полк. С. Раевский, Командир 1-ой Гайдамацкой гаубичной батареи, в своих воспоминаниях, напечатанных в украинском са-

мволе в Киеве общее восстание.

мостийническом журнале "Украинский Комбатант" (№1, 1947 г.), рассказывает о том, как украинский артиллерийский дивизион, проезжавший (на пути из Москвы на Украину) через Тулу, помог большевикам захватить там власть: "«шел он, утром 1-го ноября, прибыл в Тулу и выгрузил баттарею гаубиц. Моя артиллеристы делали это очень охотно. Было выпущено до сотни артиллерийских снарядов: бомбы, тротиловые, мелинитовые, а также шрапнели — сделали свое дело. Через пол часа Тула горела, а представители правительства Керенского прибыли на станцию и сдались красным комиссарам»".

Подобные же случаи имели место в Казани и Воронеже, а также некоторых других городах Великороссии, где украинские ("украинизированные") части в дни захвата власти большевиками неизменно или объявляли нейтралитет, или выступали на их стороне. И, ни где, ни на Украине, ни в остальной России, не было и одного случая, чтобы украинские части, те "четыре миллиона", от имени которых высказал резолюции 2-ой Укр. Военный Съезд, выступили против большевиков. Подтвержденные сепаратистическими историками и мемуаристами эти совершенно неопровергимые факты, дают основание утверждать, что, или Центральная Рада не имела никакой власти над "четырех-миллионной" украинской армией, или она сама была на стороне большевиков, и части, боровшиеся за их стороны, делали это, по инструкциям или с согласия Центральной Рады. Как при первом, так и при втором допущении, опровергается утверждение самостоятийников о том, что "вся Украина была против большевиков" и что она ими "завоевана".

**

Выход из борьбы чехов и активное выступление украинских частей на стороне большевиков подорвал дух защитников Киева.

Ни казаки, ни юнкера не видели смысла в дальнейшей борьбе, а потому решили ее прекратить и уйти на Дон, куда перенес свои заседания Казачий Съезд и пригласил всех защитников Киева.

В результате переговоров между борющимися сторонами, в которых принимала активное участие Центральная Рада, большевистский Революционный Комитет был выпущен, в обмен на пленных юнкеров, а защитники Киева уехали на Дон.

17 ноября вождь киевских большевиков, Пятаков, телеграфировал Совету Народни Комиссаров: "дружными усилиями большевистских и украинских солдат и вооруженных красногвардейцев Штаб был вынужден сдаться".

**

Цент. Рада
и большевики.

После ликвидации сопротивления сто-
ронников Временного Правительства,
с половины ноября, в Киеве и на всей,

Украине осталось две силы: большевиков и Центральной Рады.

Было совершенно очевидно и логически неизбежно, что долго
существовать обе эти силы не будут и, рано или поздно, нач-
нется борьба между ними.

Большевики это отлично поняли, учили обстановку и сразу же,
после Киевской борьбы всю свою энергию направили на большеви-
зацию Украины, старательно избегая открытых конфликтов с
Центральной Радой. В большинстве крупных городов Украины еще
во время киевских событий были созданы "революционные коми-
теты", в которых преобладали пребольшевистские элементы. Та-
кие же "ревкомы" начали создаваться также и в малых городах,
даже местечках и селах. Являясь по существу большевистскими
ячейками, они в течении ноября-декабря 1917 г. густой сетью по-
крыли всю Украину и вели энергичную пропаганду, все больше и
больше завоевывая симпатии малограмотной крестьянской и сол-
датской массы, радикальными большевистскими лозунгами. В этот
период уже отчетливо выявился отход левых крыльев украинских
эсеров и эсдеков, составлявших Центральную Раду, на большевист-
ские позиции.

"Независимые" эсдеки и эсары — "боротьбисты" всегда бы-
ли на стороне большевиков, во всех случаях их споров с Централь-
ной Радой.

Что же делала в это время Центральная Рада? — Преж-
де всего, вероятно искренне, она поверила, что в борьбе Времен-
ного Правительства с большевиками, она "перехитрила" и одних,
и других и вышла победительницей и хозяином положения на Ук-
раине. Эту уверенность укрепляла дальновидная политика боль-
шевиков, которые, тихой сапой, захватили Украину, но, до поры до
времени, старательно избегали конфликтов с Центральной Радой и
ее органами, постепенно просачиваясь в последние.

Когда в Киеве несли караульную службу части тех самых ук-
раинских полков, которые в ноябрьские дни выступили с оружием
на стороне большевиков, Центральная Рада наивно считала (во
всяком случае, говорила), что это "украинское войско". Большеви-
ки знали, чье это войско, но Центральную Раду не разубеждали и
мудро молчали, а киевляне считали дни Центральной Рады, не ве-
ря в ее долговечность.

Упомянутые же своим "успехом", социалистические юнцы и по-

аунтидлигенция, составлявшие Центральную Раду, со всем пылом юности, и самоуверенностью невежества, бросились в законодательство и "государственные дела". Воззвания, обращения, декларации, мелодекламации, чередовались с реконструкциями правительства (Ген. Секр.), обсуждениями внешней политики и международных дел, вынесением законов, предписаний, приказов и распоряжений, которых никто не выполнял. Всем, кроме самой Рады, было ясно, что она существует только благодаря неактивности большевиков.

3-й Универсал. В такой атмосфере, 19 ноября, Малой Радой, без решения пленума Центральной Рады, был принят "3-й Универсал" — "Народу Украинскому и всем народам Украины". Три дня спустя, он был, по установленной уже традиции, торжественно оглашен на Софийской площади.

"3-й Универсал" объявлял, что с 19 ноября 1917 г. Украина называется "Украинская Народная Республика", но, сразу же после этого, говорит: "не отделясь от Российской Республики и сберегая ее единство, мы твердо станем на нашей земле, чтобы нашими силами помочь всей России; чтобы вся Русская Республика стала федерацией равных и свободных народов".

Дальше, Универсал оповещает: об упразднении права собственности на все земли нетрудовых хозяйств; о всеобщей амнистии; о приватии мер к немедленному началу мирных переговоров; о национально-персональной автономии для меньшинств; о демократических свободах; о восьмичасовом рабочем дне; о выборах в Украинское Учредительное Собрание 27 декабря и о его созыве 9 января 1918 г.

Универсал был принят в заседании Малой Рады, на котором присутствовало 44 ее члена. За Универсал голосовало 37, воздержалось — 5 (2 росс.-эсеры, 2 росс. эсдеки и поляк). Против — 2.

Авторы 3-го Универсала сочли нужным подчеркнуть в нем неделимость России, а за три дня до этого, Генеральный Секретариат, по этому же вопросу, в воззвании, подписанном Винничеком и всеми членами Ген. Секретариата, говорил: "Все слухи и разговоры о сепаратизме, об отделении от России — или контрреволюционная провокация, или обычная обывательская неосведомленность. Центральная Рада и Генеральный Секретариат твердо и выразительно заявили, что Украина имеет быть в составе Российской Федерации Республики, как равноправное государственное тело. Нынешняя политическая обстановка этого постановления никако не меняет". (Цитируется по "Ист. Укр.", Д. Дорошенко)

ка. стр. 177).

Из приведенных выше цитат вытекает, что тогда "национально-созицательные" украинские социалисты (из них состояла Ц. Р.), были в тоже время и российские "единомеделимцы".

"Гретий Универсал уже не произвел на население такого сильного впечатления, как первый, хотя достижения, оновещенные в нем, были несравненно большие" — пишет Винниченко.

И, действительно, население отнеслось к нему так же равнодушно, как относились к бесчисленным воззваниям и обращениям, которыми Центральная Рада его развлекала уже больше полугода. А все партии, кроме украинских социалистов — его авторов, к Универсалу отнеслись резко отрицательно. Гораздо больше интересовалось население своеобразным существованием Центральной Рады с большевиками и оживленной полемикой между ними на страницах газет и на настоящих митингах.

Это была настоящая "холодная война", горячая и страстная, создававшая психологические предпосылки для настоящей войны. Онлася, больше всего, обвинения в "правизме" или недостаточной революционности и полемизируя с большевиками, которые были за передачу всей власти "Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов", Винниченко (Председ. Ген. Секр.), в своем органе — "Робітнича Газета" (№ 178) защищается. Он доказывает, что Центральная Рада есть ничто иное, как совден, а потому нечего ее перевыбирать, на чем настаивали большевики; "из 792 членов", говорит Роб. Газ., "всего 20 представителей буржуазной демократии, а все остальные — это представители революционно-социалистических организаций".

На это большевистская "Пролетарская Мысль" (№ 4) отвечает: "последние события ясно показали, кто является вождем революционных рабочих, солдат и крестьян на Украине. Они показали, что народные массы далеки от национализма "Робіти. Газеты" и, если они и идут за украинскими социал-демократами, то лишь постольку, поскольку они поддерживают общие лозунги социалистов, а массам говорят: "мы такие же самые большевики, только украинцы". "Что же касается гордого заявления Центральной Рады о миллионах штыков, которые будто бы ее поддерживают" — пишета "Пролет. Мысль" — "то это носит забавный характер; похоже на бумажное золото и никого в действительности не может ни испугать, ни обмануть".

Нельзя не признать, что и одни, и другие были правы. Прав был Винниченко, утверждавший, что Центральная Рада — это

Украинский Совдеп. Не ошибались и большевики, говоря, что “миллионы штыков” Центр. Рады — это “бумажное золото”.

Ближайшие события показали силу “национальной сознательности” украинцев, которую Центральная Рада противопоставляла общероссийским лозунгам большевиков, копируя в то же время их социальную программу, обычно с запозданием на несколько недель, и выражаясь более туманно, чем делали это большевики, давая краткие, ясные и четкие лозунги. “Грабь награбленное” было для народа ясно, а Рада, делая то же самое, боялась сказать эти слова.

Большевизация Украины.

А большевики между тем быстро и неуклонно завоевывали Украину. Но не штыками и пулеметами, не матросскими отрядами и красногвардейскими отрядами, как утверждают сепаратисты, искажая историю и замалчивая факты. Освоение Украины шло путем агитации и пропаганды большевизма среди самих украинских коренных жителей — украинцев, рабочих, крестьян и солдат “украинской армии”. В течение октября-декабря большевики с помощью Москвы, развили такую агитацию против Центральной Рады, что настроения радикально изменились. Особенное внимание большевики обратили на Украинское Войско, чтобы его обольщевить, создать в нем противо-украинские настроения, вообще разложить. Почва для большевистской пропаганды была весьма благоприятна. — Это пишет в своих воспоминаниях (т. 1 стр. 35) Исаак Мазена, социалист, самостийник, бывший премьер-министр Самостийной Украины, в годы гражданской войны.

Наличие огромных успехов большевистской пропаганды не могут скрыть многочисленные сепаратистические историки и мемуаристы: Дорошенко, Христюк, Жученко, Чикаленко, Винниченко, Мазена, Шульгин, Андреевский и другие. Успех этот они объясняют — “помощью Москвы” и недостаточной национальной сознательностью украинских масс и не хотят признать, что революция на Украине, как и во всей России, была революцией социальной, а отнюдь не национальной — “борьбой за национальное освобождение”, как это изображается сепаратистской пропагандой.

Национальные формы охотно принимали дезертиры, когда нужно было избежать отправки на фронт (Богдановский и Полуботковский полки и другие части “украинского войска”); за национальными лозунгами украинских социалистов шли крестьянские массы, когда эти лозунги связывались с обещанием земли.

Но, при первом же столкновении мотивов национальных с мотивами социальными, последние, неизменно, брали верх и массы

ши не за Центральной Радой, а за большевиками, несмотря на все усилия Центральп. Рады не отстать от большевиков в области социальных обещаний.

Еще в июле 1917 г., как упомянуто, Полуботковский полк активно выступил на стороне большевиков в Киеве; в ноябрьские дни Богдановский полк спас большевиков в Арсенале; украинские же части вывели тогда из строя чехов; украинские части помогали большевикам захватить власть в ряде городов Великороссии; делегаты украинских частей в Совденах и Революционных Комитетах городов Украины, создавали пробольшевистское большинство.

Эти общеизвестные неоспоримые факты настолько многочисленны, что приводить их больше нет никакой надобности. А согласовать их с утверждением сепаратистов, что революция на Украине была борьбой за "национальное освобождение" — не позволяет логика.

Еще меньше чем на "Украинское Войско" и крестьянские массы могла Центральная Рада рассчитывать на более культурную часть населения Украины — жителей городов, которые, как уже сказано, во время июльских выборов в органы городских самоуправлений больше 90% своих голосов отдали противникам Центр. Рады и ее политики.

Рабочие отдали свои симпатии или — непосредственно большевикам, или — их союзникам — "независимым" украинским юденкам и украинским всеврам-“бортьбистам”. Остальное городское население шло за общероссийскими партиями: всевров, юденков, меньшевиков (евреи — за "Бундом") и за "kadетами" — партией "Народной Свободы".

"З-й Унверсал" городским населением в общем был принят не только отрицательно, но и иронически-презрительно. Киевская Городск. Дума в своем заседании подвергла Унверсал уничтожающей критике.

Неудачно пытались его защищать только Росс. юэр, адвокат Зарубин, и парикмахер Рафес, вождь "Бунда" — оба члены Малой Рады. Киевский краевой комитет Кадетской партии (самой культурной по своему составу) вынес резолюцию: "как по своему содержанию, так и по источнику своего происхождения, Унверсал не может быть признан актом государственного значения, имеющим обязательную силу". А Киевская и Харьковская Судебные Палаты (высшие судебные институции) отказались выносить приговоры именем "Украинской Народной Республики", не признавая Центральную Раду и Генеральный Секретариат за высшие государственные

венные установления.

Наряду с этим, ряд губернских и уездных "Революционных Комитетов" выносил решения о непризнании Центральной Рады, как органа, который сформировался "помимо воли населения". Об этом писала газета "Новая Рада" (№189), приводя, как примеры решения Херсонского Ревкома и говоря, что оно не единично.

В ряде городов Ревкомы попросту начали смещать представителей Центр. Рады. Например, в Полтаве "Революционный Комитет" не только сместил губ. комиссара А. Левицкого, но, грубо и унизительно его вышвырнув, обыскавши и отобравши все его документы, надававши ему пощечин и сбивши с носа цепище.

В Киеве большевики вели себя, как параллельное правительство, игнорировали Генеральный Секретариат, реквизировали для своих надобностей здания и типографии, вмешивались в распоряжение органов власти, открыто формировали отряды "красной гвардии". Для каких целей формировались эти отряды — было всем ясно. Но Рада делала вид, что ничего не знает.

Еврейские погромы.

К тому же пошла волна еврейских по-

громов, в которых дружно принимали участие "национально-сознательные" части "Украинского Войска", при полном бездействии милиции. 21 ноября погром был в Каневе; 27-го — в Умани; в первой половине декабря — в целом ряде городов и местечек. Остановить их никто не пытался. Параллельно с этим, или разгромы помещичьих имений, сахарных и винокуренных заводов. К концу года положение на Украине можно было исчерпывающе охарактеризовать одним словом: анархия.

В этой обстановке, ослепленная своей призрачной " властью" (в силу которой никто кроме нее самое не верил), Центральная Рада продолжала свою "деятельность": писала воззвания и обращения и занималась мелодекламацией. Каждый Генеральный Секретарь, в отдельности, и все вместе, чуть не ежедневно, выпускали эти воззвания и обращения, на которые никто, даже их подчиненные, не обращали ни малейшего внимания. Характерным для того, как относились на местах к устной и письменной мелодекламации Центральной Рады, является ответ Бердичевского железнодорожного комитета: "Дозвольте болтать! — Приказывайте!"

Но для приказывания надо было иметь силу и волю. Ни того, ни другого у Центральной Рады не было, несмотря на ее слова о 4-х миллионах "Украинском Войске". Большевики учили обстановку и начали готовиться к ликвидации "деятельности" кучки украинских социалистов, называвших себя народным представительст-

вом — Центральной Радой. (Напомним, что, по признанию Винниченко, в ней было из 792 членов — 772 социалиста). Подготовка к этой ликвидации велась открыто — и устно, и в печати.

Конфликт с большевиками. 11 и 12 декабря большевики лихорадочно готовились к захвату власти в Киеве. Но они были предупреждены несколькими энергичными офицерами-украинцами, которые не побоялись взять на себя инициативу и, с сравнительно небольшими отрядами, разоружили большинство большевистских сил, захвативши их врасплох, в ночь с 12 на 13 декабря. Глава Ревкома Л. Пятаков и несколько его членов были арестованы, а разоруженные большевики посажены в поезда и отправлены “в Московском направлении”.

Вся эта операция была проведена, главным образом, сравнительно немногочисленными силами антибольшевистскими, и, в подавляющем большинстве, антисоциалистически вообще, настроенными подразделениями, так называемой “сердюцкой дивизии”. Эта дивизия, вопреки протестов социалистов, начала формироваться незадолго перед тем из отчетливо антибольшевистски настроенных офицеров и солдат, причем в ее составе были не только “национально-сознательные” украинцы, но и не мало (если не большинство) киевлян и украинцев, которые в этой дивизии, в тогдашней обстановке, видели единственную возможность борьбы с большевиками. В операции принимали участие и некоторые другие украинские части, но их роль была не ведущая, а второстепенная.

Это первое, и единственное за все время ее существования, проявление силы и воли украинцев, Центральная Рада не только не использовала, в целях поднятия своего авторитета, но немедленно же все впечатление свела к нулю. Арестованные вожаки большевиков, по ее распоряжению, были немедленно выпущены, а Генеральный Секретариат выпустил воззвание по поводу произшедшего, в котором занял позицию обвиняемого в парушении “завоеваний революции”, оправдывался и обещал в будущем уважать свободу “общественных военных-революционных организаций”.

А большевики в тот же вечер (13 декабря) в общем собрании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов устроили только что выпущенному Л. Пятакову пурпурную овацию и добились реолюции, резко осуждающей разоружение большевистских частей и требующей немедленного возвращения оружия и наказания виновных в разоружении. В этом собрании выступали также представители отдельных украинских частей с характерными заявлениями, что Центральную Раду они признают, “но это не значит, что они будут защи-

щать тех людей, которые в Центральной Раде заседают".

Советы профсоюзов и фабрично-заводских комитетов заняли такую же позицию и, в знак протеста против действий Центральной Рады, объявили забастовку, в которой на следующий день (14 дек.) приняло участие несколько десятков тысяч киевских рабочих, что почти парализовало нормальную жизнь Киева.

15-го декабря, в предоставленном ему здании городского театра (спектакль был отменен), выступил, прибывший из Петрограда, один из лидеров большевиков, Зиновьев-Анфельбаум, с резкой критикой Рады.

16-го дек. открылся Краевой Съезд большевистской партии, который вывес резкую резолюцию против Центральной Рады и решение "бороться против нынешнего состава Центральной Рады и стремиться к созданию на Украине подлинно революционной власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В конфликте Центр. Рады с Советом Народных Комиссаров взять сторону Совета Народных Комиссаров".

Все это делалось открыто, на глазах у Украинского Правительства — Генерального Секретариата, без каких либо попыток с его стороны противодействовать подготовке к захвату власти большевиками.

Внимание же Центральной Рады, как передают украинские историки, было полностью поглощено двумя вопросами: выборами в Украинское Учредительное Собрание и попытками создать Всероссийское Федеративное Правительство, в противовес Совету Народных Комиссаров в Петрограде. Об этой деятельности (на стр. 205 своей "Истории Украины") Д. Дорошенко пишет: "Генеральный Секретариат обратился 8 декабря к "Юго-Восточному Союзу Казаков", Правительству Кавказа, Правительству Сибири, к органам автономной Молдавии, к органам автономного Крыма, Башкирии и других организованных краев с предложением немедленно начать переговоры с Генеральным Секретариатом о создании социалистического правительства для целой России".

Сомневаться в правдивости следений, даваемых Дорошенком, участником событий, не приходится. Можно только удивляться нереальности Центр. Рады, которая занималась такими делами и пыталась завести порядок для всей России, в то время, как у себя на Украине, она уже была совершенно бессильна и с ней никто не считался.

Объяснить действия Центр. Рады можно только ее полной оторванностью от жизни, молодостью и малокультурностью ее воз-

главителей и слепой их верой, что социализм (всех толкований) — панацея от всех зол.

Внимательно наблюдая за всем происходящим на Украине, хорошо зная обстановку и имея всюду своих активных и хорошо организованных сторонников, большевики решили прекратить затянувшуюся игру с Центр. Радой. Почву для ее ликвидации они считали подготовленной.

Ультиматум большевиков. 17-го декабря (3 дек. по ст. ст.), в Киеве был получен ультиматум Совета Народных Комиссаров, за подпись Ленина, как председателя и Троцкого, как Комиссара Иностранных Дел.

После ряда упреков и обвинений Центр. Рады в нелояльности, ультиматум говорит: "Совет Народных Комиссаров публично, перед народами Украинской и Российской республик ставит Центральной Раде такие вопросы:

1. — Обязывается ли Центр. Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта?

2. — Обязывается ли Центр. Рада не пропускать без согласия Верховного Главнокомандующего никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, на Урал и в другие места?

3. — Обязывается ли Центр. Рада оказывать помощь революционному войску в деле борьбы с контр-революционным кадетско-калевийским восстанием?

4. — Обязывается ли Центр. Рада прекратить все попытки разоружения советских полков и рабочей красной гвардии на Украине и немедленно вернуть оружие тем, у кого оно отобрано?

Если в течении 48 часов не будет получено на эти вопросы удовлетворяющего ответа, то Совет Народных Комиссаров будет считать Центр. Раду в состоянии открытой войны против советской власти в России и на Украине".

Не ожидая 48 часов, на следующий же день Генеральный Секретариат послал свой ответ.

В этом ответе Генеральный Секретариат обвиняет Совет Народн. Комис. в неискренности, импичментстве во внутренние украинские дела, предлагает создать для всей России однородное, социалистическое федеративное правительство, от большевиков до народных социалистов, указывает на разруху в Великороссии и заканчивает словами: "если Народные Комиссары Великороссии, принимая на себя все последствия зла братоубийственной войны, выпустят Генеральный Секретариат принять их вызов, то Генеральн. Секретариат уверен в том, что украинские солдаты, рабочие

и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам, которые поднимут руку великороссийских солдат на их братьев-украинцев".

По существу, на вопросы ультиматума ничего не отвечено, так что ответ Генерального Секретариата, иначе как отклонением ультиматума толковать было нельзя.

В тот же день (18 декабря), в связи с ультиматумом, Генеральный Секретариат обратился с новой нотой к правительствам новообразованных республик и автономных краев с предложением ускорить создание федеративного социалистического правительства для всей России.

А Винниченко и Петлюра выпустили к войскам "на фронте и в тылу" приказ с обвинениями СОВНАРКОМ-а и призывом все выполнять приказов большевистского главнокомандующего; заканчивался приказ словами: "с врагами демократии Генеральный Секретариат умеет бороться!"

Одновременно с этим, все в тот же день 18 декабря, Петлюра издал приказ украинскому комиссару северного фронта "давать отпор врагам Украинской Народной Республики, а для проведения этого в жизнь использовать все возможности, которые даются вашим географическим положением по отношению к Петрограду, откуда надвигается на Украину великая опасность. Нужно, чтобы вы отт опасность остановили около Петрограда".

По поводу этого приказа, украинский историк Дорошенко, говорит: "этот приказ имел ввиду ничто иное, как диверсию украинских частей северного фронта против Петрограда".

Все обращения, ноты и приказы 18 декабря для большевиков не были тайной. Но военных действий они не начинали, имея свой план захвата Украины без войны, помочь большевиков и им сочувствующих самой Украине.

Съезд Советов в Киеве.

Провести это они хотели легально, путем решения "Съезда советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Украины", который был созван в Киеве 17-го декабря, по инициативе трех организаций: Краевого Исполнительного Комитета Рабочих депутатов, Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов и Главного Комитета большевистской партии Украины. Во всех трех организациях большинство было на стороне большевиков и их (теперь уже открытых) союзников — украинских "независимых всдеков" и эсеров- "борьбистов". Центральная Рада, предвижая решение Съезда, решила его

сорвать и, по линии юсаровской крестьянской организации "Спілка", собрала на этот съезд больше тысячи делегатов "Спілки", которые потребовали право участия в Съезде с решающим голосом, против чего категорически возражали организации - инициаторы Съезда.

На этой почве уже в день открытия Съезда (17 дек.) дошло до споров, передавших в итоговую, в которой более многочисленные делегаты "Спілки" изрядно поколотили большевиков и захватили в свои руки мандатную комиссию и президиум Съезда. На следующий день Съезд продолжился в городском театре, причем победители сразу же все его руководство взяли в свои руки. Большевики протестовали, заявляя, что это не правильный Съезд, а совещание, решения которого ни для кого не обязательны и их представители-украинцы: Шахрай и Кулик, потребовали поставить на голосование вопрос о правомочности Съезда. Когда президиум им в этом отказал, они демонстративно покинули Съезд, собираясь на совещание в здании Профсоюзов и решили перенести заседания Съезда в Харьков, где как раз в это время происходил Съезд Советов Донецко-Криворожской области.

Создание "Харьк. Прав-та". Объединившись с этим съездом, уехавшие из Киева делегаты, провозгласили этот объединенный Съезд "Всеукраинским Съездом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов" и выбрали "Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет Советов", который объявил, что он берет всю власть на Украине..

Таким образом с конца декабря 1917 г. на Украине появилось два правительства, из которых каждое претендовало на полноту власти. Население Украины получило удовольствие, наряду с бесчисленными познаниями, обращениями, резолюциями и декларациями Централли, Рады, читать и слушать таковые, также и от Харьковского Правительства.

И одни, и другие обвиняли друг друга во всех смертных грехах, прежде всего в "контр-революционности" (тогда это было самым странным обвинением) и доказывали чистоту своих социалистических риз. Харьков говорил, что за ним "массы", а Киев утверждал, что кроме "масс" за ним еще и "миллионы штыков".

"Массы" же все меньшие и меньшие интересовались политикой и занимались личными делами: крестьяне — землей, т. е. разгромом имений, и самогоном; горожане были поглощены заботами, как бы сохранить имущество и жизнь от тех, кто бещал им "счастли-

вую жизнЬ" в будущем и делал эту жизнь, похожей на жизнь зайца во время охоты, в настоящем. Активной политической борьбой интересовались и принимали в ней участие, в лучшем случае, несколько десятков тысяч на всей Украине, что вскоре показали наступившие события.

Захват Укр. местн. большевиками.

Оба Украинских Правительства не бездействовали. Харьковское — быстро и ловко захватывало власть в губернских и уездных городах, путем чисто внутренних переворотов и провозглашения советской власти. К концу декабря Харьков, Чернигов, Полтава уже были в большевистских руках, а в начале января была провозглашена советская власть в Екатеринославе (Днепропетровске) и на всей Екатеринославщине и Херсонщине.

Характерно, что почти нигде эти перевороты не встретили сопротивления и были бескровными. Только в Екатеринославе было оказано сопротивление, да и то не многочисленными частями "Украинского Войска", находившегося там, а вскоре сформированными отрядами из местного населения, которое вовсе не было настроено как "сознательные украинцы", а стояло на общероссийских позициях. Сопротивление было сломлено только тогда, когда Овсено-Антонов (украинец), который командовал большевистскими войсками, оперировавшими против Дона, послал на подмогу отряд под командой Егорова. Оказавшись также упорное сопротивление в Александровске, но и оно было быстро сломлено.

В Полтаве, посланные на помощь местным сторонникам Рады, знаменитые Богдановцы, сами скоро обольщевичились, занялись погромами и грабежами и вернулись в Киев.

Так, в течении всего двух-трех недель, почти вся Украина очутилась в руках местных украинских большевиков. Кроме посылки подмоги, восставшим в Екатеринославе, не было ни одного случая участия в освоении Украины частей армии Совета Народн. Комис. в Петрограде.

К середине января Киев уже был почти окружен. Вся территория Центр. Рады состояла из Киева, прилегающих нескольких уездов Черниговской и Полтавской губерний и узкой полосы на северо-запад от Киева (в направлении Житомир и Коростень).

**

В то время, как происходило это бескровное освоение Харьковским правительством Украины, Киевское Правительство — Центр. Рада лихорадочно занималась законодательством. Плодови-

тость Рады, в этой области была исключительной. Ни одна сторона жизни Украинской Народной Республики не осталась забытой. Земельный закон, собственные деньги, реорганизация суда и целый ряд ответственнейших законов были приняты Радой в эти несколько недель. Венцом же этой законодательной деятельности явился "4-й Универсал", которым была провозглашена самостоятельность Украины.

4-й Универсал.

"Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной,

ни от кого независимой, вольной, суверенной Державой Украины- ского Народа" --- говорит "4-й Универсал". Длинный и обстоятельный, не без лирики написанный, как и все предыдущие, "4-й Универсал" касается многих вопросов и определяет генеральную линию для будущего:

В вопросе земельном — "уцразднение собственности и социализация земли"; в вопросе торговли — "Украинская Народная Республика берет в свои руки важнейшие отрасли торговли"; в вопросе военном — немедленно вступить в переговоры о мире, независимо ни от кого, — "распустить армию совсем и завести народную милицию"; в вопросе монополий — "введение государственной монополии на железо, сахар и иные продукты и товары"; в вопросе национальном — "национально-персональная автономия для всех народов"; внешняя торговля — "будет наблюдать сама Держава"; политические свободы — "агитацию против самостоятельной У. Н. Р., за возвращение старого строя, — карать, как государственную измену".

Давши такие директивы на будущее, "4-й Универсал" сказал о настоящем так: "Петроградское Правительство Народных Комиссаров, чтобы вернуть под свою власть свободную Украинскую Республику объявило войну Украине и насыщает на наши земли свои войска — красногвардейцев-большевиков, которые грабят хлеб наших крестьян и без всякой платы вывозят его в Россию, не жалеючи даже зерна, приготовленного для посева; убивают невинных людей и сеют везде беспорядок, преступления и бесчинство".

О существовании Харьковского Правительства — ни слова, хотя оно к моменту провозглашения "4-го Универсала" владело почти всей Украиной. Ни слова не сказано также о том, что на большинстве территории Украины уже провозглашена советская власть, в результате переворотов, устроенных своими же, украинскими большевиками.

Кажалось было бы естественным призвать к повиновению это большинство городов и местностей Украины, вышедших из повиновения Центр. Раде, провозгласивших советскую власть и добровольно ставших на сторону Харьковского Правительства. Но в "Универсале" об этом тоже ни слова.

Благодаря этим умолчаниям у читателя "4-го Универсала" создается впечатление, что вопрос идет о нападении Великороссии на Украину и об оборонительной войне последней против агрессора с севера.

Сделаны эти умолчания, надо полагать, не случайно, а совершенно сознательно, по следующим причинам: во-первых, из тщеславного нежелания украинских социалистов, хотя бы косвенно, признать, что ни "массы" не идут за ними, ни "миллионы украинских членов", о которых они так много говорили, не пожелали их защищать; во-вторых, из дальновидного расчета на будущее: "невозможное государство", "захваченное и оккупированное", несомненно, вызовет большие сочувствия у мирового общественного мнения, чем претензии выступать от имени этого государства, осколков той политической группировки, которая не нашла поддержки в собственном пароде.

Сепаратисты в эмиграции именно благодаря тексту "4-го Универсала", замалчивая неприятную для них правду, не без успеха выступают, как "Правительство в изгнании" "захваченной и оккупированной страны", на что они не имеют никакого, ни морального, ни формального права.

"4-й Универсал" был принят в заседании Малой Рады; из 49 присутствующих ее членов, за Универсал голосовало — 39; 4 — против; 6 — воздержалось.

Этот, принятый 39 голосами членов Малой Рады, акт величайшей государственной важности, был оглашен Грушевским в публичном ее заседании в почте с 24 на 25 января 1918 г.. Принят он был тремя днями раньше — 22 января (9 января по ст. ст.) 1918 года.

После оглашения и принятия "4-го Универсала", Председатель Совета Министров (так были переименованы Генеральные Секретари) Винниченко, произнес речь, которую закончил словами: "я уверен, что основы этого Универсала приведут нас к Федерации социалистических республик всего мира". Винниченко устроили овацию (социалисты, из которых состояла Ц. Рада).

Кроме перечисленной (далеко не полно) законодательной деятельности, в бурные недели конца 1917 и начала 1918 гг. Цент-

ральной Рада отправила и ноту ко всем государствам мира, как воюющим, так и нейтральным. В день принятия "4-го Универсала", Министр Иностранных Дел огласил в Малой Раде текст этого дипломатического документа (киевляне называли его "юмористическим"). Д. Дорошенко (на стр. 227-229 своей "Истории Украины") приводит полный текст этой ноты, содержание которой, вследствие ее обширности, мы не можем привести целиком, а вынуждены ограничиться краткой передачей ее содержания.

В ноте сообщается всем государствам, что украинская демократия считает, что — "война есть наибольшее несчастье всех держав", а потому Держава Украинская решила — немедленно ее прекратить путем переговоров о мире с Центральными Державами. Мир должен быть — без аншлюсий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Дальше нота жалуется, что большевики опередили украинскую демократию и заключили всеобщее перемирие, не спросив согласия Украинской Народной Республики. Заканчивается эта длинная нота приглашением на "Междупародный Съезд", которое было формулировано так: "У. Н. Р. желает, чтобы дело мира было завершено на Международном Съезде, на который Украинское Правительство приглашает все воюющие державы". Подпись на эта нота, Премьером В. Винниченко и Мин. Иностр. Дел — А. Нульгуним.

О будущей, "федерации социалистических республик всего мира", в ноте не упоминается. Это выразил только устно премьер Винниченко, высказывая стремления Украины, за что и был награжден овациями.

На приглашение, как известно, не только ве приехали, но и не ответили, ни одно государство, как воюющие, так и нейтральные. Кроме немцев, которые, на основании этой ноты, сами пригласили в Брест-Литовск мирную делегацию Укр. Народн. Республики.

Связь с Антантои.

Кроме этой ноты Центр. Рада в сфере ее международной деятельности

дела, как она говорила, "переговоры" с Англией и Францией. Переговоры этиились по инициативе, находившихся в России, военно-дипломатических представителей Франции и Англии, озабоченных развалом русской армии, которая уже с лета 1917 г., фактически вышла из войны. Читая о "четырех миллионах украинских штыков", о которых так часто говорила Ц. Рада, эти представители, естественно, хотели, чтобы эти "штыки" не митинговали, а воевали.

Потому они и вступили в контакт с Центр. Радой, обещая и признание, и помощь, выражая любовь и симпатии к Украине. Положение на Западном фронте было далеко не блестящим и "украинские штыки" были очень желательны. От Франции переговоры вели генерал Табуи и журналист Пелисье; от Англии — бывший консул в Одессе, — Никтон Багге. Во время этих переговоров, которые велись не только устно, но и письменно, произошел курьезный случай: в киевских газетах была напечатана одна из бесчисленных речей Винниченко, в которой он высказывал свой и Украинского Правительства идеал — создание Мировой Федерации Социалистических Республик; для достижения этого нужно немедленно приступить к переговорам о мире с Центральными Державами. В тот же день было напечатано и письмо Никтона Багге к Винниченко, которое заканчивалось словами: "я имею честь, Господин Премьер, заверить Вас, в полной моей преданности для осуществления нашего общего идеала". (Само собой разумеется, что письмо Багге было написано до того, как он узнал об "идеале" Винниченко).

Это совпадение "идеалов" суперсоциалистического Украинского Правительства и Империи Великобритании, послужило темой для многих анекдотов. Некоторые же "деятели" Рады, как говорили кивляне, приняли это всерьез.

О том, какое мнение имели об Центр. Раде, с которой вели переговоры представители Франции, пишет в "Le Monde Slave" (авг. 1929 г. стр. 20) сепаратистский историк Илья Борщак. Когда Пелисье прибыл в Киев и обратился к французскому консулу в Киеве, хорошо знавшему обстановку, с просьбой устроить ему свидания с Грушевским, консул ответил: "Как? Вы хотите идти в Раду? Ведь, что же все не существует! Нет ничего, кроме банды фанатиков без всякого влияния, которая разрушает край в интересах Германии. Ни Альбер Тома, ни другие французы, которые побывали в Киеве, не упраздились до того, чтобы посетить Раду".

Надо полагать, что и англичане думали о Раде также, но это не помешало им, ни французам, все же вступить с Радой в контакт и любезно вести с ней переговоры. Конечно, не симпатии к "идеалам" Рады, а военная обстановка вынуждали к этому.

Переговоры с Чехами и Сербами.

Кроме обращения ко всему миру и переговоров с Англией и Францией, Центр. Рада, имела контакт и вела переговоры с, находившимися тогда на территории Украины, чеха-

ми и югославами. Чехов, отлично вооруженных и снабженных, было 60.000, а югославов 24.000. Все они были дисциплинированы и представляли из себя реальную силу, с которой, в обстановке общего развала, никто не мог бороться.

Но из переговоров ничего не вышло, и чехи ушли на восток, на Волгу, а югославы в Архангельск. Впоследствии югославы были направлены для продолжения войны на Балканы, а чехи задержались в Сибири, приняли участие в гражданской войне и, только после заключения мира вернулись на родину.

И чехи, и югославы были настроены антинемецки, хотели продолжать войну, а потому, наблюдая все происходящее на Украине, поспешили поскорее оттуда уехать.

Международный сектор деятельности Центр. Рады, как видно, никаких конкретных результатов не дал, несмотря на потерянное время и энергию.

Гораздо успешнее пошли дела Рады в вопросе заключения мира с Центральными Державами, которые сами этого хотели и имели уже готовый план отделения Украины от России.

Переговоры с Центр. Державами.

В Брест-Литовске в это время уже шли переговоры о мире, на которых от имени всей России выступали большевики.

По приглашению немцев (в ответ на, уже упомянутое, приглашение Рады всем государствам), в Брест была послана украинская мирная делегация из четырех всеворов и одного эсдока, возглавляемая Голубовичем (прибыла в Брест-Литовск 6 января).

В начале глава русской делегации — Троцкий (в качестве адъютанта известний украинца — ген. Самойло) против участия в переговорах украинской делегации никаких возражений не делал. Но 12 января в Брест прибыла 2-ая делегация от Украины — делегация Харьковского Правительства, под властью которого к тому времени была уже почти вся Украина, и предъявила претензии выступать от имени Украины. Претензии эти пачм поддерживать и Троцкий, и на этой почве возникли препирательства, в которых каждая сторона доказывала, что именно она имеет право говорить от имени Украины.

Центральной Раде был необходим не только мир, но и, связанная с ним, возможность с помощью немцев восстановить свою власть над Украиной. Она могла хоть двадцать раз подписать мир, но без иностранной помощи это никаких практических результатов не име-

ло и власть Ц. Рады на Украине не восстанавливала. Чемоць же кроме немцев дать никто не мог. С другой стороны, мир с Украиной был крайне необходим и немцам, в особенности Австро-Венгрии, которая зимой 1917-18 гг. уже находилась на грани полной продовольственной катастрофы. Конечно, немцы могли тогда без всякого мира попросту оккупировать всю Украину. Они отлично знали, что "миллионы украинских итыков", в действительности, не существуют и, что сопротивления им никто не окажет. Но они хотели именно мир, и мир со Самостийной Украиной.

Миром они бы формально отрывали Украину от России и получали возможность в дальнейшем, согласно своему старому плану, создать Украину, как свое вассальное государство. Кроме того из страха "союзной" легче бы было выкачивать столь необходимое им продовольствие, чем из оккупированной территории — части России. Ибо в этом случае приходилось считаться с возможностью, как сопротивления населения, так и попыток всей России освободить свою территорию.

Выдвинутый еще в первые дни войны "Союзом Визволения Украины" план об отрыве от России Украины и присоединения ее в той или иной форме к Центр. Державам был близок к осуществлению.

Грушевский, конечно, это отлично понимал, посыпая своих социалистических юнцов в Брест. Он не имел никаких оснований сомневаться, что, совершенно независимо от того, что будут говорить и как будет действовать украинская делегация, мир будет заключен, а немецкие дипломаты сумеют найти для этого соответствующие формы.

Вне всякого сомнения, что в это время не сидел сложа руки и "Союз Визволения Украины", который в той обстановке имел полную возможность закулисно влиять на события и направлять деятельность украинской делегации по желательным немцам путям. Ведь он находился на содержании у немцев и полностью от них зависел.

Немцы все это отлично понимали и учтывали, а потому делегацию Голубовича встретили очень приветливо и с редким терпением выслушивали речи и предложения юных украинских дипломатов, зная наперед, чем это все кончится. Только иногда, когда те заходили в своих требованиях, по мнению немцев, слишком далеко, их резко обрывали, не считаясь с их высоким дипломатическим рангом. Так, например, генерал Гофман в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда украинские делегаты были настолько "бес-

стыдны", что высказались за отделение от Австро-Венгрии Галиции и включение ее в состав Украины, Гофман, как он сам пишет "не постыдился произнести это слово и резко их оборвать", после чего они стали вежливы. Это пишет тот самый Гофман, который стучал кулаком по столу и кричал на Троцкого.

Подробностей его "резкости", по отношению к украинским делегатам он не приводит; молчат об этом и делегаты.

Но, несмотря на "резкость" и "бесстыдные" требования украинских делегатов, дело быстро подвигалось.

Уже 12 января немцы официально признали за украинской делегацией право вести переговоры самостоятельно. Затем посоветовали им провозгласить независимость Украины, т. к. с формальной точки зрения неудобно заключать мир с государством, которое еще само себя не объявило независимым. Поэтому 20 января был сделан перерыв переговоров, и Голубович уехал в Киев, где после его приезда немедленно был оглашен "4-й Универсал" с объявлением независимости.

Позад Голубович не вернулся, т. к. сделался премьером вместо Винниченко. Вместо него, как глава делегации, выехал Севрюк. В своих воспоминаниях Севрюк говорит, что никакого серьезного совещания с правительством перед отъездом нельзя было добиться. "Как можно скорей заключайте мир! — единственная инструкция, которую мы получили от Правительства". В это время в Киеве уже шло большевистское восстание, а Центр. Рада, по словам Д. Дорошенко, "заседала под звуки орудийного и пулеметного огня и спешно издавала законы".

Зная, что в Бресте будут протесты Харьковского Правительства, Севрюк заручился полномочием Рады на ведение с ним переговоров. Это полномочие ему очень пригодилось в пути, когда его поезд захватили большевики. Они его отпустили ехать дальше только тогда, когда он сказал, что едет вести переговоры в Бресте с находящимися там представителями Харьковского Правительства и показал свое полномочие.

В воспоминаниях о своем отъезде в Брест, Севрюк говорит: "все это делалось в атмосфере первоначальной и неуверенной".

Эта неуверенность в заранее две была так велика, что Ц. Рада дала делегатам полномочие самим ратифицировать будущий мирный договор, на случай, если бы она сама не была в состоянии это сделать.

Уехавший из Бреста (20 января) с Голубовичем, Севрюк прибыл обратно 1-го февраля и был радостно встречен немцами, кото-

рые уже опасались, что украинская делегация вовсе не приедет, т. к. в Киеве уже шли уличные бои; Центр. Рада висела на волоске, а территория, через которую должна была ехать делегация уже была охвачена большевистским восстанием. И если бы делегация не приехала — тогда им не с кем было заключить мир, на скором заключении которого особенно настаивала Австрия, переживавшая острый продовольственный кризис. Надеясь на запасы Украины, немцы готовы были на любые, если не уступки, то самые широкие обещания.

Мир с Центр. Державами. Украинские делегаты, понимая что мир немцам необходим (об этом их осведомил СВУ), взяли независимый тон и начали предъявлять ряд требований, на которые немцы, поторговавшись для вида, согласились, и (в ночь с 8 на 9 февраля) мир был подписан. Киев в это время был уже в руках большевиков, а Центр. Рада и Правительство с горсточкой своих сторонников (не больше 3.000 по сведениям сепаратистов) находилось в дороге на запад, в районе Житомира и западнее.

В договоре о мире было и два тайных пункта: о предоставлении Украиной немцам 1 миллиона тонн продовольствия (ради чего немцы и торопились с миром) и о будущем выделении украинских земель Австрии в автономную австрийскую область (на чем настаивали украинцы).

После подписания договора, встал вопрос о вооруженной помощи Центр. Раде. Немцы, имея теперь все козыри в руках, начали дело оттягивать, но генерал рядом с собой "соглашений" анулируя все то, что они считали в мирином договоре для себя невыгодным. Не имея ни территории, ни войска, а только Правительство, да и то не имеющее постоянного местонахождения, а живущее в вагонах, украинская делегация вынуждена была соглашаться на все условия.

Наконец, ген. Гофман смилиоствился. Он вызвал к себе Любинского (который заменял Севрюка, уехавшего в Вену умолять о помощи) и дал ему уже готовый текст "Обращения украинского народа к немецкому народу с просьбой о вооруженной помощи". Любинский послушно подписал.

Последние дни Центр. Рады. Пока немцы, со свойственной им медитательностью, разыгрывали комедию мирных переговоров в Бресте, Центр. Рада доживала свои последние дни.

Большевики к 20-ым числам января закончили освоение большинства территории Украины путем переворотов и восстаний местных большевистских сил и предприняли операции для захвата Киева. В этих операциях принимали участие, главным образом, местные, украинские большевистские элементы, но им в помощь были посланы подкрепления и из Великороссии. Сепаратисты утверждают, что это были "армии москалей, двинувшихся завоевывать Украину". На самом же деле, это были сравнительно немногочисленные отряды, которые быстро покололиась за счет местных большевистских сил. Разные украинские сепаратистические историки и мемуаристы производят разные цифры наступавших против Центр. Рады и ее "Украинского Войска". От всего нескольких тысяч (Доротенко) до 35-40 тысяч (максимальная цифра, которую дает ген. Удовиченко).

Принявши даже эту максимальную цифру, генерал-инспектора армии Укр. Нар. Респ. ген. Удовиченка, который, как потерпевший поражение полководец силу противника, конечно, не преуменьшил, встает недоуменный вопрос: как же это могли 35-40.000 "москалей" (допустим, что их столько было) "завоевать" — 30-миллионную Украину, которая по словам того же Удовиченка, (в его книге "Украина в войне за державность", стр. 14) имела 4 миллиона украинских "войск". И почему для защиты Центр. Рады со всей Украины нашлось только 3.000 бойцов, каковую цифру, в той же книге, приводит ген. Удовиченко (стр. 21). Другие историки, дают еще меньшую цифру.

Но все будет ясно, если мы вместо сепаратистического мифа, скажем историческую правду. Правда же заключается в том, что революция на Украине, как и во всей России, была революцией чисто социальной, а не "борьбой украинского народа за свое национальное освобождение", как это, фальсифицируя историю, утверждают сепаратисты. В процессе этой социальной революции мало-культурные массы поверили радикальным социальным лозунгам большевиков и пошли за ними. То же, что сепаратисты называют "борьбой за национальное освобождение" или "войной Украины за державность" — есть ничто иное, как попытка кучки украинской социалистико-шовинистической молодежи и деревенской полупролетариатской интелигенции, назвавшей себя "Центральной Радой", удержать захваченную в начале революции власть над Украиной. Только зная

это, станет попятно, почему так позорно закончила Центр. Рада.

Наступление на Киев.

Усиленные отрядами из Великороссии, в которых было не мало и украинцев, большевики повели наступление на Киев. Д. Дорошенко перечисляет эти отряды: Муравьев (5.000 чел.), из них часть так называемых "красных казаков" — украинцев; Егорова (1200 чел.), преимущественно рабочие из Донбасса; отряд Знаменского, наступавший из Брянска (численность не указана), с большим процен-

том матросов, пополненный в Конотопе двумя отрядами: отрядом местных уроженцев-матросов, под командой Ланы, и отрядом красногвардейцев, из рабочих железнодорожных мастерских; отряд Березина (численность не указана), наступавший из Гомеля.

25-27 января, силы красных, занявши Конотоп и Бахмач, были под станцией Круты (в 100 км. от Киева), а на линии Киев-Полтава, уже была занята станция Гребенка. По правому берегу Днепра, большевистские силы продвигались из Екатеринослава на Пятихатку и Знаменку. А в Киеве в это время заседал 9-й пленум Центр. Рады, на котором был оглашен "4-й Универсал". Настроение было тревожное. Украинские части невадежны. Охрана города поэтому была поручена наскоро сформированным отрядам добровольцев, среди которых было и некоторое количество "вольных казаков". Недовольный этим, "4-й Запорожский Богунский полк" решил разогнать Раду и явился перед ее здание, вызвавши этим панику и бегство через черный ход многих ее членов. Но все обошлось благополучно и, как пишет Дорошенко, ограничилось "небольшим бешкетом" (безобразием). Свидетели этого "бешкета", прибавляют, что были моменты, когда можно было ожидать, что богуздцы не ограничатся материей бранью по адресу Рады и беспорядочными выстрелами, а действительно разгонят, а то и перебьют Центральную Раду.

Центральная Рада, мобилизовавши своих сторонников, могла выставить против большевиков следующие силы: под ст. Круты — 150 чел. добровольцев из учащейся молодежи, совсем необученных, и около 100 украинских юнкеров, отступивших от Бахмача к Крутам; под ст. Гребенку — около 500 человек (300 — "Украинский Гайдамацкий Кеш Слободской Украины", под командой С. Петлюры, и 200 человек галичан под командой Р. Сушка). Эти 750 человек были все силы Ц. Рады для отражения наступавших на Киев. (Все цифры и данные взяты из книги Д. Дорошенко "Ист. Украины" и ген. Удовиченко — "Украина в войне за державность".) А в самом

Киеве, как пишет в своих воспоминаниях бывший премьер Исаак Мазепа, "Центр. Раду защищают только две сотни куреня СС (сечев. стрельц. ... галичан) и конный отряд "имени Гордиенка" под командой полк. Петрова. Остальной гарнизон столицы, если не с большевиками, то объявил нейтралитет. Нейтральные в тот момент были более опасны чем праги, ибо всюду было их большое количество и их выступление в тылах грозило нам ликвидацией" (И. Мазепа "Украина в огне и буре революции", стр. 39).

Не верить данным самостийнического премьера — Мазепы, генерал-инспектора Армии — Удовиченка и самого культурного из украинских историков — Дорошенко, нет никаких оснований, равно как и нет оснований заподозрить, что они преувеличили силы Центр. Рады.

Эти силы пытались противостоять себе большевистскому пожару, охватившему всю Украину. Отряд под Крутами 30 января был почти полностью уничтожен наступавшим отрядом красногвардейцев и матросов после того, как в самом начале боя руководители отряда (Тимченко, Богаевский), позорно бежали в направлении Киева. Впоследствии они были отданы под суд, который вообще никогда не состоялся.

"Отряд Петлюры и Сушка, вышедший к ст. Гребенка, был срочно отозван, т. к. в самом Киеве местные большевики подняли восстание. "Слободской Кош" и "Сечевые Стрельцы" с боем проложили себе путь назад через, уже занятые большевистскими повстанцами Никольскую и Предмостную Слободки. Сечевые Стрельцы, смелой атакой захватили Николаевский мост и в ночь на 2-ое февраля уже были в Киеве" — рассказывает Д. Дорошенко (на стр. 285 своей "Истории Украины"), еще раз подтверждая, что основание Украины большевиками проводилось местными силами.

Три дня длилась в Киеве борьба между отдельными малоочисленными отрядами большевиков и их противников при нейтралитете десятков тысяч "Украинского Войска", находившихся тогда в Киеве. Нейтральными были также 15-20 тысяч офицеров российской армии и все население столицы. Нейтралитет "Украинского Войска" был дружественный к большевикам, передко переходивший в их активную поддержку. Нейтралитет офицерства и населения вызывался их резко-отрицательным отношением к "украинскому соудебу" — Центр. Раде и ее деятельности в области социальной и национальной. В особенности усилилась эта враждебность после неудачной попытки Рады "в трехдневный срок выселить из Киева всех офицеров". Попытке неудавшейся и распоряжению не выполн-

ненному, как и большинство распоряжений Рады, но вызвавшей большое разражение и озабочение (об этой попытке пишет и украинский историк Дорошенко). В результате, как пишет тот же Дорошенко, "масса киевских обывателей сочувствовала не украинцам, а большевикам: одни — из мотивов социальных; другие — из мотивов национальных; боровшиеся за Центр. Раду чувствовали себя, как во враждебном городе: в них стреляли из окон и с крыш зданий. А некоторые "нейтральные" части, свои же украинские полки, продавали или просто передавали повстанцам оружие, патроны и еду. Киевский Совет Рабочих Депутатов, чтобы помочь большевикам, объявил всеобщую забастовку. Нестала работать электрическая станция и водопровод, город остался без света и воды" ("Ист. Укр.", стр. 283).

"Село же в борьбе Центр. Рады с большевиками осталось нейтральным и ждало, кто возьмет в ней верх" — пишет на стр. 266 той же книги Дорошенко; а подтверждают это и все украинские историки и мемуаристы. Нельзя отрицать тот факт, что село ничего не сделало для спасения Рады.

Борьба в Киеве.

Однако, несмотря на все эти обстоятельства, после трехдневных боев, Киев к 4-му февраля оказался в руках сторонников Центр. Рады, а большевистские боевые отряды прекратили борьбу. Эта "победа" была результатом перемены тактики большевиков, которые 4 февраля уже были в Дарнице и готовились бомбардировать Киев. К такой же бомбардировке были приготовлены и батареи на Куреневке, которые в полной исправности попали в руки отряда "червоных казаков" Примака, переправившихся выше Киева на правый берег Днепра. Киев был обречен и надобности в боях в самом городе не было. Поэтому большевики ничем не реагировали на победы сторонников Рады в Киеве, которым удалось даже захватить большевистскую цитадель — Арсенал.

Планы социалистов.

К тому же в эти дни в недрах самой Рады готовилась попытка взорвать ее изнутри. Еще в начале января группа членов Центр. Рады, преимущественно всеворов (Любченко, Михайличенко, Шумский, Бачинский) и несколько эсдеков (Неронович и др.,) создали план разогнать или распустить Центр. Раду, заменив ее Советом Раб. и Солд. Депутатов. Об этом плане подробно рассказывает В. Винниченко (в т. II на стр. 220-221, своей книги "Возрождение нации") и ут-

верждает, что это делалось с ведома и согласия, как Харьковского Правительства, так и СОВНАРКОМ-а в Петрограде. План этот был сорван исключительно благодаря инициативе организатора добровольческих дружин и "вольного казачества" в Киеве, инженера Ковенко, назначенного Комендантом города Киева. С небольшим отрядом он явился на заседание эсеровской фракции Центр. Рады и, несмотря на протесты самого Грушевского (тоже тогда уже эсера), арестовал заговорщиков.

Вторая попытка взорвать Раду изнутри исходила от самого премьера того правительства, которое вели борьбу с большевиками.

Вот что о ней рассказывает сам автор проекта — Винниченко в своей книге "Возрождение нации" (т. II стр. 221-222) и Д. Дорошенко в "Ист. Укр." (стр. 260): "Винниченко предложил ни больше ни меньше, как арест одной частью Секретариата другой его части с Винниченко во главе, провозглашение власти Советов, перевыборы Центр. Рады и немедленные переговоры о мире с большевиками. По мнению автора плана, таким образом "власть осталась бы в национальных руках, за нее сразу бы стали все индифферентные в борьбе с большевиками национально-украинские воинственные части и прекратилась бы война с Россией". Но товарищи Винниченко, — говорит дальше Дорошенко — "не прияли от него такой "жертвы" и не согласились на его план".

Этот план настолько фантастичен, что вообще трудно поверить, если бы его не изложил, во всех подробностях сам автор — В. Винниченко в своей книге "Возрождение Нации".

Третья попытка взорвать Центр. Раду была сделана в конце января. Эсеры потребовали создания лево-эсеровского правительства, организации на Украине советской власти и немедленного мира с большевиками. Большинство Рады на это не пошло, но все же Винниченко должен был уйти и было сформировано новое правительство с Голубовичем во главе (8 эсеров и 2 эдека), которые немедленно занялись выработкой закона об организации советов рабочих и крестьянских депутатов, как власти на местах. Но провести его в жизнь не удалось, т. к. надо было уже бежать из Киева. Инициатор этого закона, министр просвещения Н. Григорьев, жил впоследствии в США и активно занимался украинской политикой, а соавтор, Любченко, попал за сотрудничество с большевиками, сделал большую карьеру и в Ежовщину застрелился.

Бегство Центр. Рады.

Пока в Раде совершились все эти реконструкции, большевики закончили

свои приготовления и 5-го февраля начали артиллерийской обстреливать Киев. В городе и Правительстве началась паника. Как передает в своих воспоминаниях тогдашний министр И. Христюк (т. II, стр. 127) на своих постах осталось только четыре министра, а остальные "исчезли неизвестно куда, не подавая о себе никакой вести". А Д. Доропенко продолжает: "тогда было решено оставить город и отступать к Житомиру. Эвакуация была проведена в ночь с 8 на 9 февраля. Число украинских войск, которые отступали было около 3.000 человек. С ними оставили Киев часть министров и членов Малой Рады. Об отступлении вообще мало кого успели оповестить; большинство членов Центр. Рады и лиц близких к Правительству не знали, что украинское войско покидает Киев и, проснувшись утром, с ужасом узнали, что город уже в руках большевиков". ("Ист. Укр.", стр. 294).

Так закончилось девятимесячное управление Украиной молодыми социалистами — "сознательными украинцами", которые фактически с июля 1917 г. были Украинским Правительством. Бежали они на Запад, на встречу полной неизвестности, оставленные народом, который их не захотел поддержать и не пошел за ними. Об уже заключенном (в ночь их бегства) мире с немцами, они еще не звали.

Большевики в Киеве.

Большевики же, взяв Киев, учивши

в нем странную расправу, от которой

пострадали главным образом русские офицеры, которых большевики легко опознавали и расстреливали на месте. Погибло в первые же дни около 5.000 офицеров. "Сознательные украинцы" — сторонники Рады, пострадали гораздо меньше. Д. Доропенко пишет: "большинство украинских деятелей, которые остались в Киеве, смогли перенятьтаться. Погибло лишь несколько людей, в большинстве, случайно". Из украинцев пострадала главным образом молодежь, которая имела удостоверения на особой бумаге о службе в украинских частях. Обнаружение такого удостоверения влекло немедленный расстрел. Не мало украинской молодежи стало жертвой своих, романтических украинских настроений, в результате которых они побрили себе головы, оставивши "чубы" и "осследцы", следы которых не так легко было уничтожить, хотя они и были немедленно сбиты. На сбитой коже оставались светлые пятна, по которым большевики легко узнавали "гайдамаков", как они называли сторонников Центр. Рады, и тут же на месте их расстреливали.

Харьковское Правительство немедленно переехало в Киев; начали работать все правительственные учреждения, причем все служащие бывших учреждений Ц. Рады изъявили желание работать с новой властью и под новыми начальниками.

Командующим войсками был назначен Юрий Коцюбинский, сын известного украинского писателя, а Комендантом г. Киева, украинец — Гулик.

Новая власть старалась наладить жизнь и снабжение (без особого успеха), но особенно строгих мер против сторонников Рады пока не предпринимала, разрешая даже выход украинской газеты "Нова Рада", органа украинских социалистов-федералистов под редакцией члена Рады С. Ефремова. Городскую Думу оять возглавил всэр Рибцов, избранный в июле 1917 г. Но настроение в городе было тревожное, полны слухи об интервенции немцев, хотя никто ничего определенного не знал, даже не знал о заключении мира.

Большевики же, конечно, обо всем были отлично осведомлены, а потому, предвидя возможность прихода немцев, чувствовали себя неуверенно, хотя и издали ряд декретов: о недействительности, выпущенных Радой, перед бегством, украинских денег; о ликвидации Ц. Рады и об объявлении ее бежавших членов "уголовными преступниками", подлежащими аресту, а их имущество конфискации.

А Центр. Рада, в это время, находилась "на колесах". Решила было задержаться в Житомире, но Городская Дума попросила, "во избежание неприятностей для города", оставить Житомир. Рада оставалась только один путь — на Коростень и Сарны, т. к. к югу и юго-западу от Житомира во всех городах захватили власть местные большевики.

Туда и направилась Рада со своими защитниками. В пути, бесчисленные "возки" и несколько человек были переформированы и слиты в "Отделенный Запорожский Корпус" под командой ген. Присовского и его помощника, полк. Болбачана.

Петлюра со своими "гайдамаками" не подчинился ген. Присовскому и пошел командовать ими сам. К нему присоединился и отряд "вольных казаков" М. Ковенка. Всего набралось до 3.000 "Укр. Войска", включая штабы и нестроевых.

Вынужденные оставить Житомир, сторонники Рады, ведя стычки с небольшими большевистскими отрядами, расчищали путь по направлению к немецким линиям для следования за ними в поездах Рады и Правительства, которые и тут не прекращали своей законодательной деятельности и вынесли ряд законов: — о пере-

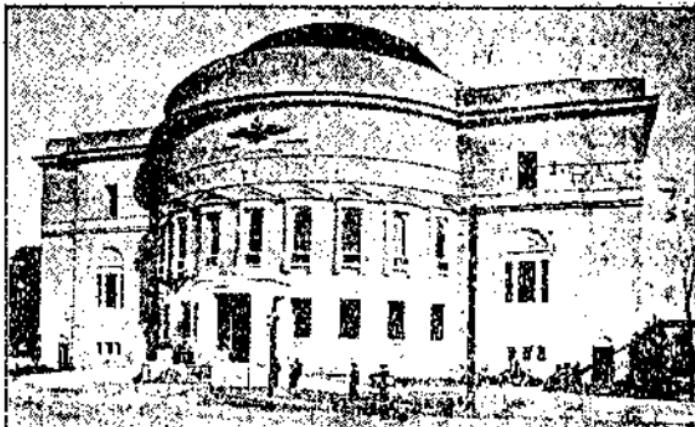
мене стиля; — о новой monetной единице ("гривна"); — о государственном гербе (тризуб); — о новом административном делении Украины и т. д.

Тут, где то около Сары, они узнали о заключении мира и о движении немцев на Украину.

**

М. Грушевский

Здание Центральной Рады.

Первый Генеральный Секретариат

Стоят: Христюк, Стасюк, Мартос. Сидят: Стешенко, Барановский,
Винниченко, Ефремов, Петлюра. (Слева направо).

Н. Порш

В. Голубович

Н. Шаповал

Н. Григорьев

Деятели времени Центральной Рады.

НЕМЦЫ НА УКРАИНЕ.

(1 марта — 1 декабря 1918 года).

Брестский мир и поход немцев на Украину.

Центральная Рада и Правительство, как передает в своих воспоминаниях министр Порш, узнали одновременно

и о заключении мира, и о движении немцев на Украину, находясь в вагонах около станции Сарны. При этом известии, сообщает А. Севрюк в своей книге "Брестский мир", Грушевский расплакался. Расплакался в Петлюра, по свидетельству его ближайшего сотрудника — Исаака Мазея.

А. Севрюк объясняет эти слезы так: "приход немцев на Украину был драмой его (Грушевского) жизни. Те, кто обвиняли его в том, что он является орудием австро-германской или немецкой интриги, теперь подумали в свои руки против него оружие". С этим объяснением трудно не согласиться. Действительно, оправдать правительство, называющее себя демократическим, в призывае иностранной вооруженной силы после того, как оно лишилось территории в неизвестно поддержки населения, очень трудно. Слезы же дела не меняют, а только вызывают недоумение и ставят вопрос, были ли они искренни и не были ли они просто дешевой демагогией (в том что они были, после свидетельства трех министров, сомнений нет). Если они были искренними, то это свидетельствует о безграничной наивности руководителей политики Украинской Народной Республики, которые не в состоянии были предвидеть последствия заключения мира, на что они сами дали делегатам согласие. Непонятно также, зачем было плакать при известии, что немцы двинулись на Украину. Ведь если бы они не двинулись — никаких надежд на удержание в своих руках власти ни у Грушевского, ни у Петлюры не было. Зачем же было плакать, если шли спасители? И не им ли навстречу бежала Рада? Многочисленные украинские сепаратистические историки и мемуаристы никаких вразумительных объяснений этих слез не дают, давая этим основание для пелестных умозаключений об их вождях.

Но, несмотря на слезы, Грушевский, Петлюра и их партийные товарищи (эс-эры и эс-деки) не отказались от того, чтобы, вопреки отчетливо выраженной воле народа, на немецких плечах вернуться к власти над Украиной. Сразу же за наступавшими немцами они двинулись в Киев.

Обращение к населению.

Перед Радой и Правительством стояла
нелегкая задача объяснить населению

приход немцев и оправдать себя перед народом за это. В том, что подавляющее большинство отнесется к этому отрицательно — сознаний не было,

Целых четыре длинейших объяснений прихода немцев получило население Украины: "Ко всем гражданам Украинской Народной Республики" — за подписью всех трех членов мирной делегации в Бресте; "Оновещение" — от Центральной Рады; лично от М. С. Грушевского; лично от премьера Голубовича. Убедить кого-нибудь в бескорыстной любви и дружбе немцев к украинцам эти изъявления не смогли. Население встречало их настороженно-враждебно. Только эпитеточные его слои приход немцев приветствовали, надеясь, что они положат конец социалистическим экспериментам, от которых эти слои одинаково страдали и при Центральной Раде, и при большевиках.

Роль Укр. Войска в освобождении Украины от большевиков.

Немцы быстро и неуклонно продвигались на восток, не встречая нигде сопротивления, о чем рассказывает Д. Дорошенко такими словами: "изве-

стие о том, что немцы идут на Украину, молнией разнеслось по всему Правобережью и все что были обольщены бежали в страшной панике от одной этой вести. Украинское Войско двигалось вперед безостановочным, как бы церемониальным маршем" ... ("История Украины", стр. 330). Давая эту ироничную картину, Дорошенко забыл только упомянуть, что двигаясь вперед, "Украинское Войско" (исого около 3.000), имело непосредственно перед или за собой немецкие дивизии, и что все бежало не от "украинского войска", а от известия о движении немцев, что признает и сам Дорошенко в первой части приведенной цитаты из его книги. Без немецких дивизий, всего несколько недель перед этим, от "Украинского Войска" никто не бежал, а бежало оно само по направлению к немцам. Факт общезвестный, доказательств не требующий. Что "Украинское войско" иногда шло впереди — за это они должны были быть благодарны немцам, которые, из вежливости, или желая показать, что они только "союзники" и только "помогают", подойдя к какомунибудь городу, предоставляли "Украинскому Войску" возможность войти в него первым.

Здесь уместно будет, зная правду о захватии Украины немцами, привести и сепаратистскую ложь об этом же самом событии.

Вот как его описывает в своей книге генерал-инспектор Украинской Армии А. Удовиченко: “главным направлением для наступления украинских сил была определена железнодорожная линия Сарны-Коростень-Киев. Несмотря на численный перевес Красной Армии, украинские части рядом упорных боев разбили врага и 1-го марта заняли Киев. Одновременно со стороны Казатина в Киев прибыл первый отряд немецкой армии” (стр. 33 “Україна в Війні за Державність”). Это пишется несмотря на то, что всем отлично известно, что никакого “ряда упорных боев”, кроме незначительной стычки на Ирине, не было и что за две недели перед тем вся “Украинская Армия”, бежавшая из Киева с Центральной Радой, по свидетельству украинских же историков и мемуаристов (Дорошенко, Христюк, Шульгин, Шухевич и другие), имела “около 3.000”, которые во время отступления были переформированы в два отряда (ген. Присовского и Нетлюри), каждый численностью меньше одного полка. А тот факт что генерал Удовиченко не упоминает никакого другого места или направления, говоря о наступлении на Киев, лучше всего подтверждает что никаких других войск, кроме отряда,шедшего по линии Сарны-Коростень-Киев, у Центральной Рады не было.

Приведенный выше случай искажения сепаратистами фактов и событий не является единичным, а типичным для новейшей украинской историографии и ставит под сомнение качество многочисленных трудов сепаратистов в этой области.

Занявши Киев, немцы выразили желание, чтобы в очищении Левобережья приняли участие и какие-нибудь украинские части. В связи с этим, как сообщает генерал Удовиченко (стр. 31), в начале марта была сформирована “Запорожская Дивизия” под командой полковника Патиева (не украинца) и послана на фронт “в направлении Киев-Полтава-Харьков, где уже действовали немецкие войска”.

По уже установленномуся церемониалу, немцы вступали в освобожденные города или одновременно с частями “Украинской Армии” или на несколько часов позднее, делая вид что “Украинская Армия” освобождает, а немцы только помогают. Так в половине апреля почти вся Украина была оккупирована немцами.

Возобновление работы к Центр. Раде.

Бережья и края Украины, Центральная Рада, Правительство и пар-

тия немцы и, присоединившиеся к ним несколько позднее, австрийцы методически проводили оккупацию Лево-

тийные лидеры вернулись в Киев. Как будто ничего не произошло, они продолжали свою деятельность, прерванную бегством 9-го февраля. Прежде всего объявили, что все законы и распоряжения, вынесенные Радой до бегства, остаются в силе, а вынесенные Украинским Харьковским Правительством (большевистским) — отменяются. Так как была весна и начались полевые работы, Украинское Правительство еще раз подтвердило свой закон о социализации земли и признало "земельные комитеты", занимавшиеся этим делом, продолжать свою деятельность. Деятельность эта только высвободила полную неразбериху в, и без того запутанный, вопрос о землепользовании, правах на урожай озимых и посева яровых хлебов и вызывала острое недовольство не только крупных землевладельцев, но и зажиточных крестьян, на землю которых предъявляли права "земельные комитеты".

Не лучше чем в земельном вопросе было положение и в остальных областях жизни. Украинский историк Д. Дорошенко по этому вопросу пишет: "Вообще — некуда правду деть — украинский хаос должен быть поразить каждого свежего человека. Чем меньше встречали немцы на своем пути порядка, тем больше росла у них мысль о необходимости, по возможности, самим брать все в свои руки, чтобы обеспечить себе транспорт, снабжение и собственную безопасность". (стр. 388, "История Украины").

Отношение немцев Центр. Рады.

Соприкасаясь с более культурными слоями населения и с евреями, владевшими немецким языком, немцы ничего хорошего о Центральной Раде и Правительстве не слышали. Все были настроены против них, как за их социальную так и национальную политику, а евреи кроме того остро испытывали еще и за открытый антисемитизм. Городские рабочие и беднейшее крестьянство также были против Рады, отдавши свои симпатии большевикам. Сторонниками Рады были только немногочисленные партийные украинские эсеры и эс-деки, почти исключительно зеленая молодежь и полу-интеллигенты, успевшие за время Центральной Рады сделать головокружительные карьеры, о которых они не смели и мечтать.

Не удивительно поэтому, что немецкие и австрийские агенты доложили своим правительствам о хаосе на Украине, об отсутствии авторитетного правительства и его непопулярности у населения. Дорошенко, по данным австрийских архивов, пишет, что эти донесения сообщали: "что никакой Украинской Республики в действи-

тельности нет, что это один фальтум, что существует кучка молодых политиков весьма радикального направления, которой удалось каким-то образом очутиться в роли правительства" (стр. 839 "История Украины").

Немцы поняли, что при наличии этого правительства получить то продовольствие, ради которого они пришли на Украину, никакой надежды нет.

Личный контакт немцев с самоуверенными и малокультурными "диячами" (деятелями) производил на них удручающее впечатление. Фельдмаршал Айхгорн, командующий немецкими войсками на Украине органически не выносил недалекого, назойливо-самоуверенного 27-летнего премьера Голубовича и перестал его вообще принимать.

Представитель Германии в Киеве, барон Мум, делал многочисленные попытки как-то договориться с Украинским Правительством, но все разбивалось в полную неподготовленность представителей Украины к какой-либо конструктивной деятельности. Все это были или студенты, или молодые люди, редко достигшие 30-летнего возраста, или полу-интеллигенты в, к тому же, все ярые социалисты, которые по своей идеологии были гораздо ближе к большевикам, чем к, ведущему с ними переговоры, барону Муму. И Мум, а также представитель немецкого военного командования, генерал Греннер, все больше склонялись к мнению своего австрийского коллеги, графа Форгача, считавшего необходимым отказаться от мысли о каком-либо сотрудничестве с группой социалистов, выступивших от имени Украины.

В своем донесении в Вену Форгач писал, что он тщательно ищет среди высшего возглавления Украины людей, если не широко образованных, то хоть просто разумных, но не находит их. "Все они", говорит он, "находятся в опьянении своими социалистическими фантазиями, а потому считать их людьми трезвого ума и здравой памяти, с которыми бы было можно говорить о серьезных делах, не приходится. Население относится к ним даже не враждебно, а пренебрежительно..."

Донесения с мест говорили о постоянных конфликтах представителей немецких и австрийской императорских армий с представителями Украинского социалистического правительства, которые, окрыленные распоряжениями Центральной Рады, рьяно проводили социализацию земли. Все чаще зажиточные слои населения по собственной инициативе начали обращаться к немцам с просьбой защитить их от действий социалистов, представителей Центральной

Рады, которые они считали грабежом и самоуправством.

В результате, уже в середине апреля, немцы стояли перед дилеммой: или сменить Правительство Украины или попросту всю власть взять в свои руки, провозгласив оккупацию Украины.

Антисоциалист. силы.

Они остановились на первом варианте и вступили в связь с местными силами, враждебными Центральной Раде и ее социалистической политике. Силы эти начали с приходом немцев группироваться вокруг "Украинской Народной Громады", состоящей из анти-социалистических элементов, украинцев по происхождению, но без того новинизма, которым отличались деятели Центральной Рады.

Второй анти-социалистической силой, объединившей бескомпромиссных противников Рады, была "Союз Земельных Собственников", основанный еще летом 1917 года, замерший при Раде и большевиках и оживший с приходом немцев.

Третьей силой была "Украинская Демократическая Хлебородская Партия", которая была противником Рады и ее политики, но все же допускала с ней сотрудничество и компромисс в то время как две первые организации попросту игнорировали Центральную Раду, считая что она не имеет никаких, ни формальных, ни моральных прав выступать от имени Украины.

Если "Украинская Народная Громада" имела характер содружества немногочисленных единомышленников-заговорщиков, имевших тесный контакт с немцами, и пытавшихся этот контакт использовать для свержения власти социалистов, то вторая сила— "Союз Земельных Собственников" была организацией массовой и весьма агрессивной. Зажиточное крестьянство было главным элементом в этой организации, в которой, конечно, были и помещики. Все они люто ненавидели всяких социалистов, были агрессивны и искали случая с ними расправиться и прекратить их эксперименты, которые они считали "грабежом среди бела дня".

Их местные организации тесно сотрудничали с немецкими комендантами и давали им богатый фактический материал о социалистической деятельности органов Центральной Рады, парализовавшей всякую хозяйственную жизнь.

Приказ Айхгорна.

В связи с этой деятельностью, 6-го апреля, фельдмаршал фон Айхгорн, командующий немецкими войсками на Украине, издал приказ, сильно ограничивающий деятельность "Земельных Комитетов" и регу-

лирующий земельные отношения в целях получения возможно большего урожая.

Этот приказ вовсе не восстанавливал помещиков в их правах, как это, извращая факты, утверждают многие социалисты-сепаратисты, а вводил только правила для возможно более рационального использования земли. Главные пункты этого приказа были следующие:

1. Урожай принадлежит тому кто, засеял. За него он получит наличными по установленной цене.

2. Захват большего количества земли чем то, которое он может засеять — запрещается и карается.

3. Там где крестьяне не могут засеять всей захваченной земли, или где земля еще не захвачена и сохранились помещики, последние обязаны произвести посев, а "Земельные Комитеты" обязаны для этого посева предоставить инвентарь и семена, если они были разграблены.

Приказ Айхгорна вызвал бурю негодования в Центральной Раде и она издала приказ о его невыполнении, а премьеру поручила протестовать в Берлине.

Немецкие коменданты на местах неукоснительно проводили в жизнь этот приказ, не считаясь с протестами "Земельных Комитетов", с которыми они обращались без всякой почтительности. Так, например, в Конотопе немецкий комендант капитан Блейман пригрозил что выборет весь комитет, если он своими действиями будет саботировать посев. На заявление присутствовавшего на заседании члена Центральной Рады Тихова Осадчего, что он "лицо не-прикосновенное", как член Центральной Рады, капитан Блейман ему сказал, что "если он не перестанет говорить глупости, то будет выброшен немедленно, тут же, в заседания Комитета". Осадчий замолчал. А несколько недель спустя ему пришлось таки быть выброшенным, но не немцами, а своими же односельчанами — зажиточными казаками села Гирявки, у которых по его приказанию была "социализирована" земля. Таких и подобных случаев на Украине было множество — немцы не стеснялись с теми, кто, по их мнению, саботировал восстановление хозяйства.

Подготовка переворота. Между тем "Украинский Народный Громада", по соглашению с немцами и с «Союзом Земельных Собственников», подготовляла свержение Центральной Рады, которая усиленно занималась подготовкой к созыву Украинского Учредительного Собрания, наметив его на 12 мая.

Члены Правительства чувствовали, что над их головой собираются тучи и приписывали это деятельности "контр-революционеров", которые интригуют и настраивают против них и Рады немцев. Для того, чтобы парализовать эту деятельность, как передает в своих воспоминаниях тогдашний министр П. Христюк ("Украинская Революция" том 2, стр. 166), было решено арестовать этих "контр-революционеров".

По почему то арестовали не всех, а только одного — киевского банкира, еврея Доброго — и то каким то необычным способом: его украли и увезли в Харьков, придав этому похищению характер деятельности какой то "частной организации". Шум около этого похищения поднялся не малый, а Правительство на все запросы и родственников, и немцев отговаривалось незнанием и обещанием дело расследовать.

Тогда немцы взялись за дело сами, нашли Доброго и установили виновников. Одновременно с поисками Доброго, немцы, видя всю безнадежность паладить сотрудничество с Центральной Радой, приняли ряд подготовительных мер на случай ее принудительной ликвидации.

25 апреля фельдмаршал Айхгорн издал следующий приказ:

"Безответственные личности и союзы пытаются терроризировать население. Против всякого закона и права они производят аресты, чтобы запугать тех, кто, в интересах родного края и ново созданного государства, готовы работать совместно с Германией. Где пребывают немецкие войска, там я не допущу никаких беззаконных действий. Поэтому я приказываю принять особые меры для окраин города Киева и немедленно отдавать под суд всех тех, кто совершает противозаные действия. Я приказываю:

1. — Все проступки против общественного порядка, все уголовные преступления против немецких и союзных войск, как и против всех лиц, которые к ним принадлежат, подлежат исключительно чрезвычайному немецкому военному суду.

2. — Всякое нарушение общественного покоя, особенно уличные сборища — запрещаются.

3. — Запрещается также всякая попытка нарушить спокойствие или общественную безопасность устной агитацией, в печати или каким другим способом. Газеты, виновные в таких проступках, будут немедленно закрыты.

4. — Украинские судебные установления продолж-

жают свою деятельность, поскольку уголовные проступки не подлежат наказанию по статье 1-ой.

Этот приказ вступает в силу немедленно по его опубликованию. Опубликование производить путем расклейки этого приказа".

Разоружение синежупанников.

А на следующий день, 26 апреля, немцы разоружили дивизию "синежупанников", составленную в Германии из военно-плебиев и окончательно разложившуюся по прибытии в Киев, под влиянием как социалистической пропаганды Рады, так и, еще больше, в результате деятельности большевистских агитаторов. То же самое было сделано с, находившейся в Ковеле, дивизией "серожупанников". По заявлению тогдашнего военного министра Жуковского, это было сделано с его ведома и согласия.

27 апреля собралась для очередного законодательства "Малая Рада" и занялась вопросом конституции Украины, после чего премьер Голубович сделал доклад о приказе Айхгорна и о разоружении украинских частей. Дебаты по докладу были перенесены на следующий день.

28 апреля все лидеры Центральной Рады выступили с резкими осуждениями действий немцев на Украине. В самый разгар дебатов в зале заседания вошел немецкий лейтенант с несколькими солдатами и громко крикнул по русски: "именем немецкого правительства приказываю вам всем поднять руки вверх". При гробовом молчании, без слов протеста, все "воюди" встали и подняли руки. Один только Грушевский продолжал сидеть, а лейтенант, видя это неисполнение своего приказа, ничего не предпринял. Впоследствии это поведение Грушевского киевляне объясняли тем, что он был заранее осведомлен немцами, а лейтенант имел соответствующие инструкции. Конечно, документально доказать это невозможно, но, с другой стороны совершенно исполнительно, как мог немецкий лейтенант допустить демонстративное неисполнение своего приказания, данного при исполнении служебных обязанностей. Сепаратисты этот щекотливый вопрос обходят молчанием.

Конец Центр. Рады.

Лейтенант потребовал чтобы ему указали министров: внутренних дел — Ткаченка, военного — Жуковского, иностранных дел — Любинского, землемерия — Ковалевского и высшего чиновника министерства внутренних дел — Гаевского. В зале оказались только Любинский и Гаевский, которые были немедленно арестованы и уведены.

Затем участники заседания были проверены, обысканы и им было разрешено опустить руки. Немцы удалились. Удалились и "вожди", не продолжая заседания.

Собрались они на следующий день. Молча, без дебатов, выслушали они сообщение Грушевского о том, что он заявил немецкому командованию протест и потребовал возвращения отобранных бумаг, часть которых уже была возвращена, но он не уверен что все.

Затем занялись законодательством: в этот день Рада приняла проект основного закона (Конституции) Украинской Народной Республики, единогласно изменила "земельный закон" — вместо социализации земли признала частную на нее собственность, — причем до 30 десятии не подлежало отчуждению, — наконец, выбрала Грушевского Президентом Украинской Народной Республики. На этом заседании министры: земледелия, военный и внутренних дел не присутствовали, так как скрывались от ареста немцами, которого случайно избежали накануне. Впоследствии Жуковский и Ковалевский были арестованы, а Ткаченко где то скрывался до конца года.

Много лет спустя один из свидетелей заседаний Рады 28 и 29 апреля 1918 года говорил: "стыдно было за свой народ при виде того как его "вожди", все эти самоуверенные юноши и полуграмотные "диячи", с поднятыми руками стояли перед немецким лейтенантом, со страхом ожидая, что будет дальше... Как провинившиеся дети перед строгим учителем. Еще стыднее было на следующий день, когда они единогласно принимали земельный закон с отказом от социализации земли, и спасительности которой они уверяли несть народ. Когда же они лгали? Ральне или сегодня? Где их идеяность, их принципиальность? Все улетучилось от окрика лейтенанта... 28 апреля я убедился в их трусости, 29 апреля — в их бесприципальности".

**

Хлеборобский Конгресс и выборы Гетмана.

Пока Рада принимала новые законы и выбирала Президента Украины, в тот самый день, собрался в Киеве "Хлеборобский Конгресс", организованный "Украинской Народной Громадой" и "Союзом Земельных Собственников".

На Конгресс прибыло 6.432 полномочных представителя со всей Украиной. Это были почти исключительно зажиточные крестьяне — люди физического труда. Все они в той или иной мере по-

страдали материально от социалистических опытов Центральной Рады и деятельности "Земельных Комитетов" и были ярыми анти-социалистами. На Конгресс ехали с твердым намерением "занести порядок" и обеспечить свое имущество от покушений социалистов. Среди делегатов было много молодежи — сыновей хлеборобов, которые были настроены не только непримиримо, но и агрессивно. Процент крупных землевладельцев был незначителен и они терялись в общей массе хлеборобов, большинство которых было в национальных костюмах. Кое где виднелись "вольные казаки" в живописных старинных казацких жупанах с криними саблями на боку.

Конгресс состоялся в самом большом помещении в Киеве — в цирке на Николаевской улице, в котором не могли разместиться все участники, так что многие стояли в проходах и на улице.

После ряда докладов и речей, с резкой критикой Центральной Рады и требованием положить конец анархии, было предложено выбрать Гетмана. Предложение было восторженно принято всеми присутствовавшими и Гетманом были провозглашен генерал Павел Скоропадский, который обратился к Конгрессу со следующими словами: "Господа! Я благодарю вас за то, что вы мне доверили власть. Не для собственной корысти я беру на себя бремя временной власти. Вы сами знаете, что везде ширится анархия и что только твердая власть может занести порядок. На вас, хлеборобы, и на зажиточные круги населения я буду опираться и молю Бога, чтобы Он дал нам силы и твердости спасти Украину".

В 3 часа дня Конгресс закончился, а в 4 часа все его участники собрались на Софийской площади на молебен. Перед молебном на площади, в Софийском соборе, епископ Никодим благословил и миропомазал Гетмана, а затем начался молебен.

Во время молебна на той же Владимирской улице в своем здании заседала Центральная Рада и принимала новые законы.

Еще до окончания Конгресса, хорошо организованные генералом Дашкевичем-Горбацким, отряды "гетьманцев" с молниеносной быстротой приступили к занятию правительственныеых зданий и учреждений. Нигде никто не оказал никакого сопротивления. Конный отряд охраны Центральной Рады под командой полковника Аркаса в полном составе перешел на сторону Гетмана. Только галичане — "сечевые стрельцы" сделали попытку защищать Центральную Раду и при этом убили трех "гетьманцев", но их сопротивление было легко сломлено, и вечером их командир — Коновалец явился к Гетману и предложил ему свои услуги. Но "сечевые стрельцы" под

влиянием социалистической пропаганды колебались и поэтому были немедленно разоружены и распущены. Распущена была и Центральная Рада без всяких указов и церемоний: просто, вебольшой отряд "гетьманцев" без всяких физических пасилей выгнал их из здания и отпустил всех членов на все четыре стороны, чем члены Рады были удивлены и обрадованы, ибо пускались слухи что "гетьманцы" собираются с ними расправиться и всех nogоловно перепороть. Незадачливые "вожди" рассеялись в разных направлениях. 30 апреля открылась новая страница истории Украины — Гетманство Павла Скоропадского.

Переворот прошел без какого либо участия немцев, но, конечно, с их ведома и согласия. Вся подготовительная к перевороту работа, которую проводила "Украинская Народная Громада" не была тайной для немцев, но они предпочли сами активно не выступать, ибо были уверены в успехе переворота и знали о полном отсутствии у Центральной Рады каких либо реальных сил, на которые она может опереться.

И они не ошиблись. Никто не пожелал выступать на ее защиту, даже ее собственная охрана. Наоборот, весть о ликвидации Рады вызвала в Киеве всеобщую радость. Радовались не только "правые" и зажиточные, но и "левые", пробольшевитские элементы, которые со злорадством приняли известие о падении тех, кто не имея поддержки в народе, обратился за помощью к немцам.

**

ГЕТМАН СКОРОПАДСКИЙ.

(29 апреля — 13 декабря 1918 г.)

Гетманское Правительство. После успешного переворота перед Гетманом встал вопрос о формировании Правительства. Его состав был намечен еще до переворота, но не окончательно. Временным премьером был назначен И. Сахно-Устимович, который и начал переговоры с разными лицами и группами. Совиавний с "Хлебородским Конгрессом" "Съезд Хлебородов-Демократов" — третьей антисоциалистической группой на Украине — к перевороту отнесся положительно, но желал, чтобы было наложено сотрудничество с партиями и группами Центральной Рады, вышедшие в то же время постановление с требованием: распуска «земельных комитетов», возвращения собственникам «разграбленного имущества», перевыборов земств, признания недействительными

выборов в Украинское Учредительное Собрание.

Кроме того этот Съезд подчеркнул свое желание, чтобы новое правительство в своей деятельности опиралось прежде всего на "национально сознательных" украинцев, которые в своей прежней деятельности показали "верность украинской национально-государственной идеи". Это последнее выражение носило платонический характер, ибо, в действительности, тогда таких людей не было. Вынесено оно по предложению небольшой группы интеллигентов — членов съезда, которые, надо полагать, именно себя считали обладателями этих качеств.

В то время как основная масса членов партии и Съезда Хлеборобов-Демократов были настроены агрессивно-антисоциалистически (многие из них принимали участие в выборе Гетмана) и выносila выше приведенные антисоциалистические резолюции, в которых социализированная земля называется "разграбленным имуществом", некоторая часть ее лидеров не могла еще решиться стать на отчетливо антисоциалистические позиции и решительно покинуть с деятелями Центральной Рады. Это и послужило преградой к тому, чтобы партия приняла участие в Гетманском Правительстве, разогнанном Раду.

Социалисты — федералисты (ес-эфы), к которым обратился Устимович с предложением вступить в правительство, заняли неопределенную позицию и попросили "подождать". А тем временем собрали совместное совещание с ес-врами, ес-деками и социалистами **самостийниками** на котором, вместо ответа Гетману, решили обратиться к немцам с рядом предложений, по их мнению, "конструктивных" и "реальных", поставивши ряд своих "условий", сводившихся по существу к продолжению политики Центральной Рады, как в социальном, так и в национальном вопросе, правда, в смягченной или замаскированной форме.

Генерал Гренер категорически отверг план и «условия» объединенных социалистов, сказавши, что уже "поздно", надо было думать об этом раньше. Гетмана признала Германия — и он останется. Это не значит, однако, что немцы отвергают возможность сотрудничества с социалистами. Оно даже желательно — сказал Гренер — но при одном непременном условии: чтобы они были "благородумны". Социалисты ушли, совещались два дня и подали генералу Гренеру новый проект, но генерал и его не признал "благородумным". На этой попытке сотрудничество с социалистами закончилось.

"Не без юмора генерал Гренер спросил нас во время этого

свидания, почему же не написалось никого, кто бы выступил в защиту Рады? Ведь вы знаете, что в конфликте между социалистической Радой и несоциалистическими украинцами мы были нейтральны", — сказал генерал. "Не можете ли вы мне объяснить почему вас никто не поддержал, ни в феврале, когда вы обратились к нам за помощью, ни во время гетманского переворота?" — продолжал Греннер.

Мы молчали... (Так рассказывала член делегации к немцам А. Андроновский). А украинский историк Д. Дорошенко об этой просьбе социалистов к немцам вмешаться во внутренние дела Украины пишет: "сами избравшие представителя немецкой военной власти арбитром во внутренних украинских делах, уверяют его все время, что только они являются представителями украинской общественности и даже всей украинской народности. Говоря все время, как об «украинцах», только о социалистах и противопоставляя им, как "неукраинцев" всех других украинцев не-социалистов, они тем самым убеждали немцев, что "украинство" есть не больше, как партия, как секта. В то время как тысячи хлеборобов, промышленников, торговцев выступали на съездах как украинцы, во имя интересов Украины, кучка социалистической интеллигенции только себе самой присваивала монополию представлять украинскую общественность и весь украинский народ" ("История Украины" том 2, стр. 59).

Немецкие газеты писали о "просьбе социалистов, чтобы немцы помогли им принять участие в правительстве"... и о том, что "практически их сотрудничество не имеет значения, ибо они составляют очень маленькую партию" (*«Берихт»* от 18-го мая 1918 года).

Потеряв всякую надежду говориться с украинскими политическими партиями, Гетман сам составил (4-го мая) правительство во главе с Ф. А. Лисогубом, Председателем Полтавского земства. Состав правительства был определенно антисоциалистический, но далеко не "антиукраинский", как утверждали оставшиеся за бортом социалисты. Наличие в числе министров известных украинских деятелей Василенко и Дорошенко, равно как и тот факт, что все министры (кроме одного) были уроженцы Украины, широко известные своей общественной, культурной или промышленной деятельностью, опровергает это утверждение социалистов.

Гетман Скоропадский.

Сам Гетман Скоропадский был потомком брата Гетмана Ивана Скоропадского, сменившего в 1708 году Мазепу. Богатый помещик, воспи-

танный в Петербурге, женатый на дочери крупного русского сановника — Дурново, генерал царской свиты и командир аристократического гвардейского полка, он, конечно, не был "украинцем" в социалистическом понимании этого слова. Но он был украинцем по рождению, происхождению и своим украинским симпатиям. Среди украинских помещиков, потомков казацкой старшины, было ве- мало воспринявших общероссийскую культуру, но не забывавших и своей Украины, ее истории, языка, культуры. Они гармонически совмещали в себе патриотизм свой, украинский, с патриотизмом обще-российским. Одним из таких был Павел Петрович Скоропадский.

С началом революции, когда был поставлен во всей его широте "украинский вопрос", Скоропадский начинает выступать как украинец: украинизирует свой 34-й корпус, которым он командовал, борется всемерно с разложением армии; позднее возглавляет "Вольное Казачество" в надежде, что оно сдержит надвигающуюся анархию. Когда же волна большевизма захлестнула всю Украину, ему ничего не оставалось делать, как скрываться, как от большевиков, так и от украинских социалистов, подозревавших его в намерении захватить власть. Только приход немцев дал ему возможность выступить открыто. Большинство его министров были люди не партийные, а просто специалисты в своей области, с большими знаниями и стажем. Весь кабинет можно характеризовать как умеренно-консервативный в вопросах социальных; высоко культурный по своему составу; несомненно "украинофильский" по своим национальным устремлениям, вовсе не "русский-черносотенный-антиукраинский" как утверждали и утверждают сторонники Центральной Рады.

Политика Гетмана.

Напожение Гетмана и его правительства было не легкое. Прежде всего

надо было считаться с немцами и их требованиями возможно большего количества продовольствия. Получить же его можно было преимущественно от помещиков и зажиточных крестьян. Поэтому приходилось делать ставку на них и принимать меры к скорейшему восстановлению крупных хозяйств, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами. Меры эти были крайне непопулярны в широких крестьянских массах и порождали среди них пробольшевистские настроения. Но правительство было бессильно бороться и против немцев, и против своих же сторонников — помещиков и хлеборобов, которые, передко самолично, а иногда с помощью немецких отрядов, возвращали разграбленное имущество и жестоко расправлялись с

виновниками, чаще всего путем физического наказания (порки шомполами). На этой почве спорадически вспыхивали крестьянские восстания, иногда очень крупные. Так, в середине лета было крупное восстание в районах Таращи, Сквиры, Звенигородки. Разгромленные немцами, несколько тысяч повстанцев отступили на восток, переправились через Днепр, ушли за советскую границу и положили основание известным Таращанской и Богунской украинским красным дивизиям, которые формировались в северных уездах Черниговской губернии, отошедших к большевикам. На юго-востоке появились и начали рости неуловимые партизанские отряды Махно.

Правительственная полиция — "Державная Варта" (стража) с трудом поддерживала относительный порядок. В ее составе было не мало хлеборобов, которые мстили и жестоко расправлялись с теми, которые во время Рады и большевиков нанесли им ущерб. Но все же, конечно, благодаря присутствию немцев, хозяйственная жизнь быстро налаживалась и в селах было видимое "успокоение". Снабжение городов шло бесперебойно и никаких продовольственных затруднений не ощущалось.

Если в селах Гетманское Правительство имело не мало активных сторонников — зажиточных крестьян — хлеборобов и помещиков, то в городах дело обстояло значительно хуже. Здесь мотив был не социальный, как в селах, а преимущественно политический и национальный. "Левые" украинцы были сторонники большевиков или социалистов; "правые" украинцев почти не существовало. Подавляющее большинство городского населения, как упоминалось раньше, было настроено общероссийских, а потому было враждебно Правительству, не будучи согласным с ним в вопросе самостийности Украины и проводимой украинизации в администрации и в культурной жизни. В этом были единодушны и "левые", начиная с большевиков, и "правые", кончая монархистами. Только немногие понимали то положение, в котором находился Гетман, который свою "украинизацию" должен был проводить под давлением немцев, и оказывали ему поддержку, считая все это «временным» и веря в скорое падение большевизма и возрождение России.

В таких условиях не легко было создавать новое государство и административный аппарат. К тому же для этого не было нужных сил. Культурная часть населения, из которой во всех государствах пополняется аппарат власти была настроена общероссийских и не признавала всерьез Украину, как государство; поэтому и государственных чиновников из ее среды нельзя было считать надежными.

И к тому же, как правило, она, хотя и владела разговорным украинским языком, но в степени недостаточной для работы в учреждениях.

Украинизация.

Еще хуже дело обстояло с "украинизацией", Немногочисленные лица, которые бы и могли ее проводить, так называемые "сознательные украинцы" были, во первых, слишком молоды или малокультурны, а во вторых, почти поголовно, социалисты.

Ко всему этому надо добавить, что еще длилась мировая война и все понимали что судьба Украины зависит от ее исхода.

Все эти обстоятельства, которые, конечно, отлично понимали Гетман и Правительство, все же не парализовали их волю и они пытались наладить порядок, что им в значительной степени и удалось осуществить, несмотря на саботаж многих групп населения. Особенно сильно ощущался этот саботаж в различных государственных учреждениях, которые за время Рады были завоеваны ее сторонниками, от которых требовалось "сознательное украинство" и принадлежность к засорам или ведкам. Образование, опыт, знание играли роль второстепенную. Если министрами могли быть студенты, недоучившиеся семинаристы или люди с низшим образованием (например, министр Барановский — окончил только сельскую школу), то тем легче могли при Раде занять вакансии административные и общественные посты разные "национально-сознательные" украинцы, партийные и кооперативные "дички". Всех их в первое время оставили на своих местах. Но когда гетманские министры потребовали работы и, убедившись в их малокультурности и полной беспригодности, начали их замещать специалистами, они усмотрели в этом "антиукраинство" и повели против Правительства ожесточенную агитацию.

В течение мая в Киеве состоялись съезды, как легальные, так и нелегальные, разных партий, как социалистических, так и не-социалистических. Все они стали на отрицательную позицию по отношению к Гетману и его Правительству. Только "кадеты" (общероссийская партия) отнеслись к гетманскому режиму благожелательно. Эта наиболее культурная общероссийская партия не препятствовала ряду своих членов даже занять у Гетмана министерские посты (Василенко, Ржепешский).

Укр. Национально-Державный Союз.

Украинские же социалисты-шовинисты всех оттенков повели с Гетманом непримиримую борьбу и для руковод-

стка этой борьбой создали полулегальный "Украинский Национально-Державный Союз", в который вошли следующие партии и организации: социалисты-самостийники, социалисты-федералисты, украинская трудовая партия, хлеборобы-демократы, социал-революционеры, социал-демократы, "Совет Железнодорожников" и "Почтово-телеграфный Союз". Как видно из перечня, это были фактически все партии.

Этот Союз сразу же начал работу в двух направлениях: пропаганда (устная и печатная) среди населения Украины и гетманского административного аппарата и жалобы и доносы немцам с обвинениями в "москофильстве". А С. Петлюра кроме того обращался с длиннейшим меморандумом к немецкому послу Муму и дипломатам государства, признавших Украину.

Гетманское правительство боролось с этим путем репрессий: запрещением газет, брошюр, арестами. Немцы избегали вмешиваться во внутреннюю украинскую склоку и интересовались только производством и внешним порядком, для поддержания которого давали свою вооруженную силу.

В результате, внешне все выглядело хорошо, вследе был порядок и Украина летом 1918 года была краем, куда устремлялись все, кто мог выехать из Петрограда и Москвы: аристократия, крупная буржуазия, представители культуры и искусства. "Вся Россия собралась в Киеве" — доброжелательно-шутливо говорили кореные жители Киева, в котором жизнь была ключом. Пока были немцы и пока они были сильны, Гетман мог быть спокоен, несмотря на все козни его противников.

Акты саботажа.

Не имея возможности что либо сделять путем пропаганды, противники

Гетмана прибегали к террору и к актам саботажа. 6-го июня в Киеве произошел взрыв на Зверинце, при чем было 200 людей погибших, 1000 раненых и свыше 10,000 осталось без крова. Неделю спустя — огромный пожар на Подоле — сгорели огромные склады дров и несколько десятков домов. В июле — страшный взрыв в Одессе, сопровождавшийся многочисленными жертвами. Наконец, убийство немецкого фельдмаршала фон-Лихгейна в Киеве 30 июня 1918 года.

По словам украинского историка Дорошенко, "общественное мнение было твердо уверено что акты саботажа — дело рук Антанты и их сторонников". В подтверждение этого мнения Дорошенко приводит ряд косвенных доказательств. Но точных данных о том, кто

произвел эти акты саботажа до сих пор нигде не опубликованы.

Зато об убийстве Айхгорна есть совершенно точные данные, что оно было организовано партией социалистов-революционеров. Инициатором был Ц. К. русских эсэров, который действовал в контакте с украинскими эсэрами. В Москве был убит посол Германии Мирбах, а на Украине должны были быть убиты Айхгорн и Скоропадский. Но покушение на Скоропадского им не удалось осуществить благодаря своевременно принятым мерам предосторожности. Обо всем этом подробно рассказывает в своих воспоминаниях участница покушения на Айхгорна Н. Кауховская. Она была арестована, но потом выпущена после падения Гетмана, сменившей его, Директорией. ("Пути революции". Берлин, 1923 г.)

Все эти события волновали население Украины, но все же до самой осени жизнь, в общем, протекала мирно и административный аппарат, имея за своей спиной немцев, поддерживал порядок и безопасность.

**

Создание Укр. Армии.

Попытки Гетмана сформировать Украинскую Армию натолкнулись на много затруднений. Создание сильной Украинской Армии не входило в планы немцев, ибо они знали настроения населения Украины и никакой уверенности в пронемецких настроениях этой армии у них не было. Поэтому они, соглашаясь с предлагаемыми им проектами и планами, дело их осуществления всячески оттягивали.

С другой стороны, для Гетманского Правительства не было секретом, как пребольшевистские настроения широких крестьянских и рабочих масс, откуда надо было брать рекрутов, так и "единонеделические" прорусские настроения подавляющего большинства офицеров, даже прирожденных украинцев.

Создавать в таких условиях армию Самостийной Украины было не легко. Учитывая все это и детально разработавши план создания армии в 8 кронусов, Гетман дальше сформирования офицерских, а частично и унтерофицерских кадров не пошел, все время, но настоящую немцев, откладывая призыв рекрутов. Созданные кадры были настроены безусловно антибольшевистски, но нельзя сказать, чтобы настроение этих кадров было и украинско-самостийническое. Даже в единственной воинской части, сформированной после прихода немцев еще при Центральной Раде — в дивизии генерала Натиена пребладали настроения общероссийские.

Сформированные же из пленных дне дивизии — "синежупан-

наков" и "серожупанников", как упомянуто выше, немцы были принуждены разоружить и распустить по домам, ввиду их разложения. То же самое было сделано и с "сечевыми стрельцами" — галичанами, опорой Центральной Рады.

В деле создания вооруженной силы Гетману пришлось все начинать сначала.

Прежде всего была создана гетманская гвардия — "сердюцкая дивизия", которая была укомплектована из сыновей зажиточных "хлеборобов" — сторонников Гетмана. Затем в каждом "новете" (так были переименованы уезды), были созданы отряды милиции — "державной варти" в 100 и больше человек для поддержания порядка. "Варта" пополнялась из проверенных антисоциалистов, преимущественно из хлеборобских семейств. Кроме того, как уже упомянуто, были сформированы кадры корпусов, дивизий и полков, разбросанные по всей Украине, а также военные училища и унтер-офицерские школы.

В результате всех этих мероприятий, к концу осени считалось около 60.000 человек вооруженных сил Украинской Державы. Но больше половины их были нестроевые — штабы и центральные и хозяйствственные учреждения, а остальные были разбросаны по всей Украине. Поэтому, когда в ноябре вспыхнуло антигетманское восстание, эти силы не могли его подавить.

**

Земельный вопрос.

В основном вопросе того времени — в земельном вопросе Гетманское Правительство было связано, как требованиями немцев, так и настроениями тех кругов, которые Гетмана выбрали. Провозгласив принцип частной собственности на землю и восстановивши прежние земельные отношения, нередко путем очень крутых мер, Гетманское Правительство отнюдь не считало, что эти земельные взаимоотношения должны оставаться и на будущее. Наоборот, вопрос земельной реформы считался важнейшим вопросом для установления социального мира на Украине и подготовкой к ней Правительство занималось с большой энергией.

В основу этой реформы было положено начало ликвидации крупного землевладения и создание крепкого, зажиточного крестьянства, как социальной базы государства. Намечалось путем Земельного Банка принудительно откупать от крупных землевладельцев все количества земли, превышающие 25 десятин и передать землю в собственность земледельцам с долгосрочной льготной выпла-

той за эту землю не непосредственно бывшим владельцам, а земельному Банку. Максимум был определен в 25 десятин, но для хозяйств, представлявших из себя сельскохозяйственную культурную ценность (семенных, племенных, обрацовых) максимум мог быть повышен до 200 десятин.

Министр Земледелия Колокольцов, известный земский деятель и обрацовый хозяин Харьковской губернии, старательно подготовлял проект земельной реформы, во окончательное ее завершение в виде законопроекта принадлежит, сменившему его, В. Леонтовичу, одному из лучших хозяев Полтавской губернии. В своем проекте Леонтович сочетал ранние существовавшие формы землепользования с проведением аграрной реформы. Это сочетание заключалось в следующем: По установленному на Украине обычая, малоземельный крестьянин брал землю у крупного землевладельца (помещика или казака) "с половины": за пользование землей он отдавал ее владельцу половину урожая. Согласно законопроекту, крестьянин, получивший отчужденную от крупного землевладельца землю, делался "половинщиком" Государства, которому в течение ряда лет (не более 15) сдавал половину урожая. По истечении этого срока земля делалась его полной собственностью. А землевладелец сразу же при отчуждении получал полную рыночную стоимость, но не наличными деньгами, а "земельными облигациями", приносившими известный доход, обеспеченный государством и постепенно выплачиваемый с доходов от продажи той половины урожая, которую сдавал государству получивший землю крестьянин.

Проект этот вызвал ежесточные нападки социалистов, которые повели против него агитацию среди крестьян, говоря, что такой закон "закрепощает" крестьян, вместо того чтобы дать им землю бесплатно. Наступившие вскоре события (восстание) похоронили этот проект.

**

Трудности Украинаизации.

Кроме вопросов организации армии и земельного, перед гетманским правительством стоял еще один сложный и трудный вопрос об "украинаизации" Украины. Сжившееся с общероссийской культурой население, особенно интеллигенция и горожане, относились резко отрицательно к "украинаизации", всячески ее саботировали и свое отрицательное отношение переносили и на Гетманский режим вообще. Сторонников "украинаизации" можно было найти только среди деревенской полуинтеллигенции и социалистически-шовинистиче-

ской молодежи — сторонники Центральной Рады и сторонники Гетмана. И если бы спросить население по этому вопросу, предоставив ему самому его решить, то результат был бы такой же как и год тому назад когда "украинцы" не собрали в городах и 10% голосов.

Но Самостийная Украина требовала, чтобы к ее культурной жизни шла на языке украинском. Это подсознательно давали понять немцы, в интересах которых было подчеркнуть самобытность Украины, а, следовательно, оправдать ее отделение от России. На этом настаивали и, появившиеся из Галиции, сепаратисты и их подголоски — сторонники Центральной Рады, передко требованиями "украинизации" прикрывавшие собственную некультурность и малограмотность. Уже с первых дней гетманства главное обвинение, которое против него выдвигали его противники в своей пропаганде и доносах немцам было обвинение в "единоведличестве", доказательством которого приводилось недостаточно энергичное "искоренение" русской культуры. А прорусские круги, в свою очередь, обвиняли Гетмана в чрезмерном рвении с "украинизацией". Положение Правительства было не из легких. Не имея возможности вообще отказаться от принудительной украинизации и предоставить возможность свободного соревнования русской и украинской культур, оно все же шло по пути насаждения "украинства" сверху, но делало это в достаточной степени либерально, без резкостей и перегибов чем вызвало нарекания, как одной так и другой стороны. Дело "украинизации" Украины было нелегкое. Достойны внимания высказывания по этому вопросу украинского министра Дорошенка, который писал: "Почти все образованые люди, за исключением исключением, употребляли русский язык и это вовсе не означало недостаток украинской национальной сознательности или патриотизма, а было последствием воспитания, привычки и всего комплекса обстановки жизни. Да и в народе уже исчез тот чистый украинский язык, какой мы видим в произведениях Мирного, Левицкого, Гринченка. Его приходится возрождать глашатам образом с помощью школы". ("История Украины" стр. 339).

Возрождать пародийный язык при помощи школы, конечно, можно. Но для этого нужен или национальный энтузиазм, подобный энтузиазму евреев-сионистов, которые путем школы возвели "Израиль", или насилие со стороны власти. Но пожало энтузиазма не было, а Правительство, зная настроение населения, на резкие насилистические меры не пошло. "Украинизацию" оно начало постепенно, создавая многочисленные курсы "украиноведения", прежде всего для учителей, открывая средние школы с преподаванием на

украинском языке, основало два Украинских университета, в Киеве и в Каменец-Подольске, и даже Украинскую Академию Наук в Киеве.

Украинизация затруднялась не только нежеланием населения, но также и отсутствием лиц, которые бы эту украинизацию могли проводить. К появившимся галичанам-“специалистам”, отношение было отрицательное: их “украинский язык”, с шипящими звуками, обилием немецких и польских слов и польскими построениями фраз, был очень далек от языка надднепровской Украины, особенно Левобережья и Слободской Украины.

В результате, за 7 месяцев Гетманства, в деле украинизации, был заложен только фундамент, намечены и разработаны планы, рассчитанные на многие годы, но — “украинизировать” всю культурную жизнь Украины, так и не удалось.

**

Подобно тому, как в вопросах создания армии, земельном и “украинизации”, и во всех других вопросах, вновь созданного, независимого государства, за время гетманства, велись подготовительные работы и составлялись планы, рассчитанные на длительное существование этого государства. Суд, финансы, торговля и промышленность, местное самоуправление, рабочее законодательство, церковная жизнь — все намечалось “украинизировать” и привести в соответствие с существованием суверенной Украины. Но за 7 месяцев осуществить удалось очень мало. И не только из-за краткости сроков, но еще и благодаря сопротивлению населения, которое не верило вообще в долговечие самостийной Украины. Мировая война еще длилась. Победа, совершиенно очевидно, ускользала из рук немцев, а вместе с тем, падали и надежды, что, после их поражения, уцелеет, связавшая с ними свою судьбу, Украина. Об этом, хотя и не писали, но говорили почти открыто и обсуждали невозможность сотрудничества с победительницей — Антантою украинских сепаратистов всех направлений, которые предвзятое выявили свое германофильство.

Связь с Доном.

Гетман искал связи с Доном и, возродившей там попытку свержения большевистской власти, Добровольческой Армией. В этих своих попытках Гетман натолкнулся на недоверие и отрицательное к себе отношение со стороны Добровольческой Армии. Его попытка организовать совместную встречу ген. Алексеева, Донского Атамана — Краснова и его, Гетмана, — кончилась неудачей. Алексеев от сви-

дания со Скоропадским отказался. Гетману пришлось ограничиться встречей (на станции Скороходово, 3 ноября 1918 г.) с атаманом Красновым, которая конкретного результата для будущего не принесла. Хотя Краснов и был атаманом, провозгласившим себя независимым Дона, по эта независимость была "временная": сам Дон подчеркивал, что эта независимость только до восстановления, в той или иной форме, единой России. Ген. Краснов во время этого свидания открыто сказал, что пришло время и ему, и Скоропадскому, подумать о "закончении" их дела — о создании Единой России (поражение немцев уже было очевидностью). Носятелем же идеи единой России была Добровольческая Армия и ее коясь — ген. Алексеев. Поэтому обсуждать будущее без Алексеева или его представителя не имело смысла. С Доном же, который, как и Украина, тогда "временно" ориентировался на немцев, и без того отношения были хорошие и осуществлялось сотрудничество, состоявшее главным образом в вывозе с Украины оружия на Дон (часть его шла и Добр. Армии). Спорные пограничные вопросы уладили немцы.

Связь с Кубанью. Отрицательное отношение к Скоропадскому Добровольческой Армии имело не только идеальные, но и практическо-политические основания. Дело в том, что Гетман, подстрекаемый украинскими националистами, возымел желание распространить свою власть и на Кубань, где, как и на Украине, существовала группа самостийников, почти исключительно кубанцев-украинцев и социалистов, т. е. заклятых врагов Доброармии. С ними то и поддерживало связь Гетманское правительство и оказывало им помощь, а своим генеральным консулом, на Кубань Гетман назначил социал-демократа Прохория Понятенка, имевшего хорошие связи среди кубанских социалистов. Еще раньше, в конце мая, в Киеве побывала кубанская делегация, возглавляемая самостийником и социалистом Рябоволом, врагом Доброармии. Делегация была подчеркнуто-любезно принята Гетманом, который в ее честь устроил (3 июня) парадный обед, на котором присутствовал от немцев советник посольства граф Берхем и большинство гетманских министров. Рябовол поднял бокал за императора Вильгельма и имел длительный разговор с гр. Берхемом.

Как передает в своих воспоминаниях (стр. 196-198) тогдашний гетманский министр Дорошенко, миссией Рябовола было достигнуто тайное соглашение вести дело к соединению Кубани с Украиной, а также была оказана помощь деньгами для ведения аги-

тации (деньги переданы через С. И. Эрастова) и оружием. Уже в июне было послано на Кубань 9.700 винтовок, 5.000.000 патронов и 50.000 артиллерийских снарядов. В июле были отправлены 3 снаряженные батареи, несколько сот пулеметов и много другого оружия (по данным Д. Дорошенко).

По этим помощь Гетмана Кубани (точнее, кубанским врагам Доброармии) не ограничилась. Так как как раз в это время Доброармия готовилась к занятию Кубани, которая тогда была под властью большевиков, было решено ее опередить соединенными силами украинского десанта и силами повстанцев, которые должны были поднять восстание к моменту его высадки. Для десанта была назначена дивизия ген. Натиева, расположенная в юго-восточной части Харьковской губернии. По плану, она должна была быть переброшена по железной дороге к Азовскому морю, для чего (после одобрения немцами) уже было отдано приказание стянуть части в местах погрузки. Но Доброармия опередила, Кубань была очищена без Рябовола и Скоропадского, а немцы запретили посыпать десант.

Об этом плане руководство Доброармии, несомненно, было осведомлено. Сам министр Дорошенко, который с Гетманом и Рябоволом его вырабатывал, пишет (стр. 198), что план не был своевременно приведен в исполнение благодаря измене одного из "высоких чинов военного министерства", который был в сношениях с ген. Алексеевым и умышленно задерживал его выполнение.

Связь с Кубанью не прекратилась и после этой неудавшейся попытки объединения Украины и Кубани путем военной интервенции.

Министр Иностранных Дел Гетмана, Д. Дорошенко, в своей "Истории Украины" (том II, стр. 198-200) описывает посещение Киева Кубанской делегацией в октябре 1918 года. Делегации, которую возглавлял полк. Ткачев, был устроен торжественный прием у Гетмана (21 окт.), во время которого произносились речи в духе украинско-кубанского единства и братства, хотя слова "присоединение" или "слияние" сказаны не были.

Делегация провела в Киеве несколько недель и заключила с Украиной ряд договоров: о банковых и финансовых операциях, торговый, консульский, о мореплавании, железнодорожный, почтово-телеграфный и другие. Кроме того делегация добилась обещания ускорить отправку оружия с Украины на Кубань и увеличить его количество. С немцами та же делегация заключила в Киеве торговый договор.

В ответ Гетман послал на Кубань делегацию от Украины, во главе с полк. Боржинским, который и приветствовал Кубань в заседании Кубанской Рады (1-го ноября).

Наступившие вскоре события (восстание против Гетмана) прервали этот, налаженный было контакт между Украиной и Кубанью.

Отношение к Доброармии. Не удивительно, поэтому, что Доброармия осенью 1918 г. отклонила контакт со Скоропадским, который он стал искать уже в конце лета, когда начало определяться поражение Германии. К тому же Доброармия была отлично осведомлена о настроениях населения Украины вообще и о настроениях того офицерства, которое пребывало на Украине, в частности. Как на гетманской службе, так и вне ее — все оно тяготело к Доброармии, за малыми и редкими исключениями, и, при первом с ней соприкосновении, переходило на ее сторону.

Нужно удивляться, как не понимал этого Скоропадский и мог строить расчеты на верность тех кадров, которые ему удалось создать. Если их можно было считать надежными в борьбе с большевиками, то расчитывать на их надежность при столкновении с Доброармией было, по меньшей мере, наивно. Широкие же народные массы были настроены, если не пробольшевистски, то — почти все — антигетмански.

Гетман не мог этого не знать и должен был понимать, что его единственной опорой являются пемцы и его судьба тесно связана с их судьбой. Другой опорой могло бы быть офицерство и антибольшевистски настроенные круги интеллигентии и зажиточных классов. Но пренебрежением к взаимонониманию и сотрудничеству являясь "украинство" Гетмана (от которого он не мог отказаться) и "единодежимчество" этих кругов и офицерства. Третьей силой, и не малой, были те многие тысячи "хлеборобов" — зажиточных казаков и крестьян, которые выбирали Гетмана. Но, выбравши Гетмана, они считали свою миссию законченной и с головой ушли в свои хозяйства, отойдя от всякой активной политики. Какой-нибудь кренкой организации, способной к быстрым и решительным действиям и молниеносной мобилизации, Гетман создать из них не сумел. Он тратил силы и время на старания заполучить симпатии "сознательных украинцев", не желая понять всю безнадежность этих попыток и только раздражая ими тех, на кого бы мог действительно опереться.

Выброшенный волнами событий революционного времени на

вершину власти, Скоропадский оказался в чуждой ему обстановке и принужден был заниматься тем, к чему не готовился и чего не знал. Качество хорошего придворного, не плохого кавалерийского генерала и образование, ограниченное Нежеским корпусом, были еще недостаточны для той ответственной роли, которую он привык на себя. И все его добрые намерения разбивались о непроницаемую стену тех сословных предрассудков, которыми в дореволюционное время правящая верхушка (аристократия и высшая бюрократия) были отделены от остальной России. Скоропадский, по происхождению, воспитанию и всей жизни принадлежал к этой верхушке и ему не легко было ориентироваться в новой и для него необычной обстановке. К тому же в личной жизни он был постоянным окружением, нахлынувшим из Петрограда, его старыми друзьями и родственниками-представителями царских придворных кругов, крайними реакционерами, старавшимися резиденцию Гетмана сделать копией царского дворца.

Нашептывания галичан-украинских монархистов об "украинской королевской короне", вероятно, тоже влияли на Скоропадского и толкали его искать сотрудничества с некоторыми галицкими украинцами.

Все эти вместе взятые обстоятельства привели к тому, что более полугода, когда может быть можно было консолидировать антибольшевистские силы, были для этого дела потеряны. Как и его предок, Гетман Иван, Гетман Павло Скоропадский, хотя и был формальным "вождем", не смог сделаться и вождем фактическим и не сумел даже предвидеть и предусмотреть возможное развитие событий.

**

Деятельность противников Гетмана.

Совсем по другому действовала другая сторона — сторонники Центр. Рады. Не покладая рук, работали они на

подготовке свержения Гетмана и возвращения к власти своих партий. Пользуясь тем, что Гетман наивно верил в возможность говора с ними и потому не предпринимал никаких репрессивных мер не только к второстепенным социалистическим деятелям, но даже и к их вождям, они организованно, планомерно и целеустремленно вели свою работу в разных направлениях.

Прежде всего, доносы немцам на Гетмана. Учитывая, что к обвинениям в реакционности социальных мероприятий Гетмана, немцы отнесутся с равнодушием (им нужно было продовольствие, а

как оно добыто — их не интересовало), доносы (в виде разных деклараций, обращений, докладных записок) главный упор делали на "единонеделичество" Гетмана и на его недостаточные меры к "украинизации". На немцев это действовало, ибо их целью было возможно скорее отделить Украину от общероссийской культуры. И они не раз обращали внимание Гетмана на этот вопрос.

В широких массах велась агитация против Гетмана за его социальные мероприятия и за многочисленные репрессии, в которых, большей частью, ни Гетман, ни Правительство были не виноваты.

Репрессии эти проводились, частично, польскими местными властями по просьбе помещиков, требовавших восстановления разрушенных хозяйств, частично, группами "хлеборобов", мстивших социалистам за покушение на их собственность. Озлобление же этих последних было исключительное. Они "судили их своим судом" — шомполом и нагайкой. Уже в первые дни гетманства в Киеве стали известны случаи таких самосудов. Так, например, выследивши и поймавши, пытавшегося бежать (с 2 мешками бумажных денег), военного министра Центр. Рады Жуковского "гетманцы"-хлеборобы жестоко его выпороли. Таким же образом они расправились и с лидерами юдеков, Мартосом и Левицким; с первым — в Киеве, а со вторым — в Переяславле. Пароход,шедший из Черкасс в Киев с делегатами на съезд всероссийской "Спилля", еще не знаявшими о гетманском перевороте, был захвачен отрядом "гетманцев"-хлеборобов — и все делегаты были выпороты, а пароход был возвращен назад. Подобных самочинных расправ было не мало, особенно, в первое время гетманства и все они приписывались и ставились в вину Правительству, давая богатый материал для пропаганды.

Среди городского населения и интеллигенции общероссийских направлений велась пропаганда, обвинявшая Гетмана в "расчленительстве России" и в "службе немцам". Такого рода пропаганда находила отклик, не только у "левых", но и у "правых" — противников всяких "социализмов".

Лидер "правых", киевлянин, монархист — Шульгин и его единомышленники нападали на Гетмана, не менее ожесточенно, чем большевики и украинские социалисты. У них, как и у Гетмана, не хватало понимания, что все происходящее — это отдельные этапы революции чисто социальной. И, что разум и логика требуют от людей одного социального лагеря не вражды и злопыхательства, а самого тесного сотрудничества, которое, если бы оно было осуществлено, возможно, многое бы изменило в последующих со-

Но ни Гетман, ни Шульгич и "единоведелимцы" не доросли до понимания момента и упустили возможность консолидировать все антисоциалистические силы, что объективно не было невозможным.

Зато отлично осмыслили сущность событий большевики и социалисты.

Харьковское Украинское Правительство (укр. большевики и "независимые" укр. эсдеки и укр. эсеры-«боротьбисты»), когда немцы оккупировали Украину, перекочевали в Москву и образовали там, в предвидении событий, "Украинский Повстанческий Народный Секретариат".

Под немецкой же оккупацией, украинские социалисты организационно оформилось в, уже упомянутый, "Украинский Национальный Союз", объединивший деятелей и сторонников Центр. Рады.

Несмотря на то, что всего несколько месяцев назад, в феврале 1918 г., Харьковское Правительство, заявивши Киев, объявило всех деятелей бежавшей от них Центр. Рады "уголовными преступниками", они нашли с ними общий язык и вступили в контакт для совместной борьбы с гетманским режимом.

Сотрудничество с большевиками.

Осуществить это сотрудничество было не трудно, ибо в Киеве все лето пребывала советская миссия для заключения мирного договора России с Самостийной Украинской Державой. Миссию эту возглавляли, хорошо известные на Украине, большевики Мануильский и Раковский, которые имели при себе много десятков "экспертов" по разным вопросам, пользующихся дипломатической неприкосновенностью.

И вот эти "уголовные преступники" — бывшие деятели Рады, — жаждавшие вернуться к власти, забыли совсем недавнюю вражду и к Харьковскому Правительству, и к "москалям", и обратились к ним за помощью. Как люди умные и дальновидные политики, большевики не только не оттолкнули протянутую им руку украинских социалистов, еще вчера обвинявших большевиков в разбойном нападении на Украину. Начались встречи и совещания о методах борьбы с режимом Гетмана.

Со стороны большевиков, все переговоры, главным образом, Мануильский; со стороны украинцев — Винниченко и другие лидеры эсдеков и эсеров.

Интересные данные о характере этих переговоров, дает украинская сепаратистская газета "ДЛО" (февраль, 1925 г.), ос-

новыходясь на статье А. Гаковского. Ильич и Украина, напечатанной в харьковской газете "Вісті". Винниченко соглашался на советскую власть на Украине, при условии, чтобы ему дали полную волю в деле проведения украинизации.

"Точно так, как вы создали диктатуру рабочих и крестьян в России, так нам надо создать диктатуру украинского языка на Украине" — заявил Винниченко Раковскому и Мануильскому. Когда Раковский передал это Ленину, Ленин сказал: "Разумеется, дело не в языке. Мы согласны признать не один, а даже два украинских языка, но, что касается их советской платформы — они нас наывают".

А. А. Конисский, сын писателя, бывший близким Винниченку, передавал любопытную подробность о мотивах требования "диктатуры украинского языка". Винниченко сказал ему: "лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме", и пояснил, что его, как писателя, русские "затирают".

Переговоры велись в кабинете гетманского заместителя министра финансов В. Мазуренко, который подробно рассказывает о них в своих воспоминаниях ("Черная Книга", 1925 г., стр. 277). А В. Винниченко (в т. III "Возрождения нации", стр. 158-159), передает, что Раковский и Мануильский согласились поддержать готовящееся восстание, предлагали деньги и обязались признать такой строй, какой будет установлен после победы повстанцев.

Со стороны же украинских социалистов было дано обязательство легализации коммунистической партии на Украине.

Братание сторонников Центр. Рады с большевиками было известно немцам, как видно из сообщения австрийского представителя в Москве, фон-Паттерса, который сообщал (20 сент. 1918 г.), что большевики на Украине установили тесный контакт с эсерами, против которых борются у себя, и что они ведут совместную разлагательную работу на Украине. Несомненно, что было известно и Гетману, но он, оставаясь в национальной уверенности в возможность сговора с деятелями Рады, ничего не предпринимал.

Роль Уфимской Директории.

Подрывная работа против Гетманского Правительства велась не только большевиками, украинскими социалистами и "правыми" уроженцами Украины, считавшими себя русскими, а потому ведущими пропаганду против "украинского" Гетмана. В ней принимала участие и Уфимская Директория (члены Всеросс. Учредит. Собрания). Об этом пишет в своих "воспоми-

наниях" В. Станкевич (Берлин. 1920 г., стр. 324-325). Целью "левых" организаций было "передать власть в руки кругов, которые группировались вокруг "Союза Возрождения России", и должны были координировать свою деятельность с Уфимской Директорией". Заговорщики, были настолько уверены в своем успехе, что даже сами составили правительство, во главе с русским эсером — Одинцом, который во время Центр. Рады был министром "по русским делам" в Украинском Правительстве. К заговору было привлечено много военных, даже таких, которые служили на высоких постах в Украинской Армии. Они были связаны с агентами Антанты и работали на их субсидии, о чем свидетельствует и Деникин в своих "Очерках Русской Смуты" (т. 4 стр. 188).

**

Так разные группировки на Украине готовились к окончанию войны и тому ответственному моменту, который должен был наступить с поражением Центральных Держав, неизбежность которого к октябрю 1918 г. уже не вызывала сомнений.

В предвидении этих событий, еще в августе, "Украинский Национально-Деревянный Союз", переименовавшись в "Украинский Национальный Союз", начал собирать вокруг себя все оппозиционные Гетману силы, включая в себя не только организации чисто политические, но и множество бытовых и профессиональных, конечно, "левых" и "сознательных украинцев". В этом союзе, всем руководили бывшие деятели Ц. Рады — украинские эсэры.

К сентябрю Союз превратился в нечто подобное Совету Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 г. в Петрограде — в некоторое параллельное Правительство Украины или, во всяком случае, в организацию, на то претендующую. Гетман же очутился в положении Керенского. Коникуя Керенского, он берет на себя инициативу, и 5 октября приглашает к себе для переговоров представителей Союза, не понимая, что это приглашение было его собственной капитулляцией. Как победители являются для переговоров представители Укр. Нац. Союза, с В. Винниченком во главе, с готовым списком нового Правительства и вынуждают Гетмана согласиться на реконструкцию Правительства для усиления в нем числа "национально-сознательных" украинских деятелей, за что обещают всемерную поддержку Украинского Национального Союза.

Реконструкция Правительства.

После почти трехнедельных переговоров, 24 октября, новое Правительство, под председательством Ф. Лизогуба,

было сформировано и в него вошли 5 представителей Укр. Нац. Союза, членов более умеренных политических партий (эсерах и эдээхи своих представителей не дали). Это правительство было коалиционным. В нем, яряду с украинцами, декларировавшими самостоятельность, были и министры, отчетливо "единонеделимического направления". Это были сторонники или ставленники очень влиятельного в то время "Объединения Деятелей Промышленности, Торговли и Финансов" (сокращенно "ПРОТОФИС"), стоявшего на умеренных "либерально-консервативных" позициях в вопросах социальных и единства России и российской культуры, в вопросе государственно-национальном.

Несмотря на то, что это Правительство было сформировано в результате переговоров с Укр. Нац. Союзом. Этот союз заявлял по отношению к нему открыто враждебную позицию. А председатель Союза Винниченко начал энергично готовить восстание, против того самого правительства, в составлении которого он сам принимал участие. Зная, что более умеренные группы Союза на восстание не пойдут, он делал это, не осведомляя все руководление Союза, а только с группой единомышленников.

Сейчас же после своего сформирования, новое Правительство энергично приступило к конструктивной работе в разных областях жизни, а Гетман, особым обращением к населению Украины, призвал всех к поддержке Правительства в этот отистственный момент. Но события быстро навревали в связи с поражением Германии и не дали времени для мирной конструктивной работы. На происходившем в октябре шестом Съезде Советов Троцкий охарактеризовал общую ситуацию такими словами: "немецкий милитаризм будет вынужден покинуть Украину, а на смену ему поспешит милитаризм англо-французский. Нам нужно продвинуться между немецким милитаризмом, который отходит, и англо-французским, который приближается... Нам нужно поддержать рабочих и крестьян Украины. На нашем южном фронте бьется, как в пульсе, судьба нашей власти" (Известия ВЦИК-а", №245; 1918 г.)

Троцкий правильно оценил обстановку. Если бы девять богатейших губерний, составлявших Украину, с падежной жизнью и запасами продовольствия, без потрясений оказались во власти общероссийских антибольшевистских сил, для большевистской власти это было бы началом конца, вероятно, очень скорого. Доброармия получила бы огромные пополнения на Украине и свое наступление на Москву могла бы повести не с далекой Кубани, а с границ Курской и Орловской губерний. Никогда большевистская власть не была

в более опасном положении, чем в ноябре 1918 г.

**Укр. Социалисты
спасают большевизм.**

которые, совместно с большевиками, в призрачной надежде захватить власть на Украине в свои руки, фактически, без боя передали ее большевикам. События разворачивались следующим образом.

Грамата о федерации. Понимая, что поражение Германии повлечет за собой увод ее войск с Украины и зная общероссийские настроения, как подавляющей части антибольшевистски настроенных кругов украинского населения, так и Антанты - победительницы, Гетман делает кругой поворот своей политики, и 14 ноября выпускает Грамату о федерации Украины с Россией. Этим он надеялся привлечь для сохранения порядка на Украине те силы, которые раньше отказывали ему в поддержке из-за его "украинизации" и самостийничества. Но его Грамата была встречена холодно. Все были под обаянием победы Антанты, верили в ее силы и желание восстановить Россию и никакой необходимости в поддержке вчерашнего самостийника — Скоропадского не видели.

Новое правительство. Одновременно с Грамотой, Гетман переменил правительство, поставивши во главе его Гербеля — опытного крупного администратора дореволюционной России, человека общероссийских настроений, которого всемерно поддерживал "ПРОТОФИС". Из видных украинцев в новое правительство вошел В. П. Науменко, заслуженный украинский национально-культурный деятель, быв. редактор "Киевской Старины".

**Восстание против
Гетмана.**

Почти одновременно (несколько раньше) было объявлено от имени Украинского Национального Союза восстание против гетманской власти.

Сепаратисты-социалисты объясняют, что причиной восстания был отказ Гетмана от самостийности и провозглашение федерации с Россией. Но их документировано опровергает, тоже сепаратист, но не социалист, украинский историк Д. Дорошенко, основываясь на ряде печатных источников: Назарук — "Род на Великій Україні" (Вена, 1920 г., стр. 12); Крезуб — "Літ. Наук. Вісн." 1928 г. стр. 315; Лашевко — календарь "Дніпро" (Львов, 1923

но ее спасли украинцы, поднявши восстание против Гетманской власти.

Точнее, украинские социалисты,

которые, совместно с большевиками, в призрачной надежде захватить власть на Украине в свои руки, фактически, без боя передали ее большевикам. События разворачивались следующим образом.

Грамата о федерации. Понимая, что поражение Германии повлечет за собой увод ее войск с Украины и зная общероссийские настроения, как подавляющей части антибольшевистски настроенных кругов украинского населения, так и Антанты - победительницы, Гетман делает кругой поворот своей политики, и 14 ноября выпускает Грамату о федерации Украины с Россией. Этим он надеялся привлечь для сохранения порядка на Украине те силы, которые раньше отказывали ему в поддержке из-за его "украинизации" и самостийничества. Но его Грамата была встречена холодно. Все были под обаянием победы Антанты, верили в ее силы и желание восстановить Россию и никакой необходимости в поддержке вчерашнего самостийника — Скоропадского не видели.

Новое правительство. Одновременно с Грамотой, Гетман переменил правительство, поставивши во главе его Гербеля — опытного крупного администратора дореволюционной России, человека общероссийских настроений, которого всемерно поддерживал "ПРОТОФИС". Из видных украинцев в новое правительство вошел В. П. Науменко, заслуженный украинский национально-культурный деятель, быв. редактор "Киевской Старины".

**Восстание против
Гетмана.**

Почти одновременно (несколько раньше) было объявлено от имени Украинского Национального Союза восстание против гетманской власти.

Сепаратисты-социалисты объясняют, что причиной восстания был отказ Гетмана от самостийности и провозглашение федерации с Россией. Но их документировано опровергает, тоже сепаратист, но не социалист, украинский историк Д. Дорошенко, основываясь на ряде печатных источников: Назарук — "Род на Великій Україні" (Вена, 1920 г., стр. 12); Крезуб — "Літ. Наук. Вісн." 1928 г. стр. 315; Лашевко — календарь "Дніпро" (Львов, 1923

г. стр. 10) и других.

Выборы Директории в числе пяти лиц (Винниченко, Петлюра, Макаренко, Андриевский, Швец) были произведены на тайном заседании заговорщиков, в здании Министерства Чутей Сообщения, 14 ноября (по нов. ст.), когда заговорщики еще ничего не знали о гетманской Грамате о Федерации. Автор воспоминаний (Лещенко), участник заседания, это особенно подчеркивает. Съезд же руководителей восстания в Белую Церковь, откуда оно было объявлено, начался несколькими днями раньше. Так Петлюра, Швец и Андриевский уже в ночь с 12 на 13 ноября были в Белой Церкви, что подтверждают многочисленные украинские мемуаристы.

Зная это, есть все основания с достоверностью утверждать, что восстание не было в причинной связи с Граматой о Федерации. Причину его, если не с достоверностью, то, с большой степенью вероятности, надо искаать: в переговорах Винниченко с Раковским и Мануильским, о которых было упомянуто выше; в приведенной выдержке из речи Троцкого на 6-ом Съезде Советов и в неукротимом желании украинских социалистов захватить власть над Украиной в свои руки.

В конечном же результате, как известно, Украина оказалась во власти большевиков, которые не оказались неблагодарными к украинским социалистам и всем принимавшим участие в восстании против Гетмана. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть отчеты о суде над деятелями Центр. Рады, происходившем, после окончательного захвата на Украине власти большевиками, в Киеве, в 1921 г. Исключительно легкие приговоры и скорая амнистия для одних и полное оправдание для других -- были благодарностью большевиков за помощь в деле установления на Украине советской власти. То, что помощь эта, вероятно, была нesознательной (благодаря непониманию и некультурности большинства украинских социалистических вождей), дела не меняет и помощь не перестает быть помощью. В том же, что участие в противогетманском восстании выдвигалось защитой, как "смягчающее вину обстоятельство", можно убедиться из отчетов о суде над деятелями Ц. Рады, в мае 1921 г.

В то время, как участников белого движения, не только руководителей, но и обычных (рядовых) офицеров и добровольцев, расстреливали, — даже Председателя того украинского правительства, которое привело немцев на Украину, (Голубовича), приговорили только к 3 годам заключения, а затем до истечения срока амнистировали.

Центром для поднятия восстания была выбрана Белая Цер-

ковь (вблизи Киева) потому, что там находились "сечевые стрельцы" — галичане. Разоруженные и распущенные в первые дни Гетманства, они ходатайствовали о разрешении вновь сформироваться, на что Гетман, не учитывая последствий, и дал свое согласие, назначив местом формирования Белую Церковь.

Петлюра еще в июле был арестован по подозрению в участии в заговоре против Правительства, но после соглашения Гетмана с "Украинским Национальным Союзом", незадолго до восстания, был выпущен. При этом он дал честное слово, что в деятельности против Гетмана и Правительства участия принимать не будет. Давши это слово, он сразу же уехал в Белую Церковь для подготовки восстания, где он и провозгласил себя главнокомандующим всех вооруженных сил повстанцев.

Об этом самозванном провозглашении документировано и подробно пишет в своих воспоминаниях Н. Шаповал, один из лидеров повстанцев. ("Гетьманщина и Директория". Н. Иорк. 1958 г.)

Благодаря активному участию в подготовке восстания генерала Осецкого, командовавшего всей железнодорожной охраной Украины, призыв к восстанию с молниеносной быстротой распространился по всей Украине, и уже 15 ноября, одновременно во многих местах, начались выступления повстанцев. В своей "Истории Украины" (т. 3, стр. 133), известный деятель времен Центр. Рады, П. Христюк, приводит текст того Универсала, с которым Петлюра обратился к населению. Этот универсал настолько характерен, как по содержанию, так и по форме, что заслуживает того, чтобы его привести полностью. Он гласит:

"По приказу Директории Украинской Республики, я, как Верховный Главнокомандующий, призываю всех украинских солдат и казаков бороться за государственную самостоятельность Украины против изменника, бывшего царского наймита, генерала Скоропадского, самоизволившего себе права Гетмана Украины. По нестанированию Директории, Скоропадский объявлен вне закона за преступления против самостоятельности Украинской Республики, за уничтожение ее вольностей, за переполнение тюрем лучшими сыновами украинского народа, за расстрел крестьян, за разрушение сел и за насилия над рабочими и крестьянами. Всем гражданам, живущим на Украине, запрещается, под угрозой военного суда, помогать кровопийце — генералу Скоропадскому в бегстве, давать ему продукты и защиту. Обязанность каждого гражданина, живущего на Украине, арестовать генерала Скоропадского и передать его в руки республиканских властей.

Гетманские распоряжения и приказы по войскам отменяются;

войсковые части гетмана Скоропадского, дабы устраниить ненужное кровопролитие и разруху, должны перейти в ряды войск Республики вслед за теми, которые уже переплыли.

Войска Республики имеют целью вдребезги разбить строй установленный гетманским правительством, уничтожить нагайку, на которую он опирался до последнего момента. В этот великий час, когда на всем свете надают царские троны, освобождаются народы, когда на всем свете крестьяне и рабочие стали господами, — в эту минуту мы, братья казаки, разве позволим себе пойти за помещиками, за гетманским правительством против своих отцов? В этот великий час, вы, братья казаки, разве осмелитесь служить продажным людям, которые сажаны продавались и хотят Украину продавать бывшим царским министрам России и господствующему классу — безработному русскому офицерству и мародерам, которые собирались в контрреволюционное логово на Дону".

Этот Универсал был написан Петлюрой через несколько дней после того, как он дал честное слово Гетману и его министру юстиции, Вязлову, не принимать участия в организациях, враждебных Гетману.

Интересен он, как своим призывом к чисто социальной революции, так и тем, что в нем нет ни одного слова о большевиках. Большевистский "Украинский Новстанческий Комитет" в Москве, мог бы под ним подписать без примечаний и оговорок.

Поэтому все большевики на Украине и им сочувствующие дружно поддержали Петлюру и Директорию.

Разрозненные, расбросанные по всей Украине, гетманские силы были застигнуты врасплох. Одни соединения просто разбегались, другие, испытавшая безнадежность сопротивления, признавали власть Директории, как это сделал Запорожский Корпус полк. Болбачана в Харькове. Этот корпус, в основном, был настроен прорусски и впоследствии Петлюра за это расстрелял Болбачана, но тогда не было другого выхода, как признание Директории.

В течении первых двух недель восстания вся Украина, за исключением Киева, была в руках Директории или, точнее, тех масс, которые отклинулись на ее призыв и захватили власть на местах. Массы же эти были настроены больше пробольшевистски, чем пропатриарховски, что вскоре после победы Директории и выявилось, когда Директория должна была сама бежать от этих самых масс.

са и не пыталось. Оно, на основании ошибочных сведений, было убеждено в скорой помощи Антанты, высадку войск которой в Одессе ожидали с часу на час, а потому прилагало все усилия, чтобы дождаться прихода этой помощи. Немцы же объявили, что держат нейтралитет. У них в это время уже наступило разложение и всем распоряжались советы солдатских депутатов, которые 17 ноября имели с повстанцами конференцию в Белой Церкви и обещали им не мешать свергать Гетмана, в обмен на обещание Директории не мешать эвакуации немцев.

После Граматы о Федерации Гетман назначил Командующим войсками и обороной Киева генерала графа Келлера (одного из двух высших командиров Императорской Армии, отказавшихся в марте 1917 г. признать Временное Правительство). Лично очень храбрый, политически монархист и "единополедимец", Келлер прежде всего произвел мобилизацию находившихся в Киеве офицеров. Несмотря на объявленный "расстрел в случае неявки в течение 24-х часов", из 15-20.000 офицеров, зарегистрированных в Киеве, явилось всего около 6.000, которые и были распределены в две "дружини", во главе формирования которых были генерал Кирничев и полк. кн. Святополк-Мирский. Кроме того в подчинении Келлера была гетманская гвардия, "сердюцкая" дивизия около 5.000 бойцов, а также кадры разных, начавших только формировать частей, как гетманских, так и предназначавшихся для отправки в Доброармию (например, Ольвиопольского и Кинбурнского казак. полков). Всего у Келлера было около 12-15.000 войска. В условиях гражданской войны, это была огромная сила при наличии нужного для борьбы духа. Но духа этого у защитников Киева не было. Уверенность в скором приходе войск Антанты, непопулярность Гетмана в кругах русского офицерства все это размагничивало защитников Киева.

Хотя Келлер был назначен только Главнокомандующим, с обязательством не вмешиваться в политику, настроения его окружения были таковы, что постоянно допускались политические эксцессы, не только антиштюрионского, но и антиукраинского характера вообще, что раздражало и тех немногих "национально-сознательных" умеренных украинцев, которые были сторонниками Гетмана. Разгром Украинского Клуба (на Прорезной ул.); демонстративное срывание украинских флагов и замена их русскими; разбивание бюстов Шевченко и другие политически нетактичные действия подчиненных Келлера вызывали критическое отношение к нему населения Киева.

Кроме того в окружении Келлера начал готовиться план свержения самого Гетмана и объявления Киева территорией Доброармии. (Об этом подробно сообщает кн. Е. Трубецкой в т. 18, "Архива Русской Революции", стр. 147, и Деникий в 4-м томе "Очерков Русской Смуты", стр. 198).

Все эти интриги были известны защитникам Киева и угнетающие на них действовали, ослабляя всякую волю к борьбе. К тому же в самом Киеве дважды была сделана попытка переворота, назначенным Директорией "Украинским Военно-Революционным Комитетом" (Чеховский, Песоцкий, Авдиенко и друг.), совместно с еврейскими социалистическими партиями. Попытки эти были подавлены, но значительную часть сил приходилось занимать не борьбой с наступавшими повстанцами, а охраной порядка в самом осажденном Киеве.

В этой напряженной обстановке Гетман сменил графа Келлера и на его место назначает кн. Долгорукого, своего личного друга — человека хороших придворных качеств, но слабо разбирающегося в политике и занимающего (по мотивам личного тщеславия) враждебную к Доброармии позицию.

Назначение Долгорукого, который позволил себе такую политическую глупость, как арест представителя Деникина в Киеве, ген. Ломновского, вызвал дальнейшее понижение духа защитников Киева, к которому уже вилотную подходили войска Директории.

После того, как, 18 ноября, повстанцы, под Мотовиловкой, разбили один из "сердюцких" полков и офицерскую дружины, и сердюки перешли к повстанцам, — вся защита Киева состояла из, уполномоченных выше, наскоро сколоченных, офицерских дружин. Почти две недели задерживали они на подступах к Киеву повстанцев, тщетно ожидая помощи войск Антанты, которую обещало гетманское правительство, давая сообщения, что эти войска уже в пути и приближаются к Киеву.

То что им удалось так долго задержать наступление повстанцев объясняется позицией, занятой немцами. Сначала (17-го ноября) они согласились не вмешиваться в гражданскую войну, но, когда повстанцы подошли к Киеву, немцы начали с ними переговоры о занятии Киева. Переговоры эти закончились благоприятно для Директории только 12 декабря. А в тот же день в Киеве было получено достоверное известие из Одессы, что там не только нет никаких войск Антанты, но и сама Одесса занята войсками Директории. Безнадежность защиты Киева была очевидна. О последних часах гетманского Киева украинский историк Дорошенко пишет:

“в ночь с 13 на 14 декабря выступили местные боевые отряды, главным образом большевиков и еврейских социалистических партий, и начали захватывать различным учреждения, разоружая небольшие гетманские части. Был обезоружен и отряд личной охраны Гетмана. Около полуночи повстанцы захватили Арсенал на Печерске, Военное Министерство и еще некоторые учреждения. В то же время в город начали прорываться повстанческие отряды извне”. (“Ист. Украина”, стр. 424).

Отречение и бегство Гетмана.

В полдень 14 декабря Гетман написал такое отречение:

“Я, Гетман всей Украины, на протяжении семи с половиной месяцев прилагал все усилия, чтобы вывести край из того тяжелого положения, в котором он находится. Бог не дал мне сил справиться с этим заданием, и нынче я, принимая во внимание условия, которые сложились, и руководясь исключительно добром Украины, отказываюсь от власти. — Павло Скоропадский”.

В два часа дня Гетман оставил дворец и был скрыт немцами, а потом вывезен ими в Германию, где прожил много лет в эмиграции и погиб от бомбы, уже под самый конец второй мировой войны.

Гетманский Главнокомандующий, кн. Долгорукий, переодевшись, бесславно куда то исчез, а гетманские министры были арестованы. Некоторые из них вследствие были спасены и остались в живых, а некоторые были расстреляны.

Так закончился один из периодов истории Украины, в бурные годы революции и гражданской войны.

**

Итоги.

Подводя итоги этого периода, можно сказать, что он был решительным, не только для истории Украины, но и всей России и для большевизма вообще. Никогда за все существование советской власти ее свержение не было более возможным и реальным чем в этот период. Девять богатейших губерний России, с усталовившимся на их территории порядком и обилием продовольствия; присутствие крупных немецких сил; наличие большого числа антикоммунистов общероссийского направления среди населения Украины — все это создавало предпосылки для окончательной ликвидации большевизма во всей России.

Но они по ряду причин не были использованы. Самоуверенность немцев, считавших большевизм для себя не опасным и стремившихся путем расчленения России уничтожить ее, как великую державу, привела к тому, что они и не сделали попыток бороться с большевизмом в России.

А возможности для этого в начале 1918 г. были исключительные: во-первых, немцы без труда могли занять Москву и Петроград и установить там антибольшевистское правительство; во вторых, в случае движения на Москву с определенной целью свержения большевизма, население Украины, несомненно, дало бы многочисленных добровольцев. Оно уклонялось от участия в формировании Гетмана из-за его самостоятельности, но для движения на Москву все общероссийски настроенные антибольшевики Украины (а их было не мало) пошли бы очень охотно. Но однако в этом направлении ничего не было сделано и большевикам была дана возможность окрепнуть и сорганизоваться.

Но не па одних немцах лежит вина (или заслуга перед большевизмом), что в 1918 г. советская власть уцелела. Содействовали этому, по разным причинам, разные политические группы, как общероссийские, так и украинские.

Общероссийские антибольшевики разных направлений, тяготевшие к Доброармии, не признавали Брестского мира; немцев считали врагами, с которыми еще не заключен мир, а потому всякое сотрудничество с ними было психологически невозможно. Социальной же сущности революции они не уясняли и считали, что нет никакой революции, а есть только "разросшийся солдатский бунт", который надо подавить оружием. Исходя из этого, они не считали нужным искать консолидации всех сил противников социальной революции, как немецких, так и украинских я, вместо сотрудничества, были с ними во вражде. Ярким примером этого непонимания происходящих процессов может служить позиция, занятая лидером "правых" киевлянином — В. В. Шульгиным. Он демонстративно отказался от, данного ему немцами, разрешения продолжать издание в Киеве его газеты "Киевлянин" и уехал в Доброармию. Позиция эта, несомненно, имела огромное влияние на настроенияя, как Доброармии, так и огромного числа "правых" жителей Украины общероссийского направления и препятствовала их сотрудничеству с Гетманом, даже в его антибольшевистских начинаниях.

Своими врагами, считали немцев также и менее "правые", но несомненно антибольшевики и антисоциалисты — общероссийские круги кадетского (конст.-демократ.) направления и прымывавшие

к ним. Коротко говоря, все общероссийские антисоциалистические группировки были в то же время и ярко выраженными противниками немцев.

Социалисты всех оттенков, напротив, отлично понимали, что происходит прежде всего социальная революция и относились к немцам враждебно, как к носителям социальной реакции. В этом вопросе не были исключением и украинские социалисты, заключившие с немцами мир и возвращенные силой немецкого оружия к власти в марте 1918 г.

Социалисты и Большевики.

Совсем иначе чем к немцам относились все социалисты — и украинские, и общероссийские — к большевикам, хотя и называли себя их противниками.

Еще 12 ноября 1917 года лидер общероссийских эсеров — Церетели — сказал, что “с большевиками надо бороться так, чтобы подготавливать им достойное отступление” и высказал опасение, что “завоевания революции будут потоплены в крови, если победит контр-революция”.

Придерживаясь этой установки, во время Гражданской Войны, когда победа начала клониться в сторону Белой Армии, эсеры “самомобилизовались” в Красную Армию; а эсеры вынесли решение: “прекратить вооруженную борьбу с большевиками и направить силы партии на разложение Доброармии, ведь против нее борьбу теми методами, которыми партия боролась против Самодержавия”.

О “самомобилизации” эсеров пишет их лидер — Абрамович в партийном органе “Социалистический Вестник” (1959 г. “70 лет юбилей С. Шварца”). А о решении эсеров сообщает в своих “Очерках Русской Смуты” ген. Деникин (т. 5, стр. 163).

(Имеющие в эти годы место несколько случаев террористических актов отдельных эсеров против большевиков — были актами индивидуальными, совершенными в результате личных настроений, а не следствием общей установки партии).

Составлявшее Директорию, украинские члены и эсеры, по существу, были украинскими фракциями общероссийских эсеров и эсдеков и отличались от них только своим “украинством”, с сильным уклоном к украинскому национализму.

Во всем же остальном, в особенности, в страхе перед контрреволюцией и в уверенности, что социализм — панацея от всех зол — они были единодушны с общероссийскими эсерами и эсдеками.

И когда им приходилось выбирать между активными антиболь-

шевиками (среди которых подавляющее большинство были не только антибольшевики, но и антисоциалисты) и большевиками — их симпатии были на стороне последних.

Не удивительно поэтому их тяготение к большевикам и стремление с ними говориться, во время Гетмана, и полное отсутствие пафоса для борьбы, когда Гетман был свергнут, немцы ушли, а они очутились лицом к лицу со своими же, пробольшевистски настроеными, украинскими массами.

В результате этих настроений самых различных группировок, несмотря на их междуусобные расхождения в борьбу, в вопросе отношения к немцам, господствовало редкое единодушие: все они были против немцев, хотя и по совершенно различным причинам.

Единственными безоговорочными сторонниками немцев была чисто монархическая русская группировка (ни чем себя не проявившая в деле борьбы с большевиками) да Гетман и его сторонники. Но и эти последние, сделав ставку на немцев и самостоятельность Украины, оказались в одиночестве, когда немцы заколебались и надо было искать сотрудничества с антибольшевистскими силами общероссийского направления. Предидущая деятельность Гетмана, в первые месяцы правления, в деле "украинизации" Украины предопределила отталкивание от него его естественных союзников — Доброармию и ее многочисленных сторонников на Украине. Между теми естественными союзниками — активными антисоциалистами — не было ни взаимопонимания, ни доверия. Станка Гетмана на общероссийские силы, была сделана слишком поздно и результатов не дала.

Так была упущена, посланная историей, возможность объединить антисоциалистические силы, украинские и общероссийские, в борьбе против координированных действий большевиков и, сотрудничавших с ними социалистов, помочь и неспособность которых, большевики умело использовали для установления советской власти на Украине. Если 1917 г. был годом захвата власти большевиками, то год 1918 был годом их спасения и укрепления.

Кому принадлежит главная заслуга в этом, определить почти невозможно, так как много упомянутых выше факторов принимали в этом участие.

Самоуверенность и недальновидность немцев и их желание уничтожить Россию.

Боязнь всех (и русских и украинских) социалистов контрреволюции и, вытекающее отсюда, отсутствие активного антибольшевизма.

Позиции некоторых украинских кругов, мешавший их сотрудничеству с общероссийскими антибольшевиками.

Непонимание руководителей Белого Движения социальной и национальной сущности происходящих событий и неумение консолидировать антибольшевистские силы.

Колеблющаяся политика Гетмана, приведшая к его изоляции.

Непонимание или нежелание Августы-победительницы, принять срочные меры (в конце 1918 г.) для создания из Украины плацдарма антибольшевистской борьбы, что тогда было возможно и легко осуществимо.

В результате — захват большевиками Украины, что, в значительной мере, предопределило и весь исход гражданской войны.

Паступивший вслед за гетманским периодом период Директории был временем быстрой сдачи всех антикоммунистических позиций на Украине.

**

Премьер-Министр
Ф. Лизогуб

Премьер-Министр
Н. Сахно-
Устимович

Гетман
Павел Скоропадский

Ген. Рогоза
Военн. Министр

Д. Дорошенко
Мин. Иностр. Дел

В. Леонович
Мин. Земледелия

Кредитный билет времен Гетмана.

ДИРЕКТОРИЯ.

(Киевский период.)

14 декабря 1918 г., войска Директории вступили в Киев. В пасмурный декабрьский день, молча наблюдали киевляне, как по Васильковской улице и Бибиковскому бульвару или к центру города победители. Сначала — “сечевые стрельцы” галичане, потом — разнообразно одетые колонны “Петлюровской Армии”, как уже тогда киевляне окрестили вооруженные силы Директории. Ни радости, ни одушевления заметно не было. Единичные и редкие крики приветствия тонули в гробовом молчании жителей столицы, не знающих, что несет им близкайшее будущее.

Украинизация.

Новая власть быстро заняла все государственные и общественные учреждения и уже на следующий день занялась работой. Прежде всего, приказом нового коменданта — австрийского капитана, галичанина Коновалца, было предписано все вывески на русском языке изменить на украинские. С утра до вечера трудились маляры и столяры, меняя вывески. Киев был “украинизирован” под редакцией галичан — сечевых стрельцов, благодаря чему не мало прирожденных украинцев-киевлян не понимали многих вывесок, т. к. каждый “стрелец” редактировал по своему. 17-го декабря 1918 г. было опубликовано распоряжение Директории о том, что — “пропаганда федерализма карается по законам военного времени”.

Расправы с противниками.

Одновременно с этим начались охоты на “гетьманцев” и “контр-революционеров”, во время которых одних просто пристреливали, а других “брали в плен” и препровождали в Педагогический музей — здание, где раньше заседала Центральная Рада.

Через несколько дней тысячи этих “пленных”, как сельди в бочке, заполнили огромное здание музея. Позднее немцы, опасаясь расправы “петлюровцев”, вывезли их в Германию.

Сила Директории.

Формально, Директория захватила всю власть на всей Украине, но, фактиче-

ски, эта власть была не большей, чем власть Центр. Рады, год тому назад. Сумевши поднять 200-300 тысячную вооруженную массу для свержения немецко-гетманского режима, Директория сразу же увидела, что эта масса вовсе не может считаться надежной опорой ее власти.

Часть, и весьма значительная, сразу же вернулась в села для реализации своей победы и занялась дележом земли и разгромом, еще уцелевших, или восстановленных во время гетманства, имений и заводов.

Другая часть имела очень сплоченные прорубльевистские настроения и, особенно рассчитывая на нее, не приходилось, особенно в случае конфликта с большевиками. Были в них самое активное участие в свержении гетманского режима, местные, украинские, большевики и сочувствовавшие им украинские "независимые" бедеки и зоры-«боротьбисты», заполнили собою административные органы на местах, сменив гетманский административный аппарат.

Единственными подлинно антибольшевистскими силами были офицерские и унтер-офицерские кадры, созданные при Гетмане для формирования Украинской Армии, небольшие отряды антибольшевистских "вольных казаков" (были и прорубльевистские), да гайдамаки "сечевые стрельцы".

Если, на последние две группы (весьма малочисленные), захватившая власть Директория и могла рассчитывать, то самая многочисленная, первая группа (офицерские кадры) была определенно неблагонадежной с точки зрения социалистов-новинистов, составлявших Директорию: в ней были очень сильны настроения и общероссийские и антисоциалистические.

Поэтому, в рядах самой Директории и ее приверженцев, по словам социалиста-марксиста премьера Украины Исаака Мазесы, "господствовала общая тревога и неуверенность: украинская армия распадалась; а среди военных и политических руководителей, был замечен большой хаос мыслей и взглядов". ("Украина в огне и буре революции", стр. 66).

Международное положение Директории.

Международная обстановка давала все основания для тревоги и неуверенности Директории. На севере, на территории, подвластной СОВНАРКОМ-у, стояли две украинские дивизии, большого состава и хорошо оснащенные: одна — на юге Курской губернии; другая — в северных уездах Черниговской губ. Сформированы они были из новостанцев против Гетмана, ушедших летом 1918 г. из Сквицкого и Таращанского уездов Киевской губернии,

к которым по пути влилось не мало повстанцев Левобережья. Логично было предполагать, что они захотят вернуться на Украину и что им помогут, как местные большевики, так и Москва-покровительница, бежавшего на ее территорию, Харьковского Правительства.

На немцев, при помощи которых укр. социалисты, вопреки воле народа, получили над ним власть в марте 1918 г., после произошедшей у них в ноябре 1918 г. революции расчитывать не приходилось.

В Галиции шла борьба с поляками. Зная настроения польских националистов, не отказывавшихся от мечты о Подыщне — “от моря до моря” и утверждающих, что “Киев — старый польский город”, не без основания, можно было опасаться, что они предъявят претензии, если не на всю Украину, то — на Правобережье, всего сто с небольшим лет тому назад возвращенное России.

На юге, в Одессе, высаживались французы, тогда определенно дружественные идеи Единой России и враждебные сепаратистам, которые меньше года тому назад, заключили сепаратный мир и союз с немцами. Бурю негодования вызвал тогда во всей Франции этот сепаратный мир и союз с немцами, и газеты писали о нем, как об “измене”. Густав Жерве, известный синдикалист, писал в “Victoire” о “подлости Украины, которая вонзила нож в спину германской румынской армии”; “Le Pays” писала о “мире подлецов и спекулянтов”; “Paris-Midi” — о “мире алчности и цинизма”; “Le Temps” писала, что “украинцы, которые подписали мир, представляют собой лишь тень какого то правительства и что сам договор с ними есть ничто иное, как обычный клочок бумаги”. (Цитир. по Д. Дорошенко).

Не удивительно, что в такой обстановке, внешней и внутренней, Директория не чувствовала себя уверенно.

Понимая, что ей одной долго продержаться не удастся, так как народ в большинстве против нее, она искала союзников или, в лице большевиков, или у Антанты (“Согласие” держав - победительниц Франции, Англии, С. Ш. А. и их союзников) и старалась установить связи, как с одними, так и с другими.

Исчерпывающую и правдивую картину настроений и общей обстановки на рубеже 1918-19 гг. дает в своей книге “Украина в огне и буре революции” марксист-социалист, Исаак Мазепа, бывший Украинский Премьер, который (на стр. 74) пишет:

“В правительстве Директории шла борьба между двумя направлениями: одни стояли за соглашение с Антантою, другие — за союз с Москвой. Винниченко был за мир с Советской Россией, но часто колебался и не знал, как поступить. Глава Правительства,

Чеховский, твердо стоял за соглашение с Москвой. Большинство всаровских лидеров, как Грушевский, Шаповал, Любинский и другие, солидаризировались с Винниченко и Чеховским и склонялись больше к союзу с Советской Москвой чем с Антаной.

Вообще, внутренняя ситуация на Украине была неблагоприятна для успешной обороны Украины. Помимо тяжелого положения, в котором находилась армия, среди самих украинских руководящих кругов происходил глубокий процесс разъединения на два лагеря: одного — против большевистского и другого, который склонялся к идеологии большевиков. Неудачи Центральной Рады в предидущий период революции и расширение симпатий к большевикам среди украинских масс — все это на многих показало так, что они считали, что нужно и нам, украинцам, стать на позицию советов, чтобы не разойтись со своим народом. Усиление этих опасений весьма содействовало тогдашние события в Австро-Венгрии и Германии, где создавались правительства с социалистами во главе. Было почти общее мнение, что началась мировая социалистическая революция, а потому и на революцию на Украине смотрели, как на "начальную фазу мировой революции".

Эти слова такого компетентного лица, как премьер-министр Самостийной Украины, заслуживают особого внимания. В особенностях, его признание "расширения симпатий к большевикам украинских масс" и наличия части украинских лидеров "склонявшихся к большевистской идеологии". И в то же время полное умолчание о "борьбе за национальное освобождение" и о "завоевании москалями" Украины, о чем 40 лет твердит сепаратистская пропаганда в эмиграции. Встает естественный вопрос: было ли "запоевание" Украины произведено чешскими "москалями" или, пошедшими за большевиками, украинскими народными массами, которые пошли за национальными лозунгами Рады и Директории, а за социальными и общероссийскими лозунгами большевиков? Бегство и Рады и Директории с микроскопической кучкой своих сторонников и огромным количеством национальных лозунгов, флагов и гербов, дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. Только тот, кто хочет исказить историческую правду и извращать историю, может утверждать о "завоевании большевиками-великороссами" Украины и об "антибольшевизме" украинцев, как это теперь делают сепаратисты. Коротко и ясно об этом "антибольшевизме" говорит тот же украинский премьер, И. Мазепа: "внутри, в пародной массе говорилось: мы все большевики" ("В огне и буре" стр. 85).

Настроения Директории.

Что же касается лидеров, то о их настроениях свидетельствует отчет о 6-ом съезде Украинской Социал-Демократической Рабочей Партии, состоявшемся в Киеве, в начале января 1919 г., на котором выступали не только лидеры эсеров, но и эсэров. "Почти все, наиболее активные члены Ц. К. Партии (Чисоцкий, Авдиенко, Мазуренко, Ткаченко и др.) стояли за советскую власть" — пишет в своей книге И. Мазепа (стр. 77 "В огне и буре Революции").

На такой же позиции была и значительная часть лидеров эсэров, в том числе и тогдашний премьер Чехонский.

Решение о провозглашении советской власти на Украине, все же было отклонено голосами делегатов из провинции, в результате чего, произошел формальный раскол эсэров: часть их объявила себя отдельной партией "независимых украинских эсэров" и открыто стала на путь сотрудничества с большевиками.

Видя настроения масс и не желая уступать власть большевикам, лидеры больше всего были заняты проблемой, как выразился Винниченко, "соединения двух элементов: классово-пролетарского и национального". (Впоследствии то, до чего не мог додуматься Винниченко, формулировал Сталин словами: "национальное по форме — социалистическое по существу").

Говоря же более попытно, они принимали, фактически, всю программу большевиков, но с условием, чтобы власть осталась в руках у них, а не перешла к их конкурентам — украинцам Харьковского Правительства. Напротив, забота Директории была о том, как бы удержать власть, а не о том, как бы принести пользу своему народу, о чем они много и часто говорили.

Массы без слов понимали настроения Директории, а потому не находилось охотников за нее бороться. Их интересовали ответы на вопросы социальные, а они были, в сущности, одинаковы — и у Винниченко в Киеве, — и у, таких же украинцев — Коцюбинского, Шахрай и др. — в Харьковском правительстве.

Атаманы. Захват власти большевиками.

Поэтому, как только гетманская власть была свергнута, принимавшие участие в ее свержении повстанческие отряды, в споре Директории с Советской Россией, сановились за сторону советской власти. Григорьев — в Херсонщине; Зеленый — под Киевом; Махно — в районе Екатеринослава. С Директорией не считались и провозглашали советскую (точнее, — свою) власть или полное безвластие (Махно). Территория Директории таяла не

по дням, а по часам и, к середине января, большая часть Украины уже была вне ее власти. Одни районы были во власти большевиков и повстанческих украинских частей, сформированных большевиками на своей территории (Таращанская дивизия, Богунский полк и др.); другие — под властью "атаманов" — пробольшевиков. Махно держал в страхе и трепете огромный район радиусом больше 100 км. вокруг его родного села — Гуляй Поль (на Екатеринославщине). Это было "государство в государстве", даже печатавшее свои деньги. Его "войско" доходило до 10.000; устраивало погромы, грабило где можно, быстро передвигаясь из одного места в другое на "реквизированных" крестьянских подводах, меняя их и делая переходы до 100 километров в сутки. Захвативши на несколько дней Екатеринослав, махновцы учинили там погром, перебив и ограбив не мало "буржуев". Против него были бессильны и Директория, и большевики. Не многим лучше были и остальные многочисленные атаманы, большие и маленькие.

Вооруженные силы Директории.

шний из галичан, под командой капитана Коновалца, да кое какие дружины добровольцев. До известной степени, сохранился и "Запорожский Корпус" полк. Болбачана на Левобережье; но он был резко антисоциалистически или прорусски настроен и, вопреки распоряжениям Директории, разгоняя и жестоко расправлялся со всеми просоветско-социалистическими организациями на местах. В начале января Болбачан, со своим корпусом, оставил Харьков и ушел к Кременчугу, а затем на Правобережье. Его корпус определенно тяготел к уже начавшемуся Белому Движению.

Описывая положение вооруженных сил Директории, И. Мазепа пишет: "В то время, как одна часть украинского войска отходила к большевикам, другая стремилась к российским белогвардейцам". (стр. 76 "Укр. в огне и буре революции"). О третьей части — которая бы подчинилась Директории и ее защищала — украинский премьер не пишет. (По той причине, что такой части тогда и не было.)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИРЕКТОРИИ

Трудовой Конгресс.

После свержения Гетмана, логично было, чтобы возобновила свою де-

ятельность, разогнанная им, Центральная Рада, однако Директория ее не созывала. Хотя она, по словам Винниченко, была "Украинским Совдепом" и из 792 ее членов 772 были социалисты, Директория не считала ее "соответствующей духу времени" и решила созвать, так называемый "Трудовой Конгресс", в соответствии с, провозглашенным ею, принципом (декларация 26 декабря), что — на Украине "власть должна принадлежать только классам работающим — рабочим и крестьянам" и, что "она передает свои права и полномочия только трудовому народу Самостийной Украинской Народной Республики". Об Украинском Учредительном Собрании, которое не могло быть выбрано год тому назад, никто и не вспомнил, считая, что всеобщее право голоса (что было предусмотрено при выборах в Укр. Учред. Собр.) "теперь устарело".

Наскоро был составлен закон о выборах в Трудовой Конгресс, согласно которому были лишены права голоса почти все культурные силы. Так, например, врачи не считались "трудовым элементом", а потому права голоса были лишены; фельдшера же могли голосовать. Только после длительных переговоров с законодателями киевские врачи добились для себя права голоса, да и то не все, а только те, кто "не имел нетрудового дохода", например, от квартирной платы в собственном доме, если он сдавал хотя бы одну квартиру. Об этом рассказывает и своих воспоминаниях б. член Малой Рады, А. Гольденвейзер (в т. 6, "Архив Русск. Революции").

Выборы в Трудовой Конгресс не вызвали никакого интереса у населения и далеко не везде могли быть проведены вследствие анархии. Не мало было случаев, когда в населенных пунктах в несколько тысяч голосовало всего десяток-два "трудового элемента". Тем не менее, Конгресс был "выбран" и день его созыва был назначен на 22-ое января.

Не ожидая созыва Конгресса, Директория 8-го января подтвердила национализацию земли и объяснила, что на Украине за землю права частной собственности не существует; землей можно только пользоваться, а не владеть.

Перед Конгрессом стояли огромные задачи по организации всей жизни на Украине, а кроме того вопрос о воссоединении с Галицией, вставший после провозглашения ее независимости (в ноябре 1918 года).

Вопрос Галиции.

Еще 1-го декабря между Директорией и "Западно-Украинской Народной Республикой" был в Фастове подписан предварительный договор о

будущем слиянии двух украинских республик. Этот договор 3-го января был утвержден Украинской Национальной Радой в Станиславове, однако с оговоркой, что ратификацию договора должно произвести Украинское Учредительное Собрание, созванное с территории всей Украины, а до этого ЗУНР (Зал. Укр. Нар. Респ.) остается со своим отдельным, как законодательным, так и административно-исполнительным органом власти. Эта оговорка имела огромное значение, т. к. в дальнейшем благодаря ей существовало два правительства и две армии, пока на Украине (подднепровской) не установилась советская власть, а в ЗУНР — польская, и оба правительства бежали.

Как утверждают многие украинцы с Великой Украиной, оговорка эта, формально, не дает права уроженцам ЗУНР-ки участвовать в общественно-политической жизни Украинцев-подднепровцев в эмиграции. С точки зрения формально-юридической, нельзя не признать, что они правы, хотя Трудовой Конгресс и декларировал слияние двух украинских республик — так называемую “Соборность Украины”.

Открытие Трудового Конгресса.

Конгресс открылся в Киеве 23 января 1919 г., когда уже почти вся Украина

была под властью украинского советского правительства (Харьковского), а украинские советские части, во главе с Таращанской и Богунской дивизиями, подходили к Киеву.

Директория это освоение Украины считала войной с Советской Россией и слала протесты в Москву, а Москва отвечала, что войну ведет не она, а Украинское Советское Правительство.

На обвинения Директорией Москвы в помощи Харьковскому правительству Москва ответила, что наличные помощи она не отрицает, но эта помощь численно неизмеримо меньше чем та помощь, которую несколько месяцев тому назад Центр. Рада в борьбе с Харьковским Правительством получила от Германии и Австрии. Директория этот ответ заупростила печатать. О нем осведомили Киев, в своих летучках, киевские большевики.

О том, правы ли большевики, что Украина основана украинскими же большевистскими силами, или говорят правду сепаратисты, утверждая, что Украина “завоевана москалями”, а все украинцы-антибольшевики, — можно судить по высказываниям такого, высоко компетентного лица, как социалистический премьер Самостийной Украины Исаак Мазепа. В его книге “Украина в огне и буре революции” на стр. 118 написано: “Большевики правы, когда пи-

сали, что Украину они освоили не столько вооруженной силой, как силуою своей пропаганды". На стр. 127 той же книги Мазсна пишет: "наши войска отступают почти без боя, главным образом потому, что им приходится бороться преимущественно со своими братьями-украинцами". На той же странице: "Как известно, в это время против украинского фронта большевики бросили главный образом украинские формирования, как Богуинскую, Таращанскую дивизию и др. Русские и другие части были сосредоточены, преимущественно, так называемом, южном фронте — против армии Деникина".

Стр. 131: "красногвардейцы — преимущественно черниговские и харьковские" (т. е. украинцы).

Стр. 133: "на Украине большевики имеют всего около 25.000 войска. Из них — меньше половины русских, а из них 5.000 китайцев". (Значит, великороссов всего 7.500).

Приводить еще выдержки нет смысла, ибо для всякого все понятно и из приведенных четырех.

Свидетельства украинского премьера заслуживают того, чтобы на них обратить особое внимание и сделать ряд, единственно возможных, логических выводов: — что Украина вовсе не была завоевана великороссами, а освоена пропагандой большевистских идей, за которыми попала активная политическая часть населения Украины, которая и вынудила к бегству Директорию.

Второй вывод: социальные, общероссийские лозунги большевиков оказались сильнее национально-шовинистических лозунгов Ц. Рады и Директории. Третий вывод: — гражданская война на Украине вовсе не была борьбой за национальное освобождение украинского народа, а — социальной революцией, как и во всей России. Четвертый и последний вывод: — группа украинских сепаратистов-шовинистов, вовсе не отражала волю населения Украины в годы гражданской войны и не имеет никакого, ни формального, ни морального права выступать от имени Украины теперь.

Но в те бурные времена ни с формальным, ни с моральными правом никто не считался и Директория провозгласила Трудовой Конгресс "выразителем воли украинского народа".

Две основные социалистические партии того времени: эсеры и эдеки к моменту созыва Конгресса были в состоянии почкования, делясь на отдельные, непримиримые друг к другу, фракции. О делении эдеков и отколе от них "независимых" эдеков уже сказано выше. Эсеры поделились на целых три фракции: "правых", "центр" и "левых"- "боротьбистов". Каково было их настроение, видно из решения конференции всоров "центра", 28-го января. Оно гласит:

"партия стоит на базе социалистической революции и принимает советскую форму власти в Украине" (Мазепа, стр. 95). Напомним, что к этому "центру" принадлежал Грушевский и виднейшие лидеры эсеров. "Боротьбисты" стояли еще левее и трудно было пронести разницу между ними и большевиками.

Не удивительно поэтому, что партии не могли говориться даже о составе Президиума Конгресса. В результате, Президиум почти полностью составили делегаты-галичане, а возглавил его галичанин С. Витик, социалист-марксист.

"В напряженной обстановке происходили заседания Конгресса в Городском Театре, битком набитом публикой, в солдатских шинелях и, конечно, при оружии. У многих на поясах бомбы. Публика бурно реагировала на выступления ораторов, начиная от: "слава!" и кончая свистом и матерной руганью... Волны махорочного дыма, шум, угрозы, одобрение... А издали доносится канонада — в Киеве подходит большевики. Генерал Греков сообщает Конгрессу, что они уже в Семиполках"... — так описывает заседание Конгресса, один из его участников.

Но все же Конгресс вынес решение о слиянии Украинской Народной Республики с Западно-Украинской Народной Республикой в одно государство — "Соборную Украину", что и было оглашено, по установленному церемониалу, на Софийской площади, под канонаду из за Днепра и при полном равнодушии жителей столицы к этому "историческому акту".

К моменту слияния правительства обоих сливающихся государств уже висели на волоске и готовились к бегству: Киевское — на Запад; Западно-Украинское — на Восток. Вскоре они и встретились в районе бывшей русско-австрийской границы. Как отдельные Правительства с отдельными армиями.

Хотя решение Трудового Конгресса о слиянии и состоялось, но оно не былоratифицировано Украинским Учредительным Собранием, как это обусловила Зап.-Укр. Нар. Респ., а потому и не могло быть осуществлено. Украинское же Учредительное Собрание так никогда и не было созвано.

Вторым решением Конгресса было печто вроде декларации с благодарностью Директории за все ею содеянное, подтверждение изданных ею законов, в том числе и об упразднении права собственности на землю, и поручение вести и дальше все дела, до следующей сессии Трудового Конгресса (которая никогда не состоялась).

Признание Винниченко о сотрудн. с больш.

Говоря о работе Конгресса, нельзя обойти молчанием сенсационное выступление Винниченко о сотрудничестве украинских социалистов с большевиками во время Гетмана. Его товарищ по партии и Правительству, И. Мазепа, рассказывает содержание этого выступления: "незадолго перед восстанием против Гетмана, между украинскими социалистическими партиями и представителями российских большевиков Раковским и Мануильским состоялось соглашение: Советская Россия согласилась признать самостийность Украинской Народной Республики и демократический строй на Украине. Украинская Нар. Респ. обязалась обеспечить легальное существование на Украине партии коммунистов, а также нейтралитет в борьбе Советской России с ее внешними врагами. Во время противогетманского восстания большевики не дали нам никакой помощи, да мы ее и не ожидали. Мануильский заявлял, что они абсолютно ничего не могли прислать нам из России. Но когда, возглавляемое Директорией, восстание начало побеждать, а из Одессы послышались угрозы Антанты, у большевиков сразу нашлись силы. Они захватывают Гомель и начинают наступление против нас на Черниговщине и Харьковщине. В Харькове большевики, во главе с Пятаковым, Артемом и другими выпускают воззвание, в котором заслугу свержения Гетмана приписывают себе и провозглашают советскую власть на Украине. Такого вероломства со стороны большевиков украинские социалисты не ожидали!" ("Украина в отне и буре революции", стр. 89).

Публичное признание Винниченко сотрудничества с большевиками чрезвычайно ценный документ для понимания настроений украинских социалистов, имевших тогда власть над Украиной. Интересно это еще и потому, что дает основание поставить вопрос, как могли они пойти на соглашение с большевиками, о которых писали, как о злейших врагах, всего украинского народа вообще. Тот же самый Винниченко в своей пьесе "Между двух сил", в стиле самой дешевой агитки, представляет расправу большевиков со "всякими произведениями украинского духа" во время их пребывания на Украине до прихода немцев. Например, он пишет об "сжигании всех украинских книг" и тому подобную заведомую ложь. Не отстает от Винниченко и Мазепа, и в своих воспоминаниях о том же периоде пишет: "большевики тысячами расстреливали людей, которые говорили по украински" ... "даже таких, которые были сторонниками советской системы, за то только-что они были... украинцами" (стр. 42).

Пишут это два бывшие премьеры Украины, отлично знающие, что ничего подобного в действительности не было; что существовали чисто украинские большевики (Кодюбинский, Шахрай, Затонский, Щорс, Любченко, Шумский, Боженко и др.); что именно от этих украинских большевиков, под натиском украинских же большевистских частей каждый раз бежали их правительства, лишенные поддержки собственного народа.

А третий украинский премьер — Б. Мартос, чтобы подтвердить ложь своих коллег о "завоевании москалями" Украину, счел возможным, как доказательство, что Украина была оккупирована "москалями", написать, что он "собственными глазами видел, что входившие в Киев, в 1918 г., большевистские части были в "русской форме" ("Украинский Сборник", кн. 1). О том же, что тогда никакой другой формы, кроме "русской" не было и в ней ходили все самостийники (а, возможно, и сам Мартос), он счел допустимым умолчать.

Это "свидетельство" Мартоса достойно особого внимания потому, что оно демонстрирует, как степень объективности сепаратистских ученых, к которым причисляет себя Мартос, так и качество этого материала, на котором сепаратисты создают свою извращенную историю Украины.

Но, все это писалось и пишется в эмиграции, когда борьба уже кончена, — в целях самооправдания и в надежде на реальные выгоды, от такого извращения фактов из совсем падавшего прошлого.

Тогда же, в годы революции, и говорилось, и писалось, и декларировалось, и делалось нечто совсем другое,вшедшее яркое отражение в способе созыва, составе, настроениях и решениях Трудового Конгресса и главных партий.

Участники этого "выразителя воли всего украинского народа", в конце января, по деликатному выражению И. Мазепы, "разъехались". В действительности же, "разъезжаться" им было некуда, т. к. почти вся Украина уже была под властью большевиков, а потому, они, как писал один из участников Конгресса, "расселились и растворились в массах". Часть успела бежать с Директорией и пережила с ней всю, по меткому выражению пок. проф. Гребинки, "колесную эпоху", т. е. время, когда Директория передвигалась в вагонах, а парод говорил: --- "На колесах Директория . . . под колесами вся территория!.."

Бегство Директории.

2-го февраля 1919 г. Директория,
Правительство, многочисленные ли-

деры разных партий, часть членов Трудового Конгресса и часть служащих государственных учреждений, а также "вооруженных сил" Укр. Нар. Реси. бежали из Киева, в направлении на Винницу. Население столицы провожало их насмешками, особенно, неподвидимых в Киеве, "сечевых стрельцов" или "австрийцев", как их называли в Киеве и считали "чужими". О враждебных настроениях украинцев к галичанам- "стрельцам" рассказывает украинский премьер Мазеца со слов самого их командира — Е. Коновальца, который 11 марта 1919 г. в разговоре с Ц. К. Бедеков сказал: "особенно тяжело влияет на настроение наших стрельцов неблагожелательное отношение населения к нам" (стр. 124, "Укр. в отне и буре рев.")

Бегством Директории из Киева, закончился ее 45-ти дневный "киевский период" и начался длинный период "пребывания на колесах", который завершился покаянием перед большевиками и переходом к ним на службу одной части деятелей времен Директории (более крупного калибра) и уходом в эмиграцию другой ее части (калибром поменьше). Как известно, покаялись: сам Грушевский, два премьера — Голубович и Винниченко, военный министр и главковерх — Порти и Тютюнник. "Вождей" же мелких, министров "колесного периода" и кандидатов на эти посты в эмиграции оказалось не мало. Поделились они на разные группы, не столько по признаку расхождения партийных программ, сколько по так называемым "ориентациям": польской, французской, английской, немецкой. Получая соответствующие поддержки от соответствующих государств, они выступали от имени населения Украины так, как будто бы они были полноправные и правомочные ее представители. Многочисленные же "дипломатические" миссии Украины, сформированные и разославшие во многие страны в "киевский период" Директории, быстро перенесли на положение эмигрантов и слились с остальной массой незадачливых вождей Украины, пытающихся не раз силой иностранных ютыков навязать свою волю населению Украины, как до, так и после Директории.

Декабрь 1918-го и январь 1919 гг., были временем производства "украинских дипломатов", чисто "стахановскими" темпами и количествами. Темпы были нужны, чтобы успеть поскорее уехать; количество определялось давлением массы дальнозорких и пронырливых, самоуверенно-назойливых и трусливых социалистических вождей, стремившихся свою "борьбу" продолжать в безопасности, в европейских столицах. Характерно, что за все время "борьбы" не был не только убит, но даже ранен ни один из "вождей" и са-

иностранческих генералов. А стреляли тогда часто и крови, повсевременной "вождям", молодежи пролито не мало. Объяснений этого, исключительно счастливого для драгоценных особ своих вождей и генералов обстоятельства, сепаратистские историки и мемуаристы не дают, предоставивая догадываться о причинах своим читателям.

Зато яркую характеристику этих вождей дает украинец, С. Шелухин, называя их "господствующей демагогической частью украинской интеллигенции". Вот что пишет о них этот бывший самостийский сенатор и министр, вращавшийся в их среде и хорошо их знавший:

"Работа этой части интеллигенции, хотя и незначительной, но благодаря духовной дефектности и патологической жажде власти над народом и всем - была разрушительной. На деле они показали себя бездарной и разрушительной силой, лишенной от природы конструктивного мышления. И два раза, во необходимости, был министром юстиции и оба раза отказался, после попытки работать продуктивно в составе неспособного партийного большинства. Проявив жажду власти, эти люди создавали негодные правительства, такие уничтожали свободу нации и не выявляли ни малейшей способности к конструктивной работе. Узость понимания, свойство думать по трафарету, недостаток критики, самохвальство, нетерпимость к инакомышляющим, упрямство, неспособность разобраться в фактах, неспособность предвидеть и делать выводы из собственных поступков, неустойчивость и недостаток чувства настоящей ответственности за работу -- их отличительные свойства".... ("Украина", Прага, 1936 г.).

Зная всю деятельность этой, по выражению министра Шелухина, "демагогической части украинской интеллигенции", как во все периоды Центр. Рады и Директории, так и в эмиграции, нельзя не признать, что характеристика эта и правильна, прибавив к этому, что она полностью применима не только к прошлому, но и к деятельности лиц, выступающих от имени украинского народа в эмиграции после второй Мировой Войны.

Вот эти то люди 2-го февраля 1919 г. оставили Киев, чтобы, по их словам, "бороться" за Украину. Народ за ними не пошел. Подавляющее большинство отшло от всякой политики вообще, а политически-активное меньшинство отдало свои симпатии или большевикам или русским "белогвардейцам".

ДИРЕКТОРИЯ БЕЗ СТОЛИЦЫ

(ВИННИЦКИЙ ПЕРИОД.)

Оставивши Киев, Директория направилась на юго-запад, и в начале февраля 1919 г. на некоторое время задержалась в Виннице. Положение было исключительно тяжелое. Ни армии, ни сочувствия народа у Директории не было. Это все понимали, хотя громко не говорили, а, наоборот, сами в то не веря, утверждали, что армия есть, и народ весь стоит за Директорию.

В Галиции шла борьба галичан с Польшей и расчитывать на помощь оттуда не приходилось.

Еврейские погромы.

Этот период совпал с волной страшных еврейских погромов, прокатившихся по всей территории, находившейся под властью Директории.

Вот что пишет об одном из многочисленных тогда погромов Ю. Макаров в своей книге "Что надо знать об Украине" (Буэнос Айрес. 1939 г.):

4 марта 1919 года петлюровский "атаман" Семесенко, 22 лет от роду, отдал своей "Запорожской Бригаде", квартировавшей около Проскурова, приказ истребить все еврейское население в городе. В этом приказе указывалось, что новоя в стране не будет, пока там останется хоть один еврей.

5 марта вся "бригада", из 500 пьяных разбойников, разделившись на три отряда, с офицерами во главе, вступила в город и начала избивать евреев. Врывались в дома и зачастую вырезывали целые семьи. За целый день, с утра до вечера, было убито до трех тысяч человек, считая женщин и детей. Убивали исключительно холодным оружием. Единственный человек, убитый живой, был православный священник, который, с крестом в руках, пытался остановить изуверов. Через несколько дней Семесенко наложил на город контрибуцию в 500 тысяч рублей и, получив ее, поблагодарил в приказе "украинских граждан Проскурова" за оказанную им "Народной Армии" поддержку".

Эта резня происходила буквально под носом у Украинского Правительства, которое находилось тогда в Виннице и никаких мер против погромщиков не предприняло. Ни во время, длившегося целый день погрома, ни после погрома, ни впоследствии. Проскуровские "герои" остались безнаказанными.

Безнаказанными остались и все остальные погромы того вре-

мени, произведенные петлюровцами в 180 населенных пунктах на территории Украины, во время которых истреблено около 25.000 человек евреев, обоего пола.

Это попустительство Правительства Петлюры впоследствии сыграло не малую роль в оправдании французским судом еврея Шварцбарта, убившего в 1926 году в Париже Петлюру.

Оправдываясь и отрицая свое попустительство, петлюровцы в эмиграции (в 1928 году) выпустили в Праге (ЦК Укр. Соц. Дем. Раб. Партии) брошюру, посвященную украинско-еврейским взаимоотношениям "Трагедия Двух Народов".

Брошюру малоубедительную, пытающуюся всю вину за pogromы спалить на "наследие царского режима", а Шварцбарта изобразить, как большевистского агента, что не соответствует действительности. Тот факт, что Шварцбарт в СССР не вернулся доказывает, что никаким агентом ГПУ он не был.

**

Переговоры с французами.

Обстановка складывалась так, что без сильного союзника и посторонней

помощи Директория долго продержаться не могла. И она начала искать союзника. Одновременно, и в Москве, куда послала для переговоров Мазуренка и в занятой французами Одессе, где вели переговоры Остапенко, ген. Греков и Мациевич (Мин. Иностр. Дел). Французы поставили следующие условия:

- 1) Реорганизация Директории и Правительства и удаление из них: Петлюры, Винниченко и Чеховского;
- 2) Для борьбы с большевизмом, Украина формирует армию в 300.000, подчиненную Антанте;
- 3) Срок для формирования армии — 3 месяца. В случае недостатка квалифицированных украинских офицеров, недостаток пополняется русскими офицерами-добровольцами;
- 4) На время борьбы, финансы и железные дороги переходят в руки французов;
- 5) Вопрос самостийности Украины будет решен на мирной конференции в Париже;
- 6) Директория должна обратиться к Франции с просьбой принять Украину под свой протекторат.

6-го февраля на ст. Бирзула состоялась встреча представителей французского командования и Директории, которая послала туда военного министра, ген. Грекова и трех делегатов-социалистов

(Мазуренко, Осташенко и Бачинского) членов Трудового Конгресса.

Делегация Директории огласила французскому полковнику Фрейденбергу, свои контрапредложения:

- 1) Признание Антантою самостийности Украины и допущение украинской делегации на мирную конференцию в Париже;
- 2) Суверенность Директории;
- 3) Обеспечение народного строя и социальных реформ на Украине;
- 4) Обеспечение украинских колоний в Сибири;
- 5) Возвращение Украине Черноморского флота, захваченного Антантою;
- 6) Признание автономности украинской армии и права иметь своих представителей в верховном командовании;
- 7) Недопущение в состав украинской армии никаких русских офицеров.

Французский полковник Фрейденберг, по словам одного из участников делегации, с украинцами держался так "как будто он был не на Украине, а в какой то африканской колонии, с неграми".

О том, как было приято контр-предложение Директории рассказывает министр И. Мазепа, на стр. 100, своей книги "Украина в огне и буре революции": — "Фрейденберг сначала слушал Остапенка спокойно, а потом вскинул и сразу же закинулся на те требования в его заявлении, которые касались суверенности Директории. Мы не только требуем устранения Винниченко, Петлюры и Чеховского, но и в дальнейшем считаем необходимым, чтобы перемены в составе Директории, происходили с нашего согласия. Для нас это требование—принципиально и, если вы не согласитесь, то бесцельны всякие разговоры. Винниченко и Чеховского, прибавил он, нужно выгнать, как собак (*chasser comme les chiens*) за большевизм, а Петлюра должен исчезнуть сам, ибо теперь каждый бандит называет себя петлюровцем... Франция и Англия не имеют доверия к Директории в ее нынешнем составе; поэтому, если Директория есть выражитель воли всего украинского народа, то французское командование не может обещать нам никакой помощи. В таком случае оно пойдет и против большевиков и против украинского народа".

Дальше полк. Фрейденберг потребовал немедленно выпустить из тюрьмы, арестованных Директорией, Митрополита Антония и епископа Евлогия, а также гетманских министров. "Но ведь они же реакционеры! Что подумает украинский народ?" — ответила

дегация. — “Думайте и вы и ваш народ что хотите” — резко ответил полковник, “а выпустить их вы обязаны!”

Потом, уже в более спокойном тоне, полковник объяснил авторам закона об упразднении частной собственности на землю, что “французское правительство считает, что при проведении земельной реформы должен быть сохранен принцип частной собственности. Опыт французской революции показал, что восстановление порядка невозможно, пока новые собственники не заплатят за землю”.

“Как пропавшие школьники, молча, слушали социалистические вожди украинского народа слова полк. Фрейденберга” — рассказывал впоследствии об этом свидании ген. Греков.

Закончив свою “дипломатическую миссию”, делегация вернулась в Винницу за инструкциями, заставив там ответ из Москвы на вопрос о мире, который был не лучше ответа французов.

Переговоры с Москвой.

Москва предлагала свое сотрудничество в деле примирения “законного”

Украинского Советского Правительства с Директорией, при условии признания последней, советской власти на Украине. То же самое телеграфировали Харьковское Правительство и глава делегации Директории в Москве — В. Мазуренко, который настоятельно рекомендовал принять условия Москвы.

Перед лидерами украинских осаров и вседеков, из которых состояла и Директория, и Правительство, встал роковой вопрос: “Что же делать?” Пойти на предложение Москвы — это значит отказаться от надежды быть “вождями”, потому что Харьковское Правительство имело своих “вождей” и вторые ему были не нужны. Соглашаться на условия Франции — было унижительно: надо было жертвовать и своей социалистической программой и убеждениями и кое ком из лидеров. Но так как у французов не было своих людей для замещения постов украинских министров, то была возможность, ценой послушания, сохранить эти посты для своих людей. — Так решили “вожди”.

Новое Правительство.

После долгих совещаний, решено было продолжать переговоры с Антаной. Так как она относилась отрицательно к социалистам, решено было создать “несоциалистическое” правительство (из социалистов!). Сделано это было очень просто: осар Осташенко подал заявление о выходе из партии и стал “не-социалистом” и премьером

нового Украинского Правительства, подобравши себе членов или, из "социалистов-федERALистов" или из новой партии "народных республиканцев", созданной в эти дни в Виннице. (Специально для обмана Антанты.)

Переговоры с французами продолжались, но ни к чему не привели, т. к. французы твердо стояли на своих требованиях, высказанных полк. Фрейденбергом, а Украинское Правительство, соглашаясь на все требования французов, торговалось только за то, чтобы оставить у власти Петлюру и других, нежелательных им, лиц.

Пока тянулись переговоры, обстановка в Одессе сложилась так, что французы должны были ее очакуировать, вследствие беспадежности своих войск и наступления большевистских атаманов.

Не лучше была обстановка и в Виннице, в которой подходило пламя большевистского пожара извне, а население самой Винницы было настроено против Директории и можно было ожидать восстания. Директории надо было бежать дальше, что она и сделала в начале марта, чтобы не попасть в руки большевиков. Винницкий период ее жизни и деятельности закончился.

На естественный вопрос, почему же Директорию не защищали ее войска, исчерпывающий ответ дает отчет о совещании представителей партий и Правительства, на ст. Казатин 21 февраля 1919 г.. Участник этого совещания, Исаак Мазена (впоследствии Украинский Премьер, и "колесного" периода, и в эмиграции) пишет: "Почти все южноукраинские формирования в это время таяли как снег от дезертирства, а те их солдат, которые остались в армии Директории, панически отступали перед совсем немногочисленным врагом. Представитель единственно боеспособной части — "Сечевых Стрельцов" Е. Коновалец сказал: "нужно было ясно сказать себе и народу: или большевизм, или противбольшевизм. Директория не имела ни того, ни другого. В результате, мы очутились в безвыходном положении. Не имеем сторонников ни тут, ни в Украине, ни там, в остальном мире... настроение населения обернулось теперь против Директории. Это — последствия большевистской агитации и своеобразия некоторых, деморализованных фронтовыми неудачами, войсковых частей. Поэтому крестьяне, вместо того, чтобы помогать нам, нападают на наши обозы, не дают даже воды, гонят нас со словами: "чего вам тут нужно? Идите от нас! Мы сами дадим себе совет!" ("Укр. в огне и буре рев." стр. 109-111). А дальше Мазена сообщает о самовольном оставлении фронта "сечевыми стрельцами": "наиболее дисциплинированная часть, не слушая приказов высшей команды, оставила фронт и ушла в тыл. Фактически, ув-

раинская армия, как целое, уже не существовала". Чипет это украинский Премьер, который был, конечно, обо всем отлично осведомлен и ошибки сделать не мог. А срочное бегство Директории и "вождей" из Винницы, через несколько дней после совещания в Казатине, неопровержимо свидетельствует об отсутствии у Директории сил, даже для защиты собственной столицы — Винницы и ставит под вопрос утверждения сепаратистов об "антагибольшевизме" всех украинцев и борьбе за "национальное освобождение" украинского народа.

Усложняло обстановку и то обстоятельство, что "между тогдашними украинскими большевиками и не большевиками, не взирая на глубокие политические расхождения между ними, все же продолжал существовать извечный контакт и даже взаимная помощь" — говорит Мазея на стр. 134 своей книги (Укр в огне и буре революции) и сообщает, что лидер, активно сотрудничавший с большевиками, украинских "независимых" юдеков, Ткаченко, "все время ездил с Украинским Правительством", а Директория, по признанию ее членов (Швеца и Макаренка) поддерживала материально этих "независимых" юдеков.

Явление, совершенно исключительное и, вероятно, единственное в истории. Только наши украинские социалистические вожди, ведя борьбу с большевиками, могли додуматься до того, чтобы возить с Правительством лидера партии, активно сотрудничавшей с большевиками и помогать этой партии материально. Не доставало еще только приглашения его участвовать в заседаниях Правительства. А, возможно, что и участвовал. Знал то, что сообщила сам украинский премьер, можно допустить и это. Не удивительно, что Директория и окружающие ее "вожди" изо дня в день теряли свой авторитет не только в пароде, но и среди тех, которые, воюя судеб, бежали вместе с ними.

Бегство в Проскуров.

Из Винницы Директория двинулась в

Проскуров, но уже через несколько дней была вынуждена бежать и оттуда, т. к. большевистский повстанческий отряд захватил Жмеринку и Проскуров оказался под угрозой.

После взятия украинскими большевиками Жмеринки, вся, так называемая, "юго-западная часть фронта армии Директории", была отрезана и вскоре перестала существовать.

Кое какие силы еще оставались на севере, в районе Ровно, но и они по своим настроениям давали Директории основания сомнев-

ваться в их надежности.

Состав армии Директории.

Надо иметь ввиду, что вся "армия

Директории" была чрезвычайно нест-

рой, как по своему составу, так и по настроениям. Во время Гетмана, не мало офицеров русской армии вступили в кадры будущей Украинской армии просто как специалисты, не будучи вовсе сторонниками Украины вообще, а социалисточно-шовинистической, в особенности. Будучи разбросаны, как "кадры" будущих корпусов и дивизий, по разным городам Украины, они были захвачены восстанием врасплох и им ничего не оставалось делать, как "призвать Директорию", а в дальнейшем, не желая попасть в руки большевиков, делить ее судьбу. Все они стремились в Белую Армию и при первой возможности уходили туда. Часть проbraлась к Деникину, а значительная часть летом 1919 г. оказалась в "Западной Добровольческой Армии" Бермонта-Авалова, которая тогда формировалась в Прибалтике. Не мало было в "армии Директории" и остатков германских карательных отрядов и "Державной Варты", попавших в эту армию и деливших ее судьбу по тем же самым причинам, что и упомянутая выше группа офицеров. Директорию и ее социалистическое направление они люто ненавидели, но обстоятельства заставляли идти с нею. Были еще группы антибольшевистски настроенной учащейся молодежи, которые, по своим настроениям были весьма далеки от настроений Директории, но все же ушла вслед за ней. С другой стороны, не мало было элементов определенно пробольшевистских, которые приняли участие в противогетманском восстании, а в дальнейшем, не успев разойтись по домам, были захвачены общим потоком поспешного бегства Директории и очутились в рядах ее "войска".

Целеустремленной и боеспособной частью были только "сечевые стрельцы" галичане, которых население Украины считало "чужими" и относились к ним враждебно. Так называемых "национально-сознательных" украинцев, в армии было не так много вообще и, к тому же, они резко делились на определенных антисоциалистов, находившихся у Директории под сомнением, и на сторонников ее национально-социалистической программы, из рядов которых заполнялись разные высшие должности.

Всей этой разноперстной массы, по исчислениям инспектора Укр. Армии, капитана Удовиченко, (произведенного Директорией в генералы), было по спискам около 50.000 к началу занятия Украины сторонниками Харьковского Правительства. В дальнейшем, это число "та-

яло, как снег на солнце", по признанию самого украинского премьера. И после Жмеринки и бегства из Проскурова, не насчитывало и одного десятка тысяч, включая и 3.000, которые бежали с Директорией из Киева.

Бегство из Проскурова.

В Проскурове состоялось последнее заседание Директории в полном составе, с участием кооптированного представителя от Западной Украины — Петрушевича. После этого она уже никогда не собиралась. Петрушевич и Андреевский уехали в, еще не занятый поляками Станиславов; Винниченко — за границу (почти одновременно с Грушевским), а Петлюра продолжил свою "деятельность" в районе Ровно.

Правительство Осташенка после Проскурова тоже распылилось: часть, кружным путем, через Румынию, поехала в Одессу вести дальнее переговоры с Антантою, а сам Осташенко с несколькими министрами продолжал верить в успех переговоров и ждать помощи, разделившись между Станиславовом, куда уехала одна часть, и Ровно, куда направилась к Петлюре другая часть министров.

Ровно-Каменец.

На известное время Ровно делается временной столицей У. И. Р. Значительная же группа политических деятелей и служащих разных министерств, после бегства из Винницы, очутилась в Каменце-Подольском, в том числе и лидеры землевладельцев: И. Мазепа, С. Викул и др., а также, сам Грушевский. Что происходило и каковы были тогда (март 1919 г.) настроения во второй столице У. И. Р. — Каменце дает исчерывающую картину одна из лидеров землевладельцев — И. Мазепа. На стр. 139 и 140-ой своих воспоминаний он пишет: "небольшой Каменец был переполнен служащими разных учреждений, которые были эвакуированы из Винницы. Никто не знал, почему сюда, в этот склонный угол Подолии, была направлена эта масса людей и государственного имущества. Можно было только догадываться, что правительство сделало это в надежде на ожидаемую помощь со стороны французского командования. Но среди чиновников, которые очутились в Каменце, господствовало убеждение, что это пришло уже "начало конца". Никто не верил, что положение на фронте перемениется в нашу пользу. Авторитет Директории и Правительства пали так, как никогда. Все это усилило почву для расширения советофильских настроений среди эвакуированных чиновников. Как раз в это время (20-22 марта) в Каменце происходил уездный крестьян-

ский съезд, в котором приняли участие Грушевский, Степаненко, Лизановский и другие эсеровские лидеры. Съезд был создан для выборов уездного "Трудового Совета", согласно с законом Директории о создании "Трудовых Советов" на местах. Но, после обсуждения общей ситуации, Съезд принял резолюцию, в которой высказался за советскую форму власти, против переговоров с французским командованием и за переговоры с большевиками".

В результате таких настроений, в переизбытке лидерами, "атаманами" и просто беженцами, Каменце, создался полный хаос, который усиливается грызней между собою разных политических лидеров, обвинявших друг друга в неудачах. Создавались и распадались всякие "Комитеты Защиты"; в склоки активно вмешивались, по своей инициативе, разные "атаманы". Арестовывали и выпускали лидеров и министров. "Признавали" и "не признавали" Директорию и Правительство. И с трениром ждали большевистского восстания или наступления. Только когда выяснилось, что большевики на Каменец не идут, все немного успокоилось и Каменец временно разгрузился от многочисленных лидеров и "вождей".

Центр в Ровно.

Конец марта — начало апреля были временем перенесения центра У. Н. Р. в Ровно, где находился Петлюра, уже выдвинувшийся на роль фактического руководителя того предприятия, которое сейчас одни называют "борьбой украинского народа за свое национальное освобождение", а другие — "неудавшейся попыткой небольшой группы украинской социалистико-шовинистической молодежки и полуинтеллигенции навязать свою волю украинскому народу". Так неоспоримый факт, что народные массы Украины за Петлюрой не пошли и он бежал с горсточкой сторонников, убедительно свидетельствует, что никакого "народного движения", как теперь утверждают сепаратисты, не было. Этого же мнения придерживается и бывший Премьер и Глава Директории, Винниченко, который, находясь в эмиграции, написал свою общепринятую фразу: "Будем честны с собой и другими: мы воспользовались несознательностью масс. Не они нас выбрали, а мы им навязали себя". ("Возрождение Нации" том II стр. 190).

Единовластие Петлюры.

В начале апреля, после отъезда за границу Грушевского и Винниченко и фактического распада Директории, Петлюра всю власть взял в свои руки и сразу же резко изменил политику. Так называемые "правые"

(правительство Остапенко) были отстранены и заменены эсдеками и эсерами. В результате совещаний партийных лидеров, по воле Петлюры, было сформировано новое правительство, которое возглавил, молодой, правоверный марксист, эсдек, Б. Мартс, бывший земский служащий, с узким кругозором мелкого чиновника, и самоуверенностью молодости и той "патологической жаждой власти", о которой писал С. Шелухин. Остальные министры: Мазепа, Ливицкий, Ковалевский, Сиротенко и другие — все были эсдеки и эсеры, по качествам такие же, как и новый премьер. Так называемые "правые" группировки: социалисты — федералисты, социалисты — самостийники и народные республиканцы, из которых состояло прежнее правительство Остапенко, войти в новое правительство или, хотя бы его поддерживать, решительно отказались. Их поддерживали, всемерно также галичане и член Директории Андриевский.

Ориентация на большевиков: Правительство Мартоса решило ориентироваться "влево", опираясь на эсдеков и эсеров и веря в возможность как то договориться со своими единомышленниками по ту сторону фронта (они верили или делали вид что верят в наличие таковых), но без капитуляции перед Харьковским Правительством. Объективных данных для такой веры не было никаких; основывалась она только на собственном желании договориться со вчерашними товарищами по Центр. Раде и разным революционным организациям, которым удалось захватить власть и выгнать их с территории всей Украины кроме нескольких уездов Волыни.

9-го апреля Б. Мартосс с товарищами принял "власть" в свои руки и начал свою деятельность в качестве премьера Украинской Народной Республики, территории которой тогда ограничивалась г. Ровно и несколькими уездами вокруг.

Положение на "фронт" было исключительно тяжелым, не только в военном отношении, но и в политическом. Разномастные вооруженные группы, называвшиеся "Армией УНР", занимали ряд населенных пунктов и железнодорожных станций. Никакого непрерывного фронта не было. Ни одна сторона не наступала, по большевики накацливали силы для окончательного удара. Связь и дисциплина существовали больше только на бумаге, чем в действительности. Веря в успех дела и авторитет Директории и Правительства стремительно падали. С одной стороны, росли капитулянтские пастстроения; с другой — злоба против вождей и их социалистических экспериментов, мало отличавшихся от большевистских. Новое пра-

вительство не обращало на это внимания и усердно занялось "продолжением линии Трудового Конгресса". 12-го апреля выпустило длиннейшую декларацию, в которой повторялось все то, что уже много раз было сказано в бесчисленных декларациях партий, правительства и союзов; 18-го апреля выработало "условия соглашения с социалистами по ту сторону фронта"; усиленно проводили выборы уездных и волостных "рабоче-крестьянских трудовых советов для контроля над деятельностью местных властей". Чем отличались эти советы от совдепов по ту сторону "фронта" — никакого вразумительного объяснения никто не давал. Да и дать его было невозможно, ибо, по существу, это было одно и то же. Разница состояла только в личности вождей, которых должны были поддерживать эти советы: здесь — социалистов — Петлюру, Мартоса, Мазену, Ливицкого, Сиротенко и Ко.; там — тоже социалистов и тоже украинцев: Коцюбинского, Шахрай, Затонского, Шумского, Заливчего, Скрыпника, Любченка и др.

Положение на фронте. О положении на фронте вспомнило, наконец, и правительство и обратилось к "атаману" А. Мельнику, начальнику штаба "Действующей Армии" с просьбой дать об этом информацию. Вот как пишет об этом один из участников разговора с А. Мельником министр И. Мазепа:

"А. Мельник сказал, что наше положение на фронте просто трагично. Большевики бросили против нас свои лучшие части местного формирования. Например, Таращансскую дивизию, которая состоит преимущественно из украинцев. Это деморализующее действует на наших солдат. Многие из них просто бегут с фронта"... "Казаки не хотят биться против своих братьев — украинцев. Выходит так, будто мы здесь ведем борьбу не за украинское дело, а за правительство Директории, которое потеряло популярность в народных массах"... "Мы, военные, считаем, что нужно сговориться с левыми украинцами с той стороны фронта. Только тогда мы сможем организовать свои боеспособные силы для борьбы с большевизмом" (И. Мазепа, "Укр. в огне и буре рев.", стр. 154).

Безотрадная картина, которую дает Мельник (впоследствии — один из вождей фашизма), равно, как и совет будущего вождя фашистов договориться с "левыми" заслуживает того, чтобы на это обратить внимание.

Только молодость и малокультурность вождей, их неутолимая жажда власти (любой ценой и с любой помощью) и безнадежное военное положение, могли породить мысль "искать сговора с левыми

украинцами по ту сторону фронта". Простая и естественная мысль, захотят ли этот говор и нужен ли он их "левым" товарищам по ту сторону фронта, вождям по сю сторону просто не приходила в голову, хотя об этом тоже следовало подумать. Ведь в то время во власти "левых товарищей", которые пошли на сотрудничество с большевиками, была вся Украина и они занимали руководящие посты, а "петлюровцы" были загнаны в угол Волыни и никакой силы, ни идейной, ни военной из себя не представляли. Идеей же украинской самостоятельности, на что делали ставку "петлюровцы", поднять массы было невозможно, что наглядно показали все события последнего времени. Но "петлюровцы" верили (или делали вид, что верят) в огромную силу идеи "национального освобождения" (отношение к которой народ уже показал) и делали ставку на ужебитую карту.

Для находившихся на фронте эта политика вождей, конечно, была не секрет и вызывала резкое осуждение, особенно в частях антисоциалистически настроенных, каких было не мало. Родилась мысль устранить социалистических вождей и отдать власть в руки более умеренных групп. Осуществить ее попытался командующий северным участком фронта, молодой и решительный атаман Оскилко. Незадолго перед тем, имея опытного начальника штаба, русского генерала Агапеева, Оскилко выдержал несколько удачных боев с небольшим отрядом красных и его популярность была велика.

Бунт Оскилко.

28 апреля он попытался сделать переворот: арестовал часть министров и

социалистических вождей и выпустил воззвание о наделении землей крестьян в собственность, обещая выдать "бумаги на вечное и потомственное владение землей". Благодаря своевременно предпринятым социалистами мерам и сделанным Оскилко тактическим ошибкам, переворот не удался — и Оскилко с рядом видных единомышленников бежал. Но сам факт возможности поднять антисоциалистический бунт, который имел не мало сочувствующих, свидетельствует, что в рядах "петлюровцев" настроения были далеко не одинаковы и социалистические эксперименты Петлюровского правительства не всегда находили сочувствие даже в рядах армии.

Выступление Оскилко окончательно деморализировало "фронт". Никаких надежд организовать хоть какой-нибудь отпор, уже наметившемуся наступлению украинских большевиков против Петлюровской армии, не было. Петлюре и его сторонникам оставалось только — или драться с малым шансом на успех, благодаря неизбежности "армии" — или бежать. Они выбрали последнее. 5-го мая Ровно

было оставлено. Все двинулось на Запад, в Галицию.

Продолжение бегства.

На короткое время Петлюра с "армией" задержался в Радзивилове, где

сразу же начали делаться попытки реорганизации этой армии, которая до этого, по словам одного из Петлюровских генералов — Безручка, "имела малоорганизованный, полуапртизанский характер. Формируют части более активные люди, которые, собравшись около себя кружок, получают после санкцию Правительства и делаются Н-ой частью. Подсчет сил и управление ими часто были не под силу высшему командованию. Было в армии много людей, особенно офицеров, нетвердых или и совсем ненадежных с национальной точки зрения". (Газета "Діло" от 20 июня 1937 г.) Характеристика правильная и точная. Ее полностью подтверждают данные многочисленных мемуаристов того времени.

К этому можно прибавить, что в то время (весна 1919 г.) самые большевики всех выступавших против них, называли "бандами" или "петлюровскими бандитами". Так они называли и несколько, никому не подчинявшихся, партизанских отрядов, которые в марте 1919 г. оперировали в нескольких десятках километров на северо-запад от Киева. Это дало основание, задним числом, сидя в эмиграции, создать миф о "мартовском наступлении Волынской группы войск УПР".

Институт политруков.

"Реорганизация армии" не ограничилась "перегруппировками" (на бумаге) многочисленных "корпусов" и

"дивизий", иногда состоявших из сотни-другой малодисциплинированных людей, под командой совсем недисциплинированных "атаманов". 13 мая было решено в армии ввести институт национально-политических комиссаров, подъ названием "державных инспекторов", с самыми широкими полномочиями, правом вмешиваться в действия строевых командиров и "следить за политически-национальной благонадежностью армии". Во главе "державных инспекторов" был поставлен некий В. Кедровский, главной квалификацией которого была мало-культурность, чисто собачья преданность Петлюре, верность социализму и желание играть роль. Но дела он не понравил, а только внес двоевластие в армию, которое, конечно, не подняло ее боеспособности. В армии его называли "петлюровским пинцтом" и брезгливо сторонились.

Когда поляки начали наступление с севера (16-го мая), то

оказалось, что армия вообще не хочет воевать. Луцк был отдан без боя; вся "Холмская группа" войск была ликвидирована без выстрела. Добровольно перешли на сторону поляков дивизия Стрепгириона, отряды атаманов Тимченка, Абазы и других. Полякам достались огромные склады боеприпасов, оружия и продовольствия. Петлюровский генерал Капустянский в своих воспоминаниях объясняет эту катастрофу изменой антисоциалистически настроенных командиров и солдат, не желавших воевать за социалистическое правительство Петлюры. А И. Мазепа, чтобы высказать полное к ним презрение, называет их "малороссами" (у самостоятельных это — ругательное слово). В результате же, Петлюре пришлось бежать дальше — на Красное и Тарнополь.

Продвигаясь по галицийской территории на юг, вдоль старой русско-австрийской границы, Петлюра с правительством и армией, к началу июня, оказался около Волочиска, который был в руках большевиков. Дальше, на юг, доживали свои последние дни враги Петлюры и его политики — Галицкое правительство и, сотрудничавшие с ним, "правые" надднепрянцы, с членом Директории Авердиевским во главе (Швец и Макаренко были с Петлюрой; Винниченко — за границей).

Но и на юг путь уже был перерезан поляками, которые были в нескольких километрах и продолжали наступать, не обращая внимание на сделанное Петлюрой предложение перемирия. Положение было такое, что "каждый час можно было ожидать полной ликвидации государственного центра", как пишет в своих воспоминаниях И. Мазепа — "Мы стояли перед дилеммой, к кому попасть в плет: к полякам или к большевикам".

Каменец — столица.

В такой обстановке было решено атаковать Волочиск. Мобилизовавши все силы, даже служащих министерств, было поведено наступление против, ничего не ожидавших, неизвестных большевистских сил. Волочиск был взят, а кроме того очищен и небольшой клочок территории между липней Старо-Константинов-Проскуров-Каменец и бывшей австрийской границей. Украинское правительство опять оказалось на своей земле. Встал вопрос: что — дальше?

Не имея никаких шансов продолжать борьбу с большевиками имеющими силами, Правительство опять ухватилось за старую идею: соглашение с "левыми товарищами по ту сторону фронта" и организацию с их помощью восстания, чисто национального, для изгнания "московских оккупантов". В связи с переговорами, которые

велись еще раньше, Правительство было пополнено представителями этих "левых товарищей" (Одрина, Черкасский), прибывшими из Киева. Вся надежда возгалась теперь на энтузиазм, который должен был охватить массы, узнавшие, что с Петлюрой сотрудничают и "левые", которые раньше шли с большевиками.

Бунт Болбачана.

Пока же что, сосредоточившись в Каменец-Подольске, Правительство занялось очередной "реорганизацией армии" и политическими разговорами. Антиправительственные настроения росли и привели к открытому бунту полк. Болбачана, доблестного командира "Запорожского Корпуса", антисоциалиста, противника политики Петлюры и, кроме того, подозреваемого в симпатиях к Добровольческой Армии Деникина. Бунт был подавлен и Болбачан расстрелян, по дисциплину в армии бунт расценивал еще больше и привел к такому положению, что наказной атаман — Оссецкий и его начальник штаба — В. Тютюнник заявили Правительству, что "если в течении 2-3 дней не придет помощь от Галицкой армии, ликвидация фронта — неизбежна".

Встреча двух Правительств.

Счастливое стечание обстоятельств спасло Петлюру и петлюровцев от полной катастрофы. Как раз в эти дни Галицкое правительство и армия вынуждены были оставить Галицию и перейти на территорию, находившуюся под властью Петлюры. Как уже упомянуто выше, Галицкое правительство стояло на умеренных позициях и к социалистическим экспериментам наддиепрянских украинских вождей относилось резко отрицательно. С ним солидаризировались и "правые" наддиепрянцы. Не удивительно поэтому, что между двумя Правительствами и двумя армиями, оказавшимися на одной и той же территории, не только не дошло до полного слияния, что было бы логично, принимая во внимание решение о "Соборной Украине", но не установились даже благожелательные отношения.

Больше двух месяцев сосуществовали эти два правительства, тщетно пытаясь найти общий язык и выработать общую линию политики. Петлюровцы панакею от всех бед видели в социализме и всю надежду возлагали на "левых товарищей" и силу национальных казунгов. Галичане относились к этому скептически и выход из положения видели в вооруженной борьбе с большевиками, для чего нужна дисциплинированная армия, а не петлюровская импровиза-

дия. В случае успеха борьбы, галичане надеялись на помощь Антанты всей Украине, в том числе и Галиции.

После бесчисленных совещаний, конференций, деклараций, которые так любили незадачливые социалистические украинские вожди, они все же должны были капитулировать перед галичанами и принять их условия: отказ от советского уклона и устраниния с поста премьера Мартоса, тяготевшего к большевикам.

Но до слияния правительств и армий, так и не дошло. Слишком уже различны были те элементы, из которых слагались и армии, и правительства двух Украин — Надднепрянской и Западной.

Премьер Мартос был смешен и заменен таким же как и он марксистом, псевдом Исааком Мазепой, вышим до революции мелким служащим Екатеринославского земства. Переимена была чисто персональная. Политическое лицо нового правительства не изменилось.

Хотя Петлюра и был провозглашен Главковерхом и при нем был создан особый штаб для руководства обоими армиями, армия нонпрежнему оставалась разделенной на Галицкую и Надднепрянскую.

Пока происходили все эти совещания, переговоры и комбинации, обстановка резко изменилась. Армия Деникина быстро наступала и к середине лета 1919 г. была уже в пределах Украины. Большевики бросили все свои силы на борьбу с Деникиным и все Правобережье оказалось без сколько нибудь значительных большевистских частей. Создались исключительно благоприятные условия для наступления украинских вооруженных сил, которые были сосредоточены в районе Каменца.

Наступление.

В начале августа началось наступление, которое почти не встречало со-

противления противника. Это было, в сущности, движение по освобожденной противником территории. Многочисленные украинские мемуаристы приводят разные цифры численности наступавших армий, а потому установить их точно невозможно. Грубо приблизительно, силы Петлюровского "войска" были около 10,000, а Галицкой армии — около 40.000.

В главном направлении — на Киев двинулись галичане, под командой генерала Кравса, которому был подчинен также "Запорожский Корпус" петлюровской армии, состоявший из добровольцев (численностью меньше полка). Силы петлюровских "атаманов" были поделены между Волынским и Одесским направлениями наступления.

Ген. Кравс быстро продвигался вперед, и уже к концу авгу-

ста был на подступах к Киеву. Казалось бы естественным, чтобы с ним продвигался и "Головной Атаман" Петлюра со своим Правительством и лидерами политических партий. Однако на Киев они не двигались. Многочисленные сепаратистские историки и мемуаристы вопрос об этом обходят молчанием. Только бывший помощник начальника штаба "Головного Атамана", ген. Курманович, рассказывает в своих воспоминаниях, что командующий войсками, наступающими на Киев, ген. Краве, категорически воспротивился присутствию Петлюры и его окружения. Как бывший офицер австро-германского генерального штаба и человек правых убеждений, Краве органически не выносил надднепрянских социалистических лидеров и "атаманов". В своем кругу, он называл Петлюру "неудавшимся попом" и "цыганом" (как известно, Петлюра — неокончивший курс семинарист, сын полтавского цыгана), а социалистических лидеров — "полубольшевиками".

Кроме того, к этому времени определилось резкое расхождение между "петлюровцами" и "галичанами" в вопросе об отношении к Деникину.

Отношение к Доброармии. Несмотря на то, что Галиция до войны была центром и рассадником украинского сепаратизма, Галицкое Правительство и армия были единодушны в желании самого тесного сотрудничества с Деникиным, несмотря на его "единопеделическое" направление. Факт тяготения галичан к Деникину не только не скрывают, но всячески выячивают все украинские сепаратистские историки и мемуаристы, считая это их ошибкой и даже изменой идеи самостийной Украины.

Для правильного понимания истории этот факт чрезвычайно важен, ибо он свидетельствует, с какой быстрой и легкостью галичане избавились от юнионистического руссо-сепаратизма, которое десятилетиями культивировалось среди галицкой интеллигенции при активной поддержке Австро-Венгерского правительства.

Отношение руководителей политики надднепрянской Украины к Деникину было резко отрицательным. И во все не по причинам национальным, как теперь утверждают сепаратисты. Не надо забывать, что все они были не только социалисты, но и социалисты левые, с большим уклоном к большевизму, а потому не имели никакой надежды, не только удержаться у власти, но даже и получить возможность свободной деятельности в случае победы Деникина. Кроме того они знали, что подавляющее большинство культурной части населения Украины настроено за Деникина и против полити-

ки Директории, как в национальном, так и в социальном вопросе. Понимали также студенты и полуинтеллигенты-министры и, нередко, полуграмотные "атаманы", что при сотрудничестве с Деникиным и неизбежном при этом пересмотре их квалификаций, у них нет надежды задержаться на министерских и высших командных постах.

Все это вместе взятое делало их непримиримыми противниками Деникина и толкало на сотрудничество с большевиками, певавшими товарищами по революционным кружкам. Но, несмотря на все свое желание, они не решались открыто стать на сторону большевиков, как из болезни Галицкой Армии, бывшей неизмеримо сильнее их "войска", так и из-за настроений этого "войска", в котором был не малый процент определенных антисоциалистов и проденикицев, а также и вследствии отсутствия уверенности, что большевики будут с ними считаться. В результате, галичане получили возможность двигаться на Киев, фактически почти отстранившись от участия в этом походе петлюровское "войско", которое бездействовало на правом фланге, в районе Бирзулы, давши возможность крупному большевистскому отряду (целой дивизии) прорваться на север и соединиться с 12-ой Сок. Армией в районе Киева.

Киевский конфликт.

30-го августа юго-западные и южные

предместья Киева были в руках Галицкой армии. В тот же день вошли к Киеву и добровольцы Деникина, занявши Никольскую и Предмостную слободки на левом берегу Днепра.

На следующий день ген. Кравс назначил торжественное вступление в Киев своей армии и парад на Думской площади. Тогда галичане строились для встречи ген. Кравса, через Печерск вошли добровольцы и их эскадрон мирило выстроился рядом с конной сотней галичан. Когда подъехал ген. Кравс, командир добровольческого эскадрона ему представился и изъявил желание рядом с украинским флагом, уже вывешенным на Думе, вывесить и русский, на что ген. Кравс согласился. Подъем русского флага вызвал изрыг энтузиазма многотысячной толпы киевлян, запрудивших Думскую площадь и Крепатик. Это вызвало негодование подъехавшего петлюровского "атамана" Сальского. Он приказал галичанам снять русский флаг, но галичане отказались выполнить его приказание. Тогда, по приказу Сальского, один из его политических единомышленников сорвал русский флаг и бросил под ноги лениади Сальского, который пачкал его, демонстративно топтать. Отделенная этой выходкой

толпа разразилась криками негодования, а добровольцы дали в воздух несколько залпов и пулеметных очередей. Наступило всеобщее смятение. Виновник всего — Сальский, галопом бросился удалять по направлению к Бессарабке, следом за ним побежал его небольшой отряд "гайдамаков"; галичане же в полном порядке отошли в близлежащие улицы.

Под улюлюканье Киевлян, Сальский и его петлюровское "войско", бросая в беге оружие, пробежали по Васильковской улице и небольшими группами рассеялись в районе Киевского предместья — Демиевки.

Так столица Украины — Киев встретила тех, кто самозванно хотел наложить ей свою волю.

Связавшись с командующим добровольцами — ген. Бредовым, ген. Кравс поехал к нему для выяснения недоразумения. К этому времени подъехала из Фастова делегация Петлюровского Правительства, во главе с Омельяновичем-Навленко и хотела принять участие в разговоре с ген. Бредовым. Но Бредов отказался их принять и приказал передать, что если они появятся, то он их арестует. Петлюровцы немедленно вернулись назад.

С ген. Кравсом ген. Бредов заключил соглашение о немедленном отводе частей его армии на линию: Игнатовка-Васильков-Германовка (около 30 км. от Киева), что и было выполнено 1-го сентября. Такое же описание киевских событий, только подробнее, дает И. Мазепа, в книге — "Укр. в огне и буре рев." (на стр. 68-71).

По соглашению, было возвращено оружие разоруженным надднепрянцам, находившимся в составе "Запорожского Корпуса" (галичане не разоружали). Не безинтересно напомнить подробности этого разоружения, которое произошло без кровопролития и без единого выстрела. В ночь с 30 на 31 августа эти "запорожцы", среди которых был большой процент киевлян — учащейся молодежи, ушедшей от большевиков, были назначены охранять железнодорожный и цепной мосты и не допустить перехода через них добровольцев. Но при появлении добровольцев "запорожцы" начали с ними брататься, а утром 31-го августа сами помогали добровольцам разоружать петлюровцев из «Запорожского Корпуса». Когда же разоруженным "запорожцам" было возвращено оружие и они получили возможность отойти па указанную им линию, их командир — Сальский, не досчитался более половины, хотя и не было ни одного убитого или раненого. "Запорожцы" — киевские гимназисты, реалисты и студенты, остались в Киеве, а многие из них поступили в добровольческую армию. Этот общеизвестный факт сепаратисты старательно

замалчивают, но о нем говорят многие галичане (Скидан, Карпенюк и др.), печатавшие свои воспоминания в «Червоной Калине» и других изданиях в начале 30-х гг. во Львове.

Киевские события произвели огромное впечатление, как на петлюровцев (надднепр. укр. социалистов), так и на галичан и имели свои последствия. Петлюровский премьер И. Мазепа пишет: «чужой нам Киев сразу же поспешил дать деникинцам всякую помощь, начиная от обычных информаций и кончая вооруженным отрядами местных добровольцев». («В огне и буре револ.» стр. 71). Что украинская столица — Киев была «чужой» для украинцев заметил не только петлюровский премьер, но и тысячи галичан, бывших свидетелями восторженного приема деникинцев в Киеве. М. Скидан пишет: «хоть мы и пришли в свой столичный город, но, по существу, с точки зрения весенней стратегии — в чужой город»... «Денники чувствовали себя там, как дома; для них формировались отряды, печатались газеты».

Галичане окончательно убедились, что все разговоры о необычайной популярности Петлюры — мыльный пузырь и начали об этом открыто говорить и критиковать действия всей петлюровской верхушки. В газете «Стрелец» — органе Галицкой Армии печатается ряд резких статей по этому вопросу. Так, например, в № от 11-го сентября, бывший министр, галичанин Назарук пишет: «Почему это масса генералов из царской армии не служит нам? Вспоминаю только такие известные имена, как генералы Кордашенко, Мусиенко, Прохорович, Рустапович, Драгомиров и другие. Где они? Я сам скажу где: — в армии Юденича и Деникина. Почему? — И на это дам вам ответ. Они украинцы и служили бы у нас, если бы у нас были другие обстоятельства. Какие именно? — Если бы у нас атаманами не были подпрапорщики или люди, которые и подпрапорщиками никогда не были и даже военную карту не умеют читать. Это — факты, которые докажу перед каждым судом.»... «Каждая часть должна «опарившись», если имеет такого атамана, хотя бы она и была самой здоровой, ибо рыба портится от головы — и ниемногу все завоиняет».

На этот прямой вызов и конкретное обвинение, социалистические вожди и министры, предпочли не отвечать. Расправиться, как с Болбачевом, с Назаруком они не смели — за ним стояла Галицкая Армия.

Суд бы был не в их пользу и, вероятно, начал бы с рассмотрения военной квалификации самого Головного Атамана — Петлюры. Молчать — было благоразумнее. Попытка петлюровцев воздействи-

вать на Галицкую армию, через политруков — “государственных инспекторов” ее увенчалась успехом, ибо доступ для них туда был закрыт. И не только для них, но и для министров, о чем тогдашний премьер И. Мазепа пишет так: «Даже члены нашего правительства фактически были лишены возможности посыпать Галицкую Армию» (стр. 76, “Укр. в огне и буре рев.”).

Петлюре ничего не оставалось делать, как в приказе-телеграмме, от 6-го сентября написать: “прошу Президента Петрушевича, повлиять на галицких офицеров тыла, которые неосмотрительно разговаривают на темы безосновательного контакта с Деникиным и тем разлагают общественность и войско”. (Цитируется по воспом. И. Мазепы, стр. 74).

Антагонизм между галичанами и социалистами, выступавшими от имени паддингтонцев, рос изо дня в день. Дело доходило до того, что галичане физически расправлялись с агентами петлюровских политруков — “государственных военных инспекторов”, пытавшихся в своем социалистическом духе просвещать галичан. А главе этих “инспекторов” — В. Кедровскому, хотевшему приехать в Галицкую Армию, было передано, что с ним поступят так, как “сделали боябачиковцы” (они его “в тяжую” жестоко выпороли).

Война с Деникиным.

Петлюра и его окружение стремились поскорее развязать войну против Деникина. Тогдашний премьер И. Мазепа в своих воспоминаниях пишет: “После отступления от Киева наше правительство видело единственный выход в том, чтобы возможно скорее начать борьбу с армией Деникива”. (стр. 77). “Но”, продолжает Мазепа — “Галицкая Армия, продолжала жить своей собственной жизнью, как будто государство в государстве”... “она жила надеждой на соглашение с Деникиным”.

Желание петлюровцев поскорее начать войну с Деникиным, подогревалось сведениями о восстаниях и партизанщинах, появившихся на территориях занятых Деникиным. Вызваны они были, как известно, его реакционной социальной политикой вообще, а, в земельном вопросе, в частности. Но петлюровцы, вероятно, искренно верили, что все повстанцы — это их сторонники (человек ведь легко верит в то, чего хочет) и свою главную ставку делали на повстанцев. Кроме того борьба против Деникина автоматически делала их союзниками большевиков и открывала возможности для соглашения с ними в случае победы.

Усиленная агитация в этом направлении среди петлюровского

"войска", которую проводил "инспектор" — политрук Кедровский, привнесла свои плоды. Отдельные "атаманы" начали проявлять свою агрессивность. Уже в половине сентября на ст. Бирзула, где стояли и деникинский и петлюровский отряды, петлюровский отряд неожиданно окружил и разоружил деникинцев. В ответ на это, последовало распоряжение Деникина: "при встрече с войсками Петлюры ... предлагать им разоружиться или покинуть территорию, занятую Доброармией". Этот приказ, по словам ген. Удовиченко, был перехвачен петлюровцами и ускорил их выступление против Деникина.

22-го сентября Головной Атаман Петлюра издал приказ о начале войны против Деникина, назначив "командовать наступлением" того самого Сальского, который вызвал киевский инцидент. Этому приказу предшествовали два события: совещание Петлюры, членов его Правительства, двух оставшихся с Петлюрой, членов Директории (Макаренка и Шиенца) и представителей Галицкого Правительства, в первый раз согласившихся принимать участие в совместном заседании. По настоянию надднепрянцев, было решено "готовиться к борьбе с Деникиным и наступать на Одессу". О наступлении на Киев в решении этого совещания не упоминается, т. к. оно не было уверено, выполнит ли приказ ген. Кравс, командовавший группой киевского направления, — сторонник соглашения с Деникиным.

Решение совещания и овации Петлюре, по словам И. Мазеи, так его растрогало, что он заплакал... Точно так же, как заплакал, когда узнал о движении немцев на Украину в 1918 г.

Сотрудничество Петлюры с Лениным.

Вторым событием, определившим подлинные настроения петлюровцев, была посылка особого уполномоченного

в Ленину, с предложением сотрудничества Директории с большевиками. Вот как рассказывает об этом тогдашний премьер Укр. Нар. Респ. И. Мазепа в своих воспоминаниях (стр. 84-85) "как раз в это время (середина сентября) в Каменец приехал швейцарский коммунист Ф. Платтен, личный друг Ленина. На нашу территорию он попал случайно. Еще в июне 1919 г. он вылетел из Москвы в советскую Венгрию с поручением от Большевистского Правительства. Но аэроплан упал на румынской территории и был конфискован румынским правительством. Платтен в румыны также задержали и не пронестили дальше в Венгрию. По его желанию, его переправили через Днестр на территорию, занятую украинскими войсками. Платтен связался с галицким социал-демократом П. Бензой, ко-

торого он знал лично со временем пребывания Бензы в эмиграции в Швейцарии. Узнавши от Бензы об общей ситуации на нашем фронте и о том, что мы не сегодня-завтра объявляем войну Деникину, он предложил услуги — быть посредником между нашим правительством и правительством Ленина для заключения военной конвенции против Деникина. Директория и Петрушевич дали на это согласие. Через несколько дней Платтен выехал в Москву с предложением от вашего правительства".

Приведенные выше слова заслуживают особого внимания, ибо они написаны премьером того правительства, которое посыпало эту просьбу Ленину о сотрудничестве, а также и премьером эмигрантского "Украинского Правительства", уверявшего в начале 50-х г.г. весь мир о "непримиримой вражде к большевикам" во все времена, как всей Украины и украинцев вообще, так и Петлюры и его единомышленников, в частности. Вопроса, как совместить антибольшевизм украинцев с предложением их правительства большевикам вместе воевать против антибольшевика — Деникина, Мазена не касается. Он только свидетельствует о действии Петлюровского правительства, каковое действие иначе, как вробольшевистским назвать нельзя.

Говоря о согласии галицкого диктатора Петрушевича с противоденикинскими мероприятиями петлюровцев и всячески это согласие подчеркивая, Мазена все же вынужден признать, что "хотя Петрушевич и подписал декларацию против Деникина, но это не мешало ему колебаться и менять свое мнение под влиянием людей из его окружения. В этом особенно фатальную роль сыграл своими информациами и пропагандой из за границы член зап.-укр. делегации в Париже, В. Напейко. Без преувеличения можно сказать, что, своей преступной антисамостийнической деятельностью, он был в высшей мере причиной тех событий, которые вскоре произошли на нашем фронте". ("Укр. в огне и буре", стр. 89). В результате ли "преступно антисамостийнической деятельности" делегата самостийной Украины, или по причине настроений украинской армии и неспособности полуграмотных "атаманов, по событиям в ближайшие недели разыгрались следующим образом:

Добровольческая Армия начала наступление против петлюровцев, не ожидая пока Ленин пришлет им помощь. Уже к 15 октября все петлюровское войско находилось в состоянии беспорядочного

бегства на запад к бывшей австрийской границе, на которой теперь стояли поляки.

Галицкая Армия в Доброармии.

Галицкая же Армия окончательно разорвала с петлюровцами и в половине ноября перешла на сторону Деникина. Между ним и командованием Доброармии было заключено соглашение следующего содержания: "Галицкая Армия, в полном составе, с остатками установлениями, складами и железнодорожным составом, переходит на сторону Доброармии и отдается в полное распоряжение Главного Командования Вооруженных Сил Юга России через Командующего Войсками Новороссийской области".

О положении частей, верных Петлюре, в своей книге "Украина в войне за державность" (стр. 118-119) генерал-инспектор армии У. Н. Р. Удовиченко пишет следующее: "В ротах осталось по 5-10 бойцов, а полки доходили до 50-60 штыков. Все бойцы держались до тех пор пока тиф не валил их с ног. С тяжелыми усилиями части Украинской Армии, отбиваясь от врага, который постоянно насыпал, отходили на запад к польской границе. Около 26 ноября остатки Украинской Армии с боем оставили Проскуров, а 26 ноября сосредоточились в районе Староконстантинова. Украинская Армия была полностью изолирована. С юга и востока по ее следам шла Добровольческая Армия; с запада — польские корпуса; с севера — Красная Армия. Положение нашей армии становилось трагичным и безнадежным. Перед ней были две возможности: или сдаться на милость белых или красных москалей, или перейти границу Польши, где она будет разоружена. Командование Армии решает вывести остатки дивизий в район Любара-Остроцоля. Около 1-го декабря части заняли выпущенный район".

Так закончилось то наступление против Деникина, командовать которым несколько недель тому назад Петлюра назначил известного по своей глупой выходке в Киеве, атамана Сальского. Незадачливый полководец вместо наступления "командовал отступлением", в результате которого, по данным ген. Удовиченка, к началу декабря во всей Украинской Армии осталось 4.000-5.000 бойцов. ("Укр. в войне за державность", стр. 122).

В начале августа, продвигаясь на восток, петлюровские полководцы рассчитывали, что их армия будет расти, как снежный ком, притоком добровольцев и присоединением повстанцев. Они верили, что народ только и ждет Петлюру и что все население с восторгом относится к его политике. В этом их убеждали всевозможные и эдек-

ские лидеры, считавшие что — "массы за ними". Однако действительность показала, что за четыре месяца похода по Украине (август-ноябрь) петлюровская армия, по данным ее генерал-инспектора, потеряла более половины своего состава. И не в боях, а главным образом от — болезней и дезертирства. Одни — уходили по домам; другие — к красным; третьи — к белым. Надежды же на пополнение оказались мыльным пузырем. Над этим нужно было задуматься, как руководителям украинской политики, так и многочисленным "атаманам" и следовало подвести итоги и сделать выводы, когда остатки армии сбились в Любаре.

Но, для этого надо было иметь гражданское мужество и честность, признать ошибки собственных установок и вытекавших из них действий.

По отним качествами не обладали социалистические юнцы и полуинтеллигенты, составлявшие правительство Петлюры и политическое руководство его армии. Признать, что "массы" не пошли за ними и их лозунгами — это значило признать свое политическое банкротство и тем самым потерять право на выступление "от имени Украины"; на производство своих социалистических опытов над украинским народом; на министерские портфели; на дипломатические посты и, связанные с ними, привольную жизнь в столицах Европы. — И они создали новый миф: что "тогда" настроения еще не созрели, а "теперь, когда народ отведал власти и красных, и белых москалей" — все только и ждут «свое войско УНР» и немедленно в него вольются, если оно только появится на Украине.

В этот миф поверили (возможно, что некоторые искренно) не-задачливые украинские вожди и сделали из него соответствующие выводы. Генерал Удовиченко на стр. 122 своей книги "Укр. в войне за державность" эти выводы формулирует так: "После многих совещаний, между 1-6 декабря, было принято решение:

1) Украинская Армия продолжает свои боевые действия. Для этого она должна прорвать вражеский фронт, выйти в тыл врага и начать, совместно с повстанцами, партизанскую войну.

2) Правительство УНР, во главе с Головиным Атаманом С. Петлюрой, продолжает свою политическую работу в Европе, для чего должно выехать в соседнее государство — Польшу". (О том, что Петлюра, не дождавшись конца этих совещаний, и не предупредивши даже многих министров, тайно исчез из Любара, Удовиченко скромно умалчивает.)

Решение это было немедленно приведено в исполнение: многочисленные "деятели" и сподвижники Петлюры попросили убе-

жища в Польше, которая, имея свои виды, не только их приняла на жительство, но и взяла на содержание.

А около 5.000 остатков армии, перейдя линию фронта ("прорвать," его не было нужно, ибо он не существовал), ушла на восток "поднимать Украину" и освобождать ее для проведения в жизнь социализации земли, создания "рабоче-крестьянских советов" и прочих социалистических экспериментов Центральной Рады и Директории.

Так закончился девятимесячный "колесный" период Директории (он был в поездах — "на колесах"). Совместно с 45-дневным "киевским периодом", она не просуществовала и одного года. И в годовщину ее торжественного въезда в Киев все "во́жды" спокойно "продолжали политику" в Европейских столицах; несколько тысяч ее "войска" брело по заснеженным равнинам Подолия и южной Киевщины в тщетной надежде "поднять Украину"; а многие тысячи, поверивших "во́ждям" сынов Украины, усевшись своими kostями те пути, по которым их вели их незадачливые "во́жды" и "атаманы", погибнув больше от болезней чем в боях.

**

Описывая события последних недель существования на родной земле Правительства и Армии У.Н.Р. и их действия и мероприятия, ген. Удивиченко избегает подробностей, чрезвычайно интересных и характерных.

Звучительно подробнее об этих последних двух неделях существования Украинской Народной Республики пишут другие мемуаристы, в частности, известный атаман Юрко Тютюник.

Эти две недели (последняя ноября и первая декабря 1919 года) были неделями агонии Украинской Народной Республики, во время которой выявилось все то, что привело к этой агонии, а потому события этих двух недель следует изложить подробнее.

После перехода галичан к Деникину, Петлюровская Армия не только продолжала стремительно отступать на северо-запад, но и быстро разлагаться.

А украинские крестьяне заняли по отношению к ней определенно враждебную позицию. Характерный эпизод из взаимоотношений петлюровцев и крестьян описывает известный петлюровский "атаман" Ю. Тютюник в своей книге «Зімовий Похід 1919-1920 р.» (Издание "Трембіта". Коломия. 1923 г.) На стр. 15 этой книги он рассказывает об эпизоде, известном под именем "Шашковецкая Республика".

Пашковецкая Республика. "Правительственный Центр был перенесен из Каменца в Проскуров. Туда же стягивались войска. Русские (Деникины) успели дойти до Проскурова раньше чем наши войска. Перескать Правительственному Центру дальше, в Староконстантинов, не удалось, т. к. в Пашковской волости возникло анархическое движение. Эта волость не признавала никакой власти и не пропускала через свою территорию никаких войск. В волости было организовано свое правительство. Ее "войско" стало на железной линии Проскуров—Староконстантинов и остановило всякое движение. Вся эта история известна под именем "Пашковецкой Республики".

Украинское Правительство выслало к "пашковцам" целую делегацию во главе с Н. Феденком. Был подписан формальный договор о пропуске через Пашковскую волость Украинского Правительства с войском и имуществом. Но собрание пашковцев не ратифицировало договор. Может быть считало договор унижающим достоинство "Пашковецкой Республики". Правительство ни на что не решилось, и все кончилось тем, что все базы с имуществом, вагон с деньгами и даже некоторые документы попали в руки русских (Деникинцев), которые ворвались в Проскуров. Все, кто был в Проскурове разбежались кто куда. Часть удрала сразу же в Польшу, а часть остановилась в селе Войтовцах и потом побреда в Староконстантинов и Любар, обходя "Пашковецкую Республику".

Так, по подробному описанию Ю. Тютюнника, произошло то "сосредоточение" Украинской Армии и Правительства в районе Староконстантина, о котором пишет в своей книге ("Україна у війні за державність") генерал-инспектор Украинской Армии Удовиченко, умалчивая о чрезвычайно характерных подробностях того, как происходило это "сосредоточивание". Благодаря замалчиванию этих подробностей, у читателя остается впечатление, что происходило не беспорядочное бегство разрозненных и деморализованных истюровцев (что в действительности было), а нормальное передвижение Армии и Правительства Украинской Народной Республики.

Приблизительно в дни этого "сосредоточивания" произошла встреча двух украинских отрядов: галичан, уже формально придавших власть Деникину, и истюровцев, двигавшихся на северо-запад. "К Деникину идете!" — сказал истюровский атаман. "А вы с полякам!" — ответил офицер Галицкой Армии... И колонны украинцев разошлись в противоположных направлениях... Об этом рассказывает Ю. Тютюнник в упомянутой выше своей книге.

Столица в Любаре.

В Любаре, куда к 1 декабря (1919 г.) собрались Петлюровское Правительство и войско, уже были две власти, которые, как и Петлюра, претендовали на власть над всей Украиной. Одна — “Волынский Революционный Комитет”, стоявший на чисто большевистской платформе. Другая — “атаманский триумвират”, состоявший из атаманов Волоха, Божка и Даиченка, не признававший власти Петлюры и стремившийся создать “Советскую Украину” и “Украинскую Красную Армию” при поддержке большевиков.

“Правительственный Центр”, “Атаманский Триумвират” и “Волынский Революционный Комитет”, во главе которого стоял какой то кузнец, один другому не подчинялся. Всякий распоряжался, как хотел. Хаос был страшный”. — Так пишет в своей книге “Зимний Поход” известный сподвижник Петлюры, атаман Тютюнник.

В той же книге он приводит характерный разговор между начальником штаба Петлюровской “Действующей Армии” и атаманом Волохом, в Любаре, 2 дек. 1919.

“Думаете ли вы подчиняться мне или не думаете? Или для вас никакая власть не существует?” — спросил начальник штаба.

Волох ответил: “Брось, Василь! Какая ты в черту власть? Тебя уже никто не слушает. Я уже приказов десять твоих не выполнил, а ты меня и до сих пор на виселицу не потянул. Коли б ты был власть, то повесил бы давно не одного... А так тебя повесят... Ей Богу, повесят”...

Так говорил лидер “Атаманского Триумвирата”, делавшего ставку на помощь большевиков в деле создания “Советской Украины” и “Украинской Красной Армии”.

Но не многим отличались и настроения петлюровского окружения от приведенных выше настроений “атаманов”. Вера в то, что большевики помогут создать Украину с особым “Украинским Красным Войском” была характерной для настроений этого окружения --- украинских засеков и украинских засоров.

“В интересах правды надо сказать, что в то время широкие круги интеллигенции не имели бы ничего против организации Украинской Армии под красными знаменами” — так пишет на стр. 19 своей книги “Зимний Поход” Ю. Тютюнник, несомненно хорошо осведомленный о настроениях петлюровцев.

В такой обстановке и при таких настроениях проходили последние дни того периода гражданской войны, который украинская сепаратистическая историография называет “борьбой за национальное освобождение украинского народа”.

Митинги и совещания.

Еще в Войтовцах (23 ноября) Петлюра издал приказ: "кто желает — двинуться с ним в поход; остальных — расформировать и считать свободными".

Ясно, что этот приказ добил и последние остатки дисциплины в Петлюровском "войске", которое, по словам того же Ю. Тютюнника, было настолько демократично, что "кто куда хочет — тот туда и идет".

Впоследствии, основываясь на этом приказе, "самораспустилась" единственная более или менее дисциплинированная часть — "Сечевые Стрельцы" и не пошла в так называемый "Зимний Путь" с остатками петлюровского войска".

К этому надо прибавить и "митингоманию", охватившую Армию и Правительство. Все "совещались". Начиная с Петлюры и кончая высшими командирами и рядовыми бойцами. По словам того же Тютюнника, "Правительству мешалась контрреволюция за каждым, кто бился на фронте и не устраивал совещаний и митингов".

Недоверие и подозрительность царили в отношениях не только между отдельными партиями, лидерами, "атаманами", но и между отдельными частями войска.

Наиболее "демократичными" и верными себе Петлюра считал так называемых "гайдамаков", которых возглавлял "атаман" Водох. Его определению пребольшевистского направления Петлюра не желал видеть. Все его внимание было обращено на воображаемую опасность "контрреволюции", которой Петлюра и его единомышленники боялись так же смертельно, как и русская "революционная демократия" — деятели "февральской революции".

Эту "контрреволюцию" они испытали на себе в 1918 году, когда была свергнута социалистическая Центральная Рада и, почувствовавшие свою власть, украинские крестьяне — собственники расправлялись юрисконсультами с теми социалистами, которые провели закон о социализации земли. Ови их не расстреливали и не вешали, но пороли немилосердно, не делая исключения для бывших и будущих петлюровских министров.

Опасаясь "контрреволюции" и зная "левое" направление "гайдамаков", Петлюра всячески им покровительствовал и верил, что это его надежная, беззаветно преданная ему, лейб гвардия. На самом же деле, "гайдамаки", почувствовав полную безнаказанность и свою силу, превратились в преторианцев, диктующих свою власть и Петлюре и Правительству.

Восстание Волоха.

Сначала они начали грабить склады и захватывать для себя то, что было предназначено для всего "войска". А, придя в Любар, Волох решил свергнуть Петлюру и самому сделаться "Головным Атаманом".

2 декабря "гайдамаки" захватили все деньги Правительства, находившиеся в вагонах под охраной петлюровских юнкеров, которые не оказали никакого сопротивления, начали митинговать и решили "не проливать крови". Митинговать начали и, находившиеся в Любаре, "З-я дивизия" и "Охорона головного Отамана" (личная охрана Петлюры). А "Сечевые Стрельцы", не впутываясь в "петлюровские дела", отошли в Новую Чарторю, так как они уже решили расформироваться, согласно приказу Петлюры от 23 ноября.

Видя такую ситуацию, Волох распорядился арестовать Петлюру, Правительство и высший командный состав "армии". Но Петлюра и его окружение опередили Волоха и успели бежать в направлении Новой Чартории, где расформировывались "Сечевые Стрельцы". Только министр Почты и Телеграфа — Паливода — не успел бежать и, под видом трубочиста, спрятался на чердаке своего министерства.

Видя неуспех своего переворота и зная, что к Любару приближается верхолаз Петлюре "Киевская Дивизия", Волох со своими "гайдамаками" ушел к Чуднову, вблизи которого находились большевистские войска Харьковского Правительства.

Оставшееся в Любаре петлюровское "войско" продолжало митинговать, к чему присоединилась и "Киевская Дивизия" (спасшая с чердака всего в саже ministra Паливоду).

В результате митингов и разных совещаний, "войско" разделилось: одни побрали в Новую Чарторю; другие, в том числе и "Охрона Головного Отамана" в полном составе, ушли в Чуднов к Волоху.

Любар перестал быть столицей Украинской Народной Республики.

Совещания в Новой Чарторье. Бегство Петлюры.

На три дня (3-6 декабря) столицей сделалась Новая Чартория. Здесь собрались остатки Правительства и высшего командного состава "войска".

Начались бесчисленные "рады" (совещания), которые так любил Петлюра. Какое то непрерывное трехдневное совещание.

Наконец, на 6 декабря Петлюра назначил "широкое" совещание для принятия "окончательных решений", как было сказано в приказе Петлюры.

Рано утром съехались в Чарторю "командующие дивизиями" и собрались все находившиеся там министры, вожди и лидеры... Все ждали Петлюру.

Но Петлюра, на им же созванное совещание, не явился, а еще вдрануше вечером тайно выехал через Шенчевовку в Польшу...

"Значит, Головой удрил!" — воскликнул один из "начальников дивизии", узнавши об отъезде Петлюры, передает в своих воспоминаниях атаман Ю. Тютюнник.

В отсутствии Петлюры и большинства его министров, бежавших с ним, было приято то "окончательное решение", ради которого созывалось совещание.

Состояло оно в том, что около 5.000 "войска" ушло на восток в "Зіновій Шохід"; "Сечевые Стрельцы" самораспустились; часть "войска" разбежалась; часть была через несколько дней интернирована поляками. Политические деятели и лидеры отправились в Польшу, с которой уже разрыве за спиной у галича, вели переговоры об отказе от Галиции и Волыни.

Предложение тогдашнего премьера И. Мазепы, чтобы в "Зіновій Шохід" отправилась и часть Правительства, военными было решительно отклонено. Оли согласились только допустить некоторое количество "политических референтов". Шесть марксистов-украинских ведеков (Федевко, Чубук, Склар, Загурский, Левицкий и Геррасим) в качестве таких референтов (вернее, политруков) ушли на восток с "войском".

Сам премьер, которого "армия" не захотела взять с собой, проbralся нелегально на Правобережную Украину, провел там не сколько месяцев и благополучно вернулся в Польшу.

Последнее воззвание.

Перед тем как окончательно разойтись, та часть Украинского Правительства, которая добралась до Любара, выработала и огласила на упомянутом выше совещании 6-го декабря длинейшее воззвание "к Украинскому Народу".

В этом воззвании сообщается всему населению Украины, о том, что "Всемирный Социалистический Конгресс в Люцерне, 8 августа сего года признал единогласно Украинскую Самостийную Республику"; что "империалистические государства Европы строят свою политику на Востоке на порабощении Украины"; что Правительство временно переходит к "другим способам борьбы за нашу государственность" и что оно будет находиться в "надежном месте", откуда и будет руководить борьбой. (О том, что это "надеж-

вое место” — Варшава воззвание не говорит.)

Воззвание это было лебединой песней петлюровцев, пропетой на родной земле. В дальнейшем они действуют уже штате десятилетие в разных городах Европы и Америки, распространяя дезинформацию о характере и сущности событий времен Гражданской Войны.

Так закончилась деятельность многочисленных украинских социалистических правительств, о которых, не без юмора, прославленный петлюровцами атаман Тютюнник пишет, что они “колебались от поисков социальной справедливости по рецептам Маркса, до Антанты, которая должна была “признать и не допустить до гибели такую надежную противобольшевистскую силу”.

В результате этой деятельности, Всемирный Социалистический Конгресс и Польша их признали, а население Украины за ними не пошло и их изгнало.

То, что сепаратисты называют “борьбой за национальное освобождение” и что, в действительности, было борьбой кучки украинских социалистов-шовинистов за власть на Украиной, закончилось. А Украина к концу 1919 года, оказалась вся во власти Украинского Харьковского Правительства, полностью принявшего советскую платформу.

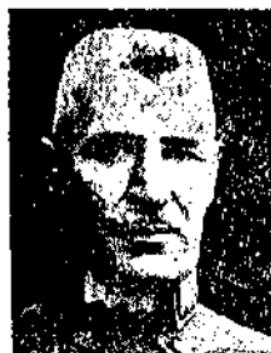
Н. Махно

С. Петлюра

Ю. Тютюнник

Ген. Кревс

Атам. Сальский

Кап. Коновалец

Кредитний біллет відмен Директорії.

Відмена Директорії — 1919 год.

“ЗИМОВЫЙ ПОХОД” И ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

“Зимовый поход”.

Перейдя из партизанского положения, остатки армии УНР в течение 5-ти месяцев, в невероятно тяжелых усло-

виях, проделали поход около 2.000 км., кружка в юго-восточной части Правобережья, захватывая и очищая отдельные города, имея стычки с незначительными большевистскими частями и, пеперевившись из одного места в другое. Ни связи со своим “Правительством”, сидевшим в Варшаве, ни снабжения, эта армия не имела. Все приходилось добывать: брать с бою или брать от населения.

В этом пятимесячном походе позванным “зимовым” (зимним) было проявлено много героязма, перепесено много лишений. Многие из него не вернулись, погибнув в бою или от тифа. Но, результат был равен нулю.

Рассказы, бежавших в Варшаву, вождей о том, что вся Украина полным полна многотысячными повсталческими отрядами, которые только и ждут чтобы соединиться с петлюровской армией и вернуть на власть свое социалистическое правительство Петлюры, оказались ложью, сознательной или бессознательной — это дела не меняет. Такой же ложью оказались и рассказы о том, что все население пойдет добровольно в “свою” (т. е. петлюровскую) армию, как только она появится на Украине.

В результате, точно через 5 месяцев после выхода в этот поход через, уже установившийся, польско-советский фронт, участники «зимового» похода пробились на польскую территорию. По данным ген. Удовиченко, перешло к полякам 5959 солдат и 367 офицеров. То-есть, после пятимесячных марший по украинской территории со многомиллионным населением, армия увеличилась всего на 1.317 человек (вышло в поход 5.000).

Действительность показала, что население Украины никакого желания поддержать Петлюру и его политику не имеет.

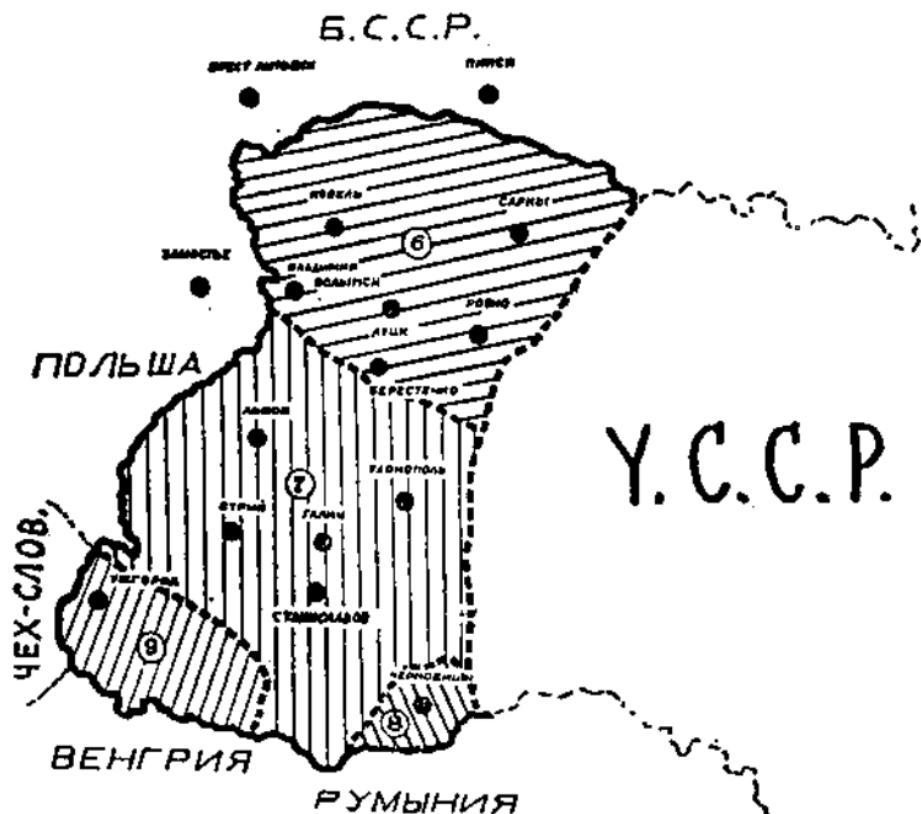
Бегство Центра. Рады (6 февраля 1918 г.), оставленной народом; бегство Директории (в феврале 1919 г.), оставленной народом; неудача “поднять Украину” во время “зимнего похода” — по существу, было своеобразным голосованием населения Украины по вопросу его отношения к тем социалистам-поповинистам, которые выступали тогда и выступают и сейчас, как выражатели воли всей Украины.

Но на бежавших украинских социалистических вождей это не произвело никакого впечатления и они, попрежнему, продолжали

только себя считать достойными руководить жизнью своего народа.

А, чтобы получить над ним власть, как 2 года тому назад прибегли к помощи немцев — так теперь решили искать, любой ценой, помощи у Польши, — вековечного врага Украинского народа.

Пока армия УНР партизанила на Украине, бежавшие в Польшу вожди вели переговоры с Пилсудским, чтобы он помог им, как это 2 года тому назад сделали немцы. Поляки не забыли, что когда то вся Украина была польской колонией и в переговорах с Петлюрой видели возможность под благовидным предлогом "помочь братскому украинскому народу" распространить свое влияние, а то и власть на всю Украину.

Земли Украины - Руси, уступленные Петлюрой полякам за обещание силой польских штыков восстановить на Украине власть украинских социалистов - сепаратистов, изгнанных своим народом.

**

Польская
интервенция.

Тогдашний фактический диктатор Польши — Пилсудский, социалист, польский шовинист и ненавистник

России, легко нашел общий язык с Петлюрой и его "министрами" и начал с ними договариваться. Это было не трудно, ибо положение "высоких договаривающихся сторон — Укр. Нар. Ресн. и Речи Посполитой Польской", как писалось в протоколах переговоров, было далеко не одинаково. Польша имела государство, территорию, армию, национальный подъем, только что полученного независимость народа и всеобщую поддержку Антанты; другая "высокая договаривающаяся сторона" — Украина — ничего этого не имела и представляла собою жалкую кучку социалистических вождей, полуграмотных атаманов и незадачливых полководцев — авантюристов, из бывших русских офицеров, сделавших ставку на Петлюру и социализм, как некоторые их товарищи сделали ставку на большевизм.

Этой, "высокой договаривающейся стороне", вичего другого не оставалось делать, как соглашаться на все предложения своих кормильцев и содержателей — поляков, которые, с тонким юмором, вели эти переговоры, делая вид, что верят, что Петлюра и его окружение действительно имеют какое-нибудь право (сочувствие народа) вести переговоры и давать обязательства от имени Украины.

И, когда поляки потребовали за союз и помощь — отказ не только от каких либо притязаний на Галицию, во и отдачу Польше большей части Волыни — Петлюра с легкостью уступил полякам непринадлежащую ему Волынь.

Петлюровские "министры" и "вожди" были в восторге от сделки: удалось продать то, чем не владеешь и на что не имеешь права, а получить за это помощь для возврата власти. После ряда торжеств по случаю заключения договора, с обильными возлияниями и излияниями чувств "вечной любви украинцев и поляков", которую портили интриги "москалей" (слова Петлюры на банкете), и после отпуска из польской казны соответствующих сумм на содержание нового союзника, начали готовиться к походу.

Поход этот всецело поддерживала вся польская общественность; правые круги — потому что Петлюра обязался восстановить права помещиков, которые на Правобережье были почти исключительно поляки, и министром земледелия назначил поляка — крупного помещика Стембовского (о социализации земли он забыл); левые — потому, что это была помощь социалистам и противникам России, каковыми были поляки, и левые, и правые; католическая церковь благословляла этот поход, т. к. в случае его успеха, передней открывались возможности распространения на восток.

Была сделана попытка, хоть для приличия, сформировать "со-

юанную" украинскую армию. Но удалось набрать людей только на два небольших отряда, которые были названы "дивизией" и отданы в подчинение поляков. (Украинская Армия была в это время в "зимовом походе" и о ее судьбе не было никаких сведений.)

26-го апреля 1920 г., поляки вторглись на Украину широким фронтом от Царской Ушицы до Олевска. Быстро продвигаясь вперед, они уже 7 мая заняли Киев. Украинская "союзная армия" в наступлении никакого участия не принимала. Поляки отослали ее на юг, па второстепенный участок фронта между Винницей и Днестром, где она и провела больше месяца, без каких либо наступательных попыток. "Союзное" Украинское Правительство, поляки не пустили в украинскую столицу, а ввели там свою администрацию. Положение для петлюровцев было унизительное, но они были вынуждены терпеть. В нескольких уездах, занятых поляками, они произвели мобилизацию для пополнения украинской армии, и кроме того в нее влились те части, которые, в начале мая вернулись из "зимового похода". Так создалось опять некоторое подобие "украинского войска" (подчиненного полякам).

Между тем в начале июня большевики перешли в наступление, прорвали польский фронт и быстро подошли к Львову и Варшаве. Бегущим полякам уже было не до Украины и украинцев. Судьба их столицы висела на волоске — большевики были всего в десятке километров от Варшавы, которая срочно эвакуировалась. Украинские части принуждены были отходить на запад, в южную Галицию.

При помощи Французов, полякам удалось отбить большевиков и перейти в контр-наступление, но они его не продолжили вглубь Украины, а, дойдя до той линии, которую они хотели сохранить, как свою будущую границу, начали переговоры с большевиками.

18-го октября (1920 г.) было заключено перемирие между поляками и большевиками, причем обе стороны совершенно игнорировали существование "украинской армии", которая к тому времени, по данным генерал-инспектора Удовиченко (стр. 159 его книги) имела 35.259 бойцов и 3.888 офицеров, 74 орудия, 8 броневиков, 2 бронепоезда и 3 аэроплана. Силы красных против Укр. Армии, Удовиченко определяет так: "до 25.000 пехоты, до 5.000 сабель, при 100-120 орудиях" (стр. 158).

Армии противников были расположены вдоль фронта длиною около 100 километров, от Могилева на Днестре до г. Литина Подольской губернии.

10 ноября Красная Армия перешла в наступление. Почти 40-тысячная (по данным ген. (Удовиченка) Украинская армия, с огромным процентом офицеров (до 9-10% всего состава), быстро покатилась назад — к польской границе, которую остатки петлюровской армии и перешли 21 ноября 1920 г.

Конец Петлюровской армии.

Вот как описывает этот конец ген. Удовиченко (на стр. 161 своей книги "Укр. в войне за независимость"):

17 часов, отдавши последний салют родной земле последними снарядами, снялась с позиции артиллерия, а за ней начала отступление и направу (через Збреч) кавалерия. В сумерках на горизонте еще маячили наши конные разъезды. На железной дороге слышны были взрывы — это кончали свою славную жизнь наши бронепоезда. 21 ноября, в 18 часов, Украинская армия оставила родную землю одновременно со своим правительством".

Поляки немедленно разоружили своих "союзников" и интернировали их, разместивши в нескольких лагерях в глубине Польши.

Так закончилась еще одна попытка украинских социалистов-левистов, вопреки воле народа, захватить власть над Украиной. Паномим эти попытки по порядку:

Первая попытка — это захват власти без всенародного голосования во времена Центральной Рады;

Вторая — при помощи немцев и заключения с ними договора и союза;

Третья — путем восстания против Гетмана и создания Директории;

Четвертая — отказавшись от объединения с Зап.-Укр. Респ. и уступивши полякам Волынь, с их помощью установить свою власть на Украине.

Как ни добивалася Петлюра и его Правительство, поляки не допустили его представителей к участию в мирных переговорах в Риге, на которых решалась судьба Украины. В Риге они разговаривали с представителем Харьковского Украинского Правительства — Раковским, который, с такой же легкостью, как и Петлюра, уступил «на вечные времена» Речи Посполитой Польской коренную землю Украины — Руси — Волынь. По Рижскому Миру, ратифицированному Польшей в 1921 г., между Польшей и СССР была установлена граница, которая просуществовала до осени 1939 года,

когда от Польши были отобраны исконне-русские земли, включая и Галицию, а сама Польша была оккупирована Германией.

**

С ноября 1920 г., Петлюровское "войско" очутилось за колючей проволокой у своих союзников-польских. Число этих остатков войска было не велико. Из почти, 40 тысяч (если верить данным ген. Удовиченко), всего несколько тысяч оказалось в Польше. Остальные — или разбежались по домам, или перешли к большевикам.

Как с ними обращались поляки, можно судить по описанию Мазепой и Удовиченком состояния одежды группы интернированных, которые в ноябре 1921 г. сделали вылазку в Советскую Украину, кончившуюся расстрелом 359 участников этой вылазки.

Они были, по словам ген. Удовиченко, "без теплой одежды, на ногах что попало: тряпки, дырявые сапоги, рваные ботинки" (стр. 163 "Укр. в войне за державность"). И. Мазепа пишет: "вся эта группа была обворванная, почти голая. Пришлось для босых заготовить лапти"... (Стр. 107 "Укр. в огне и буре революции").

И вот, так обутых и одетых людей, почти невооруженных, Петлюра, его "министры" и "атаманы", сидя в Варшаве на содержании у поляков, решили бросить на Украину поднимать восстание, в которое они верили или делали вид что верят.

Новый Базар.

Под видом работ на лесозаготовках в районе Сарп было сконцентрировано

больше тысячи интернированных петлюровцев. Доведенные до отчаяния двенадцатимесячным сидением в лагерях, не имея никаких надежд на улучшение своего положения, люди были готовы поставить на карту свою жизнь, поверивши словам воаждей, что Украина полна повстанцами, которые к ним присоединятся, как только они появятся на родной земле.

Генерал-инспектор Украинской Армии, ген. Удовиченко, об этой последней попытке поднять восстание на Украине пишет: "Правительство УНР, во главе с Головным Атаманом, С. Петлюрой, принимая во внимание просьбы повстанцев, постановило: выслать на Украину значительную боевую группу". Поставивши этой группе задачу: "пробраться через советские пограничные охранения, вступить в бой с ближайшими советскими частями и — на их счет вооружиться". Петлюра и его «Правительство» не смогли ни одеть, ни вооружить эту группу. Треть группы вообще не имела никакого оружия; остальные были вооружены кое как. По признанию самого ген. Удовиченка, "задача поставленная группе, была тяжелой, да-

же безумной" ("Укр. в войне за державность", стр. 163).

Тем не менее, веря своим вождям, что на родине их ждут повстанцы и помощь населения, в ночь на 4 ноября 1921 г. вся группа переходит советскую границу и начинает свой поход на Коростень — Киев. большевики были захвачены крауплох и несколько мелких отрядов, занимавшихся реквизициями продовольствия, были принуждены отступить.

Через несколько дней был захвачен Коростень, но в тот же день, оправившиеся, большевики выбили петлюровцев из города и приводили отступить в окрестные леса, через которые они продолжали свое движение на Киев.

Обесновленные этим, большевики бросают против петлюровцев значительные силы, окружают их и стараются отрезать отступление на запад. В ликвидации этой группы петлюровцев главную роль сыграла николаевская украинская курсантская школа из украинской молодежи под командой быв. ген. Сокира-Яхонтова.

Командующий группой, Ю. Тютюнник, не получивши скольконибудь ощущительной помощи от повстанцев и от населения, решил пробираться в Польшу. Но это удалось только одной части отряда, во главе с самим Тютюнником. Другая часть была окружена украинской конной дивизией Котовского, около села Миньки и, частично уничтожена, частично взята в плен (359 человек). Над ними состоялся военно-полевой суд в с. Базар и все они были по приговору суда расстреляны.

Героническая смерть этих расстрелянных, а также всех погибших во время этого похода, заслуживает того, чтобы чтить память этих, доведенных до отчаяния, обманутых пропагандой вождей, сынов Украины-Руси.

Вся украинская эмиграция неизменно отмечает печальный день расстрела в Базаре, равно как и день гибели «студенческого курса» под Крутами. Но не было еще суда над теми, по чьей вине погибли юноши под Крутами и герои Базара. Судить их будет беспрестрастная история.

**

Вылазкой отряда Тютюнника закончился тот период истории Украины, который сепаратисты называют "борьбой украинского народа за свое национальное освобождение". Как видно из изложенных событий этого периода, документированных многочисленными выдержками из сепаратистических источников, во всех этих событиях, главную роль играли мотивы, чисто социальные. К вопросам же национальным украинский народ проявил редкое равноду-

шие и за лозунгами чисто национальными шел только тогда, когда они были связаны с обещаниями социальными. Во всех же случаях, когда одни и те же обещания исходили от групп с лозунгами общероссийскими и, от групп с лозунгами национально-украинскими — население шло за лозунгами общероссийскими.

Украинцев по рождению и происхождению было неизмеримо больше и у Деникина, и у большевиков, чем во все времена в армиях Центральной Рады, Директории и Петлюры.

Об чисто украинских советских частях, иногда очень крупных, говорят все украинские историки и мемуаристы, многочисленные выдержки из которых, приведены выше. О национальном составе Добровольческой Армии мы имеем сведения из доклада Украинскому Правительству Л. Чикаленко (укр. осдек), который приводит в своей книге украинский премьер И. Мазепа. В сентябре 1920 г., когда уже наметилась возможность сепаратного мира Польши с большевиками, Чикаленко был послан к Врангелю в Крым выяснить возможность сотрудничества Петлюры и Врангеля. Вот что после возвращения из Крыма сказал в своем докладе Чикаленко: "Могу сказать, что никакой русской добровольческой армии в Крыму нет. Почти па 80% все это — местный украинский элемент — "малороссы" ("Укр. в огне и буре рев.", стр. 52). Так как армия Врангеля в то время было 150-200.000, то выходит, что там было от 120 до 160 тысяч уроженцев Украины. У Петлюры же, в то время было около 20.000.

Это цепное признание, напечатанное в книге украинского самостийнического премьера заслуживает того, чтобы на него обратить внимание, особенно, в связи с обвинением сепаратистами возглавления Добровольской Армии в его "антиниканской политике". Сепаратисты, под словом "украинец" понимают только своих политических единомышленников; всех же остальных уроженцев Украины, даже чистых украинцев по происхождению, которые стоят на позициях единства России и общерусской культуры, они презрительно называют "малороссами" или "несознательными".

Революция и гражданская война показали, что среди населения Украины эти "малороссы" и "несознательные", составляют подавляющее большинство. Это доказали и, уже упоминавшиеся раньше, совершенно свободные выборы в органы городских самоуправлений летом 1917 г., когда блок всех "украинских" партий, боровшихся с партиями, стоявшими на общероссийских позициях, не смог собрать и 10% всех поданных голосов. Доказало это и совершившее свободное вступление политически активной части населения Укра-

ны в «красные», «белые» и «украинские» армии. Сами сепаратисты не оспаривают, что среди населения Украины оказалось очень мало защитников Центральной Рады и Директории — неизмеримо меньше, чем ушедших к красным или белым.

Что же было делать в национальном вопросе Деникину, занявшему Украину и ее столицу — Киев? Считаться ли с настроением бежавших украинских социалистов — шовинистов и насильственно “украинизировать” Украину, или в своей национальной политике руководствоваться желаниями тех 80% своей армии, которые составляли коренные жители Украины — “малороссы” и тех 90% городского населения, которые высказались против национальной политики Центр. Рады и Директории? К этому надо прибавить и то, что все оставшиеся на занятой территории “украинцы” — были социалисты, а настроения Доброармии были антисоциалистические.

Не удивительно поэтому, что политика Деникина в национальном вопросе, была общероссийской и общерусской, а не “украинской”, и что она не вызывала недовольства подавляющего большинства населения Украины, ибо оно вовсе не стремилось к самостийности, как это утверждает в эмиграции сепаратистская пропаганда. Конечно, это не значит, что оно было против свободы национально-культурной самодеятельности, но оно не связывало эту свободу с неизменным условием самостийности и вражды к России. Население Украины умело гармонично сочетать любовь к родному краю и языку с пониманием общности и единства Украины-Руси и Великороссии. Подобно тому, как баварцы есть патриоты — и баварские, и общегерманские; провансальцы — патриоты Прованса и всей Франции; сицилийцы — Сицилии и всей Италии.

Общероссийские настроения населения Украины за этот период выявились настолько отчетливо, что много сепаратистских вождей сделали отсюда логический вывод: одни — вернулись добровольно из за границы, куда выехали в период борьбы; другие — попросту остались на Украине, имея полную возможность выехать в эмиграцию.

Смена вех вождями и суд над петлюровцами.

М. Грушевский, ставши на “советские позиции”. Сначала в Вене, а потом, вернувшись добровольно к большевикам и поступивши к ним на службу. Его премьер-министр, времея Центральн. Рады — Винниченко, последовал примеру своего Президента и тоже вернулся

Еще не ождал конца вооруженной борьбы, смелил всеи сам идеолог украинского шовинизма и сепаратизма,

ся в СССР. Второй премьер - Голубович остался в Каменце и добровольно сдался большевикам. В мае 1921 г., в Киеве, состоялся суд над ним и рядом украинских министров. Кроме Голубовича на скамье подсудимых были видные лидеры украинских ясиров: Лизановский, Петренко, Часник и др., а также бывшие министры, Остапенко, Сиротенко и целый ряд виднейших украинских деятелей времен Центр. Рады и Директории.

Прокурорами на этом суде выступали украинцы-коммунисты: Малуцкий и Лебединец; свидетелями были, как известно, как украинские коммунисты (Затоцкий, Любченко, Шумской), так и крупнейшие деятели Директории (Ю. Мазуренко, Касьяненко и б. премьер Чеховский).

Все подсудимые "каялись" и просили снисхождения, которое им и было дано: Остапенко и Сиротенко были оправданы, а остальные получили очень легкие наказания, а вскоре были и совсем амнистированы.

Ю. Тютюнник, организатор вылазки 1921 г., кончившейся Базаром, в 1923 г. тоже покаялся и впоследствии, как артист, изображал сам себя, на одном из фильмов из эпохи гражданской войны, когда большевики показывали "Бандита Тютюнника". Позднее он преподавал тактику партизанской войны Красным курсантам и умер (а не был расстрелян) от злоупотребления алкоголем.

**

С конца 1921 г., Украина вступила в новый период своей истории, войдя как Украинская Социалистическая Советская Республика в СССР.

Оставшиеся за границей, на положении эмигрантов, часть второстепенных украинских социалистических лидеров, во главе с Петлюрой, а также антисоциалисты-гетманцы, в дальнейшей жизни Украины, больше никакого участия не принимали и никакого влияния на эту жизнь не имели.

Гетман со своим окружением обосновался в Берлине, получая субсидию от немцев и уверяя их и весь мир, что Украина ждет не дождется его возвращения и восстановления Гетманства.

Петлюра вскоре (1926 г.) был убит в Париже евреем Шварцбартом, мстившим в лице Петлюры всем украинским провинистам за еврейские погромы во время их власти на Украине. Французский суд Шварцбarta придал т. к. было установлено, что погромы были возможны благодаря посредничеству Петлюры.

Остальные второстепенные оставшиеся в эмиграции, лидеры и «вожди» украинских социалистов-провинистов, разбившись на

враждующие между собой грушки — вот уже 40 лет занимаются поисками того иностранного правительства, которое бы, силою своих штыков, подвороило их в качестве правительства самостийной Украины, каковым они называют себя в эмиграции. Меняя "ориентации": спольской — на французскую, немецкую, английскую, американскую, даже — японскую, они продолжают свою "мышиную жизнь", которая никакого влияния на жизнь Украины не имеет.

Описание этой деятельности, несомненно, заслуживает большого интереса, но, так как оно выходит за рамки, поставленной нами задачи — дать очерк неизвращенной истории Украины - Руси, а не эмиграции, то — мы ее касаться не будем.

**

Итоги.

Подводя итоги бурного периода жизни Украины, начавшегося с первой

Мировой Войны и закончившегося в 1921-м году, можно сказать, что этот период был для Украины-Руси ее историческим экзаменом, выявившим ее национальные настроения и определившим пути на будущее. (Вопроса социального, одинакового для всей России, мы не касаемся.)

Уже в первые месяцы Мировой Войны, когда всего на несколько месяцев Галиция была воссоединена с Россией, с предельной очевидностью выявилось тяготение ее широких народных масс к единокровной и единоверной России. Многолетняя пропаганда сепаратизма и руссоинавистничества народа не коснулось. Она смогла увлечь только его незначительную часть — одурманенную шовинистической пропагандой, часть интеллигенции (далеко не всю), которая безоговорочно пошла за Австрией.

Лучшим доказательством этих прорусских настроений населения Галиции являются репрессии Австро-Венгрии против "москофилов", ссылки их в концлагеря Таллергоф и др., жестокие расправы с заподозренными в прорусских симпатиях. Ведь, не будь этих симпатий, естественно, не было бы и репрессий. Австрийцы не ошибались, когда говорили что "в душе каждого галичанина сидит москаль". Как участник войны в рядах Российской Армии, прошедший всю Галицию, бравший Льнов, могу засвидетельствовать, что — враждебного к себе отношения мы в Галиции не видели. Наоборот, несмотря на страх перед австрийцами, население относилось к нам доброжелательно, а когда весной 1915 г. мы уходили, совершенно добровольно целые села уходили с нами, боясь расправы австрийцев за проявленные симpatии к Российской Армии.

Такой же неудачей кончились и попытки "Союза Освобождения

Украины" внести разложение в ряды Российской Армии путем украинской сепаратистической пропаганды. Как уже указано раньше, за все время войны, в армии не было ни одного случая проявления украинского сепаратизма.

Неудачей кончилась и пропаганда украинского сепаратизма среди многотысячной массы военнопленных украинцев в лагерях Германии и Австрии. Хотя разными льготами и обещаниями скоро го возвращения на родину и удалось навербовать исполнных две дивизии, по прибытии на Украину, среди них не нашлось защитников сепаратизма. В "войске" Директории и Петлюры, ни "сипечуванников", ни "серожуванников" не было.

Изким примером, насколько идея сепаратизма чужда настроениям даже галичан, которых десятилетиями отравляли шовинистической руссоцентристической пропагандой, служит переход Галицкой армии к Ценакину во время гражданской войны и массовое появление галицкой интеллигенции в СССР в начале 20-х гг., когда даже организатор и командир украинских "сечевых стрельцов" австро-венгерской армии, Гр. Косак, совершил добровольно переселение в СССР.

Жалкие кучки сторонников Центр. Рады и Директории с их сепаратистической программой, по сравнению с огромным процентом уроженцев Украины в белых и красных армиях, неопровержимо и убедительно свидетельствуют о том, что среди широких масс населения Украины идея сепаратизма не нашла сколько-нибудь значительного числа сторонников.

Это отлично понимали Грушевский, Винниченко, Петлюра и др. вожди Центр. Рады и, еще в ноябре-декабре 1917 г., горячо и с негодованием, отвергали всякую мысль об отделении Украины от России. Свое мнение они изменили только тогда, когда убедились, что население Украины их не поддерживает и без посторонней помощи им на власти не удержаться, а немцы, для оказания помощи поставили неизменным условием отделение Украины от России. Зная все это, а также и то, что отделение от России было объявлено только после приезда Голубовича из Бреста и сообщения об условиях немцев — есть все основания утверждать, что провозглашение самостийной Украины имело единственной целью сохранить власть над Украиной в руках лидеров украинских ясиров и ясдеков, которые тогда определяли политику Ц. Рады.

А что это решение не выражало волю населения, показали ближайшие события. 1918 и 1919 г. г. были временем, когда происходило своего рода волеизъявление населения Украины. Не голосова-

ниями, а действиями — активной поддержкой трех борющихся сил: общероссийских белых, общероссийских красных и самостийнических украинских оциалистов.

Результаты общизвестны: население Украины свои симпатии отдало идее общероссийской, а не самостийности и, тем самым, еще раз подтвердило решение Переяславской Рады о воссоединении с Россией.

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА - РУСЬ.

Ее судьба до присоединения к Австрии.

Как уже упоминалось раньше, Закарпатская Русь еще в 13-ом веке была окончательно захвачена Венгрией.

Галиция после войны 1340-1387 годов отошла к Польше, а Буковина после упадка Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, в состав которых она входила, была то под властью Венгрии и Польши (14-16 века), то под властью Турции, точнее, вассальной ей Молдавии (16-18 века), пока не была аннексирована Австрией в 1774 году.

Входя в состав этих государств, не имея никакой автономии, все эти три земли Западной Руси-Украины являлись провинциями оккупировавших их государств и никакой собственной политики не вели, разделяя исторические судьбы своих оккупантов.

Правящий класс этих земель быстро воспринял не только социальный порядок оккупантов, но и их религию и язык, утративши всякую связь с широкими народными массами, которые твердо держались своей православной веры и не забывали своего единства с остальной Русью, своей русскости.

Уже к началу 16-го века вся социальная верхушка Галиции и Закарпатья была полностью окатоличена и ополячена или мадьяризована. В православной Буковине окатоличивания, правда, не было, но денационализация высших классов и включение в молдавскую культурную жизнь шло не менее быстрыми темпами.

Так парод этих русских земель остался без своей национальной интеллигенции. Забитый, отягощенный разными новинностями, сплошь превращенный в крепостных крестьян, он влажил жалкое существование, как народ низшей расы. Гонимое и преследуемое католической агрессией, православие духовенство само было в положении обороныющихся и не могло успешно противодействовать написку католиков-польков. Одно время, на рубеже 16 и 17 столетий, как уже упоминалось (в т. I), была сделана довольно удачная попытка защиты от религиозных преследований путем организации еще не ополяченным и не окатоличенным городским населением православных "братств". Львовское братство развило весьма интенсивную культурно-религиозную деятельность, но она про-

должалась не долго и уже в первой половине 17 века быстро пошла на убыль, сдавая одну за другой позиции под давлением мероприятий правительства, которое всячески содействовало наступлению католицизма.

Особенно усилилось и сделалось успешным это наступление после провозглашения Брестской унии (1596 г.). И за одно столетие, к началу 18-го века, православная Галиция формально сделалась униатской, католической. Это не значит, что народ воспринял догмы и дух католичества. Но после перехода в унию высших церковных иерархов, автоматически начала считаться униатской и их паства, мнения и согласия которой никто не спрашивал.

К тому же и польское правительство делало все, чтобы организационное существование православия сделать невозможным. Так, например, как уже упоминалось, в 1676 г. Сейм под страхом смертной казни запретил православным выезжать за границу, приезжать из за границы и иметь какое либо общение с православным патриархом (в Константинополе), в юрисдикции которого были православные в Галиции. В 1699 г. не униатам было запрещено занимать какие бы то ни было должности, а в некоторых городах православным вообще запрещалось жить, например в Каменце. Униатские епископы при помощи солдат насильно входили в православные церкви и провозглашали их униатскими. Словом, происходил организованный религиозный террор. Другими словами действия католиков- поляков назвать нельзя.

В результате этого террора и соблазнительных обещаний, щедро даваемых православному духовенству за переход в униатство, всякое сопротивление было сломлено и поляки уже в первое десятилетие 18-го века заявили, что с православной "схиизмой" все окончено.

С формальной стороны они были правы: все епископы приняли унию и стали на путь окатоличивания, а затем и ополячивания. Неграмотный и забитый народ притаялся и замолк. Из всех православных монастырей и церквей уцелел в своем православии только небольшой Манявский скит, в предгории Карпат (за Станиславовом), основанный в 1611 г. афонским монахом Иовом Княгиницким. Он был закрыт уже во времена Австрии в 1785 г., когда было закрыто множество монастырей.

Дальнейший этап польско-католического наступления состоял в систематическом ущемлении прав униатского духовенства. Обещания равноправия с католическим духовенством не были выполнены и перешедшее в унию духовенство было в положении подчинен-

ном по отношению к католикам. Как и народ, не имея возможности ни вернуться в православие, ни бороться за осуществление обещанных прав, оно притаилось и замолкло. К тому же сравнительно образованное старшее поколение духовенства вымирало, не имея смены, ибо подготовке кадров образованного духовенства препятствовала Польша.

И когда в 1772 г. Галиция отошла к Австрии и ее посетил наследник австрийского престола Иосиф, то он писал своей матери, Марии-Терезии, что больше всего был поражен в Галиции убожеством и невежеством духовенства.

Это были плоды хорошо продуманной и целеустремленной политики католической агрессии и польского шовинизма. Богатая и культурная Червонная Русь за время польского владычества была превращена в польскую провинцию, в которой хозяева земли — коренное население было низведено на положение бесправных крепостных польских помещиков.

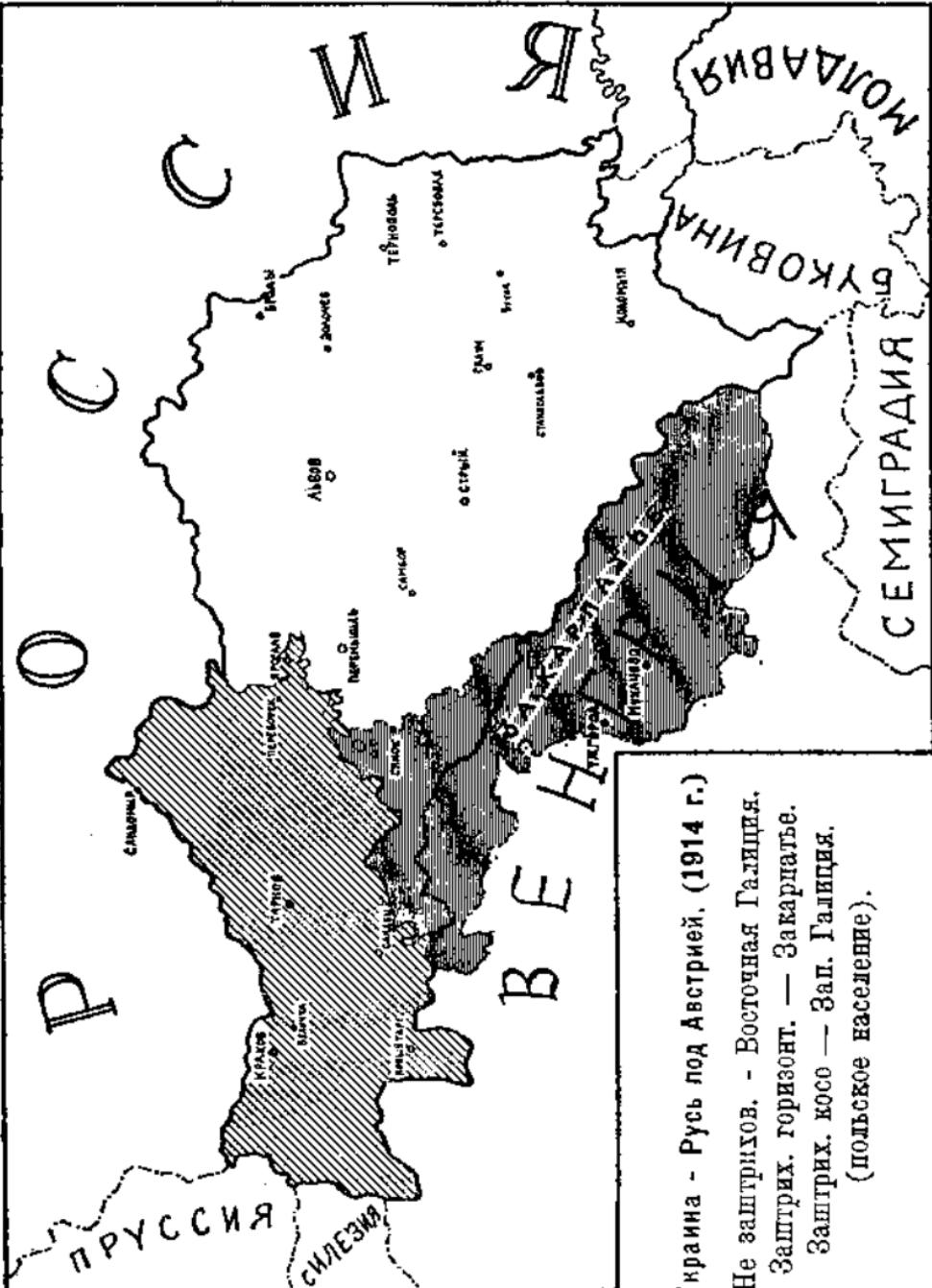
Ни казачества, ни национально-сознательного духовенства, горожан или части пляхты, как это было в Приднепровье, Западная Украина-Русь не имела и во всех бурных событиях Освободительной Борьбы 17-го века никакого сколько-нибудь заметного участия не принимала, если не считать отдельных спорадических бунтов против своих помещиков.

Из многочисленных героев столетней кровавой Освободительной Борьбы Руси-Украины только один был галичанин. Это гетман Петр Кондзенич-Сагайдачный, который не мало сделал для православия и русского дела за время своего гетманства, хотя в открытый конфликт с поляками и католиками не вступал.

Под властью Австрии. В 1772 году по первому разделу Польши Галиция и "Лодомерия" (Северная часть Подолии) попадают под власть Австрии, а два года спустя, в 1774 году, была присоединена и Буковина, отторгнутая от вассальной Турции, Молдавии. Таким образом все три части Западной Руси-Украины: Буковина, Галиция и Закарпатье становятся составными частями Австро-Венгерской Империи.

Из этих земель в особенно тяжелом, моральном и материальном положении было население Галиции, и Австрия, несмотря на противодействие поляков-помещиков и католического высшего духовенства, начинает принимать меры к улучшению его положения.

Прежде всего рядом правительенных распоряжений была значительно ограничена власть помещиков над крепостными и

Украина - Русь под Австро-Венгрией. (1914 г.)

Не заштрихов. - Восточная Галиция.

Заштрих. горизонт. — Закарпатье.

Заштрих. косо — Зап. Галиция.
(польское население).

разграничены их права и обязанности, хотя помещики и требовали, чтобы за ними непрежнему осталось ничем не ограниченное право распоряжаться не только трудом и имуществом, но и жизнью своих крепостных, как это было при Польше.

Не были удовлетворены императрицей Мария-Терезией и требования католиков чтобы "на вечные времена запретить постройку схизматических церквей, а отступников от католической веры наказывать смертной казнью и конфискацией имущества".

Вместо этого были приняты меры к поднятию культурного уровня и авторитета русского (формально униатского) духовенства. Был дан ряд правительственные стипендий русским (тогда население Галиции называлось русским) галичанам для получения образования в униатской духовной семинарии в Вене, а униатские епископы были уравлены в правах с католическими, например, в праве участия во вновь установленном Галицийском Сейме. При Польше униатское духовенство, даже высшее, несмотря на заманчивые обещания при переходе в унию, было в лучшем случае только терпимо и находилось в подчиненном, бесправном положении, как и весь русский народ Галичины. Это отталкивало униатское духовенство от поляков и католиков и одних сближало со своей нацией, своим народом, других толкало на путь сначала безоговорочного подчинения католической церкви и польской культуре, а потом и полного растворения в ней.

Поляки неуклонно и неумолимо вели свою политику окатоличивания, а потом и ополячивания всего населения подвластной им Руси, сознательно не допуская создания кадров местной интеллигенции и духовенства, не утративших связи со своим народом. И, если бы не распад Польши в конце 18-го века, то, вне всякого сомнения, через два-три поколения вся Украина-Русь до Днепра была бы не только католической и польской (если не вполне по языку, то по духу, как сейчас некоторая часть галичан).

Процесс уничтожения (не физического, а национально-религиозно-культурного) всей, подвластной Речи Посполитой Польской, Руси и ее ополячивания был остановлен Австрией. Либеральные реформы императора Иосифа II в конце 18 века (1780-1790 г.г.) положили предел вичем неограниченному своеволию помещиков-поляков, во власти которых, на положении холопов-рабов, находилось все крестьянское население Галиции. Оно вздохнуло легче и начало кренить экономически, что было немыслимо под Польшей.

С другой стороны, мероприятия Австрии по поднятию культурного уровня униатского духовенства, вышедшего из народа,

быстро создали ряд выдающихся духовных пастырей, униатских формально, по антипольских по духу. Народ получил своих вождей. И уже в начале 19 века, забитое и бесправное раньше, русско-униатское духовенство начинает играть известную роль в религиозно-национальной жизни своего народа. В 1808 г. была восстановлена Львовская Митрополия (униатская), которая совместно с Перемышльской епархией начинает энергичную борьбу за свой народ и создание своей, не ополяченной, интеллигенции, прежде всего духовенства.

А еще в царствование императора Леопольда (1790-1792), благодаря хлопотам Львовского епископа Николая Скордунского были изданы благоприятные для русских-униатов декреты правительства, запицавшие униатов от произвола католиков.

Кроме семинарии в Вене начали готовиться кадры образованных священников - униатов (из местного населения) также во Львове, где была открыта семинария, "Русская Коллегия" ("Коллежнум рутенium") и богословский факультет при Львовском Университете.

Этому противились не только поляки-католики, но и некоторая часть самого униатского духовенства, особенно высшего, которое уже было настолько ополячено, что не только в быту использовалось польским языком, но даже произносили по польски и церковные проповеди.

И под влиянием этой оппозиции, которую, конечно, поддерживали католики-поляки, создание национальных культурных кадров всячески саботировалось. (В частности — преподавание на русском (книжном) языке.

Начало национального пробуждения.

Но остановить и задушить национальное пробуждение Галицкой Руси не удалось ни полякам, ни полонофильствующим ополяченным галичанам. Имея поддержку и защиту австрийского правительства, оно уже перестало ощущать себя бесправными холопами поляков и католиков и начало накапливать силы для борьбы со своими всевозможными угнетателями.

Два выдающиеся иерарха первой половины 19-го века, униатский митрополит Львовский — Антоний Ангелович и епископ Перемышльский Иоанн Снегурский возглавляли национальное возрождение Червонной Руси.

И в наступивших бурных событиях эпохи Наполеоновских войн, Галицкая Русь проявила свою волю и показала, что все усилия

Попытки ее ополочить не дали результатов.

В 1809 году галицкие поляки подняли против Австрии восстание в надежде на поддержку Наполеона. Повстанцами был захвачен Львов и начались расправы с верным Австрии населением, прежде всего с русско- униатским духовенством. Это был формальный погром всех тех, кто подозревался в антипольских настроениях и не поддерживал повстанцев. Поляки разгромили резиденцию митрополита Ангеловича и всюду его искали чтобы "повесить как изменника". Но престарелому митрополиту удалось скрыться и тогда поляки назначили награду в 5.000 золотых за его голову. Прельщеные этой наградой несколько крестьян одного небогатого с Венгрией села, где скрывался митрополит, предали его в руки польских повстанцев. И только их разгром освободил митрополита из заключения.

Население Галиции во время этого восстания заняло позицию определенно враждебную по отношению к восставшим полякам и активно помогало австрийским войскам и властям в их борьбе с повстанцами. В первый раз за много столетий бесправные "рабы и холопы" польских помещиков подняли руку на своих поработителей: они ловили и избивали "избунтовавшихся палов" и не только не несли за это наказания, но получали награды и благодарность от своего законного императора. А митрополит Ангелович, отказавшийся исполнять приказание польских панов: призвать все русско-униатское духовенство поддержать восстание и поминать в церкви Наполеона вместо австрийского императора, получил высший австрийский орден — Большой Крест Леопольда.

Увидевши неизбежность поляков и лояльность русского населения, Австрия начала это последнее поддерживать. Для создания кадров не-польской интелигенции в Галиции, в Перемышле было открыто специальное учебное заведение для подготовки учителей и священиков из местного, как тогда называли, "русского" населения.

В области социальных взаимоотношений барщина была ограничена только тремя днями в неделю, что значительно облегчало положение крестьян и привлекло их симпатии к австрийскому императору.

Волевой и энергичный епископ Перемышльский Иоанн Свентурский в этот период (вторая четверть 19-го века) был душою национального пробуждения Галицкой Руси и, имея поддержку австрийского правительства, провел энергичную борьбу против ополячивания населения. Он ввел обязательный русский (народный)

язык не только в сношениях между собою униатского духовенства, которое было уже настолько ополячено, что предпочитало в быту язык польский, но и сам принципиально говорил только на народном языке. А, вышедшие из, созданных Австроией во Львове и Перемышле, семинарий, священники и учителя следовали его примеру и вели успешную пропаганду за пробуждение национального самосознания.

“Русалка Днестровая”. И уже в 1837 году появляется первый робкий литературный опыт на родном языке. Шашкевич, Вагилевич и Головацкий выпускают литературный сборник “Русалка Днестровая”. Направление этого сборника определяется словами Шашкевича (“Руслоны псалмы”): “Вырвень мne сердце и очи мne вырвень, но не козьмешь моей любви и веры не возмешь; ибо русское мое сердце и вера — русская”. Но до широкого круга читателей этот сборник (изданный в Будапеште) не дотянулся. Это было время реакционной австрийской политики Меттерниха и усиления влияния поляков в Галиции, которым удалось добиться не только запрещения “Русалки Днестровой”, но и репрессий по отношению к ее инициаторам.

Под влиянием этих репрессий, в реакционной атмосфере 40-х годов, эта “тройка” пионеров национального возрождения разошлась. Шашкевич умер молодым, борясь с материальными невзгодами, Головацкий эмигрировал в Россию, а Вагилевич перекинулся на польскую сторону.

И больше чем на целое десятилетие национально-культурная жизнь Галицкой Руси впешне замирает.

Но семена национального пробуждения, брошенные Львовской и Перемышльской семинариями и их воспитанниками — священниками и учителями — не погибли. В наступивших вскоре бурных событиях 1848 года Галицкая Русь показала и свое национальное самосознание, и свою волю бороться за народные права.

Революция 1848 года. Поднятое в 1848 г. восстание против Австрои и революционное движение в самой Австроии вызвали у поляков надежду восстановить Польшу. Все польское население Галиции (помещики и высшие классы) решительно стало на сторону венгров, начало формировать отряды для помощи им и вести борьбу с представителями австрийской администрации.

Как и в 1809 году, крестьянское население Галицкой Руси и,

вышедшая из его среды, интелигенция заняла диаметрально противоположную позицию. Они всемерно и активно поддерживали австро-рийское правительство и даже формировали отряды для борьбы с восставшими поляками.

Как известно, не одни галичане стали тогда на сторону Австрии. То же самое сделали и хорваты, угнетаемые и мадьяризируемые венграми, под непосредственной властью которых они находились. Хорватский "бан" (поместник) Йелачич собрал тогда большое войско и много содействовал подавлению революции в Австрии. Испытавши на себе власть поляков и венгров, галичане и хорваты предпочли власть немцев и активно выступили на их стороне.

**

Печально интересно будет здесь напомнить, как отвеса, к антиреволюционности Галицкой Руси и других славян в Австрии, Карл Маркс и какие он дал рецепты для борьбы с противниками революции вообще. Миение Маркса заслуживает особого внимания, ибо идеи марксизма в 20-ом веке играют огромную роль в жизни всего человечества.

Вот что пишет по этому вопросу известный знаток марксизма Б. Гениер в №32-м (1953 год) "Нового Журнала", издающегося в Н. Иорке на русском языке.

"В двух больших статьях Маркс с возмущением и ненавистью говорит о подавлении в Австрии в 1848 году революции, каковое австрийскому правительству удалось благодаря поддержке австрийских славян, из которых состояли полки Радецкого и Йелачича, подавившие революцию.

Говоря с пренебрежением о славянах, которые, по словам Маркса, "никогда ничего положительного в истории не сотворили и пользовались только цивилизацией тех двух наций, которые их подчинили — немцев и венгров", Маркс высказывает мнение, как с ними надо бороться. Они, по мнению Маркса, "подлежат ассимиляции или уничтожению" и по отношению к ним, как говорит Маркс, надо применять "безоглядный терроризм", ибо они тяготеют к прошлому и становятся "препятствием революции".

Сейчас эта теория Маркса называется "геносидом" и в культурном 20-ом веке жертвами ее сделались многие миллионы людей, уничтоженных не за действия, проступки и преступления, а превентивно, как предполагаемые и возможные "препятствия революции".

В России, слетевшиеся со всего мира марксисты, путем "красного террора", провозглашенного Троцким, и, изобретенных Френкелем, "исправительно-трудовых лагерей", уничтожили много десятков мил-

лионов ее населения.

В Германии, хорошо знавшим марксизм, Гитлером, теория Маркса была применена к евреям, в результате чего не мало их погибло в газовых камерах: Гитлер считал что они являются "препятствием" его национал - социалистической революции.

**

"Главная Русская Рада".

Австрийцы учили настроения широких масс Галиции и всячески содействовали их антипольской и проавстрийской активности.

При покровительстве австрийского генерал-губернатора Стадиона, в 1848 году была создана во Львове "Главная Русская Рада". Это был центр, объединявший, формулировавший и координировавший политическо-культурные требования национально пробужденной Галицкой Руси. Состояла Рада из 30 членов и имела ряд отделений — филиалов во всей Галичине.

Политические ее требования состояли в освобождении от польской гегемонии, установлении полного равноправия с поляками и административного отделения Восточной Галиции от Западной. В первой основную массу населения составляли "русини" или, как они сами себя называли, "рускиe" (с одним "e"); в Галиции же Западной преобладал польский элемент. И под Польшей, и под Австрией обе части составляли одно административно-политическое целое, что давало возможность полякам руководить всей жизнью края, ибо они представляли его социальную верхушку и имели несомненно более сильные культурные польские кадры чем только возрождающиеся "русины". В их понимании Галиция была неотделимая от Польши ее часть и ни о каком разделении Галиции они и слышать не хотели, претендую на руководство всеми сторонами жизни всей Галиции.

И в дальнейшем, до самого распада Австро-Венгрии, эти, выдвинутые "Главной Русской Радой", требования фактического равноправия с поляками и разделения Галиции были предметом спора между поляками и "руспами" ("рускими" или, как их уже теперь стали называть, "украинцами").

Спор этот то затихал, то разгорался в зависимости от внутренней политики Австрийского правительства в национальном вопросе. Наддерживая ту одну, то другую сторону, Венское правительство создавало в Галиции некое равновесие, дававшее, в конечном результате, возможность управлять этим краем.

Требования культурные.

Главной Русской Радой были формулированы на состоявшемся осенью то-

го же 1848 года съезде — “Соборе Русских Ученых”, то есть представителей галицкой интелигенции, так как ученых в теперешнем смысле этого слова тогда в Галиции не было. Основное требование было введение преподавания на “русском” языке, как в народных школах, так и в гимназиях, а также открытие соответствующих кафедр при Львовском университете, и свобода печати на родном языке.

Но, вынося эти требования, и “Главная Русская Рада” и “Собор Русских Ученых” наполнились на отсутствие унифицированной грамматики того языка, на котором они намеревались осуществлять культурную деятельность. По словам Грушевского (Ил. Ист. Украины, стр. 501) сторонники книжного “славяно-русского” языка смешивали его с великорусским, не умея отличать его от народного языка. Эти признание Грушевского, что образованные галичане смешивали великорусский литературный язык со своим книжным языком свидетельствует об их чрезвычайной близости и сходстве.

В этом не трудно убедиться, ознакомившись с печатными изданиями, выпущенными в Галиции в конце 40-х и в начале 50-х годов прошлого столетия. Например, орган “Главной Русской Рады” — “Заря Галицкая” без словарей и переводчиков понятен каждому знающему русский язык, хотя и имеет познательное количество провинциализмов.

И “Собор Русских Ученых” выносит решение о “необходимости установления единообразной грамматики и единообразного правописания для всего русского народа в Австроии и России”.

Сепаратистическая украинская историография не в состоянии замолчать это решение, которое свидетельствует об общерусских тенденциях пробуждении Галицкой Гуси, и Грушевский, приводя его полностью в своей “Ил. Истории Украины” (стр. 501), от себя объясняет, что “русским” народом и “русским” языком назначение украинцы тогда называли свой украинский народ и свой украинский язык. Несерьезность этого объяснения слишком очевидна, чтобы на ней останавливаться, в десятки печатных изданий, выпущенных в Галиции в третьей четверти 19-го века, неоднократно свидетельствуют, какой язык и какое правописание имели ввиду члены “Собора Русских Ученых”, вынося решение об унификации грамматики и правописания.

Каждый, кто хочет убедиться, легко может это сделать, ибо

Эти печатные издания можно найти во всех крупнейших библиотеках Европы и Америки.

Требования социальные.

Главной Русской Радой вопросы социальные были отодвинуты на второй план, ибо в мае 1848 г. было упразднено крепостное право и новые социальные взаимоотношения еще не выкристаллизировались, чтобы выдвинуть свои социальные проблемы.

Религиозные и национальные требования.

Вопросы религии были тесно переплетены с требованиями политическими и культурными и их разрешение предполагалось совместно с удовлетворением двух основных вопросов — политического и культурного.

Создавши в годы революции свою "Главную Русскую Раду" и всемерно поддержавши центральное Австрийское Правительство, Галицкая Русь надеялась на удовлетворение своих требований и жила бурной, творческой культурной и политической жизнью.

Кроме "Главной Русской Рады" было образовано 45, ей подчиненных, "Русских Рад" в разных городах и mestechках. Состояли они из 30 членов, как и Главная Рада и занимались всеми вопросами жизни и быта населения: народное просвещение, финансы, социальные вопросы, вопросы улучшения сельского хозяйства. Периодически собирались многочисленные собрания в несколько сот человек, на которых обсуждались интересовавшие население вопросы. Под петицией австрийскому императору о разделе Галиции на Восточную и Западную было собрано 200 тысяч подписей. Появилась свободная (в рамках австрийской цензуры, конечно) печать. Словом наступила "политическая весна".

Встреча с Россией.

В период этой "весны" произошла и первая массовая встреча Руси Галицкой с русскими из России, от которых она была отрезана 500 лет. Русские войска, посланные императором Николаем Первым для подавления венгерской революции, проходили Галицию и Закарпатье и в походе постоянно общались с населением и знакомились друг с другом. Население встречало русские войска дружелюбно, ибо они были не только союзники австрийского императора, на стороне которого была Галицкая Русь, но они были и русские — единокровные братья, чьего Галицкая Русь никогда не забывала и в глубинах своего народного сознания как святыню берегла спущенную

ние единства всей Руси.

Встречаясь с русскими солдатами и отлично понимая друг друга, присутствуя на богослужениях, совершаемых полковыми русскими священниками в их церквях, галичане убеждались, что Русь едина и в них усилилось тяготение к России. И в настроениях Галицкой Руси, только что пробудившейся национально, появился новый невысказанный мотив — руссофильство или "москофильство" и надежда на воссоединение с Россией в будущем.

Это во все не входило в расчеты Австрии, которая содействовала национальному возрождению Галицкой Руси для того, чтобы создать противовес польскому влиянию, а вовсе не для того, чтобы создать предпосылки для пророссийских, то есть антиавстрийских, но существу, настроений.

Но народ, приныкший за 500 лет польского владычества скрывать свои мысли и настроения, своих пророссийских, точнее, общерусских симпатий не выявил и надеялся на исполнение данных Австрией в революционные годы обещаний.

Однако он этого не дождался. Оправившаяся после революционного испуга Австрия, начиная с 50-х годов стала уклоняться от выполнения данных обещаний и покровительствовать полякам.

Россия же, усмиривши венгерскую революцию и спасши находившуюся накалуне полного распада Австрию, увела свои войска, не подумавши даже о дальнейшей судьбе своих единоплеменников — населения Галицкой Руси.

Действия России во время революции в Австрии трудно признать полезными для национальных интересов России. Вместо того, чтобы содействовать, фактически уже произшедшему, распадению сильнейшего соседа на Западе — Австрии и вернуть России исконные русские земли — Червонную Русь, что диктовали интересы России, русское правительство спасает этого соседа и оставляет в его владении эти части Киевской Руси. Объяснение, что действия России были продиктованы желанием сохранения принципа легитимности и недопущения успеха восстания против законного монарха не выдерживает никакой критики. То же самое русское правительство с тем же самым императором (Николай I) в 1829 году активно поддержало греческих революционеров, восставших против своего законного монарха — турецкого султана и в Адрианопольский мирный договор с Турцией внесло пункт 10, гласящий: "Греция становится независимым от Турции государством".

Объяснение этой, безусловно вредной интересам России, политики во время революции в Австрии, вероятно, надо искать в не-

кесском происхождении династии, немецком засилии при дворе вообще и влиянии тогдашнего русского министра иностранных дел Нессельроде (австрийского немца, даже не говорившего по русски), в частности.

В результате же, почти на целое столетие Червонная Русь осталась под властью немцев и поляков.

Население Галиции, надеявшееся на освобождение русским царем, было разочаровано, но вера в Россию и тяготение к воссоединению с ней не были убиты.

Действия же австрийского правительства и его покровительства полякам только усиливало это тяготение.

Реакция.

Целое десятилетие (1849-1859) продолжалось неуклонно ущемление прав

населения, завоеванных в годы революции, и быстрая полонизация всего края. Галиция превращалась в чисто польскую провинцию, с польским языком в школах, судах и администрации, и принимались меры к окончательной ликвидации только что возродившейся культурной жизни Галицкой Руси. Строгая цензура печати, всевозможные ограничения для лиц не пресмыкавшихся перед поляками, террор при проведении выборов в органы, как местного самоуправления (Галицкий Сейм), так и в Австрийский Парламент имели целью создать картину, что вся Галиция — это Польша. В действительности же только ее северо-западная часть была этнографически польской, а значительно большая (и по территории и по населению), югосточная часть Галиции была исконно русской землей, частью бывшей Киевской Руси. Только помещики, чиновники и часть городского населения были там поляки. Поддерживало поляков и многочисленное еврейское население восточно-галицких городов.

Выборный закон был составлен так, что обеспечивал полякам большинство и в Галицком Сейме, и в той группе депутатов в Австрийский Парламент, которую давала Галиция. И, в самом лучшем случае, "русины" могли рассчитывать только на сколько-нибудь значительно меньшинство. Совсем другая картина была бы, если бы вся Галиция была поделена по признаку этнографическому на Западную-польскую и Восточную-русскую. Тогда бы в депутаты и Сейма, и Парламента от Восточной Галиции, несмотря на все давление поляков, были бы избираемы представители "русины" и трудно было бы опровергнуть не-польский характер этого края. Попытаясь это, представители "русины" всячески добивались разде-

Митр. Ангелович

Еп. Снегурский

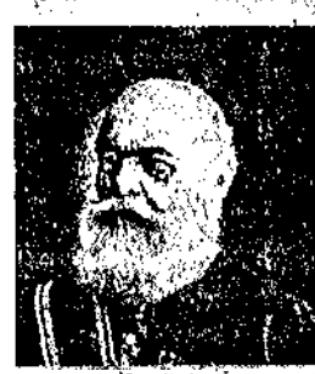
Митр. Якимович

И. Вагилевич

М. Шашкевич

Я. Головацкий
(в старости, в России)

Национально-Культурные деятели Галичины
Первой половины 19-го века.

лелия Галиции, а поляки всячески этому противились.

Это сопротивление поляков облегчалось тем, что они составляли социальную и административную верхушку в Восточной Галиции, а кроме того имели всемерную поддержку еврейского населения, непосредственно соприкасавшегося с местным населением. Насколько не мало и "русиев", которые, прельщаясь материальными благами, нередко поддерживали поляков.

Единственным препятствием для успеха польского культурного наступления в Восточной Галиции было, пробудившееся и оформленное организационно в годы революции 48-го года, национально-культурное самосознание населения. И с ним поляки натолкнулись на энергичную борьбу. Но она встретила не менее энергичный отпор.

Развитие нац.-культ. деятельности.

Несмотря на всякие противодействия польской администрации, культурная жизнь национально пробужденной Галицкой Руси бурно развивалась. За первое десятилетие после революции было напечатано множество разных изданий, начиная от календарей, брошиор, альманахов, учебников и кончая большими научными сочинениями, как например, трехтомная "История Галиции" Дениса Зубрицкого, изданная в 1857 году. Имена писателей и культурных деятелей: Головацкого, Петрушевича, Малиновского, Лозинского, Могильницкого и других стали широко известны по всей Галицкой Руси.

Народные школы находились в ведении духовенства, которое тогда давало основные кадры национально-культурных деятелей. Неошибимым авторитетом и лидером пробужденной Галицкой Руси был Григорий Якимович, спачала епископ Перемышльский, а впоследствии митрополит всей Галиции. В 1848 году он создал и возглавил "Главную Русскую Раду"; он же создал "Русскую Матицу"

центр культурной деятельности, снабжавший население литературой на родном языке.

Знакомясь с этой литературой (которая печаталась кириллицей — русским алфавитом), Галицкая Русь сравнивала ее с, хотя и мало, но все же прошкавшими печатными изданиями России, и убеждаясь, что все попадает. Отсюда она делала логический вывод о единстве всей Руси и русской культуры. Дальнейший вывод было нарастание пророссийских настроений, русофильство.

Поляки назвали это "москофильством" и начали всемерно бороться с этими настроениями, указывая центральному австрийскому правительству на опасность таких настроений в югоизменном

с Российской крае и ставя под сомнение лояльность Галицкой Руси вообще. И австрийская администрация начала бдительным оком следить за национально-культурной самодеятельностью своих подданных — «русию». Об «украинцах» тогда не знали и галичане сами себя называли (как уже упомянуто) «русскими» (с одним «с»).

Всякое национально-культурное начинание начало рассматриваться с точки зрения «неблагонадежности» политической, а его осуществители подвергаться репрессиям.

Так, например, когда Львовская Митрополия начала проводить в сильно ополяченной и латинизированной обрядовой жизни униатской церкви так называемое «очищение», то есть восстановление старых, бесспорно униатских, обрядов, в этом администрация и поляки усмотрели «москофильство» и нелояльность униатской церкви к Австро-Венгрии. «Очищенная» в обрядах униатская церковь была бы много ближе к русской, православной, чем установившаяся под влиянием поляков и католиков обрядовая сторона церковной жизни галицких униатов. Это то и всколыхнуло австрийцев и поляков. Образованная митрополитом Якимовичем «обрядовая комиссия», которую он сам возглавлял, вскоре заглохла и вопрос «очищения» больше не поднимался.

Поляки, в чьих руках фактически находилось управление всей Галицией, вскоре убедились, что задушить национально-культурное возрождение Галицкой Руси им не удается. Тогда они решили попытаться изменить его направление и вместо пути общерусского направить по путям сближения с культурой польской и отчуждения от культуры русской. Как первый шаг в этом направлении в 1859 г. была сделана попытка изменить алфавит. Поляк, граф Голуховский, наместник Галиции, приказал ввести вместо кириллицы латинский алфавит и все галицкие печатные издания печатать латинскими буквами. Но это распоряжение вызвало такой дружный и единодушный отпор, что не смогло быть проведено в жизнь и только еще более усилило прорусские настроения.

Прорусские настроения.

Сейчас, в половине 20-го века, уничтожающие сепаратисты много говорят и пишут об извечной вражде украинцев к русским, об отсутствии какой либо органической связи между украинской и русской культурой и о всегда существовавших антирусских настроениях у украинцев вообще, а у галичан в особенности.

Утверждения эти, при их добросовестной проверке, не выдерживают никакой критики и их опровергает сам идеолог украинского

сепаратизма М. Грушевский.

В своей «Истории Украины» (Киев, 1917 год) Грушевский поместил особую главу (125) прорусским, (“москофильским”) настроениям в Галиции и в Буковине в начале второй половины 19-го века.

Грушевский подробно описывает причины этих настроений: В народе была жива память о защите Россией православия еще во времена Речи Посполитой Польской. Доходили, конечно, и слухи о том, что в Российской Украине для коренного населения были открыты все пути к достижению самых высших постов в администрации всероссийской и к, ничем не ограниченной, деятельности в области экономической. Всего этого не было в Галиции, где слово “руси” обозначало бесправного крестьянина, которому фактически были закрыты все пути.

Известное облегчение, полученное от Австрии, после того когда к ней отошла Галиция, вызвало было проавстрийские настроения, выразившиеся в активной поддержке австрийского правительства в его борьбе с чехоязычными поляками в 1809 и в 1848 году, как об этом упоминалось выше.

По вскоре политика Австрии изменилась. С начала 50-х годов вся власть в Галиции была отдана в руки поляков, от которых там много потерпело население за время их 500-летнего владычества, сопровождавшегося религиозным, национальным и социальным угнетением. Надежды на Австрию не оправдались и, как и в годы польского владычества, опять устремились к единоплеменной и единокровной России. В глубинах народного сознания не угасала память о единстве Руси и тяготение к православию, несмотря на формальное униатство. Несяткоя на признание униатами католичества Папы Римского, католичество в их понимании оставалось верой “польской”, а православие — верой “русской”.

Это тяготение к России укреплялось старо-славянским языком, которым пользовалась в своей печати возрождавшаяся культурная деятельность Галицкой Руси. Язык же этот, как признает сам Грушевский был “достаточно близок к русскому книжному языку 18-го века». Усиливалось это тяготение и связями с русскими славянофилами половины 19-го века (Ногодин и другие); связи эти росли и крепли по мере культурного роста галицкой интеллигенции.

Кроме того огромное влияние на рост пророссийских (“москофильских”) настроений имела и политика России по отношению к Польше и полякам. Раздел Польши, разгром восставших поляков в 1830 году, подавление венгерского восстания (которое поддержи-

вали поляки) в 1848 году, не могли не радовать население Галицкой Руси и, по словам Грушевского, "Россия рисовалась как идеальное царство порядка и силы".

Австрия же, которая было своими реформами вызвала к себе симпатии Галицкой Руси, эти симпатии сразу же потеряла, когда, с половины 19-го века, открыто стала покровительствовать польскому незначительному меньшинству в Восточной Галиции и фактически отдала под власть этого меньшинства всех "русинов". Поляки же, получивши для этого возможность, возобновили свое религиозное, национальное и социальное давление, на формально свободных, но фактически бесправных "русинов".

С другой стороны, внешнеполитические неудачи Австрии и ее поражения в столкновениях с, освободившейся из под ее власти, Италией и разгромом Пруссии не только поколебали веру в ее силы, но и породили уверенность вineизбежности ее распадения.

В результате, как признает и сам Грушевский, население Галицкой Руси надежду на свое спасение стало возлагать на Россию. "Надеялись что русский царь вскоре заберет Галицию от Австрии и, в этих надеждах проповедовали сближение с русской культурой и языком" — пишет он в своей "Истории Украины" (стр. 508). Правда, эти надежды и стремления Грушевский приписывает только "консервативным элементам галицкой общественности", но ни о каких других "элементах" не в состоянии ничего конкретного сообщить по той простой причине, что их тогда не существовало. Появились они значительно позднее и более или менее заметны стали только к 80-м годам 19-го века.

В 50-ые же и 60-ые годы вся галицкая общественность определило и недвусмысленно была настроена русофильски в смысле культурном и общероссийски в смысле политическом. Чтобы убедиться в этом достаточно просмотреть печатные галицкие издания того периода. Ни в одном из них (все печаталось по старой русской орфографии) нельзя найти и намека на те антирусские настроения, которые стали характерными для значительной части печати начала 20-го века и доминирующими в галицкой ("украинской") эмигрантской печати.

В 1865 году ведущая газета Галичины "Слово", после поражения Австрии под Кенигсбергом, открыто выступила с формулировкой культурно-политических настроений Галицкой Руси. Она доказывала, что Галицкие "русины" и великороссы — один народ, а язык "русинов" — позиционное отклонение от русского языка и отличается от него только выговором; от Карпат и до Камчатки

существует только один русский народ; а в создании литературного "русинского" языка нет никакой падобности ибо уже существует только один русский народ и готовый русский литературный язык. (Слов "украина" и "украинец" тогда еще не было.)

Все это настолько неоспоримые факты, что не только их отрицать, но и ставить под сомнение не решается даже позднейшая "украинская" сепаратистическая историография, которая, как это доказано выше на многих примерах, с историческими фактами обращается весьма бесцеремонно.

Признание стихийного тяготения Галицкой Руси к России, сделанное основоположником украинской сепаратистической историографии --- Грушевским, заслуживает особого внимания. Во первых, оно ставит под сомнение основной тезис этой историографии об отсутствии русско-украинского исторического и культурного единства и взаимного тяготения друг к другу, тезис который является фундаментом политического украинского сепаратизма.

Во вторых, оно вызывает обоснованный вопрос, как же случилось, что в начале 20-го века известная часть галицкой интеллигенции (той самой, которая, по словам Грушевского, в 60-х годах была "ожвачена московофильством") была настроена антирусско. Вопрос этот приобретает особенное значение потому, что сепаратисты приписывают эти антируссские настроения не только всей Галиции но и всей Российской Украине и утверждают, что они всегда являлись характерными в русско-украинских отношениях.

Борьба Австрии с "московофильством".

Для правильного понимания причин, вызвавших антируссские противороссийские настроения у части (но далеко не всех) галичан надо обратиться к политике Австрии и России в национальном вопросе в последней четверти 19-го века.

В Австрии, конечно, не могли остаться незамеченными "московофильские" настроения Галиции, которые были доминирующими в 60-х годах. Австрия понимала опасность этих настроений для целости своего государства и предприняла ряд мер для борьбы с ними. Прямое запрещение и попытки бороться с "московофильством" такими мерами, как запрещение русского алфавита и введение латинского, как уже было упомянуто, успеха не имели и вызвали только усиление этих "московофильских" настроений. Для борьбы с ними надо было искать других путей и применять другие методы. И они были вскоре найдены.

К середине 60-х годов среди младшего поколения галицкой

интеллигентия появилось тяготение к сближению книжного "славяно-русского" языка, который был в употреблении галицкой печати, с языком народным. Тяготение это усиливалось и начавшимся в Галиции, как и в России, "хождением в народ" молодежи, во время которого она, соприкасаясь с народом, убеждалась в различии языка книжного от народного.

А в это время в Российской Украине было уже не мало литературы на разговорном, народном украинском или как тогда называли "малороссийском" языке. Литература эта, как уже упоминалось раньше, пользовалась русским алфавитом, а в своем развитии недостающие понятия заимствовала из литературы уже сложившегося русского литературного языка.

Сходным путем стремились пойти и галицкие интеллигенты, но, будучи сами сильно польонизированы и германализированы, они (не зная хорошо русск. языка) недостающие в бедном словаре народного языка, слова и понятия заимствовали из польского и немецкого языка. А так как и в народный язык галицких крестьян за 500 лет польского владычества и западного влияния вошло не мало польских и немецких слов, то это привело к созданию языка, значительно отличного от того "малороссийского" языка, на котором писали Котляревский, Квитка-Основьяненко, Шевченко и другие украинские писатели Российской Украины первой половины 19-го века. Старшее поколение галицких культурных деятелей, стремившихся к культурному и политическому слиянию с Россией, были против такого метода создания литературного языка, считая, что это новедет вместо сближения к разъединению Галичины и России. На этой почве уже к концу 60-х годов начало намечаться расхождение между представителями галицкого "московофильства" и, малочисленными еще тогда, сторонниками нового метода создания литературного языка, называвших себя "народовцами".

Расхождения эти были замечены и умело использованы австрийским правительством и поляками, которые в 1867 году отказались от своих антиавстрийских настроений и пришли к соглашению с австрийским правительством. Они обязались всемерно поддерживать единство Австрии и политику Габсбургов, а взамен получили от Австрии возможность проводить в Галиции полонизацию и борьбу с "московофильством", одинаково неприемлемым и для Австрии, и для поляков.

Роль католической церкви.

Католическая церковь, опасаясь что "московофильство" приведет к возвращению в православие униатской Га-

лицкой Руси, прияла активное участие в борьбе с этим "московофильством". И с 70-х годов вачалась планомерная и продуманная борьба с пророссийскими настроениями в Галичине. Не будучи в состоянии изменить твердо сложившиеся убеждения "московофилов" старшего поколения, правительство, католичество и поляки обратили внимание на оппозиционеров в их рядах — "народовцев" и начало их всемерно поддерживать, исподволь проводя идею о различности исторических и культурных путей не только Галицкой Руси, но и всей Украины-Руси от исторических и культурных путей России.

Дело народного образования, находившееся раньше в руках "московофильски" настроенного духовенства, было передано в ведение гражданской администрации Галичины, находившейся всецело в руках поляков.

Уинятский религиозный орден "Василианов", ведущий в Галиции культурную и религиозную работу и обладавший большими материальными средствами был отдан под руководство иезуитов в 1882 году. Начали создаваться "бурсы" — общежития для учащейся молодежи, в которых велась систематическая антирусская пропаганда. Молодежь, воспитанная в этих "бурсах" после окончания учебных заведений (духовных и светских) давала кадры антирусских настроенных священников, учителей и общественных деятелей.

Получение лучших приходов священниками, учительских мест и вообще возможности культурной деятельности стало зависеть от антирусских настроений и высказываний.

"Народовцы", куда шла эта антирусская воспитанная молодежь, получали всяческую поддержку властей, а "московофилы" вачали подвергаться разным репрессиям.

Борьба "московофилов" и "народовцев".

Начинает создаваться теория о полной обособленности Украины-Руси от остальной Руси-России и о их враждебности. "Народовцы" все чаще и чаще называют себя уже не "русскими", а "украинцами". И в, единой раньше по настроениям, Галицкой Руси начинается период ожесточенной борьбы между "московофилами" и "народовцами".

Борьба эта была очень выгодна и австрийскому правительству, и полякам, и католической церкви, ибо она, с одной стороны, разбивала национальное единство Галицкой Руси, а, с другой стороны, ослабляла опасные для единства Австрии, пророссийские на-

строения; с третьей стороны, облегчала господство католиков. Последние проявляли особую активность, в особенности митрополит Сильвестр Семибратович, который открыто вмешивался в политику, круто повел униатскую церковь по пути ее латинизации и, внеся в церковную жизнь политику, жестоко преследовал всех с ним несогласных.

Известному успеху "народовцев" — "украинцев", среди молодой интеллигенции (отрицать которого нельзя) не мало содействовала и политика русского правительства в украинском вопросе. После 1863 года начался ряд ограничений для развития украинской ("малороссийской") культурной деятельности в Российской Украине. Ограничения эти, особенно усилившиеся в 70-х и 80-х годах, совпали с покровительством "народовцам" — "украинцам" в Галиции и привели к тому, что многие культурные деятели Российской Украины начали тяготеть к Галиции и сотрудничать с галицкими "украинцами", а некоторые из них и вовсе переселились туда. Озлобленные ограничениями русского правительства украинской культурной деятельности и видя оказываемое ей Австрией покровительство, они начинают идти по пути полного отрыва украинской культуры от русской.

Само того не понимая, русское правительство своими "антиукраинскими" мероприятиями не побороло развитие украинской культурной самодеятельности (которая тогда вовсе не находилась в противоречии с идеей единства России), а толкнула ее на пути политического украинского сепаратизма, на который делала ставку Австрия.

И с 80-х годов 19-го века Галиция становится центром украинской культуры и политической жизни, которая развивается при благожелательном отношении Австрии и католической церкви.

Украинский сепаратизм. Перешедшее в Галиции из культурничества в политическую идеологию, "украинство" нуждалось и в научном обосновании, которое вскоре появляется в исторических трудах доцента Киевского Университета М. С. Грушевского, эмигрировавшего в Галицию.

Найдя широкую поддержку в Австрийском правительстве, создавшем ему предпосылки для научно-политической деятельности, Грушевский создает свою "историческую школу", которая провозглашает украинцев (в России и Австрии) единственными наследниками культуры и государственности Киевской Руси и отвергает великороссам какое бы то ни было на это право. Теория эта, со-

зданная путем подтасовки исторических фактов, замалчивания одних и выпячивания других, явилась так называемым "научным обоснованием" украинского политического сепаратизма. Естественно, что Австрийское правительство отнеслось весьма благожелательно к этой теории и предоставило средства для ее самого широкого распространения. "История Украины-Руси" М. Грушевского была издана на казенный счет, а ему самому предоставлены материальные возможности для продолжения его деятельности.

Создание украинского политического сепаратизма и появление теории обособленности Украины-Руси были крупнейшей политической победой Австрии и католичества и поражением дела собирания Руси, осуществлявшегося веками, и Московским Государством, и Российской Империей. В случае успеха оно не только устраивало опасность русофильских настроений в смежной с Россией Галиции, но и открывало широкие возможности вести украинскую сепаратистскую пропаганду в Российской Украине. Для Австрии же сепаратизм последователей школы Грушевского не представлял никакой опасности ибо он декларировал как свою конечную цель вовсе не создание независимого украинского государства, а присоединение Российской Украины к Галиции с тем, чтобы объединенная Украина входила в состав Австро-Венгерской монархии.

Эту подробность нынешние сепаратисты обычно обходят молчанием, а открытое австрофильство украинского политического сепаратизма объясняют тем, что это был только тактический маневр и они надеялись обмануть Австрию.

Перед католической церковью создание Украины в рамках католической Австро-Венгрии открывали возможности для распространения католичества на всю Украину.

По пути с сепаратистами было и австрийским полякам ибо они могли рассчитывать, что в случае отделения от России Украины, сможет отделяться и та часть Польши, которая входила в состав России.

Не удивительно поэтому, что появление "народовской" оппозиции в едином тогда фронте всей Галицкой Руси, возглавляемом "Главной Русской Радой", встретило всемерное сочувствие и получило поддержку и австрийского правительства, и католической церкви, и польских кругов Австрии.

Почти два десятилетия "народовцы" формально не рвали с Русской Радой и составляли внутри-партийную оппозицию в общем фронте "русинов", выступавших в общественной жизни Галиции и принимавшем участие в выборах депутатов в Галицкий

Сейм и Австрийский Парламент.

В результате выгодных для поляков выборных законов, сильная в начале 50-х годов "русская" группа депутатов начала уменьшаться и при выборах в Парламент в 1879 году Русская Рада смогла получить только три депутатских мандата. Все остальные достались полякам.

Этот неуспех "народовцы" использовали для пропаганды против империйски настроенного возглавления Русской Рады и повели с ним ожесточенную борьбу для ведения которой они получили возможность издавать свои печатные органы: "Батьківщина" — для крестьянства и "Діло" для интеллигенции.

Из оппозиции по чисто культурным вопросам, какой в начале было "народовство", оно скоро превращается в оппозицию политическую, принявши теорию отдельных русских и украинских культур и истории, против чего восставали "москофилы" — пионеры культурного возрождения Галиции.

Единственно в чем были единодушины и "народовцы" и "москофилы" ("старорусская" партия) — это в требовании раздела Галиции на Западную — польскую и Восточную — "русскую", или (как начали называть только в конце 19-го века) "украинскую".

Но при существовавшем тогда в Австрии выборном законе даже объединенные "народовцы" и "москофилы" никогда не могли рассчитывать провести в Сейм и Парламент сколько-нибудь значительное число депутатов, которые могли бы повлиять на вопрос административного разделения Галиции. Депутаты-поляки всегда составляли большинство депутатов от Галиции, что давало им основание утверждать, что вся Галиция польская и проводить колонизацию Восточной Галиции поляками и немцами при поддержке Австрийского правительства и католической церкви, которая проводила свою политику через, зависимых от Рима, униатских митрополитов и подчиненного им духовенства.

Разрыв "москофилов" и "народовцев".

Расхождения между "народовцами" и "старо-русской" партией ("москофилами") привели, наконец, и к формальному разрыву и созданию в 1885 году своего культурно-политического центра "народовцев", которую они назвали "Народна Рада", в противовес "Русской Раде", основанной в 1848 году.

С этого времени в Галиции начинается ожесточенная холодная война между двумя радами и их сторонниками.

Австрийское правительство всемерно поддерживало Народную

Раду. "Народовцы" получали места в администрации; "народовцы" священники — лучшие приходы, а их борьба с "москофилами" всегда находила сочувствие и поддержку у всесильных в Галиции поляков, центрального австрийского правительства и католической церкви.

"Русская Рада" и ее сторонники оказались в положении гонимых и преследуемых. Но это не сломило "москофилов". Имея на своей стороне сочувствие широких народных масс, а в своем политическом активе пионерскую работу по возрождению национально-культурной и политической жизни Галицкой Руси, Русская Рада успешно отражала наступление "народовцев", за спиной которых стояло австрийское правительство и католическая церковь.

Наумович, Дедицкий, Антонович и другие лидеры "старо-русской" партии вели энергичную борьбу против украинско-сепаратистской и прокатолической пропаганды "народовцев" и защищались против правительственные репрессий.

Пропаганда "народовцев" и правительственные репрессии особенно усилились в 80-х годах и деятельность "москофилов" старались представить как государственную измену: стремление к воссоединению с Россией.

Характерным для настроений того времени является известный процесс по обвинению в государственной измене ряда "москофилов" и попытка доказать нелояльность по отношению к Австро-Венгрии всех "старо-русов". Это так называемый процесс Ольги Грабарь и священника Наумовича. Поводом для этого процесса послужило следующее событие. Крестьяне села Гнилички, недовольные давлением своего униатского духовенства, поставили вернуться в православие. В польской печати около этого события поднялся шум. В этом усмотрели акт чисто политический, доказательство нелояльности к Австро-Венгрии, и был создан показательный процесс в государственной измене.

Несмотря на все усилия властей и помощь со стороны "народовцев" все обвиняемые были оправданы ибо наличие государственной измены на суде не могло быть доказано. Но он (этот процесс) еще больше углубил расхождение между "старо-русами" и "народовцами", которые все больше превращались в послушных проводников политики администрации, находившейся в руках поляков и католической церкви. Борьба с какими то ли было проявлениями симпатий к идее единства всей Руси, которая никогда не умирала в глубинах народного сознания Галицкой Руси, стала основной задачей "народовцев". Их деятельность соответствовала целям и за-

толической церкви, и польско-австрийской администрации, ибо была направлена к сближению униатской церкви с римско-католической и отдалению населения Галицкой Руси от России.

Правда, был один пункт расхождения "народовцев" с поляками: вопрос об административном делении Галиции, на котором настаивали "народовцы", солидаризируясь в этом вопросе со "старорусами". Для поляков же этот вопрос был неприемлем, ибо в случае разделения Восточной Галиции неизбежно ускользала бы от их влияния.

Но поляки надеялись, что успехи "украинства" и сближение с римско-католической церковью значительно ослабят отталкивание населения Восточной Галиции от поляков и смягчат требование раздела Галиции. А потому усиленно поддерживали "народовцев".

К половине 80-х годов уже был создан кадр молодой галицкой интеллигенции, на которую, действуя "кнутом и пряником", могла рассчитывать католическая польско-австрийская администрация Галиции.

С 1885-го года, после формального раскола единой до того "русской" партии Галиции и создания "народного" центра — "Народной Рады", борьба со "старорусами" переносится в широкие народные массы.

Ведя борьбу, обе соперничающие галицкие политические группировки продолжали сами себя называть "русскими". Об "украинстве" тогда только начали говорить и в политический обиход это слово тогда еще не вошло. Достаточно просмотреть многочисленные печатные издания обоих групп, чтобы убедиться в этом. Также в отчетах Галицкого Сейма и Венского Парламента группа депутатов-галичан всегда называлась "русскими" или "руспицами", но никогда "украинцами".

Нынешняя украинская историография, желая представить национально-культурное возрождение Галицкой Руси, как движение чисто "украинское" в политическом значении этого слова, при описании событий того времени непросту заменяет слово "русский" словом "украинский". В результате у читателя создается впечатление, будто бы все движение национально-культурного пробуждения Галиции было движением "украинским" в современном значении этого слова (то есть сепаратистически-самостийским и антирусским), а не прорусским, (стремящимся к воссоединению с Россией), каковым оно было на самом деле. "Украинство" же в современном смысле этого слова появляется в политической жизни Галиции только в конце 19-го века, точнее, к концу 80-х годов.

Еще в 1881 году известный знаток унии, ректор "Барбартум" — а, в Вене, доктор Юлиан Пелеш в своем капитальном труде — "История Унии" пишет об унии "рутенской" или "русской" церкви с Римом и никогда слова "украинский" не употребляет. Говоря о народе Галиции, доктор Пелеш в первом томе своей книги называет его "русским" и только в последнем предпочитает называть его "рутенами".

Борьба между "старо-русами" или "московофилами" и "народовцами", все чаще называющими себя "украинцами", особенно усиливается к концу 80-х годов. К этому времени, как уже упоминалось, были созданы соответствующие кадры молодой интеллигентии — "народовцев-украинцев", настроенных определенно антирусски, что было весьма важно для Австрии, которая считалась с возможностью столкновения с Россией и была обеспокоена наличием прорусских настроений в Галиции.

В 1887 году Галицию посетил наследник австрийского престола Рудольф и особенно любезно обошелся с представителями галицкой общественности, обещая им "всемерную помощь Короны для осуществления их справедливых желаний", как писали в отчетах об этом посещении. Вопрос, какое желание "справедливо", которое нет, дипломатически не уточнялся и это дало возможность всем утверждать, что "Корона на их стороне". Даже "старо-русам", с которыми Рудольф был отменно любезен и в памяти которых еще сохранились воспоминания о совместных (с "Короной") борьбах против поляков.

На чьей стороне была "Корона" (Австрийское Правительство) показали ближайшие годы.

Соглашение "народовцев" с Правительством.

После длительных переговоров между лидерами "народовцев", австрийским наместником графом Бадени и униатским митрополитом Сильвестром Сембратовичем (прямолинейным католиком) было достигнуто соглашение. "Народовцы", которые ранее боролись против митрополита Сембратовича (активно выступавшего в политику и даже создавшего свою клерикальную партию с несколькими депутатами в Сейме) капитулировали. Получив, и от него, и от графа Бадени обещания частичного исполнения их требований, они превратились в послушных исполнителей планов Вены и Рима.

"Новая эра."

В результате же, как следствие продуманной и целеустремленной поли-

тики Вены и Рима и недальновидной политики русского правительства, в 1890-м году в Галиции провозглашается так называемая "Новая Эра" — новое направление национально-культурно-политической деятельности той части галицкой общественности, которая по разным мотивам пошла за "народовцами", претендовавшими на право выступать от всей Галиции (т. е. от ее не-польского населения).

Во время выборов в Галицкий Сейм в 1889 году и "старо-русы" и "народовцы" вместе провели 16 депутатов, которые составили "Русский Клуб" Галицкого Сейма. Всего в Сейме было 151 депутат и "Русский Клуб" составлял только незначительное меньшинство. Поэтому рассчитывать на проведение через Сейм желательных для "Русского Клуба" решений не приходилось.

Но в расчет поляков и австро-германского правительства не входило просто, пользуясь большинством в Сейме, пренебрегать всеми желаниями галицких "русинов" и тем вызывать их раздражение и усиливать прорусские настроения. Гораздо выгоднее было создать впечатление, что сами галичане отрекаются от своего тяготения к русской культуре и России и изъявляют приверженность к Австро-Германии и католической церкви. Тогда можно было бы утверждать, что вся Галицкая Русь поддерживает Вену и Рим, а "москофильские" настроения есть антигосударственные, со всеми отсюда вытекающими для "москофилов" последствиями.

Когда были заключены все переговоры и сделаны пужные приготовления, 25-го ноября 1890-го года в Галицком Сейме представитель "Русского Клуба" Юлиан Романчук, учитель "русской" гимназии во Львове с другим депутатом А. Вахнянином, тоже учителем "русской" гимназии, не уведомляя свой клуб, выступили с заявлением, что народ Галицкой Руси не имеет ничего общего с остальной Русью и великороссами, а также с изъявлением от имени всей Галицкой Руси преданности и верности Австро-германскому царствующему дому и католической церкви.

Польская и правительственные печать подняла около этого выступления огромный шум и провозгласила, что наступила "Новая Эра" в национально-культурно-политической жизни Галиции.

Протесты депутатов Сейма, членов "Старо-Русской" партии против этого самозванного выступления от имени всего народа не привели ни к чему. А лидеру "старорусов" Н. Антоновичу митрополит Сембратович в Сейме коротко сказал: "кто не с нами — тому здесь нет места".

Из Сейма борьба против "Новой Эры" была перенесена в на-

род. "Старо-Русы" собрали во Львове 2-го февраля грандиозный митинг, на котором 6.000 представителей сел и городов Галицкой Руси единогласно осудили выступление Романчука и Вахнянина. Но все протесты никаких результатов не давали. Власти исемерно поддерживали сторонников "Новой Эры" и их борьбу против "Старо-Русов".

Но вскоре стало очевидно, что "Новая Эра" был только тактический прием власти для разделения "русинов" и никаких положительных ощущительных результатов не дала, кроме незначительных облегчений для национально-культурной деятельности, но только в духе провозглашенной Романчуком декларации. Реформы в униатской церкви (1891 г.) приблизили ее к церкви римско-католической; реформа правописания (введение фонетического правописания в 1892 г.) положила начало отдалению от русского языка. Высоко и энергично создавались предпосылки для полного отчуждения Галицкой Руси от общерусской культуры и включение ее в орбиту западно-католическую. Также энергично создавались кадры молодой интеллигенции, воспитанной в антирусском духе. Но основного, к чему стремилась вся Галицкая Русь — освобождения отпольского влияния или хотя бы тени равноправия с поляками, "Новая Эра" не дала. Против нее начала рости оппозиция не только "Старо-Русов", но и в рядах самых "Народовцев".

Радикалы.

К этой оппозиции присоединилась и сравнительно малочисленная группа "радикалов", левой, частично социалистически настроенной, галицкой интеллигенции. В начале (в конце 70-х годов) немногочисленные галицкие пионеры социализма и марксизма, к которым принадлежал и известный писатель И. Франко, во главу угла ставили вопрос социальные, а, жгучий в Галиции, вопрос национальный и вопрос взаимоотношений с поляками отодвигали на задний план, в надежде решить его в духе социалистической солидарности поляков и "русинов".

В начале своей общественно-политической деятельности И. Франко тесно сотрудничал с поляками о чем подробно сообщается во II томе "Истории Польши" (издание Академии Наук СССР, 1955 г. стр. 260). Франко перевел на украинский язык раздел 1-го тома "Капитала" Маркса и в 1878 году издал на польском языке "Социалистический Катехизис", в котором указывал, что национальная независимость без разрешения социальных вопросов не принесет никакого улучшения положения народа. Вообще, вопросы

национальные, игравшие главную роль в деятельности и "Старо-Русов" и "Народовцев", для Франка и его последователей (Далилюк, Павлик и другие) были вопросами второстепенными и они охотно сотрудничали с поляками без предварительного уточнения национальных взаимоотношений. Так, например, в созданный в 1878 году "Социалистический Комитет", наряду с поляками, вошел Франко и несколько его единомышленников.

К моменту "Новой Эры" группа "радикалов" уже представляла собой замкнутую политическую величину. К "Новой Эре" она относилась отрицательно, понимая и социальную и национальную сущность этого движения и называя его не без основания, "покорными слугами режима".

Политика же власти давала все основания утверждать, что оно выполняет обещаний, данных при подготовке провозглашения "Новой Эры". Поляки и католики непрежнему неограниченно проводили полонизацию и окатоличивание края, предоставляя своим союзникам — "Народовцам" только жалкие крохи обещанных благ и не допуская их к власти.

"Консолидация".
"Новый Курс".

В результате, в 1894 году тот самый Романчук, который провозгласил "Новую Эру", провозглашает ее конец,

рвет с правительством, переходит в оппозицию и ищет сотрудничества, как со "Старо-Русами", так и с левой частью интеллигентии, незадолго перед тем создавшей свою особую "радикальную" партию. Провозглашается так называемая "Консолидация" всех национальных сил Галицкой Руси для борьбы за свободу своей национально-культурно-политической деятельности. Но с правительством остается группа бывших единомышленников Романчука (Вахнянин, Барвинский и другие), которая с своей стороны провозглашает "Новый Курс", призывая лучше довольствоваться малым, чем потерять все. Правительство решительно становится на сторону "Нового Курса" и, не стесняясь самыми крутыми мерами воздействия, всячески поддерживает его сторонников. То же самое делает и митрополит Сембратович — глава униатской церкви.

"Консолидация" была принята польско-католическими кругами и правительством, как прямой вызов — п. наместник Галиции граф Бадени открыто заявил, что он "обойдется и без русинского представительства".

На ближайших выборах (1895 г.) он подтвердил свои слова на деле. Сторонники "Консолидации" были разгромлены и даже Роман-

чук не получил депутатского мандата. "Русинскую" (или как ее уже стали называть "украинскую") группу депутатов составили поборные исполнители желаний власти, последователи "Нового Курса" — Барвинский, Вахнянин и другие. Не безинтересно здесь отметить, что это тот самый Анатолий Вахнянин, который в свое время написал и переложил на музыку патриотическую песнь пробужденной Галицкой Руси, которая начиналась словами: "Ура на бой оры! За пану Русь сияющую, Ура!"

Но он был на государственной службе (учитель гимназии) и его карьера зависела от степени его предавности режиму и поддержки его политики...

Побежденные на выборах противники "Нового Курса", (совместно — "Старо-Русы" и "Народовцы") пытались обратиться с жалобой к императору Францу Иосифу и послали депутацию из 290 человек в Вену, но они были приняты подчеркнуто холодно. Стало очевидно, что надо или согнуть спину и покориться или считаться с возможностью попасть в число "неблагонадежных" и подвернуться всяческим репрессиям.

Ряды сторонников "Консолидации" и борьбы за свои права поколебались. Намечавшееся сотрудничество "Старо-Русов" и "Народовцев" не было осуществлено. Но записанные в свое время во все протоколы и широко рекламированные установки "Новой Эры" Романчука остались и правительство, опираясь на них, энергично проводило меры по развитию и усилению антирусских настроений, не жалея для этого средств и не стесняясь в применении репрессивных мер. Так же энергично проводилось и "сближение" (точнее, полное подчинение) униатской церкви Галицкой Руси с прямолинейным римским католицизмом. Труднее шло дело с полонизацией, ибо, несмотря на все усилия власти, не легко было искоренить отталкивание населения Галицкой Руси от вековых притеснителей — поляков.

Мероприятия правительства встречали отпор со стороны "Старо-Русов", опергично боровшихся за свои старые идеалы единства Руси. Сохранив многие старые культурные учреждения и создавши новые (например, "Общество Михаила Качковского") "Старо-Русы" не сдавали своих позиций и вели борьбу против проводимых властью идей "Новой Эры". Борьба эта была не легкая и затруднялась еще тем, что нужно было внешне оставаться лояльным верноподанным Австрии, политика которой была антирусской.

Это последнее обстоятельство широко использовали противники "Старо-Русов" и, по совету Барвинского, лидера клерикалов, мно-

гие из них стали "добровольными жандармами", следящими и доносящими на "Старо-Русов" — "москофилов", приписывая им антигосударственную деятельность. Во всем крае началась самая ожесточенная "холодная война" (сопровождавшаяся передко и физическими насилиями) между двумя направлениями культурно-политической жизни. Формальная "победа" как будто выходила на стороне последователей "Новой Эры" и власти, но, по существу, все эти "победы" во все не были доказательствами антирусских настроений широких масс народа, а результатом, вынужденного обстановкой, молчания "Старо-Русов". Они приняли тактику: "прятаться и ждать", твердо веря в правоту и торжество своих идей.

Пути "Старо-Русов", которых их противники называли "москофилами", и "Народовцев", все чаще называвших себя "украинцами", ("Старо-Русы" называли их "мазепинцами") разошлись окончательно и бесповоротно. К "Народовцам" примкнули и левые группировки (частично марксистские и социалистические), оформленные в политическую партию "радикалов". Несмотря на расхождение в вопросах социальных ("Народовцы были в этих вопросах "либералами-консерваторами"), между двумя этими партиями был найден общий язык. Сближало их общее у обоих партий отрицание единства истории и культуры всей Руси.

Национал-Демократы. И в 1899 году большинство членов обоих партий основали новую партию, назвавши ее "Национал-Демократической". В нее вошли виднейшие представители "Народовцев" и "Радикалов": Романчук, К. и Е. Левицкие, В. Охримович, Олесницкий, Франко, Грушевский и другие.

Хотя формально эта новая партия и не была безоговорочным исполнителем воли Рима и Вены, как "клерикалы" Барвипского, но ее антирусская установка и отрицание идеи единства истории и культуры всей Руси соответствовали планам и целям Австрии. А потому отношение правительства к ней, в основном, было благожелательным и оно не препятствовало ее деятельности.

Единственным препятствием для окончательной победы над прорусскими настроениями Галицкой Руси теперь остались, никак не сдававшиеся, "Старо-Русы" - "москофилы".

Борьба с ними стала общей задачей: австрийского правительства, католической церкви, господствовавших в Галиции, польских кругов и, сотрудничающих с ними и от них зависимых, галицких политических группировок. В последнее пятилетие 19-го века и первое пятилетие 20-го века, чтобы подорвать влияние "Старо-

Русов", против них было поведено энергичное наступление на всех секторах национально-культурной и социально-политической жизни, где они имели широкую сеть своих организаций.

С 1895 до 1905 года, как грибы после дождя, вырос целый ряд экономических, культурных и национальных организаций, контролируемых и направляемых "украинцами" антирусского и проавстрийского направления. Эти организации были в большинстве параллельными с таковым же, или сходными с уже существовавшими организациями "москофильских" настроений и новели с ними ожесточенную борьбу за руководство широкими народными массами.

За этот период в области экономической были созданы: О-во "Сельский Хоззии" (1898 г.), "Красной Кредитный Союз" (1904 г.), "Союз Молочных Кооперативов" (1904 г.), "Союз Скотоводческих Кооперативов" (1905 г.) и другие. Все они имели свои отделы и отделения по всей Галиции.

В области народного просвещения Общество "Просвіта" покрыло всю Галицию сетью библиотек, читален, курсов для неграмотных, театральных кружков, хоров, музыкальных обществ и других. Особое внимание было обращено на создание "бурс" — общежитий для учащихся средних и высших школ и (соответствующее идеологии "украинства") воспитание молодежи.

Дело физического воспитания народа новели "Украинский Сокол" (осн. 1898 г.) и "Сечь" (основана Кириллом Трильовским в 1900 г.). Имея ячейки в городах и селах, они готовили кадры будущих борцов за идею "Самостийной Украины" (разумеется, под эгидой Габсбургов).

И "Сокол" и "Сечь" были организациями чисто "украинского", в тогдашнем понимании этого слова в Галичине. Это значит, что так называемые, "москофилы" в эти организации не входили.

"Сокол" состоял преимущественно из городских жителей и был создан Иваном Боберским по образцу чешского "Сокола". Политически-национальное руководство "Сокола" находилось в руках "Национально-Демократической Партии", антисоциалистической по программе, и лояльно сотрудничавшей с Правительством.

"Сечь" состояла преимущественно из крестьянской молодежи. Создана глазным образом усилиями Кирилла Трильовского, одного из лидеров "радикалов" — идейных наследников социалистико-марксистских групп Драгоманова и Павлика (с которыми в свое время сотрудничал и Иван Франко). В "Сечи" были очень сильны настроения социалистические, хотя явно это и не декларировалось. Тогда, внешне, "радикалы" (и их детище — "Сечь") были верно-

подданными Австрийского Императора и такими же врагами России и "москофилов", как и, руководимый "Национал-Демократами", "Сокол".

О настроениях "радикалов" их лидер — Иван Макух — в своих воспоминаниях ("На народній службі". Детройт. 1958 г. — стр. 208) пишет: "мы тогда все без исключения желали, чтобы Центральные Державы выиграли войну, а Россия проиграла" и рассказывает, как он старался пропагандировать среди крестьян подпись на военный заем Австрии, за что получил от Императора орден — "Гражданский Крест за Заслуги".

Кроме "Сечи" и "Сокола", для воспитания детей в духе "украинства", был создан "Пласт" — украинские бой скауты.

Так как все эти организации были проникнуты не столько спортивным, сколько шовинистическо-“украинским” и австрийским верноподданническим духом, то не удивительно, что Австрийское Правительство им всячески покровительствовало и на слет этих организаций летом 1914-го года прибыли австрийские генералы.

Все перечисленные выше организации были по существу закамуфлированными чисто политическими организациями, деятельность которых была неразрывно связана с пропагандой вражды к России, верности Австрии и отрицания единства истории и культуры всей Руси. Поэтому они имели полную поддержку австрийского правительства.

Не поддержка эта прекращалась там, где начинался конфликт с польским влиянием в Галиции. Несмотря на все домогательства, сотрудничавших с правительством политических групп, и несмотря на огромную пользу их антирусской деятельности, Австрия не хотела и слышать об административном отделении Восточной Галиции от Западной, к чему единодушно стремились все без исключения политические партии Галицкой Руси. Полякам Австрия доверяла больше, чем разным Барвиковским, Романчукам, Грушевским и прочим колаборантам. Она их щедро вознаграждала за их работу, по передать в их руки власть в Восточной Галиции, что было неизбежно при разделе Галиции, она не решалась. И до самой первой мировой войны Галицкий Сейм оставался несокрушимой твердыней польского влияния в Галиции. А от него зависело направление внутренней политики края, как по вопросам национально-культурно-политическим, так и по вопросам экономическим.

Считал всю Галицию интегральной частью Польши, все польские партии в Галиции были единодушны в своем стремлении окончательно ополячить непольскую Восточную Галицию, в которой со-

диально и экономически они господствовали безраздельно. Так же единодушно было и население Восточной Галиции в своем отпоре против ее ополячивания. Но сюда было разделено с конца 19-го века на два непримиримых лагеря, так называемых "московофилов" и "мазепинцов".

Первые видели спасение в верности идеи единства истории и культуры всей Руси, что приводило к стремлению к воссоединению с Россией, и Австрия, не без основания, ставила под сомнение их лояльность. Вторые, эту идею единства отрицали, называли себя "украинцами" и будущее Восточной Галиции видели в воссоединении с отторгнутой от России всей Российской Украины и создании "Украинского Государства", но не самостоятельного, как теперь утверждают сепаратисты, а в границах Австро-Венгерской монархии. — по примеру Венгрии.

Естественно, что Австрия всемерно поддерживала "украинцев" и приуждала поляков, (однаково враждебных и к "московофилам" и к "украинцам") все же итии на некоторые уступки "украинцам". В результате этих уступок, в Восточной Галиции было открыто несколько укр. средн. школ и несколько кафедр при Львовском университете, но при этом зорко следилось, чтобы и учащие, и учащиеся были "украинского", а отнюдь не "московильского" направления. В награду за свою приверженность Австрии получили "украинцы" и жое какие мелкие экономические компенсации для контролируемых ими кооперативов, страховых обществ, издательств. Но ключевые позиции экономической жизни по прежнему оставались в руках поляков и сотрудничавшего с ними еврейского капитала. На верхние ступени социальной и административной лестницы "украинцы" не носкались. По существу их только терпели за их, полезную для Австрии, антирусскую проваганду. Попытки поднять экономическое и культурное положение народа не приводили ли к чему. Так, например, в 1902 году по инициативе левого крыла "украинцев" были проведены забастовки сельско-хозяйственных рабочих. Забастовки были горячо поддержаны этими рабочими и подняли популярность их инициаторов, надеявшихся сломить эксплуатацию беднейшего крестьянства помещиками и арендаторами. Но результат был плачевный. Помещики и арендаторы привезли дешевых рабочих из чистопольских областей и начали обзаподиться сельско-хозяйственными машинами. Местные рабочие лишились и того малого, что имели. В поисках сезонных заработков ежегодно стали выезжать в Пруссию по 100 тысяч и больше галичан, где они находили работу у немецких помещиков. Кроме того необычно усилилась эмиграция в Америку.

Напуганные же сельско-хозяйственными забастовками, часть помещиков стали парцеляировать свою землю и продавать крестьянам. Но не своим, тем, кто как крепостные когда то работали на этих землях, а полякам из Западной Галиции, с целью полонизировать Восточную Галицию.

Не больших успехов достигли "украинцы" и в области культуры. Результаты широко рекламируемой сепаратистами "украинской культуры" в Галиции (которую они называют "Племянтом Украина") можно было видеть в многочисленных беженских лагерях в Германии после 2-ой мировой войны, в которых было много десятков тысяч галичан. По данным учреждений, ведавших этими лагерями и открывших там курсы по ликвидации безграмотности, подавляющее большинство (в некоторых лагерях до 100%) на этих курсах составляли галичане. И не потому, что они имели особое тяготение к науке, а по той простой причине, что среди лагерников — уроженцев Российской Украины неграмотных не оказалось.

Этот неопровергнутый факт, свидетелями которого были много сотен тысяч беженцев — лагерников, зафиксированный в отчетах УНРА и ИРО, ведавших лагерями, красноречиво говорит о возможностях культурного развития украинцев в России и в Австрии, а позднее и в Польше.

В 1772 году, как уже упоминалось, австрийский престолонаследник констатировал, что "народ Галицкий — самый приниженный и забитый", как он писал своей матери-императрице Марии Терезии после посещения Галиции.

Почти через полтораста лет, в 1914 году, то же самое говорила российская армия, занявшая Галицию. С удивлением и недоумением смотрели офицеры и солдаты Российской армии, как галицкие крестьяне целовали руки не только, немногим не бежавшим, помещикам или их управляющим, но даже и лавочникам-евреям, как убого было их хозяйство по сравнению с хозяйством крестьян Российской Украины.

Это убожество галицких крестьян свидетельствует, что все усилия, колаборировавших с властью "мазепинцев" ничего ощущительного в смысле поднятия материального положения крестьян, как и в области культуры — не дали.

В значительно худшем положении находилась та часть населения Галицкой Руси, которая осталась верна идее единства Руси и не попала за пропагандой "мазепинцев". Их называли "москофилами" и все они считались потенциальными государственными изменниками. Ни на какую карьеру на государственной службе или в

церковной жизни они рассчитывать не могли. Какая либо активность в общественно-политической и культурной жизни им всячески стеснялась и ограничивалась не только польско-католическими представителями государственной и краевой власти, но и своими же галичанами, которые находились под влиянием "мазепинцев". Слова депутата Барвинского, что "каждый украинец должен быть добровольным жандармом и следить и доносить на москофилов" неукоснительно проводились в жизнь в городах и селах Галиции и фактически превращали "москофилов" в насыпок своего государства — Австрии и в "лишеницев", хотя формально они и считались равноправными поданными австро-венгерского императора.

Во время выборов в Австро-Венгерский Парламент и в Галицкий Сейм борьба между "мазепинцами" и "москофилами" принимала исключительно острый характер и приводила к физическим столкновениям, передко сопровождавшимся убийством противников ("москофилов") или уничтожением их наущества при полном попустительстве властей, ибо нападающей стороной всегда были "мазепинцы".

Выборы 1907 года. В 1907 году в Австро-Венгрии проходили в первый раз всеобщие, прямые, равные и тайные выборы в Австро-Венгерский Парламент (Рейхсрят).

Австро-венгерское правительство делало тогда ставку в Галичине на поляков, считая их наиболее лояльными и желательными для себя кандидатами. Не имея возможности провести в депутаты от всей Галиции только поляков, Правительство поддерживало всемерно ту часть населения Галичины, которая называла себя "украинцами" и была поделена на три партии: буржуазно-демократическую — "националь-демократы"; просоциалистическую — "радикалы"; марксистскую — "социал-демократы".

Кроме этих трех "украинских" партий в борьбе за депутатские места участвовали и "москофилы" ("старорусины"). К нам Правительство относилось резко отрицательно и принимало все меры, чтобы представители этой партии не попали в Австро-Венгерский Парламент.

Однако, в результате ожесточенной борьбы, имея противниками, и Австро-венгерское Правительство, и все три "украинские" партии, и всех поляков, и всех евреев — "москофилы" все же получили 5 мандатов, из общего числа 27 депутатов от Галичины ("русской" части ее населения). Кроме того буковинские "русины" получили 5 мандатов. Всего 32 "русины" в Венском Парламенте.

Эти 32 депутата, войдя в Парламент, образовали свой клуб и назвали его "Русский Парламентарий Клюб". Возглавил этот клуб известный галицкий политический деятель Юлиан Романчук. По партийной привадлежности 27 депутатов от Галиции распределялись так: Наци.-Демокр. — 17; радикалы — 3; соц.-демокр. — 2; "москофилы" — 5. Буковинцы, в основном, гравитировали к Национал-Демократам. Их лидером был буковинский помещик, армянин по происхождению — Н. Василько.

Вступая в Райхсрат, эти 32 депутата сделали письменную декларацию, которая заканчивалась следующими словами: "Новые выборы в Райхсрат проведены в Галиции тенденциозно и противозаконно, и этим еще уменьшено минимальное количество мандатов, принадлежащих русинам. Эти события повелевают нам, представителям галицких и буковинских русинов, как части русской нации, которая никогда не отказывалась от своей самобытности, публично заявить, что мы, стремясь к национально-территориальной автономии в Австрийской Державе, протестуем против неприродного, ни на каких исторических правах не основанного, деления нашего народа путем краевой автономии и возражаем против расширения краевой автономии, против исключительных законов для Галиции и против уменьшения нашего представительства противозаконным проведением выборов.

С этим протестом вступаем в Палату Депутатов и заявляем, что мы приложим все усилия, чтобы устранить несправедливость, которая тяжко гнетет русинов, и вернуть наши национальные и политические права." (Цитаты текст этой декларации приведены в книге І. Макуха "На Шародії Службі". Детройт. 1958. стр. 152).

Декларация эта была оглашена 20 июня 1907 года представителем "русского" клуба К. Левицким. Как видно из текста декларации, в ней нет ни где слова "украинец", а все (без различия партий) представители Галиции называют себя "русиами", а свой клуб — "русским".

Эта декларация заслуживает особого внимания, ибо она демонстрирует подлинное национальное единство всех галичан, когда вопрос идет о борьбе с их злокачественными угнетателями — поляками. Разделением Галиции на Восточную и Западную галичане хотели добиться отстранения поляков от руководства всеми сторонами жизни Восточной Галиции, где поляки составляли только незначительное меньшинство. В этом вопросе все галичане были единомышленны и единодушны.

Так же единомышленны были они и 11 лет спустя, когда в

1918 году провозгласили Восточную Галицию независимым государством и вели за нее борьбу с Польшей.

Борьба эта — и на выборах в Галичине, и в выступлениях в Венском Парламенте, и на полях сражений с поляками в 1918-19 годах — была борьбой чисто национальной, в которой активно участвовало все население, независимо от партийной принадлежности. Это была действительно борьба за национальное освобождение.

То же что многие называют “борьбой за национальное освобождение” на территории Великой Украины — это была борьба одной части населения против другой; борьба чисто социальная, вызванная стремлением кучки социалистов захватить в свои руки власть на Украине. В отличие от Галиции, где борьба объединяла, на Великой Украине эта борьба разъединяла.

**

Желая сохранить нужную объективность, нельзя замалчивать и тот факт, что, проявлявшееся в отдельных случаях в борьбе против поляков единство всего населения Галичины, еще не значило наступления межпартийного мира и согласия между отдельными враждующими партиями.

Не пропло и месяца после оглашения, упомянутой выше, декларации, как “москофилы” начали выступать в Галицком Сейме “московською мовою”, как об этом пишет в своих воспоминаниях, уже упомянутый выше И. Макух. Это послужило причиной выхода их из “руського парламентарного клуба” Венского Парламента, вступая в который они заявили, что “будут признавать существование малорусского народа и защищать его интересы” (цитируется по И. Макух — стр. 153).

После этого отношения “украинцев” и “москофилов”, бывшие и раньше враждебными, еще больше обострились и остались таковыми до самого распадения Австро-Венгрии.

**

Выборы в Сейм 1908 года.

Однако все притеснения и преследования не сломили дух “москофилов” и они упорно боролись против агрессии, объединенных с поляками и правительством, “мазепинцев”. Что эта борьба была неудачна и что “москофилы” не потеряли своих сторонников в народных массах красноречиво говорят следующий факт. В 1908 году происходили в Галиции очередные выборы в Сейм. Борьба велась за депутатские места между “Украинцами” и “Москофилами”. Отношения между “украинца-

ми" и наместником Галиции, графом Потоцким, к этому моменту были враждебные в результате нескольких, с точки зрения Потоцкого, "их бесстыдных выступлений". И вот Потоцкий, как представитель государственной власти, "делает ставку" на "московофилов", как говорят сепаратистские украинские историки. По существу это было только некоторое ослабление террора при выборах, благодаря которому раньше "украинцы" добивались депутатских мандатов. В результате, в Сейме появилась сильная численно и целеустремленная идеологически "московофильская" группа депутатов. Обескураженные "украинцы" ответили на это убийством самого Потоцкого (покушение фанатика "украинца" Сичинского в 1908 году).

Не менее взаимновали результаты выборов 1908 года и Австро-рийское Правительство. Население пограничной с Россией Галиции отдало значительную часть своих голосов "московофилам", тяготевшим к России, отношения с которой обострялись и к войне с которой Австрия усиленно готовилась.

И Правительство и "украинцы" из результатов выборов 1908 года сделали выводы. Быстро состоялось между ними полное примирение перед лицом общего врага — прорусских настроений населения Галицкой Руси. Как из рога изобилия посыпались на "украинские", ("мазепинские") хозяйственные, культурные и политические организации благодеяния австро-рийского правительства: щедрые денежные субсидии, проект создания украинского университета во Львове, паряду с существовавшим тампольским (всего с несколькими "украинскими" кафедрами), реформа избирательного закона, благоприятная для Галиции, всемерная поддержка "украинцев" в их борьбе с "московофилами".

За это группа депутатов — "украинцев" в Венском парламенте сделала заявление, что в случае войны с Россией население Галиции будет на стороне Австрии. Описывая это сотрудничество "украинцев" с Австро-рийским Правительством в годы предшествовавшие первой мировой войне, украинская историография подчеркивает роль, значение и быстрый рост спортивно-военных организаций "украинцев" — "Сечи" и "Сокола", покрывших своими отделами всю Галицию. Украинский историк Иван Холмекий в своей "Истории Украины" (Мюнхен 1949 год) на стр. 353 пишет следующее: "В предвидении скорого начала борьбы были с организованы первые военные подразделения, а большой съезд "Сечей" и "Соколов" в июне 1914 года был своего рода смотром военных приготовлений".

Положение "московофилов", которые упорно не сдавались, в эти годы было особенно тяжелым. Но на капитуляцию перед "мазе-

нициами" они не попали, а их симпатии к России росли и крепли, несмотря на то, что российское правительство мало, вернее, почти ничего не делало, чтобы их поддержать. В то время, когда в различных учебных заведениях России были бесчисленные стипендии для сербов, болгар и черногорцев, уроженцев Галицкой Руси среди этих стипендиятров не было. Не было оказываемой и сколько-нибудь заметной материальной или хотя бы моральной помощи, хотя "мазеницы" в своей пропаганде и утверждали, что "москофилы" находятся на содержании у Русского Правительства.

Россия и Галичина.

Российская общественность о делах

Галицкой Руси знала очень мало, а

Правительство считало некорректным вмешиваться (хотя бы и косвенно) во "внутренние дела" Австрии, каковыми оно считало борьбу "москофилов" за идею единства Руси и открытую пропаганду "украинцев" — "мазеницев" за отторжение от России всей Украины.

Только в 1911 году прозвучал с трибуны Государственной Думы голос, обращающий внимание на происходящее в Галиции. Член Государственной Думы Влад. Ал. Бобринский, возвращаясь со Славянского Съезда в Праге, на котором были и делегаты от Галиции, задержался там и был свидетелем ожесточенной предвыборной борьбы в Галиции и той стойкости, с которой "москофилы" боролись за идею единства Руси. "Я не знал, что за границей существует настоящая Русь, живущая в неописуемом угнетении, тут же под боком своей сестры — Великой России. Как любить Русь и бороться за нее надо всем нам поучиться у Галичан" — сказал в Думе граф Бобринский. Но все его попытки организовать широкую помощь этой угнетенной Руси не дали больших результатов. Ни у Правительства, ни у широкой общественности он не нашел широкой поддержки. Только отдельные лица, понимавшие все значение поднятого им вопроса, откликнулись на его призыв. Из них были сформированы в Петербурге и Киеве "Галицко-Русские Общества", которые собирали частные пожертвования для помощи культурным учреждениям Галиции и для содержания русских "бурс" (общежитий для учащихся). Помощь эта была очень скромной, Русское Правительство никаких субсидий не давало. А оказывалась она совершенно открыто и отчеты о пожертвованиях и об израсходовании средствглашались в печати.

Гораздо большее значение имела деятельность "Русско-Галицкого Общества" в России. Выступая на собраниях и в печати, оно

осведомляло российскую общественность о положении, верных идеи единства Руси, галичан и пробуждало интерес к судьбе этой отторгнутой части Киевской Руси. В России начинали понимать, что галичане — это не “австрийцы”, (как их часто называли на основании их австрийского подданства), а жертвы Австрии, попавшие под ее власть в результате ошибочной политики России в прошлом.

В 1913 году Австрия исковернула “шпионский процесс”, обвиняя нескольких видных “москофилов” (Бендасюк, Колдра, Салдович, Гудима) в государственной измене.

Но на этом процессе, как и на ряде других, несмотря на все давление австрийского правительства, все обвиняемые были оправданы.

Эти процессы еще более обострили отношения между “москофилами” и “украинцами”, так как в своей пропаганде “украинцы” всех “москофилов” называли “еще не обнаруженными государственными изменниками” и требовали от правительства репрессивных по отношению к ним мероприятий. “Москофилы” вынуждены были вести пассивную оборону против, наседавших на них, непримиримо-шовинистически распропагандированных, “украинцев”. Не надеясь на защиту правительства и не видя помощи от России, “москофилы” затаились, скрывая свои мысли и веря, что придут лучшие времена. А многие из них в этот тяжелый период (десятилетие перед 1-ой войной) эмигрировали в Америку и создали там свои организации. Впоследствии эти организации сделали очень много для сохранения идеи единства Руси, помоши всем борцам за эту идею и жертвам оголтелого агрессивного шовинизма галицких “украинцев”. В С.П.А. душою дела был свящ. И. Федоренко.

Массовое переселение галичан в Россию (на Кубань), которую в свое время пытался организовать известный вождь “москофилов” протоиерей Наумович, основатель “Общества имени Качковского”, по ряду причин не могло быть осуществлено. Эмигрировать в Россию и найти там вторую свою родину удалось только немногим единицам. Некоторые из них достигли в России высоких положений, как, например, Головацкий, один из лидеров эпохи начала пробуждения Галицкой Руси; еще раньше — Балудянский, первый ректор С.-Петербургского Университета, Ладий — ректор того же университета; позднее, известный академик Грабарь; еще позднее, маршал СССР Федоренко и другие.

Основная же масса “москофилов” оставалась в Галиции, испытывая на себе, свойственный полякам, (которые и при Австрии имели всю власть в Галиции) комбинированный гнет: националь-

ный, социальный и религиозный.

Этот комбинированный гнет характерен для Польши в те периоды ее истории, когда другие народы попадали под власть поляков. Это не был колониализм и материализм Англии, Франции и других колониальных государств, которые, подчинив себе народы и территории, делали их объектом экономической эксплуатации, не вмешиваясь в быт, религию, культуру подчиненных народов. Не было это и те взаимоотношения, которые существовали в дореволюционной России с теми народами, которые в ходе исторических событий становились ее составной частью. Россия не затаила дискриминации по признаку религиозному и национальному и всем открывала неограниченные возможности, карьеры на государственной службе и для экономической деятельности, не вмешиваясь в вопросы религии и быта. (Единственные ограничения существовали для лиц еврейской религии, но не расы и происхождения.)

Проводя политику (чего отрицать нельзя) русификации, русское правительство не рассматривало не великорусские народы, как объект эксплуатации, а стремились "переварить их в общероссийском кotle", как это и сейчас делают Соединенные Штаты Америки, переваривая в общеамериканском кotle все народы и расы для создания "американской нации".

Совсем иначе было дело в Польше. И в прежней Речи Посполитой, и в Польше, воссозданной после Первой мировой войны. Все отрицательное в национальных взаимоотношениях типично колониальных государств Запада и дореволюционной России поляки комбинировали в своем отношении к не-польскому населению своего государства, прибавляя к этому еще и бесцеремонное вмешательство в религиозную жизнь.

Объем книги не позволяет задерживаться на подробностях этого, присущего полякам, комбинированного социально-национально-религиозного гнета, находившихся под их властью, народов. Об этом существует многочисленная, хорошо документированная литература, к которой и отсылаем всех интересующихся этим вопросом.

В восстановленной после Первой мировой войны Польше, заявившей себя демократическим государством, в тридцатых годах двадцатого столетия можно было видеть в Вильнюсском университете отдельные скамьи для евреев. Можно привести многочисленные случаи самого грубого вмешательства власти в церковные дела своих граждан не-католиков, начиная с принудительного закрытия и разрушения православных храмов, и кончая переводом православного богослужения на польский язык. До этого никогда не доходило в са-

мые реакционные периоды российской политики в национальном вопросе и никто никогда не делал попытку заставить поляков или евреев молиться по русски. Не было в демократической Польше и фактического равноправия между католиками и не-католиками. Последним были закрыты возможности для продвижения на службе, как гражданской так и военной, хотя они не-католики составляли около 40% всего населения Польши. Кроме того, несмотря на провозглашенное равноправие, существовал целый ряд ограничений для не-католиков (католики отождествлялись с поляками) в восточных областях Польши с не-католическим населением, например, при проведении аграрной реформы, при получении в аренду казенных угодий и других.

Предвоенные годы.

Убийство Потоцкого принесло галицким "украинцам" (так называемым "мазепинцам") немалую пользу. После краткого периода некоторых смягчений правительственного давления на "москвофилов" (во время выборов в Галицкий Сейм в 1908 году), давление это возобновилось с новой силой и, все нарастая и усиливаясь, длилось до самой войны 1914 года.

И преемник Потоцкого, заместник Галиции Бобржинский (тоже поляк), тесно сотрудничал с той частью галичан, которая называла себя "украинцами" и всячески и всемерно их поддерживал в их борьбе с "москвофилами", которая приняла характер политического террора по отношению к последним.

Яркой иллюстрацией характера взаимоотношений между этими, борющимися между собою, частями галичан может служить интерpellация (запрос), сделанная в 1912 году от имени парламентского клуба "украинцев" (так теперь они себя называли в Большом Парламенте), К. Левицким.

Вот что сообщил об этой интерpellации священник о. Иосиф Яворский, депутат Польского Сейма на Талергофском стезде во Львове 31 мая 1934 года:

"Всем, кто знает австрийский парламентарный строй известно, что непременно — то в Вене, то в Будапеште — собирались на совещания так называемые делегации австрийского и венгерского парламентов.

В 1912 году председатель украинского клуба (Австрийского Парламента) др. Кость Левицкий во время заседаний делегаций внес от имени своего клуба военному министру Schoenaich'у интерpellацию такого содержания: "Известно ли Вашему Превосходитель-

ству, что в Галиции существует много руссофильских бурс (общежитий) для учащейся молодежи, воспитанники которых получают право одногодичной военной службы и достигают офицерского чина? Как выглядят шансы войны, если в армии, среди офицеров, есть столько врагов-руссофилов? Известно ли Вашему Превосходительству, что среди населения крутится масса руссофильских шиншолов, которые кишают, а рубли катятся между народом? Что намерены сделать Ваше Превосходительство, чтобы на случай войны обеспечиться перед руссофильской работой, которая между народом так расширяется?"

Иначе как недостойным доносом австрийским властям на своих же галичан, борющихся за свое национальное освобождение от польско-австрийско-католического гнета, назвать эту интерпселяцию нельзя.

Заслуживает внимания она не только потому, что свидетельствует о моральном уровне "украинствующих" галичан и их методах борьбы с противниками, но также и потому, что является неопровергнутым доказательством наличия и силы "московофильских" настроений в Галиции в предвоенные годы.

Первая Мировая война.

Как уже было сказано, в Российской

Украине начало войны вызвало взрыв общероссийского патриотизма, объединившего все население Украины. Совсем иначе было в Галиции. В начале войны она была разъединенной и в ней велась ожесточенная борьба между наступавшими (при поддержке правительства и поляков) "украинцами" и не сдававшимися "московофилами".

Уже в первые дни после объявления войны все "украинские" партии Галиции проявили не только лояльность по отношению к Австро-Венгрии, но и австрийский "сверхпатриотизм". С одной стороны, они немедленно сформировали воинскую часть под именем "Украинские Сечевые Стрельцы" из добровольцев, не подлежащих призыву в армию. Украинские организации "Сокол" и "Сечь" дали людей для этого формирования и в дальнейшем вели пропаганду за пополнение У. С. С., Правительство же выделило из армии нужный командный состав. С другой стороны, следуя советам и призывам своих лидеров (Рудницкий, К. Левицкий и др.), "украинствующие" галичане сделались "добровольными жандармами" и занялись доносами на своих же галичан "московофильского" направления.

Р. Чайковский

Прот. И. Наумович

Жертвы террора — повешенные "москофилки".

М. Сандович

Д. Марков

В. Курилович

И. Федоренко

Национально-Культурные деятели Галичны —
Борцы за единство всей Руси
Конца 19-го века и предвоенных лет.

Террор. Телергоф.

В первые месяцы войны, по малейшему подозрению или непроверенно-

му доносу, "москофилов" или заподозреных в "москофильстве", без суда и следствия, арестовывали, вешали, а, в лучшем случае, ссылали в концентрационные лагеря вглубь Австрии. Наступавшая тогда русская армия на каждом шагу натыкалась на следы этих зверств, нередко, — на еще не остывшие тела повешенных, среди которых были и женщины.

Сытаемые подвергались всяким издевательствам со стороны не только австрийской жандармерии, но и распропагандированных масс, считавших их "русскими шпионами". Убийства арестованных, иногда прикалывание штыками на улицах города (например в Пере-мынле) были обычным явлением. Во время этих бесследных расправ погибло не мало людей. Не мало погибло и в концлагерях, где они находились в невыносимо тяжелых и физических, и моральных условиях. Одной из жертв таких расправ был уважаемый всеми священник о. Максим Сандович. Он был расстрелян без суда в сентябре 1914 г. в Горлицах. Надая, он воскликнул: "да здравствует Русский народ и святое Православие!" Палачи докололи его штыками...

Размер книги не дает возможности уделить много места описанию всех тех зверств и издевательств, жертвой которых были галичане, не согласные с русофобией и антирусской деятельностью галицийских "украинцев".

Весьма подробно и строго документировано изложены они в четырех выпусках "Телергофского Альманаха", изданных во Львове в 1924-32 годах. Этот альманах назван "Телергофским" по имени главного концлагеря, в котором люди страдали единственно за свою верность идеи единства Руси.

31 мая 1934 г. во Львове состоялся "Телергофский Съезд", на котором собрались уцелевшие его заключенные и их друзья и был открыт памятник жертвам Телергофа, который одновременно был и памятником всем жертвам террора, свирепствовавшего в Галичине и Закарпатье в годы войны.

Этот террор не щадил даже депутатов Венского Парламента — "москофилов", хотя по закону они и пользовались неприкосновенностью. В 1915 году был инициирован процесс "изменников", по которому, на основании ложных доносов, семь человек были приговорены к смертной казни, в том числе депутаты Парламента Дмитрий Марков, Владимир Курцович и другие. Депутат-священик, Роман Чайковский, провел в Телергофе 28 месяцев и

только в 1917 году был отгуда выпущен.

Известие о смертном приговоре депутатам Парламента взволновало весь мир. За них ходатайствовал испанский король — и смертная казнь была заменена пожизненным заключением. В 1917 году они были амнистированы.

Но не ходатайствовали за них их же коллеги — депутаты, галицкие “украинцы”, которые тогда были в особой милости у Правительства, хотя, как депутаты, и могли это сделать. Не поддержали они и заявления, сделанные в Венском Парламенте поляком, Дашинским, который с парламентской трибуны протестовал против террора в Галичине и Карпатской Руси, жертвы которого Дашинский исчислил в 30.000 повешенных и 80.000 интернированных.

Со следствии, после падения Австрии, за которую они так самоотверженно боролись, галицкие “украинцы”, желая себя оправдать, писали в своих газетах (напр. “Діло” — май 1934 года), что репрессированные были не только “московофилы”, но и “украинцы”. Но никаких доказательств этого утверждения привести не могли.

О настросениях же “украинцев” в то время пишет в своих воспоминаниях бывший смертник, упомянутый выше, депутат Курилович, следующее: “читают обвинительный акт — глупые фразы и сказки, которые не могли убедить ни одного юриста, но зато убедили известного украинского шовиниста — Павлюха, который за моими плечами, на скамье слушателей, ревет, громко пенится: “хорферретери ауфхенген!” — изменников повесить! Потом проходят сотни свидетелей. Немцы, чехи и поляки дают показания или для нас благоприятные или безразличные; зато наши “родимцы” фантазируют (не скажу — простите — брешиут), а каждый кончает: Распии! Распии Русь! Спасай Австрию!” (В. М. Курилович. “Прага-Вена-Арад”. Напечатано в календаре за 1934 год, изданном во Львове О-вом имени Качковского).

Не удивительно, что, в результате всего происходившего, те галичане, которые не считали себя “украинцами”, были терроризированы и с особенной радостью ожидали прихода русских войск, видя в них своих спасителей, с которыми они охотно сотрудничали и которым старались всячески помочь.

Во время этого сотрудничества, разумеется, не мало было жалоб “московофилов” на своих обидчиков — “украинцев”. Но, в большинстве случаев, они были безрезультатны, т. к. обидчики заблаговременно удаляли перед наступавшей русской армией и были вне ее досягаемости. В редких же случаях, когда активные “украинцы” не успевали скрыться, а их вина или активная антируссская дея-

тельность была доказана — их попросту высыпали в Россию. Не в концлагеря и тюрьмы, а на положение беженцев, не желая иметь в районе военный действий элемент, определению враждебный России.

Даже такой выдающийся антирусский деятель Галиции, как польский граф Шептицкий, униатский митрополит, в начале был оставлен на своей кафедре во Львове, хотя русским властям и была хорошо известна его деятельность и тесная связь с австрийской разведкой. Еще задолго до войны он побывал в России по фальшивому паспорту — надо полагать для работы, о которой не принято говорить.

Оставленный на кафедре, митрополит дал слово русским властям политикой не заниматься, а буквально на следующий день, собравши в соборе священников давал им объяснения как им держаться с русскими, которым, по его словам, нельзя верить, ибо они “волки в овечьей шкуре”.

После этого он был со всем комфортом переселен в один из монастырей Центральной России, где и прожил, ни в чем не нуждавшись, до 1917 года, когда Временное Правительство разрешило этому врагу России, во время войны, выехать в Австро-Венгрию и занять там свое место в австрийской Палате Господ, членом которой он являлся, как митрополит.

После падения Перемышля (март 1915 года) население Галичины считало, что это конец Австро-Венгрии и старалось всячески приобрести расположение русских властей, веря что Галиция отойдет к России. Вероятно из этих побуждений один из служащих митрополита Шептицкого донес русским властям о существовании тайного архива митрополита, замурованного в подвал. Когда этот архив был открыт, в нем обнаружили собственноручно писанную митрополитом докладную записку австро-венгерской разведке, как надо действовать в случае оккупирования Австро-Венгрией Российской Украины. Записка эта была писана после данного обещания не заниматься политикой.

Деятельность “украинцев”. Деятельность галичан “украинского” направления во время войны была чрезвычайно интенсивна и была направлена на помощь Австро-Венгрии.

Не только все лидеры всех “украинских” партий Галиции, но и большинство политически активных “украинцев” благовременно бежали в Вену. Туда же бежала и, созданная еще в августе, во Львове “Головна Українська Рада”, которая объявила себя пред-

ставительницей всех (по австрийской терминологии) "русинов", не только Галиции, но и Буковины и в которую вошли представители всех "украинских" партий. Во главе ее депутат Венского Парламента К. Левицкий (национал-демократ), а его заместителями были Бачинский (радикал) и Н. Василько (лидер буковинских "украинцев"); секретарем был социал-демократ В. Темницкий.

Тесно сотрудничая с австрийским правительством, Рада всегда, всемерно и безоговорочно его поддерживала. Настроения ее были настолько австрийско-патриотические, что ее называли "большим австрийским патриотом чем сам австрийский император". Это признает в своих воспоминаниях и один из членов президиума Рады, И. Макух, дипломатично говоря, что "деятельность Рады была больше австрофильской чем этого требовали обстоятельства". (стр. 198 "На Народній Службі". Детройт. 1958 год).

Теснейшим образом сотрудничал с "Головной Украинской Радой" и, находившийся в содержании Австрии, так называемый "Союз Визволения Украины" — маленькая группа состоявшая из нескольких социалистов - шовинистов из Российской Украины, которую возглавлял И. Зализняк. Как уже упоминалось раньше, задачей этого Союза было ведение сепаратистской и руссоенавистнической пропаганды среди населения Российской Украины, военнопленных и во всех странах мира. Пропаганда эта велась от имени "всей Российской Украины" и доказывала необходимость и полезность для всего мира отделения от России Украины. К услугам СВУ для этой пропаганды были и неограниченные средства, и всемерная поддержка дипломатов Центральных Держав во всех странах мира.

Пропаганда среди западнорусских украинцев, как уже упоминалось, никаких ощущительных результатов не дала; а антирусская пропаганда за границей, с победой союзника России-Антанты, тоже большой пользы не принесла. Хотя --- надо это признать --- все же оставила известный след в настроениях многих пародов и государства, подготовивши почву для пропаганды расчленения России. Здесь австрийские деньги не прошли даром.

1917-18 год.

С началом революции в России, перед галицийскими "украинцами" открылись новые возможности, которые они и не замедлили использовать. Началось широкое проникновение их агитаторов и пропагандистов на "Великую Украину", как через линию фронта, так и путем бегства из лагерей военнопленных, находившихся там австрийских

“украинцев”. Несмотря на свой австрийский сверхпатриотизм, они воевали не особенно усердно и легко сдавались в плен. Так очутились в Киеве и, широко известные впоследствии, вожди украинского фашизма, австрийские офицеры Мельник и Коповалец, которые до 1917-го года отслужились в лагерях. Получили свободу и, высланные из Галиции в начале войны, активные “украинцы”, не успевшие бежать с австрийскими войсками. В результате, Киев оказался переполненным людьми, которые, во время еще продолжавшейся войны, вели яростную антирусскую и проавстрийскую пропаганду, при полном попустительстве обицероссийских властей и всемерной поддержке Центральной Рады. Считая Галицию “Пьемонтом Украины”, а себя “настоящими украинцами”, в отличие от “менее сознательных” паддингтонцев, эти пропагандисты в вопросах так называемых “национально-украинских” стали непрекаемым авторитетом для социалистических юнцов и полуграмотных “дядечек”, захватывавших тогда власть над Украиной.

1918-й год, Брестский мир и приход немцев и австрийцев на Украину еще больше укрепили их позиции и, казалось, оправдал, брошенные Австро-Венгрией, деньги на содержание многочисленного пропагандного аппарата. Мечта галицких “украинцев” о “Самостийной Украине” (которую, напомним, они мыслили, как присоединение Российской Украины к Галиции и создание, в границах Австро-Венгерской монархии, по примеру Венгрии, Украинской Державы), как будто было близка к осуществлению.

Так думала “Головна Українська Рада” и ее сторонники. Но не так думала Германия, которая на Украину имела свои планы и вовсе не стремилась уступить ее Австро-Венгрии. Поэтому вопрос об Украине и ее соединении с Галицией откладывался, а пока что была создана только “союзная” с Германией и Австро-Венгрией Украинская Держава. А, наступившее осенью 1918 года, события и поражение Центральных Держав разрушило все планы и надежды и “Гол. Укр. Рады”, и Австро-Венгрии, и Германии.

Австро-Венгрия распалась — и австрийским “украинцам” пришлось заняться вопросом о своей собственной судьбе.

Провозглашение независимости.

К половине октября 1918 года положение Центральных Держав стало катастрофическим. Венгры начали вести свою, независимую от Вены, политику и отзывали самочинно венгерские полки с фронта, под предлогом защиты Венгрии от предполагаемого наступления с Балкан. Вскоре то же самое сделали и чехи.

К половине октября 1918 года положение Центральных Держав стало катастрофическим. Венгры начали вести

Так как в Австро-Венгрии основные воинские части формировались и комплектовались по признаку территориальному, что вело к со-созданию частей разных национальностей, то отзывание венграми и чехами своих частей фактически ликвидировали армию, как одно целое и поставили под вопрос единство государства.

Не имея возможности силой сохранить это единство в его прежней форме, император Карл, 16-го октября, издал манифест, адресованный "к моим верным австрийским народам", которым признавал право самоопределения народов, извещал о переустройстве Австро-Венгерской монархии на федеративных началах и призывал все "австрийские народы" создать свои "Национальные Советы" из депутатов Парламента и местных сеймов.

Во исполнение велений своего монарха, галицийские и буковинские депутаты Венского Парламента — "украинцы", собравшись 17-го октября во Львове, провозгласили себя "Украинским Национальным Советом" и решили, что "из всех украинских земель Галиции, Буковины и Закарпатья создается Украинская Держава".

Вынесши это постановление, "Украинская Национальная Рада" решила и дальше действовать легально и начала хлопотать перед Венским Правительством о распоряжении Наместнику Галиции передать ей всю власть, как это уже было сделано в Западной Галиции, где поляки создали "Польскую Ликвидационную Комиссию".

Однако Вена оттягивала решение, а поляки начали готовиться к захвату власти и в Восточной Галиции. Готовилась к захвату власти и Укр. Нац. Рада, совместно с, созданным ею, "Центральным Укр. Війск. Комітетом", который возглавил молодой офицер из "Сечевых Стрельцов", Д. Витовский.

В ночь с 31 октября на 1 ноября произошел захват власти без какого либо сопротивления со стороны австрийских властей и поляков.

Родилось новое государство — "Западно-Украинская Народная Республика". Как высший законодательный орган нового государства была признана Укр. Нац. Рада, с Е. Петрушевичем во главе. Как орган исполнительной власти была создана "Рада Державних Секретарів" (министров) из 13 человек. Председателем Рады был избран К. Левицкий, председатель "Укр. Голови. Рады", о которой упоминалось выше. Державные Секретари были, в подавляющем большинстве, национал-демократы, кроме двух "радикалов" (социалистов) и одного социал-демократа.

Переговоры с Директорией. Хотя уже при создании Укр. Наци. Рады раздавались голоса о немедленном объединении с Великой Украиной, где тогда еще стояли немцы и управлял Гетман, ЗУНР решила пока от объединения воздержаться, а только повести переговоры в этом направлении. Так как создание ЗУНР совпало с восстанием Директории (в один и тот же день) и на Великой Украине воцарился хаос, встал вопрос, с кем же вести переговоры: с Гетманом или с Директорией.

Только к концу ноября выяснилось, что победа склонится в сторону Директории, и ЗУНР вступила с ней в контакт. 1 декабря на ст. Фастов (в Киеве еще сидел Гетман) состоялась встреча представителей двух украинских республик и достигнуто было принципиальное согласие на слияние их в одну — “Соборную Украинскую Народную Республику”.

Привыкшие в Австро-Венгрии к законности и соблюдению всех формальностей, галичане внесли в соглашение пункт-оговорку, что оно вступает в силу только после их ратификации Учредительными Собраниями обоих украинских республик. Нельзя не признать, что эта оговорка, совершенно необходимая вообще, была нужна, в особенности, вследствие того, что обе договаривающиеся стороны были организациями, созданными методами революционными и никаких всенародных голосований об их правомочности ни в одной из Украины не было.

Впоследствии, как известно, события развернулись так, что ни в Галиции, ни на Великой Украине Учредительные Собрания не только никогда не были созваны, но не были и проведены в них выборы. Поэтому ЗУНР, исходя из соображений, что нератифицированный договор не имеет никакой силы, от осуществления слияния всячески уклонялась и слияние так и не было проведено. До самого конца эпохи так называемой “борьбы украинского народа за свое национальное освобождение” существовали отдельно Правительства и Армии каждой из украинских республик.

Правда, во время бурных событий этой эпохи было вынесено два решения в связи с предварительным соглашением в Фастове, но только при полной юридической безграмотности или желании сказать истину, эти решения можно называть ратификацией Фастовского соглашения.

Одно решение — это, вынесенное 3 января 1919 г. в Станиславове, одобрение проекта Фастовского договора. Но это отнюдь не ратификация, ибо вынесено оно не Учредительным Собранием, как предусмотрено в проекте, а только “Украинской Национальной

Радой", выступавшей от имени Галичины и Буковины.

Второе решение — это Универсал Директория от 22 января 1919 года и резолюция Трудового Конгресса в Киеве от 28-го января того же года, подтверждающие "соборность" всей Украины.

Но ни Директория, ни Трудовой Конгресс не являлись законно и правомочно выбранными представителями украинского населения и выражателями его воли. Отношение населения к этим институциям продемонстрировало через несколько дней, когда и Директория, и Трудовой Конгресс бежали из Киева или скрылись под патинском сил, перешедшего к поддержке Харьковского (пробольшевистского) Правительства, народа. Галичане же вынесли свое одобрение "сборности", находясь в бегстве перед, изгонявшими их из Галиции, поляками.

Эти, совершившие неоспоримые исторические факты дают все основания поставить под сомнение утверждения украинских сепаратистов о будто бы проведенной ратификации Фастовского договора.

Из изложенного выше ясно, что намерение провести слияние у тех, кто тогда выступал от имени одной и другой Украины, были, но что оно было проведено и одобрено населением — об этом, разумеется, говорить серьезно нельзя.

Борьба с поляками.

Как уже было сказано, к утру 1-го

ноября 1919-го года Украинская Национальная Рада захватила власть во Львове.

Так как выступление было координировано с другими городами, то то же самое, что произошло во Львове — пришло и в других городах Восточной Галиции. Но уже после полуночи 1-го ноября началось и выступление поляков — как во Львове, так и в других городах. Началась гражданская (галицко-польская) война. Уже к вечеру значительная часть Львова была в польских руках, а в отдельных районах и улицах велась перестрелка. Только что провозглашенная Западно-Украинская Народная Республика и одного дня не была хозяином в собственной столице.

Обе стороны начали лихорадочно готовиться к борьбе, исход которой должен был решить судьбу русской Галичины. В ней (Восточной Галиции) поляки составляли только незначительное меньшинство и, если бы вопрос решался демократическим путем — свободным голосованием — поляки не имели бы никаких шансов на успех: против них, как против общего национального врага и угнетателя, вне всякого сомнения, голосовали бы единодушно и "укра-

иццы" и "москофилы". Все понимали, что их ждет под властью поляков, а потому дружно шли в, создаваемую в такой обстановке, "Галицкую Армию". Шли в нее и, пачавшие возвращаться из итальянского плена галичане — бывшие солдаты и офицеры Австро-Венгерской Армии, шли в нее с воодушевлением добровольцы, и "украинцы", и "москофилы".

И в несколько недель Галицкая Армия выросла во внушительную силу во много десятков тысяч бойцов. Недостаток высшего командного состава пополнился или бывшими австро-венгерскими кадровыми офицерами — не украинцами по происхождению, как, например, ген. Красе, ген. Вольф, ген. Цирц, полк. Шаманек и др., или бывшими высшими офицерами Российской Армии, не поладившими с социалистической Директорией: ген. Греков, ген. Юнаков, полк. Омельянович — Павленко, полк. Мишковский и др.

В отличие от армии Директории, служившей орудием борьбы кучки социалистов за власть над Украиной, Украинская Галицкая Армия (УГА) была подлинной выразительницей настроений и чаяний всего без исключения населения Восточной Галиции (Галичан), кроме поляков и евреев, армией чисто национальной, защитницей народа от поляков. Все галичане, без различия партий боролись в ней за общее дело. А потому она выросла в крупную военную силу, крепко спаянную сознанием необходимости совместной борьбы за свое национальное дело. Не малую роль в организации УГА играли Укр. Сеч. Стрельцы, имевшие опыт в мировой войне и давшие из своей среды не мало способных и жертвенных командиров. Первый военный министр (Державный Секретарь) ЗУНР был молодой офицер УССС — Д. Витовский, который во время захвата власти во Львове был фактическим главнокомандующим всеми вооруженными силами только что родившейся Западно-Украинской Народной Республики.

Не теряли времени и поляки. Не только поляки — жители Восточной Галиции, за которую шла борьба, были быстро организованы для этой борьбы, но и все силы, только что ставшие независимой, Польши были мобилизованы для захвата не-польской части Галиции. На помощь им были срочно переброшены из Франции польские добровольцы ген. Галлера, боровшиеся во время войны на стороне Антанты, отлично вооруженные и снабженные. И уже через несколько недель поляки начали методично наступать и теснить галичан к юго-западу. УГА окосточенно отбивалась, переходя иногда в контр-наступления, по все же фронт неуклонно подви-

глазел к бывшей русско-австрийской границе.

Международное положение. Международное положение для ЗУНР было неблагоприятное. Державы Антанты, с Францией во главе, были тогда диктатором в Европе и еще хорошо помнили недавний австрийский суперпатриотизм тех, кто теперь возглавлял новое украинское государство. Симпатии соседей — Румынии и Чехословакии — в споре ЗУНР с Польшей были на стороне последней по той причине, что Польша не претендовала на Буковину и Закарпатье, которые ЗУНР провозгласил своими. Буковина к тому времени уже была занята Румынией, а к занятию Закарпатья готовилась Чехословакия.

Сосед на востоке — Российская Украина была в состоянии полного хаоса, а Директория, если бы и хотела, ничем не могла помочь, так как сама все время с кучкой своих сторонников находилась в бегстве, не только оставленная, но и преследуемая своим народом, ставшим на сторону Харьковского Правительства.

Все решения о "соборности" остались пустыми словами и никакой реальной пользы ЗУНР в ее борьбе с поляками не принесли. Вся тяжесть борьбы пала исключительно на молодую, на спех созданную, Галицкую Армию.

По мере своих сил и возможностей она эту борьбу и вела всю первую половину 1919-го года. Но постоянные неудачи на фронте привели к потере веры в успех не только в Армии, но даже среди Державных Секретарей. 9-го июня 1919 года, находясь в Залещиках (вблизи от старой русской границы), они сложили свои полномочия и единоличным диктатором ЗУНР стал Е. Петрушевич, к которому перешла вся полнота власти не только исполнительной, но и законодательной. Диктатор всех бывших Державных Секретарей оставил на прежних местах, в качестве своих "главпоуполномоченных", а командующим Армией назначил русского генерала Грекова, назвавши его "Начальным Вождем Войска".

Конец ЗУНР.

Но ни диктаторство Петрушевича, ни новый "Начальный Вождь" уже не могли спасти положение. Предпринятое в начале июня из района Черткова наступление, после первоначальных успехов, вскоре выдохлось, а поляки перешли в решительное контр-наступление и начали теснить УГА к реке Зброчу — бывшей русско-австрийской границе. К этому времени было получено сообщение из Парижа, что решением мирной конференции в Версале поляки уполномочены

занять всю Галицию. Всякая надежда на помощь Запада была потеряна. Положение стало безнадежным. Надо было выбирать между сдачей в плен полякам или переходом за Збруч, на территорию Российской Украины, кинувшей в огне гражданской войны.

К тому времени (половина июля) вся территория Российской Украины, за исключением небольшого клоака Подолии (около Каменца) находилась под властью Харьковского Правительства, а Директория со всем своим Правительством и Войском сблизилась на этом клоаке, еще не занятой большевиками, украинской территории. Туда же направилась и Галицкая Армия после того, как 16-го июля переправилась через Збруч и оставила родную землю.

Численность, ушедшей из Галиции, УГА, установить довольно трудно, ибо сведения об этом разноречивы. Главный интендант УГА, атаман Слезинка, определяет это число в 85.000; бывший одновремя "Начальником Вождем" УГА ген. Омельянович-Павленко в своей книге "Украинско-польская война" (Прага 1929 г.) утверждает, что боевой состав УГА никогда не превышал 60.000. Исчисления других мемуаристов колеблются между 40 и 100 тысячами. Поэтому, приблизительно, без боязни сделать грубую ошибку, можно считать, что в июле 1919 года перешло Збруч около 50.000 галичан. Из них около 30.000 были, годные к бою, строевые части.

В условиях гражданской войны это была огромная сила, несравненно более многочисленная чем все войска Директории. К тому же УГА выгодно отличалась от, как ее тогда называли, "Петлюровской Армии", своей дисциплинированностью и необходимым в военном деле единством командования. Всего этого у петлюровцев не было. Там каждый атаман имел свою собственную и "стратегию", и "политику". Кроме того УГА была действительно национальной армией, преследовавшая цели чисто национальные, а армия Директории преследовала цели чисто партийные украинских юнкеров и эсеров, а не всего украинского народа. Поэтому в ней были настоящие партийные разногласия и недоверие, как среди политического руководства и высшего командного состава, так и между отдельными частями, офицерами и даже бойцами.

Не удивительно поэтому, что обе армии, очутившись на одной территории, несмотря на все решения об объединении и о "соборности", не только не слились в одну общекиевскую армию, но даже не смогли договориться и установить единое верховное командование. И все те 4 месяца, что обе армии вели боевые действия на Правобережье (половина июля — половина ноября) эти армии

действовали отдельно и самостоятельно.

В половине же ноября, как уже упоминалось, галичане разорвали всякую связь с петлюровцами и перешли к Деникину.

**
*

Так как в нашу задачу не входит ли изложение истории УГА, ни описание деятельности возглавителей Западно-Украинской Народной Республики после оставления ими Галиции, то на этом глава о Западной Украине-Руси заканчивается.

О действиях УГА после оставления Галиции говорится при описании событий на Российской Украине, где она, меняв союзников (Директория — Деникин — большевики), постепенно распылилась в течении зимы 1919-1920 года.

Деятельность же, оторвавшихся от УГА, диктатора Петрущевича и остальных возглавителей ЗУНР происходила вне территории "Соборной Украины", а потому может рассматриваться только как деятельность чисто эмигрантская.

По это не входит в задачу "Неизвестной Истории Украины-Руси", которая занимается правдивым изложением всего, происшедшего на Украине, а не жизнью и деятельностью за границей, бежавших туда ее политических деятелей.

БУКОВИНА И КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

Кроме русской Галичины, искусственно объединенной в одно административное целое с чисто польскими землями для создания австрийской "Галиции", в которой поляки были в привилегированном положении, в состав Австро-Венгрии входили еще и бывшие земли Киевской Руси — Буковина и Карпатская Русь.

Хотя эти земли и находились в составе Австро-Венгрии, их судьбы и жизнь населения были несколько отличны от жизни и судеб Русской Галичины — "Восточной Галиции", о которой сказано в предыдущем изложении. А потому необходимо, хоть в самых кратких словах, сказать и об этих двух землях Юго-Западной Руси, бывших долгие годы под чужеземной властью.

Буковина.

До 1774 года, когда она была аннексирована Австрией, Буковина, после распада Киевской Руси, находилась под властью Молдавских Господарей, бывших в вассальной зависимости от Турции. Высший класс Молдавии быстро ассимилировал высший класс Буковины, что облегчалось единством веры, и через несколько поколений исчез всякий след бывших бояр эпохи Киевской Руси — они превратились в "бояр" молдавских, забывши свое русское происхождение и совершенно оторвавшись от широких народных масс, которые остались русскими, не только по настроениям, но и по языку и особенностям быта, резко отличавшимися от быта молдавских крестьян.

Особенного давления в смысле депацивализации и ассимиляции с молдаванами эти русские массы (крестьянство) не испытывали. Власть и "бояр" — помещиков интересовали вопросы социальные — возможность эксплуатации, — а не язык и быт их крестьянских крестьян. И, предоставленное себе, буковинское крестьянство осталось русским, как во времена Молдавии, так и под властью Австрии.

Хотя, как в составной части Австрии, в Буковине официальным языком и считался язык немецкий, не преследовался и русский (пародийный) язык буковинского крестьянства. С ростом же народного образования русский язык приобретает права гражданства и появляются возможности не только свободно говорить, но и учиться по русски — на литературном русском языке, правда с незначительными диалектическими отклонениями.

Ни о каком "украинстве" до самого конца 19-го столетия Буковина не знала, пока на нее не обратили внимание "украинствующие" галичане и не начали, при самой энергичной поддержке Правительства, "украинизировать", считавших себя "русскими" (с одним "с"), буковинцев.

До этого немногочисленная буковинская интеллигенция состояла, главным образом, из священников и учителей и называла и считала себя "русской" — таково было и официальное наименование языка населения: не "украинский", а "русский".

Подавляющее ее большинство (как и населения) были православные. Ушиаты были только в городах, но и они, и считали, и называли себя "русскими". В столице Буковины — Черновицах была униатская церковь, но население ее называло "русской церковью", а улица, на которой она находилась, называлась "Русской Улицей" (но немецки — "Русские гассе").

Православная церковь Буковины была очень богата обширными земельными угодьями, завещанными благочестивыми православными "боярами" и благодаря этому могла содержать православные "бурсы" (общежития для учащихся), в которых господствовал "русский" дух, переносившийся после в народные массы, когда бывшие воспитанники "бурс" становились священниками и народными учителями.

Язык интеллигентии, если он и имел некоторые диалектические отклонения от литературного русского языка, всемерно стремился к их устранению и полному слиянию с русским литературным языком. Широкие народные массы, разумеется, имели свой диалект, отличный от русского литературного языка, который они считали "настоящим русским языком", выражая эту мысль словами: "там (т. е. в России) говорят твердо по руски".

Таково было положение до конца 19-го века, и русский литературный язык в Буковине употреблялся, даже в официальных случаях, наравне с языками немецким и румынским. Лучшим доказательством этого служат мраморные доски на здании Городской Думы (Ратуши) Черновиц, подруженные в ознаменование 25-тилетия (в 1873 г.) и 40-летия (в 1888 г.), царствования Австрийского императора Франца-Иосифа 2-го. Надписи на них сделаны на трех языках: немецком, румынском и литературном русском. Но уже на третьей доске (подруженной в 1898 г. в память 50-летия царствования) надпись на литературном русском языке заменена надписью на украинском языке — фонетическим правописанием. Фонетическое

правосписание было принудительно введено в школах Буковины в конце 19-го века, несмотря на то, что при проведении среди всех учителей анкеты по этому вопросу, только два учителя во всей Буковине высказались за фонетическое правописание, в то время как все остальные категорически и обоснованно против этого возражали.

Введение этого правописания было в соответствии с общей политикой Австрии, направленной к внедрению в сознание широких народных масс сознания их отчужденности от общерусской истории и культуры и созданию руссоцентристических шовинистических "украинских" настроений.

Любопытный документ, характеризующий методы внедрения этих, желательных Австрии, настроений попал в руки русских оккупационных властей, когда в 1914 г. Буковина была занята русскими войсками. В австрийском архиве была найдена собственно-ручиная подпись-обязательство "профессора" (преподавателя) "русского" языка Смаль-Стоцкого, которой он обязывается, если ему будет предоставлено место, преподавать "русский" язык и историю в духе их отдельности и полной отчужденности от общерусской истории, культуры и языка. Смаль-Стоцкий не был исключением. Все учителя в Буковине, начиная с конца 19-го века, если хотели удержаться на службе или получить таковую, должны были быть и активными пропагандистами политики Австрии, направленной к отчуждению населения земель Западной Руси от общерусской культуры и от России.

Соответствующее давление шло и по линии православной церкви. Получение лучших приходов и вообще священнических мест зависело от, если не взглядов, то высказываний, о единстве всей Руси, ее истории, культуры, языка.

Параллельно с этим шла и интенсивная экономическая помощь Правительства всем культурным и хозяйственным организациям Буковины, стоящим на позициях "украинства" и всяческое ущемление их противников.

С привлечением широких народных масс к участию в политической жизни и выборах в Парламент, появились в Буковине и политические лидеры, выступавшие, как представители народа и выражатели его настроений и воли, разумеется, в духе австрийского патриотизма и "украинского" шовинизма и руссоцентристичества.

Всякое проявление симпатий к идее единства русской истории и культуры рассматривалось, как нелояльность по отношению к Австрии, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Заподо-

зренные в таких симпатиях подвергались всякого рода ограничениям и притеснениям и не могли рассчитывать не только на карьеру на государственной службе, но даже и в свободных профессиях. Находясь под постоянной угрозой обвинения чуть не в государственной измене, которые приводили даже к судебным процессам, особенно в предвоенные годы, сторонники единства Руси бороться с активными, имевшими поддержку Правительства, "украинцами" не могли. А потому им не оставалось ничего другого, как затануться, скрывать свои настроения и симпатии и молчать в надежде на лучшие времена. Некоторая же часть, потерявши эту надежду, желая лучше устроиться, пополнила ряды "украинствующих", хотя и не разделяла их взглядов. Кое-кто — наиболее активные и неармируемые — эмигрировали в Россию.

В результате, от имени всего "русского" населения Буковины выступали лидеры его "украинствующей" части, каковыми в годы, предшествовавшие первой Мировой Войне были румын-помощник, фон Василько, даже не говоривший на языке тех, от имени которых он выступал, но зато имевший большие связи в аристократических кругах Вены, и, уже упомянутый "профессор" Смаль-Стоцкий, верный исполнитель всех пожеланий главного лидера — фон Василько и Правительства. Они и возглавляли небольшую группу (5 чел.) депутатов Парламента, выступивших, как представители "русского" населения Буковины и действовавших в полном согласии и контакте с депутатами — "украинцами" из Галиции.

Во время Мировой Войны они всемерно поддерживали Правительство, а в 1918 году, после распада Австрии, совместно с Галицией, пытались создать Западно-Украинскую Народную Республику.

Но Румыния, претендовавшая на всю Молдавию, включая и русскую часть Буковины, не стала ждать, пока в Буковине будет образован административный аппарат ЗУНР и быстро ее захватила, объявивши ее присоединенной к королевству Румынии.

Начавши с конца 1918 года под оккупацию Румынии, Буковина в дальнейшем никакого участия в бурных событиях годов Гражданской Войны на Украине не принимала и никакой своей, буковинской, истории, кроме истории румынского гнета не имела.

После 2-ой Мировой Войны русская (украинская) часть Буковины была от Румынии отобрана и, путем присоединения к Украинской Социалистической Советской Республике, воссоединена с остальной Русью.

их оккупантов и только в конце 18-го века попавших под власть Австро-Венгрии, Карпатская Русь с самого распада Государства Киевской Руси находилась под властью Венгрии. И являясь провинцией королевства Венгрии и для его исторические судьбы, Карпатская Русь никакой собственной истории, как отдельный политический организм, не имела. Ее высший класс — бояре — был полностью мадьяризован и забыл свое русское происхождение, религию, язык. Духовенство, оторванное от центров православия, влачило жалкое существование, было само в значительной своей части невежественно и скольконибудь заметной роли в деле сохранения или развития национальной русской культуры не играло. Не могло оно и вести успешную борьбу с агрессивным католицизмом, когда он начал наступление и начал вводить унию, рассчитывая, что это будет первый шаг к скатоличиванию.

Только народные массы — бесправное крестьянство — остались верны и своей русскости и своей прадедовской вере, хотя, формально, чисто внешне, с переходом в унию высших иерархов, они тоже считались униатами.

Венгрия на эти массы, их настроения и чаяния не обращала никакого внимания. Она довольствовалась тем, что превратила эти массы в крепостных крестьян помещиков — венгров и никаких усилий к их мадьяризации не предпринимала. Общалась же с ними при посредстве помещиков, а помещики — при посредстве евреев, которые и производили все операции по выполнению крестьянами их новинностей к помещикам и к государству.

Выдвинутая далеко на запад, рассеянная по мало доступным горным местностям отрогов Карпат, Карпатская Русь на протяжении многих веков от остальной Руси была почти полностью оторвана и никакого участия в ее политической и культурной жизни не принимала, хотя в глубинах народного сознания, как слытня, береглась память о единстве Руси и сознание своей русскости. На эту русскость, как уже упомянуто выше, никто не посягал, предоставляя им жить своим бытом. Венгры называли их "русскими", а российские историки (напр. Бантыш-Каменский) — "угороссами".

Язык венгров был настолько далек и чужд языку населения Карпатской Руси, что не мог оказать сколько-нибудь заметного влияния в смысле мадьяризации языка не только широких масс, но и немногочисленной карпаторусской интеллигенции. В этом от-

иошении Карпатской Русь находилась в более благоприятных условиях чем Галичина, где сравнительная близость польского языка создавала предпосылки для полонизации населения, к чему всегда стремилась власть, и во времена Польши, и во времена Австрии, достигши в этом не малых успехов, что можно наблюдать и теперь, сравнивая не только язык, но и быт и нравы галичан и главной массы украинцев-уроженцев Российской Украины. Ничего подобного у населения Карпатской Руси мы не видим. Ни внешне, ни внутренне они не показывают никаких следов мадьярского влияния, кроме, конечно, самого незначительного числа мадьяризованных.

Как было и чувствовало себя русским во времена Киевской Руси, так и осталось русским население Карпатской Руси до наших дней.

Национально-культурное пробуждение начала 19-го века, бурно проявившееся в Галичине (Восточной Галиции), в Карпатской Руси проявилось в значительно более слабой степени; но все же и там новые идеи национально-русского осознания нашли живой отклик среди интеллигентии, хотя и малочисленной, но менее денационализированной, чем, находившаяся под польским влиянием интеллигенция Галичины.

В широких же массах народа — в крестьянстве — никогда не умирало сознание своего общерусского единства и (правда, невысказанное и неоформленное) тяготение к общерусскому слиянию.

Тяготение это усилилось и окрепло после 1848 года, когда Карпатская Русь, впервые после многих лет оторванности от остальной Руси, встретилась с русской армией, проходившей для подавления восстания тех самых венгров, которые столетиями, как оккупанты, владели их страной. Встреча эта показала, что русские из Великой Руси и русские с Карпат — один народ, с одной верой, с одним языком. Без всяких переводчиков население понимало русских солдат, а, присутствуя на богослужениях, совершаемых полковыми священниками, оно убеждалось, что и вера одна. Естественно, что это усилило прорусские настроения и формировало убеждение, что Русь Карпатская — единокровная и единоверная сестра Великой Руси — России и что ее будущее лежит в воссоединении с ней. Настроения эти — напомним — были полностью созвучны с настроениями пробудившейся национально Галичины — теми настроениями, которые господствовали в ней безраздельно до последней четверти 19-го века — до появления "украинства".

Эти настроения Карпатской Руси, в основном, остались неизмен-

ным вплоть до самой войны 1914 года. Начавшая проникать из Галиции, украинская пропаганда в Карпатской Руси успехом не пользовалась и кроме считанных единиц из распропагандированной интеллигенции последователей не приобрела.

Когда же наступила война, карпаторусское население — не только интеллигенция, но и многое крестьян — подверглись жестоким преследованиям за свое русофильство. Многие поплатились жизнью, ставши жертвами бессудных расправ, не мало было заключено в концлагеря, еще больше было подвергнуто всякого рода административным притеснениям. Верными и надежными своими подданными Австрия считала только незначительную часть карпаторуссов, попавших по путям "украинства" и руссоенавистничества и, ставших "добровольными жандармами" Австрии, следящими за благонадежностью своих же карпаторуссов.

"Украинствующие" этой допосительской своей деятельности не скрывали и писали открыто в газетах. Так, например, газета "Підгірська Рада" (Стрий. 1 сент. 1910 г. № 16) пишет: "Мы можем заверить власти, что если они будут так безразлично, со стороны, смотреть на провокационную прививку московщины на нашей земле, а еще больше — ее поддерживать, то наш народ сам положит конец черносотенщине и уничтожит московщину, включая и их потомков, всеми возможными способами, хотя бы это стоило сотни жертв... Не достаточно будет вскоре сухих верб, чтобы вешать на них ренегатское, карапаское стерво. Уничтожать этих собак без милосердия — это наш девиз. И мы будем уничтожать их без милости".

А газета "украинской интеллигенции" (так она сама себя называла) "Діло" в № 8260 (1 ноября 1912 г.) пишет: Москвофилы ведут изменническую работу, подговаривая народ к отходу от Австрии в решительную минуту и к принятию русского врага с хлебом и солью в руках. Всех, кто подговаривает к чему либо подобному надлежит немедленно арестовать на месте и отдавать в руки жандармерии!"

**

Когда Австрия распалась, Карпатская Русь была единодушна в своем желании воссоединиться с Россией. Но в России в то время уже была советская власть, к которой в то время непримиримо относились державы-победительницы и не желали путем включения Карпатской Руси в состав России, выдвигнуть границы по-седней глубоко на запад, к центру Европы. Сильны были и в самой Карпатской Руси настроения противобольшевистские и симпатии к

их противникам — зарождавшемуся Белому Движению, которое стояло на позициях национальных и единства Руси, в отличие от интернациональных установок большевиков. Все это вместе взятое сделало невозможным воссоединение Карпатской Руси с Россией сразу же после распада Австрии.

Ей пришлось выбирать одну из, открывшихся перед ней, возможностей принять решение о своем будущем:

1. — Войти в состав новосоздаваемой Западно Украинской Народной Республики (Галичины) и связать свою судьбу с ее судьбой. Как известно из предидущего изложения, галицкие и буковинские "украинцы", провозглашал создание ЗУНР, провозгласили и вхождение в нее Карпатской Руси. Не будучи никем уполномоченными и не имея на это ни морального, ни формального права, не обусловив даже подтверждение этого вхождения волеизъявлением населения Карпатской Руси.

Связывать свою судьбу с правительством ЗУНР, состоявшим из "украинцев" — руссолеявищников и, к тому же, уже в день своего сформирования бежавшего от поляков из своей собственной столицы — Львова, Карпатская Русь не пожелала. Она предоставила галицким "украинцам" самим расхельбывать, заваренную ими кашу и создавать Самостийную Украину, враждебную идеи единства Руси. (Напомним, что все кончилось запятнанием Галичины поляками, переходом Галицкой Армии к Деникину и бегством галицких "украинских" вождей за границу).

2. — Вторая возможность была остаться в составе, отделившейся от Австрии, Венгрии на положении федеративной Карпато-русской Республики или автономной области. К этому решению склонялась весьма незначительная и в глазах населения неантитетичная мадьяризированная часть интеллигенции. Но карнотрессов не привлекала перспектива продолжить жить в одном государстве с венграми (красными или белыми — безразлично). И этот вариант устройства своего будущего был отброшен.

3. — Третья возможность — полная независимость и создание своего собственного государства. Основываясь на, провозглашенном тогда державами — победительницами, принципе "самоопределения народов", Карпатская Русь формально имела полное право самоопределиться и создать свое государство. Но практически это было неосуществимо, ибо Антанта — победительница фактически диктовала свою волю и кроила карту Европы, не особенно считаясь с самоопределением, а руководствуясь собственными соображениями.

Соображение же это по отношению к Карпатской Руси было такое: не допустить ли в коем случае самостоятельности Карпатской Руси, ибо, учитывая ее прорусские настроения, было более чем вероятно, что она, став независимой, пожелает в той или иной форме соединиться с Россией, которая тогда уже была коммунистической. А это бы выдвинуло коммунистическую границу к Венгрии и Баварии, которые тогда стремительно катились клево, к установлению у себя советской власти. Всемогущая тогда Антанта (вдохновляемая Францией) допустить этого не хотела.

4. — Четвертый вариант решения будущего Карпатской Руси состоял в том, чтобы "временно", на положении автономного края с соблюдением всех его особенностей и гарантий свободы национально-культурной деятельности, включить ее в состав вновь образованной Чехо-Словацкой Республики, которая была фактическим сателитом Франции.

Этот вариант был принят и Карпатская Русь, поверивши обещаниям, вошла в совместную государственную жизнь с чехами, которые заняли в новом государстве все руководящие посты.

Жизнь эта длилась два десятилетия, до распада Чехо-Словакии и отделения от нее, в 1938 году, Словакии, ставшей независимым государством, и Карпатской Руси, по воле Гитлера, возвращенной венграм.

И только с окончанием 2-й Мировой Войны произошло воссоединение Карпатской Руси с Россией, переименованной коммунистами в СССР.

Двадцатилетняя жизнь карпатороссов под властью чехов была не радостной. Не смотря на свой "демократизм" и свои социалистические правительства, чехи по отношению к карпатороссам вели политику далеко не демократическую. Политика эта, в основном, была направлена к "чеханизации" тех, кого можно было "чехизировать" и к "украинизации" карпатороссов, считавших себя всегда не "украинцами", а "русскими". Как все малочисленные народы, бывшие под чужой властью и получившие независимость, чехи проявили исключительный чешский шовинизм, национальную агрессивность и амбиции, обратно пропорциональные объективным данным. Результат сказался во время войны, когда в Чехии, как и в Польше, облагодетельствованные своеобразным чешским или польским "демократизмом" национальные меньшинства не пожелали бороться за целость и единство этих разномысленных государств.

Описание подробностей жизни карпатороссов в составе Чехо-

Словакской Республики не входит в, описываемый в этой главе, период (он кончается 1919 годом), а потому на этом заканчивается краткий очерк истории Карпатской Руси.

**

Подводя итоги для всей Юго-Западной Руси (Галичина, Буковина, Карпатская Русь), мы видим, что в результате 1-й Мировой Войны, она была распределена между тремя сателлитами Франции: Польшей, Румынией и Чехо-Словакией.

Несмотря на, провозглашенный державами-победительницами, принцип самоопределения народов, принцип этот не был распространен на население Юго-Западной Руси, которое, не спрашивая его мнения и желания, было попросту поделено между тремя государствами, официально "союзниками", но существуя, сателлитами всемогущей тогда Антанты, руководимой Францией.

Союзники эти — малые государства с большими национальными амбициями и претензиями на "демократичность" — начали в полученных ими в подарок от своих покровителей землях проводить далеко не демократическую политику ущемления национальных прав, неравенства и принудительной (хотя и прикрытой) ассимиляции.

С желаниями и настроениями отданных под их власть территории государства — оккупанты не считались.

О том же, каковы были эти желания и настроения можно судить только косвенно, например, на основании данных переписи и анкет — плебисцитов по определенным вопросам. Данные эти за-служивают того, чтобы на них обратить внимание.

Так, например, в Галичине, отданной Польше, по переписи 1936 года в рубрике о национальности 1.196.885 человек называли себя "русскими". "Украинцами" называли себя 1. 675.870 человек. Таков был результат после многолетней деятельности власти, направленной к полонизации или поддержке "украинства", как Правительством, так, особенно энергично, униатской церковью, к которой принадлежало все население Галичины и которую возглавлял польский граф — Шептицкий, родной брат польского военного министра. В условиях польской "демократии" требовалось не мало гражданского мужества назвать себя "русским".

В Карпатской Руси в 1937 году была проведена анкета-плебисцит о том, какой язык преподавания должен быть в школах: русский или украинский. Несмотря на скрываемое стремление правительства Чехо-Словакии, чтобы было высказано решение в пользу украинского языка, 86% населения высказалось за русский язык.

Приведенные два примера с неоспоримыми цифрами (опубликованными в официальной печати) красноречиво свидетельствуют о подлинных настроениях Галичины и Карпатской Руси и опровергают миф украинской пропаганды о единодушных "украинских" настроениях населения этих земель.

**

Зная все изложенное выше, можно с достоверностью утверждать, что воссоединение этих земель бывшей Киевской Руси с Россией, произошедшее только после 2-й Мировой Войны, соответствовало желаниям и чаяниям их населения.

Этим воссоединением закончилось собирание Руси. Начатое Московскими князьями и царями, продолженное Российскими императорами, но парадокс истории, оно закончено коммунистической властью, имеющей на своих знаменах идеи интернационализма, находящегося в противоречии с национальной идеей единства всей Руси.

Нравится ли комунибудь или не нравится, что объединение Руси закончено не царями и императорами, а советской властью — от этого факта, уже прошедшего, объединения не перестает быть фактом. Режимы и системы меняются, приходят и уходят, а, уже осуществленное, единство Руси, несомненно, останется.

И, с точки зрения исторической, имея ввиду не вопросы сегодняшнего дня, а вопросы будущего всей Руси — Вечной России нельзя не признать факт ее воссоединения фактом несомненно положительным.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА.

Как известно, Российской Украину составляли губернии: Полтавская и Черниговская (Левобережье), Киевская, Подольская и Волынская (Правобережье), Харьковская (Слободская Украина), Екатеринославская и Херсонская (Новороссия). Кроме того, северная часть Таврической губернии (Крым), несколько уездов Бессарабской, Курской и Воронежской губерний имели население украинское.

Грубо приблизительно, к моменту революции 1917 года на этой территории было до 30-32 миллионов населения, подавляющее большинство которого составляли украинцы, по тогдашней терминологии — "малороссы".

Но кроме того на этой территории были и более или менее многочисленные группы так называемых "национальных меньшинств": евреев, великоруссов, немцев, греков, болгар, сербов. Несколько северных уездов Черниговской губернии были населены белорусами и с начала Революции в так называемой "Этнографической Украине" не причислялись.

Создание Украинской Центральной Рады, в 1917 году, было в начале созданием центра чисто национального, а не территориального-областного. А потому все призывы и обращения Центральной Рады, равно, как и Первый Универсал, были обращены не ко всему населению Украины, а только к украинцам — "украинскому народу". То есть они не относились к тем жителям Украины, которые не были украинцами. Поэтому в первые месяцы Революции, пока Центральная Рада не начала выступать открыто, как парламент, претендующий на представительство всего населения Украины, а не только украинцев, вопрос о правах национальных меньшинств участовать в управлении Украиной вообще не поднимался.

Но когда Рада самочинно превратилась в Парламент Украины, при полном попустительстве Временного Правительства, встал вопрос о "национальных меньшинствах" и о их правах принять участие в управлении Украиной, которая, хотя еще не была провозглашена независимой, но фактически, Рада и Генеральный Секретариат вели себя, как Парламент и Правительство Украины.

Надо отдать должное Раде и признать, что она не ставила ни формальных, ни принципиальных препятствий к участию в политической жизни Украины представителей ее "национальных мень-

тистъ" и легко с ними сговорилась, предоставив в Центральной Раде известное число мест представителям великорусского, еврейского и польского населения Украины. Остальные "национальные меньшинства" или не были организационно оформлены или сами не проявили желания иметь своих представителей в Раде.

Участие "национальных меньшинств" в бурных событиях годов Революции и Гражданской Войны проявилось весьма различно и было предопределено прежней жизнью и взаимоотношениями этих меньшинств с коренным населением — украинцами-малороссами. Поэтому для полного понимания всего происходившего необходимо вернуться в прошлое и ознакомиться с тем, как создались эти "национальные меньшинства" и только тогда говорить об их участии в событиях годов Революции и Гражданской Войны.

ГРЕКИ.

Еще во времена Польши, в 17 веке, на Украине существовала не особенно многочисленная, но богатая и предприимчивая группа греков-торговцев. Их центром, где они и жили постоянно, был город Нежин.

После воссоединения Украины с Россией, греки постепенно ассимилировались и, сохранивши свои греческие фамилии, превратились в полноправных граждан Российской Империи, почти исключительно торговцев. Некоторые из них даже стали крупными помещиками, обрусили, и в быту и языке ничем не отличались от окружающих украинских помещиков. Менее зажиточные полностью восприняли весь бытовой уклад городских жителей Украины и даже почти полностью забыли свой греческий язык.

Гораздо многочисленнее нежинской группы греков были греческие поселения в Новороссии и греческие колонии в городах Южной Украины, в особенности, в Одессе. Появились они в Новороссии в 19 веке, как переселенцы из Греции, прижились там, процветая, и как поселенцы-земледельцы, и как отличные и умелые торговцы. Свою старую родину — Грецию они постепенно забывали, видели свое будущее в жизни в России, смешиваясь с местным населением, чему способствовало единство религии, постепенно даже забывали свой язык и быстрыми шагамишли по пути ассимиляции и обрушения. Слосй, специфически греческой, интеллигенции они не имели и жили культурными интересами общероссийскими, не испытывая никаких ограничений из за своего греческого происхождения.

Поэтому греки на Украине не проявили никакого желания выступить, как отдельная этническая группа. В центральной Раде их представителей не было. Те же из греков, которые были политически активны, проявляли свою активность в рядах партий общероссийских. Украинские партии и национально-культурная деятельность их не привлекала. Редким исключением является украинский грек — Мартос, который был активным деятелем социалистического сектора украинской интеллигенции.

Б О Л Г А Р Ы.

Болгары, почти исключительно огородники и земледельцы, как и повороссийские греки, появились в Новороссии в 19 веке и имели там ряд цветущих селений, сохранив в известной степени свой язык и быт, но быстрошли по пути обрусения и ассимиляции. Полное равноправие с остальными гражданами России этому процессу много содействовало. Выходившая из этих болгарских селений интеллигенция чувствовала себя русской.

Поэтому болгары, как "национальное меньшинство" во время Революции вообще не выступали и на участие в Центральной Раде не претендовали. К ней они все относились резко отрицательно, как потому, что она была социалистической, а они были собственниками, так и потому, что она шла по пути украинизации жизни, а болгары были русские "единонеделимы".

Н Е М Ц Ы.

Немецкое национальное меньшинство на Украине достигало нескольких сот тысяч. В основном, его можно поделить на три, резко обособленные, различные численно, группы.

Первая группа -- это крупные и даже крупнейшие помещики, представители аристократии и крупной бюрократии Российской Империи немецкого происхождения. В подавляющем большинстве, сильно обрусевшие и даже принявшие православие. Себя они считали русскими и никаких стремлений к обособлению, как это имело место у их единоплеменников в Прибалтике, пичем не проявили. Графы Ламздорфы, графы Гейдены, бароны Меллер-Закомельские, Будберги, Штейнгели, графы Граббе и не мало других (титулованных и не титулованных) были помещиками Украины.

Появились она на Украине в результате пожалований им имений Российскими Императорами (на Левобережье — казенных с "государственными" крестьянами; на Правобережье, кроме того,

конфискованных у польских помещиков, принимавших участие в восстаниях; в Новороссии — обширных незаселенных земель).

Имена эти иногда были огромны и исчислялись десятками тысяч десятков, как например, имение герцога Мекленбург-Стrelitzкого, около Полтавы или имение Фальц Фейна, в Новороссии.

Хотя все эти помещики, как немцы по происхождению, и имели формально право выступать, как национальное меньшинство, они, считая себя русскими и относясь резко отрицательно к Центральной Раде, никаких не только попыток сотрудничества с нею, но даже и контакта не имели.

Единственным исключением был барон Штейнгель, богатейший помещик Волынской губернии, который принял активное участие в украинской политической жизни и, в 1918 году, был первым послом Украинской Державы в Берлине.

Вторая группа — это немцы ремеслевники, квалифицированные мастера и торговцы, разбросанные по всем городам Украины. Их было сравнительно не много и они быстро обруссевали и смешивались с русским населением, передко уже во втором-третьем поколении забывая свой язык.

Естественно, что ни до, ни после Революции эта группа как "национальное меньшинство" на политической арене не появлялась и никакого участия в политической жизни не принимала.

С Германией эта группа, как и первая, никаких или почти никаких связей не имела, кроме сентиментальной любви к стране своих предков.

Обе эти группы были лояльными подданными Российского Императора.

Третья группа, — самая многочисленная, — это были так называемые немецкие "колонисты". Это были земледельцы, почти исключительно люди личного физического труда (крупных землевладельцев среди них было мало), жившие обособленными селениями — "колониями" в Черниговской губернии, Новороссии и, частично, на Волыни и в Бессарабии.

Появились они сперва в Черниговской губернии в царствование Екатерины 2-й, которая предоставила им богатейшие обширные земли в самом сердце Украины, в непосредственной близости от бывшей гетманской столицы — Батурина. На положении вольных поселенцев, не зная крепостного права и получивши ряд привилегий при внесении денежных и натуральных повинностей, они создали там (в Конотопском и Борзенском уездах Черниговской губернии)

ряд больших и богатых сел, давши им немецкие наименования (Грос Вердер, Клейн Вердер и др.) и устроивши их по типу немецких сел. Вместо украинских хат — мазанок они имели хорошие кирпичные дома, крытые черепицей, готические "кирхи", нравильно спланированные улицы. Начиная с языка, религии, мелочей быта и кончая одеждой и даже упряжкой лошадей (волов они не любили) — все было кошней немецких сел.

С местным населением они не только не смешились, но и мало общались.

Несколько десятилетиями позднее, уже в 19 веке, созданы были такие же "колонии" в Новороссии, на Волыни и в Бессарабии.

Хотя внешне все эти "колонисты" и были лояльными российскими гражданами, но внутренне они тяготели к Германии и многие из них своей настоящей родиной считали не Россию, а Германию. С ней они имели постоянную, чисто национально-культурную связь, частично через очень сильные немецкие организации Прибалтики, частично непосредственно. Не мало было и таких, которые состояли в так называемом "двойном подданстве". Состояло оно в том, что каждый немец (по крови), независимо от его места жительства и подданства другого государства, мог быть одновременно и германским подданным. Об этом существовал в Германии специальный закон, вызывавший самые резкие возражения других государств. Эти, состоящие в "двойном подданстве" немцы-российские подданные нередко даже ездили в Германию отбывать воинскую повинность, как разоблачали русские газеты в годы перед 1-ой войной.

Нечто подобное "двойному подданству" существует в настоящее время в государстве Израиль. По признаку расы, каждый еврей, где бы он ни жил и какой бы страны подданным не был рассматривается, как "еще не вернувшийся в Израиль", а потому автоматически становится полноправным гражданином Израиля с момента прибытия туда.

Обособленность немцев-“колонистов” и полемика в газетах о "двойном подданстве" вызвали перед войной и во время войны недоверчиво-подозрительное отношение к русским немцам вообще. И совершенно естественно, что во время еще длившейся войны с немцами, в 1917 году, выступление немецкого "национального меньшинства" Украины, вряд ли бы было тактичным. Немцы это поняли и никакого участия в политической жизни Украины в годы Рево-

люции и Гражданской Войны не прияли. Но — надо это отметить — немецкие "колонисты" Новороссии дали Белой Армии не мало добровольцев. Они поняли, что эта борьба чисто социальная и, как элемент собственнический и поклонники порядка, охотно шли защищать собственность и восстанавливать, нарушенный революцией, порядок.

Создание немецких "колоний" и приглашение Российской Правительством для этой цели крестьян из Германии (и предоставление им всяческих льгот) многие объясняют той особо покровительственной политикой, которая применялась к немцам с конца 18-го до конца 19-го столетия. Политика же эта объяснялась немецким происхождением династии и огромным немецким проникновением в придворные и высшие бюрократические круги.

Но вряд ли с этим можно согласиться. Кроме сентиментально по немецким мотивам (надо полагать, и они имели место), преимущественно играли роль мотивы государственные: желание поскорее заселить и культивировать богатые, пригодные для земледелия, пустующие земли. И при том заселить теми, кто у себя на родине были образцовыми хозяевами и могли служить примером для соседних украинских земледельцев. Свободных земель тогда было много.

С Е Р Б Ы.

На востоке Украины, в Екатеринославской губ. был целый уезд, называвшийся Славяно-Сербским. Населен он был почти исключительно сербами, но настолько обрусевшими и ассимилированными, что кроме сербских фамилий, да и то не всегда, сербского осталось там очень мало.

Это потомки выходцев из Сербии, поселенных по реке Донцу в первой половине 18-го столетия. Вначале из них формировались даже отдельные полки, но очень быстро они потеряли свои сербские национальные особенности и к моменту Революции мало чем отличались от соседних украинских земледельцев. Своей интеллигенции они не имели, а те из них, которые получали образование, или на государственную службу и многие делали блестящие карьеры.

В украинской политической жизни и в Центр. Раде никакого участия не принимали.

В Е Л И К О Р О С С Ы.

Хотя с началом Революции на Украине и появилось выражение "великорусское национальное меньшинство", определить его

территориально и численно и провести отчетливую грань между этим "меньшинством" и основной массой населения, украинцами-малороссами предел ли возможно.

С одной стороны, получившая образование в русских учебных заведениях, украинская интеллигенция восприняла и русский язык, ставший ее разговорным языком, а также, в значительной степени, и особенности великорусского быта, хотя и была чисто украинской по происхождению. Себя она считала русской и не только не стремилась к какому либо отмежеванию от культуры и жизни общерусской, но всячески и весьма энергично этому противодействовала. Никто другой, как украинцы-малороссы по происхождению были вдохновителями тех ограничений украинской национально-культурной деятельности, которые начали проводиться Правительством, начиная с известного распоряжения министра Валуева, в котором были слова: "отдельного украинского языка не было, нет и быть не может". Украинцами по происхождению были известный редактор газеты "Киевлянин" Д. Пихно и его преемник — В. Шульгин, которые по отношению к "украинству" занимали шепримирко-боевые позиции, равно как и виднейшие деятели киевских "правых" организаций, например, журналист А. Савенко, председатель "Двуглавого Орла" (крайне правой организации) — Пащенко и множество других общественно-политических деятелей Украины.

С другой стороны, благодаря исключительной близости украинского языка и русского литературного, не мало великороссов по происхождению не только приняли участие в украинской национально-культурной деятельности, но и заняли в ней выдающееся положение. Среди лучших украинских писателей второй половины 19 века мы видим великоросску по происхождению, образованную и воспитанную, приехавшую на Украину уже взрослой женщиной, писавшую под псевдонимом "Марко Вовчок". Лучший украинский баснописец — великоросс Глебов. В новейшее время широкую известность, как украинский поэт приобрел великоросс Фитилев, писавший под псевдонимом "Хвыльоний". Идеолог украинского крайнего повинизма и фашизма — великоросс по происхождению Донцов.

Зная все это, становится понятным, как трудно разграничить "великорусское национальное меньшинство" о украинцев-малороссах. Но все же, так как вопрос этого разграничения был выдвинут в дни Революции, обойти его молчанием нельзя и надо, хоть в самых общих чертах, сказать об этом "национальном меньшинстве".

В разных частях Украины "великорусское национальное мень-

шинство" было представлено различно. Самым незначительным оно было в трех губерниях Правобережья (Киевск., Подольск., и Волынская), которое до конца 18 столетия было под властью Польши, за исключением города Киева с окрестностями.

Здесь выходцы из Великороссии были почти исключительно или, осевшие навсегда потомки русских офицеров и чиновников, служивших в этих краях, или владельцы тех имений, которые во время польских восстаний были конфискованы у поляков-помещиков, принимавших участие в восстаниях, и пожалованы русским офицерам или чиновникам.

Немного больше великороссов, точнее, слившихся с местным населением их потомков, было в двух губерниях Левобережья: Черниговской и Полтавской и в самом Киеве. Здесь мы уже видим и купцов, и ремесленников, и представителей свободных профессий. Большинство этих великороссов, несмотря на свое великорусское происхождение, полностью слились с местным населением и были от него неотделимы. Помещики в этих губерниях были почти исключительно потомки украинской казачьей старшины. Но среди них, особенно крупнейших, были и пришельцы или их потомки. Появились они на Украине в результате или пожалований имений Российским Императорами, или браков с богатыми украинскими наследницами. Не мало было среди этих пришельцев титулованных иностранцев-представителей Петербургской аристократии. Все они, несмотря на свое иностранное происхождение, считали себя русскими. И никакого интереса в украинской национально-культурной и политической деятельности не проявляли.

Совсем другую картину мы имеем в остальных губерниях Украины: Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и северной части Таврической. Там великороссов и численно было больше, и были чисто великорусские села, в которых крестьяне жили обособленной от украинцев жизнью, сохранив все особенности великорусского быта. В городах тоже было больше великороссов и их потомков чем в 5 основных губерниях Украины.

Харьковская губерния, как известно была территорией Московского Царства и украинцы на ней появились в результате массового бегства из Приднепровья в бурные годы 17 столетия. Бежали пастолько интенсивно, что вскоре вся территория приобрела чисто украинский характер и пришельцы-украинцы во много раз превысили численно, живших там, великороссов. Но все же к 1917 году в пределах Харьковской губернии были и великорусские се-

ла и в городах было гораздо больше великорусского элемента чем в городах основных украинских губерний. Было так называемое "великорусское национальное меньшинство", хотя организационно и не оформленное и к обособлению от местного украинского населения не стремившееся.

В Новороссии (Екатеринославская, Херсонская и сев. часть Таврической губ.) великороссов было еще больше чем в Харьковской губернии. Как известно, Новороссия была присоединена к России только в конце 18-го века, в результате многолетних и частых войн с Турцией, которые вела Россия весь 18 век.

Хотя войны эти велись силами общероссийскими, в которых великороссов было во много раз больше чем украинцев, тем не менее, получивши эти богатейшие земли, Россия не организовала их колонизацию исключительно или хотя бы преимущественно великороссами, а предоставила ничем не ограниченные возможности украинцам занимать эти земли. Она не делала никакой разницы между великороссами и малороссами-украинцами, считая их одних и других своими, русскими.

В результате, население Новороссии приобрело преимущественно украинский характер и великороссы составили там только незначительное меньшинство. Но все же в Новороссии мы встречаем и чисто великорусские села, и весьма значительный процент великороссов среди населения городов. Много великороссов-рабочих привлекла и горная промышленность Новороссии, начавшаяся бурно развиваться во второй половине 19 века.

Но все великороссы, осевшие в Новороссии, не чувствовали себя какой то обособленной этнической группой, легко и охотно смешивались с украинским населением и позвать их "национальным меньшинством" можно было только с большой натяжкой. Многие из них или их потомков и сами не могли определить, кто они такие: великороссы или украинцы. Совершенно другое положение в смысле национального осознания было у других этнических групп Новороссии: немцев, греков, болгар. Там слияние хотя и ишло, но гораздо медленнее, а у немцев его и вовсе не было.

Революция 1917 года и создание Украинской Центральной Рады поставили перед разбросанными по всей территории Украины великороссами, многие из которых уже давно потеряли всякие связи с Великороссией и слились с местным населением, проблему создания своего, великорусского "национального меньшинства". Благодаря указанному выше, распылению по всей Украине этого "мень-

шинства” и его смешению с украинцами, было совершенно невозможно, ни точно определить численность этого “меньшинства”, ни его организационно оформить. Сосем иначе было дело с настоящими “национальными меньшинствами” Украины, давшими своих представителей в Центральную Раду — евреями и поляками. Они были резко обособлены, организационно оформлены и не представлялось никакого труда решить вопрос, кто будет их представлять в Центральной Раде.

Вопрос с “великорусским национальным меньшинством” и его участием в Центральной Раде был решен в духе того времени: социалисты украинские договорились с социалистами общероссийскими (живущими на Украине) и предоставили им некоторое число мест в Раде, решивши, что эти, допущенные в Раду общероссийские социалисты и есть представители “великорусского национального меньшинства” на Украине.

Не-социалисты в те времена вообще не принимались во внимание и были чем то вроде политических “лишенцев”, над которыми тяготело не только подозрение, но и обвинение в “контр-революционности” — самое страшное обвинение в то время.

Вот эти, допущенные в Раду социалисты общероссийские и изображали собою представителей “великорусского национального меньшинства”. Их политический удельный вес в Центральной Раде был минимальным и с ними мало считались заправилы украинской политики того времени, несмотря на то, что городские выборы (на которых общероссийские партии получили 90% голосов) с предельной очевидностью показали, что это “меньшинство”, в городах имеет подавляющее большинство. Здесь следует отметить, что эти 90% городского населения, голосовавшего совершение свободно за общероссийские партии в подавляющем своем большинстве были чистые украинцы по происхождению. Многочисленное еврейское население украинских городов голосовало за свои, еврейские, списки, но все они стояли на общероссийских позициях.

Но со всеми этими фактами украинские новинисты-социалисты, захватившие власть над Украиной не считались. “Большинством” объявили только себя, а всех остальных только великодушно допустили фигурировать в качестве “меньшинств”.

П О Л Я К И .

Поляков на Украине было немного. В лучшем случае они исчислялись несколькими десятками тысяч. Это были почти исключи-

чительно помецики Правобережья и их служащие или семьи государственных и частных служащих — поляков служащих на Украине, а также их потомки, жившие в городах. Сконцентрированы они были главным образом в губерниях Правобережья, которое было раньше польской колонией и в котором еще осталось не мало следов польского господства. Ни польских сел, населенных поляками-крестьянами, ни скольконибудь значительного процента поляков-торговцев и ремесленников в городах — Украина не знала.

Жили поляки своей, резко обособленной жизнью и с местным населением не только не смешивались, но даже и мало общались. Разница языка и религии делали слияние с местным населением психологически невозможным.

Они имели ряд своих, чисто польских, национально-культурных, религиозных и политических организаций и благодаря этому смогли выступить, как хорошо организованное национальное меньшинство, с которым считались гораздо большие, чем с, несравненно более многочисленным "великорусским нац. меньшинством".

Хотя в украинской политической жизни поляки и не участвовали, тем не менее в годы Революции и Гражданской войны мы встречаем в Правительствах Украины министров-поляков: Ржепецкий — у Гетмана; Стемиковский — у Петлюры. Интересно отметить, что оба они были не-социалисты и богатейшие помещики.

Е В Р Е И.

Из всех "национальных меньшинств" Украины наиболее многочисленным и наиболее резко обособленным является еврейское меньшинство. В то же время это меньшинство было наиболее активным в экономической жизни Украины и принимало весьма активное участие в революционных событиях и событиях годов Гражданской Войны. Поэтому для правильного понимания всего происходившего на Украине в те годы совершенно необходимо несколько подробнее (насколько это разрешает объем книги) остановиться на этом "национальном меньшинстве" и его участии в жизни Украины.

Появление на Украине.

На Украине евреи появились в тот период ее истории, когда вся Украина-Русь была польской колонией. Существовавшие тогда взаимоотношения между поляками и местным населением предопределили роль евреев, как посредников между эксплуатирующими и угнетающими

народ оккупантами-польцами и, страдающим под этой оккупацией, украинским народом. Естественно, что эта роль создала и предпосылки для отчетливо и резко выраженных антисемитских настроений народа, передко выливавшихся в еврейские погромы. Настроения эти были так сильны, что отразились даже в народном эпосе Украины, которая в своем эпосе имеет не мало чисто антисемитских произведений, чего не имеет ни один народ в мире. Как известно, одна из самых распространенных народных песен Украины говорит: "не хай живе вільна Україна, щоб не було на Україні ни ляха, ни жида"... (Слово "жид" в украинском языке, как и в польском, не является оскорбительным; слово же "ярэй" в дореволюционные годы украинец произносил с оттенком пренебрежительно-прензирательным).

С освобождением Левобережья и воссоединением с Россией (1654 г.) там исчезли и все евреи. Часть успела бежать с поляками в Польшу, часть была перебита населением в бурые годы Освободительной Войны. Не было их и в Слободской Украине, которая никогда не была под властью Польши и куда доступ евреям был строго воспрещен. В царствование императрицы Елизаветы были сделаны попытки добиться для евреев разрешения жить на территории подвластной ей Украины, но она категорически этому воспротивилась, и запрет появления евреев, не только на постоянное жительство, но даже и на торговых делах, оставался в силе.

Но с отобранием от Польши (в 1793 г.) трех правобережных губерний Украины (Киевской, Волынской и Подольской) и воссоединения этих земель бывшей Киевской Руси с Россией — России пришлось приять не только земли с коренным населением, но и, прочно обосновавшихся на этих землях за времена польского владычества, евреев. Так появился поданные России — евреи.

Точных данных о числе евреев, став-

Численность.ших российскими подданными с воссоединением Правобережья, мы не имеем. Мы знаем только, что общее число евреев — российских подданных в 1815 году доходило до 1.200.000. Тогда почти все без исключения они жили в пределах Правобережной Украины, Белоруссии и Польши. Проникновение в другие части России еще только начиналось.

Ровно через 100 лет, в 1915 году, в России насчитывалось 5.500.000 евреев. Кроме того, начиная с 80-х годов 19-го века до 1915 года из России эмигрировало в Америку свыше 1.500.000 евреев.

Учитывая также природный прирост иммигрировавших и сложившиеся цифры, мы получаем более 7.000.000. Значит, за 100 лет число евреев в России возросло в 6 раз. За этот же период общее число всего народонаселения всей России возросло с 45.000.000 (в 1815 году) до 180.000.000 (в 1915 году), то есть всего в 4 раза. Как видно из этих цифр рост еврейского населения в России шел гораздо быстрее чем рост остального ее населения.

Не делая отсюда никаких выводов, мы отмечаем этот факт, как факт чрезвычайно интересный и показательный. В частности приведенных цифр вряд ли можно сомневаться, ибо они приведены из еврейских источников, из книги известного еврейского демографа И. Лещинского ("Еврейский народ в цифрах". Берлин. 1922 г.), и, поскольку это было возможно, проверены и сравняны с данными других демографов.

Из тех же еврейских источников мы знаем, что к 1915 году в пределах Украины было 2.150.000, а к 1917 году, благодаря еврейским беженцам с запада и природному приросту, число евреев на Украине приблизилось к цифре 2.500.000, что составляло почти 10% населения. (Имеются ввиду только евреи иудейского вероисповедания).

Политика Правительства в еврейском вопросе.

Российское Правительство, получивши в свое подданство, больше миллиона евреев, всячески стремилось привлечь их к участию в общероссийской культурной жизни. Этому всячески противились раввины, руководившие не только религиозной стороной жизни евреев, но всеми сторонами их быта и культуры. Они опасались, что участие евреев в общероссийской культурной жизни неизбежно приведет и к отходу от Талмуда регулирующего и направляющего все стороны жизни евреев и требующего их обособления от народов, среди которых они живут.

Это ассимиляционное направление политики Правительства в еврейском вопросе недвусмысленно выражено в "Положении о евреях", подписанным Александром I-м в 1804 году. В этом "Положении" говорится следующее: "все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах" (цитируется по "Книге о русском еврействе" Нью-Йорк. 1960 год).

Открывая такие широкие возможности для приобщения евреев к общероссийской культуре путем получения образования в русских учебных заведениях, Правительство в своей ассимиляционной

политике прибегало и к другим мероприятиям, иногда очень жестоким, а иногда к мерам, по существу ничего не дающим, а только чисто висшие старающимся "унифицировать" евреев с остальным населением. Так, например, в первой половине 19 века, на основании именного указа Николая I-го (1827 г.), по которому евреи должны были давать рекрутов в армию наравне с другим населением (раньше эта повинность заменялась денежной) было разрешено принимать рекрутов, начиная с 12 летнего возраста. Эти еврейские мальчики направлялись для исполнения воинской службы исключительно в местности, в которых не было еврейского населения, а в пути к месту службы даже запрещалось останавливаться на почтовых станциях в еврейских домах.. Конечно, эти дети не могли нести солдатскую службу наравне со взрослыми. Их отдавали в специальные школы, очень часто в музыкантские, где, оторванные от своей родной среды, мальчики, переходили (вернее, были переведены) в православие и в дальнейшем проходили военную службу, не испытывая на себе никаких ограничений, как евреи, ибо в России ограничения, как известно, существовали только по признаку религиозному, а не расовому. Это были так называемые "кантонисты", многие из которых сделали не плохую карьеру, как на военной, так, по ее окончании, и на службе гражданской. Вступая в браки с русскими, они полностью обрусевали и для еврейства были потеряны. Этот жестокий метод проведения ассимиляционной политики просуществовал больше четверти столетия и был отменен только в 1856 году. Ощущительных результатов для ассимиляции всей еврейской массы он не дал. В "кантонисты" попадал только весьма незначительный процент еврейских мальчиков.

Другое мероприятие правительства, никаких ощущительных результатов не давшее, это было запрещение носить долгополые кафтаны почти до ног, скаковые были чем то ядром национального костюма у евреев. Николай I-й, любивший внешний порядок и вообще форму, ввел таковую и для евреев, точно определил какой длины могут быть их кафтаны. Конечно приказ должен был быть исполнен, и евреи обрезали длинные фалды своих кафтанов. Так создалась та верхняя одежда евреев, которая до Революции на Украине называлась "лансердак". Но "песы"—локоть на висках—корые носили евреи, остались неприкоснутыми до самой Революции 1917 года. Их носило подавляющее большинство евреев на Украине, кроме незначительного процента отошедших от старых еврейских обычая. Конечно, "лансердаки", заменившие старые

длиношерстные кафтаны, ничего в направлении ассимиляции не дали и евреев к общерусской культуре и быту не приблизили.

К мерам ассимиляционным надо отнести и полное уравнение еврея во всех правах с момента отказа от иудаизма и перехода в любую христианскую религию, не обязательно в православную, чем некоторые евреи и пользовались. Но число их было сравнительно не велико и заметного влияния на приобщение всего еврейства к русской культуре не оказалось.

Ограничительные мероприятия.

Кроме мероприятий Правительства, направленных к ассимиляции евреев, до самой Революции существовали

для евреев и ряд ограничений: права жительства, получения образования, экономической деятельности, права на государственную службу и при отбывании воинской повинности. Эти ограничительные мероприятия делали евреев неполноценными российскими гражданами и вызывали острое недовольство не только евреев, но и либеральной русской интелигенции.

Самым старым ограничительным мероприятием была так называемая "черта оседлости", которая многими считалась чем то вроде "гетто" для евреев, способом их "ущемления". "Черта оседлости" — это было запрещение евреям жить в губерниях центральной России и ограничение территории, на которой им разрешалось жить, 25 западными губерниями Российской Империи, по территории большими чем Франция. Проходила эта "черта" примерно по линии бывших границ Московского Царства и Речи Посполитой Польской, а кроме того в "черту" были включены вся Новороссия и Слободская Украина. Таким образом вся Украина входила в "черту оседлости".

Введена была "черта оседлости" почти сразу же после того, когда к России были присоединены земли с большим процентом еврейского населения. Но тогда она не носила такого стеснительного ограничительного характера, какой она приобрела в предреволюционные годы.

В статье "Правовое положение евреев в России" знаток этого вопроса, сам еврей, А. Гольденвейзер, о "черте оседлости" пишет следующее:

"Возникновение черты оседлости связано с историческими событиями конца 18 века. В ту эпоху все русские подданные, принадлежавшие к так называемым податным сословиям, — т.е. кре-

стяне, мещане, ремесленники и купцы, — не имели права свободного передвижения и совместного поселения в нынешнем смысле этих понятий. Каждый был “приписан” к местному “обществу” и мог заниматься своим делом лишь в давнем месте. В соответствии с этим порядком, евреи, оказавшиеся русскими подданными после разделов Польши, были приписаны к мещанским и купеческим обществам тех местностей Юго-Западного и Северо-Западного Края, в которых они проживали при переходе этих областей к России.

Указом, изданным в 1791 году, Екатерина 2-я подтвердила этот порядок и даже расширила территорию поселения евреев на вновь образованные Екатеринославское наместничество и Таврическую область. Как отметил Милюков, основная цель указа состояла именно в том, чтобы подтвердить для евреев равные с остальным населением присоединенных земель права. Но вместе с тем — по специальному ходатайству, боявшихся еврейской конкуренции, московских купцов — в этом же акте было указано, что “евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты.” Этим дополнительным распоряжением указ 1791 года положил начало черты оседлости. Свою первую формулировку черта оседлости получила в изданном при Александре I-м “Положении о евреях 1804 года”. С этого времени, вплоть до вынужденной военными событиями 1915 года отмены черты оседлости, ее границы оставались неизменными”. (“Книга о русском еврействе”. Нью Йорк. 1960 г.)

Как видно из приведенного выше объяснения, “черта оседлости” преследовала цели скорее уравнительные, чем ограничительные. И потому не удивительно что правила о ней мы находим в том самом “Положении о евреях 1804 года”, в котором открываются такие широкие возможности для получения евреями образования в русских учебных заведениях.

Хотя “черта оседлости” и оставалась до 1915 года и была весьма стеснительна для евреев — российских подданных, однако существовало не мало путей и способов эти ограничения обойти, чем евреи очень широко и пользовались.

Ограничения “черты оседлости” не относились к евреям — купцам 1-й гильдии (и их приказчикам), к окончившим высшие учебные заведения, дантистам, провизорам, фельдшерам, а также, как сказано в правилах, “евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам”. Все эти категории евреев могли жить по всей России.

Благодаря наличию этих многочисленных исключений и умелому их использованию евреями, к началу 20-го века во всей России не было ни одного города без более или менее многочисленной европейской колонии. Причем эти колонии не знали той европейской бедности, которой было очень много в "чертых оседлости".

Наличие богатейших европейских колоний в Петербурге и Москве, строивших такие роскошные здания, как синагога в Москве — лучшее доказательство, что "черты оседлости" переступала довольно легко. Она имела большое психологическое значение, создавая и пытая среди евреев антиправительственные настроения чем какое либо значение практическое. И, несомненно, ошибкой Русского Правительства было то, что оно задерживало ликвидацию, не имевшей никакого практического значения "чертых оседлости", ставшей ненужным и вредным анахронизмом.

К этому надо добавить и то, что все больше и больше образованных евреев не придававших большого значения вопросам религии, смотрели на перемену религии, как на маловажную формальность, выполнение которой освобождало их от всех ограничений, в том числе и от ограничений "чертых оседлости". А потому легко переходили в какую либо христианскую религию. Даже в среду наиболее замкнутую — офицерскую все больше и больше пропискало евреев отказавшихся от иудаизма. А. Деникин в своей книге "Пути русского офицера" (Нью Йорк 1955 г.) говорит, что к 1914 году в рядах Российской армии были не только офицеры изящие, но и генералы, чисто еврейского происхождения.

Кроме "чертых оседлости" существовали для евреев и другие ограничения: приема в учебные заведения (введенные только в 80-х годах); занятия торговлей и промышленностью, покупка земли в сельских местностях (введенные тоже в 80-х годах), а также поступления на государственную службу и права производства в офицеры, пока еврей оставался в иудаизме.

Но все эти ограничения или легко обходились (путем подставных лиц) или евреев особенно не трогали, ибо на государственную службу и в офицеры они особенно и не стремились.

Причем все эти ограничения еравнительно новейшего времени и были вызваны рядом причин, если их и не оправдывающих, то, во всяком случае, объясняющих.

Результаты Ассимиляц. политики.

Почти целое столетие политика Русского Правительства по отношению к евреям была, в основном, политикой

ассимиляционной, открывавшей перед евреями, включавшимися в российскую культурную жизнь, самые широкие возможности. И только в начале 80-х годов 19-го столетия эта политика приобретает другой характер — ограничения проникновения евреев в круги русской интеллигенции и буржуазии.

Этот первый период интересен и характерен конфликтом между теми евреями, которые стремились использовать предоставленные им возможности, получить светское образование, какового им не давали еврейские школы — “хедеры” и их “меламеды” (учителья-изучатели Талмуда), и, веками укоренившегося, замкнутого быта еврейских общин — “кагазов”, руководимых раввинами.

Не без основания, опасаясь, что светское образование поставит евреев на путь отхода от религии и предписаний Талмуда (а это отождествлялось с самим понятием “еврей”), раввины и еврейские общины не только без воодушевления относились к мысли о возможности получения светского образования, но как могли всячески этому противились. Пока евреи жили замкнутыми расово-религиозными кружками, обособленно от окружающего населения, до тех пор раввины и общины были спокойны, что еврей останется верен и религии, и Талмуду.

По преимущества светского образования и, сопряженные с ним, открывавшиеся возможности, были настолько очевидны и сильны, что значительная часть евреев не считалась с неудовольствием раввинов и стремилась в русские учебные заведения. И процесс, сначала приобщения евреев к общероссийской культуре путем получения русского светского образования, а затем и проникновения в круги российской интеллигенциишел неуклонно. Процент евреев в свободных профессиях (адвокаты, врачи, журналисты) быстро рос. А вместе с этим росло и влияние евреев на культурную жизнь России.

Но это не была ассимиляция, к которой стремилось Российское правительство. Еврей, несмотря на окончание русского учебного заведения, на замену традиционного “лансердака” обыкновенным костюмом, на то, что он срезал “пейсы”, покинул замкнутый круг еврейской общины, перешагнул “черту оседлости” и даже (иногда) переменял религию и получил вместе с тем все права — он все же оставался прежде всего евреем. Со своей, еврейской, точки зрения он рассматривал и оценивал все события, прежде всего имея ввиду их выгодность и полезность для еврейства. Это не значит, что они не были лояльными гражданами России, но им было чуждо и непо-

ялно то чувство, которое свойственно и присуще тем, кто корнями своими уходил в далеское прошлое своего народа, а свое будущее видел неразрывно связанным с будущим народа. У них же и прошлое, и будущее было связано не с Россией и русским народом, а с еврейством, его прошлым и его будущим.

Это не осталось незамеченным, и к 80-м годам 19-го века начал намечаться известный конфликт между, вошедшими в русскую культурную жизнь, евреями и интеллигенцией, уходившей своими корнями в далеское прошлое русского народа. Это не был антисемитизм — в массе своей русская интеллигенция его не знала. Но это было невысказанное и неформулированное признание, что ассимиляционная политика не привнесла ожидаемых результатов. Признание же это создало и предпосылки для перемены политики в еврейском вопросе: начиная с 80-х годов она пошла по пути разного рода ограничений для евреев. А ограничения эти вызывали и питали антиправительственные настроения у всех евреев вообще и толкали их на активную деятельность в оппозиционных и революционных организациях.

Так закончился “ассимиляционный” период истории евреев в России.

Вопрос образования. Период, когда не существовало ограничений для евреев при получении образования, был ими полностью использован, и за этот период созданы многочисленные кадры интеллигенции еврейского происхождения. Насколько многочисленны были эти кадры можно судить по данным о числе студентов-евреев, пополнивших по окончании университетов эти кадры.

По данным “Книги о русском еврействе” (Нью Йорк 1960 г.) в 1886 году на медицинском факультете Харьковского Университета было 41,5% евреев, а в Одессе — на медицинском — 30,7%, а на юридическом — 41,2%. Окончившие университеты вливались в ряды российской интеллигенции, внося в нее немало и своего, специфично еврейского, свойственного этой древней расе.

Считая это нежелательным и наблюдая неуспех своей ассимиляционной политики, Российское Правительство вводит в 1887 году так называемую “процентную норму”, которая заключалась в том, что к приему в учебные заведения допускался только известный процент лиц иудейского вероисповедания: 10% для “черты оседлости”, 5% — вне “черты” и всего 3% в Петербурге и Москве.

Это вызвало взрыв негодования у всего еврейства и окончательно толкнуло его в ряды противников режима. Резко отрицательно отнеслась к этому и либеральная общероссийская общественность.

Однако "процентная норма" существенного измельчения в процентах евреев, получающих среднее и высшее образование, не внесла. Нашлось много путей и возможностей обходить закон. Одни переходили в лютеранство и, по букве закона, переставали считаться евреями; другие кончили учебные заведения за границей и возвращались в Россию; третья — сдавали экзамены "экстерном"; четвертые получали образование в учебных заведениях, на которые "процентная норма" не распространялась (коммерческие училища, ряд частных средних и высших уч. зав.). По давним "Книги о русском еврействе", в 1912 году в Киевском Коммерческом Институте обучалось 1875 евреев, а в Психо-Неврологическом Институте в Петербурге — "тысячи молодых евреев".

Н, в конечном результате, за 30 лет существования "процентной нормы" процент студентов евреев (т.е. не перешедших в другую религию и оставшихся в иудаизме) изменился весьма незначительно: в 1887 году средний процент (для всей России) был 14,5%, а в 1907 — 12,1%. (Цифры взяты из "Книги о русском еврействе" и сомневаться в их достоверности нет никаких оснований).

Таково было положение в вопросе образования во всей России. На Украине, где жило 41% всех евреев — российских подданных, то есть около 2.500.000 к 1917 году, "процентная норма" чувствовалась значительно острее чем в остальной России, но все же ее удавалось разными путями обходить (главным образом путем создания частных учебных заведений при поддержке еврейского капитала). Кроме того было много чисто еврейских частных школ, находившихся в руках еврейских общин. В них получала образование еврейская молодежь, не попавшая в русские учебные заведения. Об огромной деятельности этого рода учебных заведений весьма подробно и документировано сообщается в отдельной главе "Книги о русском еврействе".

В той же книге (стр.360) говорится: "еще в июне 1914 года опубликован был закон о частных учебных заведениях, не пользовавшихся правами правительственные. Закон обеспечивал народностям России свободу в выборе языка преподавания, что открывало широкие возможности для развития еврейского образования на идиш и древне еврейском языке".

Зная все изложенные, теряют всякую убедительность, весьма распространенные во всем мире, голословные утверждения, что в дореволюционной России "евреям был закрыт доступ к образованию". Больше 12% евреев в высших учебных заведениях в то время, когда они составляли меньше 4% всего населения, и ничем не ограниченная возможность открытия учебных заведений с преподаванием на еврейском языке — неопровергимо доказывают, каково было истинное положение в вопросе возможности для евреев получать образование.

Здесь небезинтересно обратить внимание, что именно выходцы из России в новосозданном государстве Израиль составляют подавляющее большинство интеллигентии, министров и политических деятелей, получивших свое образование в той России, где "был евреям закрыт доступ к образованию".

Полученное в русских учебных заведениях образование открыло перед евреями самые широкие возможности для проникновения в ряды российской интеллигенции и слияния с ней, тем более, что отношение этой русской интеллигенции к евреям было весьма дружелюбное.

И проникновение, самое глубокое, (кроме административного аппарата и военной среды) во все круги культурного слоя России шло непрерывно. Но к слиянию оно не приводило. И не по вине российской интеллигенции и вообще культурной части российской общественности. Причины надо искать во врожденном у евреев стремлении к самоизоляции от народов, среди которых им приходилось жить на своем историческом пути.

Надо полагать, это есть результат многовекового религиозного воспитания, вынуждающего, что евреи "избранный" народ, рассеянный только временно, до того часа, когда он опять соберется в Земле Обетованной. Все страны, где они живут — это не родина, а только места времененного пребывания. Настоящая же родина — это Земля Обетованная. Из веры в свою "избранность" логически неизбежно вытекает уверенность в своем превосходстве над всеми народами, нежелание с ними смешиваться и, как следствие этого нежелания, то самоограничение, которое характерно для евреев живущих даже среди тех народов, которые никаких ограничений для слияния с евреями не ставят.

В дореволюционной же России, особенно на Украине, эти самоограничительные тенденции проявлялись особенно отчетливо и сделали украинских евреев чужеродным телом среди массы украин-

ского населения.

И только после Революции, открывшей для евреев все пути для карьеры на государственной службе и в армии, и ослабления влияния религиозного воспитания, начался процесс ассимиляционный, который продолжается и в настоящее время. Многие евреи, не овдовевшие от расово-религиозного взгляда на еврейство, относятся к этому процессу резко отрицательно, называя его "культурным геноцидом". Но что никакого влияния на ассимиляционный процесс, происходящий во всем СССР, не имеет и отход евреев от прежних мистических расово-религиозных настроений там неуклонно продолжается.

Участие в хозяйственной жизни Украины.

Украинцы и, несмотря на существование некоторых ограничений, добились завидных успехов.

В конце 18-го века, когда они сделались поданными Российской Империи, все евреи Украины были исключительно торговцы, разные арендаторы, маклеры и посредники и содержатели чинейших заведений — таверн. Ни крупной буржуазии, ни людей со спектакльным образованием среди них не было. Не было и людей сельскохозяйственного труда (личного, физического) или землевладельцев.

Всего за одно столетие картина резко изменилась. Накануне Революции почти все крупнейшие и важнейшие отрасли торговли и промышленности Украины были или полностью в еврейских руках или с доминирующим в них влиянием еврейского капитала.

Установить точно процент участия еврейского капитала в разных отраслях хозяйства Украины невозможно, благодаря тому, что значительная его часть была замуфлирована в целях избежать ряда ограничений, существовавших для предприятий еврейских или таких, в которых в правлениях были евреи. Чтобы обойти закон, прибегалось к подставным лицам (не евреям), вводя их в правления акционерных обществ и придавая таким образом еврейскому, но существу, предприятию вид предприятия, чьи хозяева не-евреи. Бороться с этим Правительству было трудно, да оно и не особенно стремилось бороться. Например, в предреволюционные годы ни для кого не было секретом, что одно из крупнейших в России акционерных обществ — "Зерно-Сахар", имевшее много сахарных заводов на Украине и ведущее торговлю зерном, фактически было предприятием яз-

Почти два с половиной миллиона украинских евреев принимали самое активное участие в хозяйственной жиз-

вестного московского еврея-сиониста Златоцольского. Но председателем управления в нем был один граф, а членами — лица не иудейского вероисповедания. Формально все было в порядке. Явление это было не единичным, а типичным; и не только в свеклосахарной промышленности, но и в других секторах хозяйственной жизни Украины: мукомольном деле, торговле зерном, лесом, в банковом деле.

Хотя, как указано выше, установить точно степень участия еврейского капитала в хозяйстве Украины невозможно, однако известное представление об этом можно получить из исследования по этому вопросу И. Дижура ("Евреи в экономической жизни России", напечатано в "Книге о русском еврействе". Нью-Йорк, 1960). Согласно данным И. Дижура, из 518 сахарных заводов — 182 (31,5%) принадлежали евреям. Это относится к заводам с незакамуфлированным еврейским капиталом. Почти во всех остальных, в той или иной степени и форме, закамуфлированно участвовал еврейский капитал. В мукомольном деле 365 мельниц (крупных паровых) были в еврейских руках. В пищеварении — 22% пищеваренных заводов принадлежали евреям. В текстильной индустрии — 30%. Хлебная торговля была почти исключительно в еврейских руках (на 1.000 торгующих зерном — 930 были евреи). Торговля лесом, по словам Дижура, была "одним из главных промыслов евреев.". Речное судоходство по Днепру — 70% грузоподъема было в руках еврея Марголина. В банковом деле только два банка во всей России не имели в составе своих правлений евреев (Московский Кунеческий и Волжско-Камский). Все остальные (на Украине — все без исключения) были или полностью или в значительной части в еврейских руках и имели в составе своих управлений и директоров евреев.

Из этого краткого обзора, сделанного по еврейским источникам, видно, насколько велико было участие еврейского капитала в экономической жизни Украины.

Исключением было землевладение. Евреи, начиная с 80-х годов не разрешалось приобретение земли в сельских местностях. Но те, кто ее купил до запрещения покупок, своей землей владели беспрепятственно. Здесь речь идет не о земле для физической на нее работы (к этому евреи не стремились), а о крупных имениях — хозяйствах капиталистического типа. В результате же этих покупок, состоявшихся еще до запрещения, на Украине были евреи-помещики, владельцы барских усадеб и многих сотен и даже тысяч десятин земли. Например, в Конотопском уезде Черниговской губернии, вблизи бывшей гетманской столицы — Батурина, вокруг которой было

много имений потомков украинской знати гетманских времен, было два крупных помещика-еврея: Зорохович и Черкинский. Их барские усадьбы и щегольские выезды вызывали зависть не только украинских крестьян, служивших у них лакеями, кучерами, поварами или работавших батраками, но и многих окружных помещиков.

Как создался евр. капитал.

Как сосредоточились крупные капиталы в еврейских руках рассказыва-
ет тот же исследователь — И. Дижур:

“Накопление капиталов было результатом деятельности евреев в течении первой половины 19 века в качестве откупщиков пропи-
национных сборов и содержателей оптовых складов спиртных на-
питков и питейных домов”. Кроме того многие евреи арендовали у
помещиков винокуренные заводы.

В одном только Киеве было несколько складов и множество пи-
тейных заведений (шинков) в руках евреев. Например, Вайнштейн
имел оптовый склад и 72 питейных дома; Мернерей — оптовый
склад и 10 питейных заведений. В Черкассах Словский имел опто-
вый склад и 23 питейных дома. Вообще дело торговли спиртными
напитками (водкой) на всей Украине было почти исключительно
в еврейских руках.

Как известно, в те времена деятельность шинкарей, торговав-
ших водкой, была тесно связана и переплетена с ссудно-кредитной
деятельностью, не подлежащей никакому контролю и учету. По-
просту говоря, с ростовщичеством, жертвой которого были не толь-
ко крестьяне, закладывавшие или пропивавшие в шинках свое убо-
гое имущество, но и помещики, прибегавшие к займам у шинкарей
и откупщиков. Банковое дело находилось тогда в зачаточном состо-
янии, а потому лица нуждавшиеся в кредите прибегали к помощи
частных лиц, у которых были деньги. Не мало и представителей ад-
министрации-чиновников и офицеров — также прибегали к креди-
ту у шинкарей и откупщиков, что, естественно, ставило их в зави-
симое положение по отношению к своим заимодавцам и препятство-
вало борьбе с ростовщичеством, которую безуспешно пытались ве-
сти Правительство.

Собранные такими путями капиталы, со второй половины 19
века спрятаны инвестировать в бурно развивавшуюся сахарную
промышленность, железнодорожное строительство и другие отрасли
экономической жизни Украины, в особенности, во все виды крупной
торговли и в банковское дело.

В результате, Украина перед Революцией имела много десятков миллионеров-евреев и их удельный вес в экономической жизни Украины быстро и неуклонно рос.

Социальные расслоения.

Благодаря своим деньгам, позволявшим заниматься в купцы 1-й гильдии или получать высшее образование (если не в России, то за границей), что вело к освобождению от большинства запретительных мероприятий Правительства, социальная верхушка евреев Украины фактически всех этих ограничений не ощущала и от них особенно не страдала.

Но кроме социальной верхушки многочисленное еврейское население Украины имело и свой средний класс, мелкую буржуазию и многочисленный пролетариат.

Средняя и мелкая буржуазия — это были почти исключительно торговцы и посредники, начиная от ворочавших сотнями тысяч и кончая самыми мелкими. Сюда же можно отнести и многочисленных евреев ремесленников, начиная с таких, которые имели собственные мастерские с наемными рабочими и кончая бродячими "лудильщиками" и жестянщиками.

Благодаря присущей способности к торговле и посреднической деятельности, евреи почти полностью вытеснили украинских торговцев и ремесленников из городов и местечек Украины. И в годы предшествовавшие 1-й Мировой Войне во многих городах, начиная с пятницы вечера и до вечера субботы ничего нельзя было купить — все торговцы были евреи, которым их религия запрещает торговать в субботу. Правительство, которое так много обвиняют в притеснениях евреев, относилось к этому терпимо и не заставляло евреев торговать в субботу. А не-еврейское население должно было приподниматься к этому явлению.

Кроме городов и местечек, в каждом украинском селе жило несколько еврейских семейств (обычно не больше 2-3), имевших мелочные лавки и скучавших у крестьян их продукты (яйца, птицу и пр.), а также имевших небольшие крупорушки, мельницы и маслобойни. Жили они весьма замкнуто, но ритуалам Талмуда, и с местным населением не только не смешивались, но и не общались, кроме как в плоскости чисто коммерческой.

Наряду с крупной, средней и мелкой буржуазией, ремесленниками и людьми свободных профессий, украинское еврейство имело и весьма многочисленный еврейский пролетариат, живший в городах

и местечках "черты оседлости". Этот пролетариат, в значительной своей части, влечил нищенское существование, работая в разных капиталистических предприятиях легкой промышленности или перебиваясь мелким маклерством и посредническими услугами.

В бытовом отношении этот еврейский пролетариат жил такой же обособленной жизнью, как и остальные евреи. Только представители свободных профессий (врачи, адвокаты, журналисты) да самая высшая социальная перхушка, в значительной степени выходили из замкнутого круга чисто еврейского быта и, если несливались, то общались с окружающим населением.

Основная же масса украинского еврейства твердо держалась заветов старинны, была на редкость единодушна в стремлении их сохранить и сберечь и, несмотря на резкие социальные расслоения и, вытекающее отсюда противоречие классовых интересов, представляла собою монолитное целое.

Впоследствии, после Революции, это ощущение единства и взаимной связности сохранили, если не имущество, то жизнь многим представителям европейской буржуазии, когда их единоплеменники заняли не мало руководящих положений в тех органах новой власти, которые могли распоряжаться жизнью советских граждан. Случай физического уничтожения представителей европейской крупнейшей и крупной буржуазии чрезвычайно редки, тогда как уничтожение буржуазии нееврейской в годы террора были явлением обычным.

Революция разрушила, конечно, благосостояние многих евреев, но для украинского еврейства, взятого в целом, Революция еще больше дала — она принесла им не только равноправие, но, фактически, привилегированное положение и многих из них возвысила до положения вольмож, и всеукраинских, и всероссийских. Отрицать это — значит отрицать общизвестные факты. А равноправие (и даже и привилегированное положение) открыло новые возможности, которые в первую четверть века советской власти и были полностью использованы.

Участие в полит жизни.

Хотя еврейское меньшинство и было самым многочисленным из национальных меньшинств Украины и жило там много поколений, в национально-культурной жизни Украины в течение всего 19-го века оно никакого участия не принимало, и никаких попыток к этому не делало.

В то время, как проникновение евреев в общероссийскую культурную и политическую жизнь началось уже во второй половине девятнадцатого века, выражаясь в журналистике, отчасти в литературе (больше в области критики — ни одного писателя евреи не дали) и, весьма сильно, в политических партиях — как оппозиционных, так и революционных — в украинской журналистике, литературе и политических организациях мы ни одного еврея не видим.

Объяснение этого явления надо искать, отчасти в, веками сложившемся, взаимном отталкивании евреев и украинцев, отчасти в утилитарном подходе евреев к вопросу проникновения в культурную и политическую жизнь народов, среди которых им приходилось жить. Пути общероссийские открывали возможности несравненно большие чем пути украинские, а потому по этим путям и устремились, получившие образование, евреи.

Но, паряду с этим, украинские евреи имели множество своих, замкнуто-еврейских, не только бытовых и культурных, но и чисто политических организаций, в которых нельзя было найти ни одного не-еврея. Даже евреи — марксисты имели свою, строго замкнутую, ограниченную еврейской расой и иудейским вероисповеданием, чисто политическую организацию — "Бунд". Хотя логично бы было предположить, что люди, исповедывающие атеистические и интернационалистические идеи Маркса, должны бы были быть чужды религиозных, расовых и национальных перегородок и замкнутости.

На это было обращено внимание правоверных и последовательных марксистов, протестовавших против этого самоограничения, находящегося в противоречии с идеями Маркса. По этому вопросу развернулась чрезвычайно интересная полемика между сторонниками и противниками, проводимого "Бундом", самоотмежевания от марксистов, не принадлежащих к их расе и религии. Полемика эта происходила в самом начале текущего столетия, еще до раскола марксистов на большевиков и меньшевиков.

В эти годы в России организационно оформлялись марксисты, "социал-демократы". Организации марксистов, естественно, создавались по признаку территориальному, объединяя всех, исповедывающих марксизм, независимо от их расы и религии.

Марксисты, проживавшие в Польше, тоже пошли по этому пути, создавши свой областной центр марксистов. Но марксисты-евреи, проживавшие на этой же территории, начали создавать параллельно свои, чисто еврейские, марксистские организации, против чего восстал областной марксистский центр на всю Польшу. Разгорелась

оживленной полемика, в которой каждая сторона доказывала, что она права, приводя доводы в пользу правильности своей "линии".

В процессе этой полемики сторонники "Будда" выпустили даже особую брошюру, посвященную этому вопросу. Брошюра эта выпущена в Лондоне, в марте 1903 года, то есть до раскола партии, произшедшего в апреле того же года.

Российская Соц.-демократическая Рабочая партия

ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
О ЕВРЕЙСКОМЪ РАБОЧЕМЪ
ДВИЖЕНИИ.

Переводъ съ евр.
(Изъ № 30 Arbeitertatigkeit).

Издание Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Семинария
въ Литве, Польши и Россіи.

Цена: 15 сант.

ЛОНДОНЪ
мартъ 1903 г. ед. а.
Типографія Будда:
Abraham Nathanson, 17, Montauk Road, Forest Hill,
London S. E.

Обосновывая целесообразность евреев-марксистов создавать свои обособленные организации, ее сторонники на стр. 12 этой брошюры говорят следующее:

"Вообще было бы большим заблуждением думать, что какая бы то ни было социалистическая партия может руководить освободительной борьбой пролетариата чужой национальности, к которой она сама не принадлежит. Пролетариат каждой нации имеет свою, выработанную историю, психологию, свои традиции, привычки, наконец, свои национальные задачи. Все эти условия отражаются на классовой борьбе пролетариата, определяют его программу-минимум, формы организации и т. д. С этими условиями и осо-

беспоштными нужно считаться, их нужно уметь использовать, а это возможно только для партии, выросшей из данного пролетариата, связанный с ним тысячью нитей, пропитанной его идеалами, понимающей его психологию. Для партии чужого народа это невозможно".

Полемика закончилась тем, что "Бунд" продолжил свое существование, как замкнутой и обособленной группы евреев-марксистов и, как таковая существует и поныне, кроме СССР, где он запрещен.

Параллельно с организацией "Бунда" в губерниях польских, такая же организация происходила и по всей Украине, объединяя и организационно оформляя политически активную молодежь евреев Украины и активизируя неактивных. Доступ в "Бунд" для не-евреев был строго закрыт. Характерно, что даже евреи по происхождению, для которых язык "идиш" был их родным языком и которые были убежденными марксистами, но из каких либо соображений изменившие религию, для "Бунда" были неприемлемы. Мне лично известно два случая, когда выкрестившиеся студенты-евреи вынуждены были оставить ряды "Бунда".

Но наряду с этим, не допуская в свой "Бунд" людей другой расы или религии, хотя бы и политических единомышленников, украинские евреи, совершенно ирреабилитированые украинскими партиями, не без успеха, стремились проникнуть в революционные и оппозиционные партии общероссийские, как марксистские, так и не-марксистские, добиваясь в возглавлениях этих партий видных положений.

Несоразмерно высокий процент евреев в возглавлениях общероссийских, как революционных партий, так и партий оппозиционных общеизвестен, а потому нет надобности это доказывать или на этом останавливаться. Для нас интересно обратить внимание на их полное отсутствие в политических организациях той Украины, где они жили поколениями.

Так было до Революции — так было и после 1917 года. Во многочисленных украинских политических партиях, созданных и разросшихся после Революции евреев не было. В политической жизни Украины в те годы они принимали весьма активное участие, но выступали или как "еврейское национальное меньшинство", или как представители партий общероссийских.

Уже во время первой революции (1904-5 года) украинские евреи-революционеры приняли в ней самое активное участие, несмотря на высказанное "Бундом" всего за два года перед тем мнение,

что людям другой национальности нельзя вообще принимать участие в революционной борьбе "пролетариата другой национальности" (этим опрашивалась самоизоляция "Бунда").

В столице Украины—Киеве, в октябре 1905 года, евреи Ратнер, Шефтель и Шлихтер весьма активно вмешались в дела "другого народа", были инициаторами и организаторами революционных выступлений, организовали сбор средств для покупки оружия для борьбы с Правительством и пытались создать в Киеве "народную милицию". (Впоследствии, при советской власти, Шлихтер сделался veryмажей Украины, занимая пост комиссара земледелия Украины).

Во всех остальных городах Украины евреи принимали не менее активное участие в революционных выступлениях чем это имело место в Киеве, а "бундовцы" особенно выделялись своей активностью и организованностью.

Подробные сведения об исключительно активной роли евреев в революционных событиях того времени на Украине систематически печатались во всех газетах, не находившихся в еврейских руках. Счастливое обстоятельство дало мне возможность ознакомиться с этими газетами во время подготовки материала для настоящего труда. (Например, полный комплект "Киевлянина" за 1905 год).

Газеты так называемые "прогрессивные" эту роль старательно замалчивали.

С первых же дней Революции украинские евреи приняли самое активное участие в организации новой, революционной, власти и во всем каналам к ней устремились, занявши в разных учреждениях места, отстраняемых за "контр-революционность", прежних служащих и общественных деятелей. Процессование это шло одновременно по двум линиям: они "делегировались" или "кооптировались", и как представители партий и организаций чисто еврейских, и от партий и организаций общероссийских (но не украинских — их там не было).

В результате, уже через несколько месяцев после начала Революции на Украине не было ни одного учреждения, в котором бы не было значительного и влиятельного числа евреев, начиная с Исполнительного Комитета в Киеве и кончая милицией, сменившей прежнюю полицию.

Из всех еврейских партий и групп наибольшую активность проявлял "Бунд", возглавляемый в Киеве малокультурным, но напористым и самоуверенным Рафесом. Входя, как представитель

"Бунда" в Центральную Раду, Рафес вскоре сделался одним из ее самых активных и влиятельных членов, отстаивая интересы не только евреев-марксистов, но и всего еврейства Украины. Хотя формально "Бунд" и стоял на позициях меньшевистских, но уклон имел весьма сильный в сторону большевиков. Во всех случаях конфликтов социалистических Временного Правительства и Центральной Рады с большевиками, "Бунд" в лучшем случае держал нейтралитет, а очень часто и активно поддерживал большевиков.

"Бундовцы" поддерживали большевистское восстание в Киеве в июле 1917 года; активно участвовали на стороне большевиков во время их борьбы в ноябре 1917 года с Временным Правительством и Центральной Радой; были на стороне большевиков во время борьбы с Центральной Радой, закончившейся бегством из Киева последней и занятием Киева большевиками.

Когда в феврале 1918 года Центральная Рада бежала, среди бежавших не было ни "бундовцев", ни других представителей еврейского национального меньшинства, имевших своих представителей, и в Центральной Раде, и в ее президиуме.

От пришедших к власти большевиков они не пострадали, как пострадали тогда в Киеве и других городах Украины тысячи их противников. Репрессии не коснулись не только "бундовцев", но и евреев вообще, даже представителей европейской крупной буржуазии, занимавшей не только антибольшевистские, но и антисоциалистические позиции. Не известен ли один случай, чтобы лично пострадал еврей-миллионер, которых тогда в Киеве было очень много. Репрессии коснулись только их имущества, но не жизни, как это имело место с представителями крупной буржуазии не-еврейской. Было ли это просто счастливое для них стеченье обстоятельств или у большевиков были "были специальные инструкции", как шла молва по Киеву, установить, конечно невозможно. Известен только факт, и при том совершенно неопровергимый, что лично европейская буржуазия пострадала тогда неизмеримо меньше чем буржуазия не-еврейская.

Гораадо меньше активности чем "бундовцы" проявляли тогда все остальные партии и группировки украинских евреев. Они частично замкнулись в свои, чисто еврейские интересы, стараясь держаться в стороне от событий и не проявляя никакого желания принять более активное участие в политической жизни Украины, частично шли в русле партий и группировок направления общероссийского.

Всех украинских евреев, принимавших то или иное участие в

политике можно поделить на три основные группы (не считая бывших вне всякой политики).

Еврейская буржуазия стремилась закрепить "завоевания февраля", принесшие ей неограниченные возможности распространения своей деятельности (экономической, политической и культурной) на всю территорию России. В основном, она тяготела ко всероссийской партии "Народной Свободы" (бывш. Конституционные Демократы). В этой партии было много евреев, не только рядовых членов, но и среди возглавления, а партийный орган — "Речь", в основном, был в руках еврейских журналистов и публицистов.

Консервативные (в смысле еврейством) группы евреев Украины были во власти идей сионизма и все события рассматривали и принимали в них участие, исходя из настроений и соображений сионистских, или чисто еврейских интересов.

Революционно настроенная часть украинского еврейства, преимущественно интеллигенция и рабочие, свою политическую активность проявляла или в рядах чисто еврейского "Бунда", или в рядах общероссийских партий: эсеров, эдеков-меньшевиков и эдеков-большевиков.

Все эти основные три группы политически активных украинских евреев, несмотря на свои политические разногласия, были прежде всего евреями и все происходящее рассматривали и расценивали прежде всего с точки зрения чисто еврейской (поскольку это выгодно и полезно еврейству в целом); затем — с точки зрения мировой и всероссийской политики; и только в последнюю очередь — с точки зрения полезности и нужности для той Украины, где они родились и жили много поколений.

Поэтому они и держались в стороне от дел чисто украинских, не принимая активного участия ни в украинской политической жизни, ни в военных формированияхновосоздаваемого Украинского государства, в котором они составляли 10% процентов населения.

Зато, учитывая интересы всего еврейства, они были инициаторами проведения в жизнь так называемой "национально-персональной автономии", сущность которой состояла в том, что любая этническая группа, независимо от своей исторической территории, могла требовать от государства не только разрешения, но и моральной и материальной поддержки всех видов национально-культурной деятельности своей, замкнутой, этнической группы.

Теоретически "национально-персональная автономия" относилась к любой этнической группе, но практическое значение она име-

ла только для евреев, не имевших своей исторической территории и рассеянных по территории тех народов, среди которых они жили.

И когда впоследствии сотни тысяч евреев переселились в Москву, то на основании "национально-персональной автономии" они получили там школы, газеты, театры на еврейском языке за счет всего государства, а не за свой собственный.

Украинцы и другие этнические группы живущие в Москве ничего подобного не получили, хотя и их не мало в Москве.

На Украине же, исходя из принципов "национально-персональной автономии" сразу же были созданы на государственный счет многочисленные еврейские национально-культурные учреждения.

**

Во время немецкой оккупации и Гетмана (март-декабрь 1918 года) революционно активная часть украинского еврейства ушла в подполье (весьма активно ведущее антиправительственную пропаганду). Остальные: буржуазия и политически индифферентные — активно сотрудничали с властью, даже один из гетманских министров был евреем (богатый биржевик Гутник), а киевский миллионер-еврей Добрый пострадал от украинских шовинистов-социалистов, организовавших его похищение, о котором говорилось в предидущем изложении.

Формально, в этот период никаких ограничений для евреев на территории Украины не было, а знание немецкого языка (как известно, "идиши" есть жаргон немецкого языка) помогало евреям вести с немцами весьма оживленные коммерческие дела. Если немцы кого и преследовали, то не за еврейское происхождение, а за активную работу против оккупационных властей.

Когда же немцы заколебались и началось восстание против Гетмана, активизировалась и революционная часть украинского еврейства. Но они не влились в многочисленные массы украинских повстанцев, а действовали самостоятельно. В "войске" Директории евреев не было. Они, правда, ей помогали, например, в Киеве в последние дни гетманского режима, но, параллельно с этим, помогали и захвату власти на Украине большевиками, каковой захват, как известно, шел буквально по пятам за захватом власти сторонниками Директории. Во всех же случаях конфликтов сил Директории с силами местных большевиков, поднимавших восстания и быстро захватывавших всю Украину — евреи были на стороне большевиков.

И когда, в феврале 1919 года, Директория бежала из Киева, сопровождаемая кучкой своих сторонников — среди бежавших ев-

реев не было. Единственным евреем, связавшим свою судьбу с судьбой украинских шовинистов был мелкий адвокат Арнольд Марголин, сумевший их убедить, что благодаря своему еврейскому происхождению и связям он будет им полезен при сношениях с Антантою, среди политических деятелей которой было не мало евреев. И они сделали его украинским "дипломатом" и "министром". Пользы им этот не блещущий талантами, тщеславный не в меру "петлюровец" никакой не принес, но лично выиграл не мало и закончил свою жизнь в США, считаясь одним из "вождей" украинских самостийников — бывшим украинским "министром".

Активная помощь большевикам, какую им оказывали революционно активные украинские евреи, конечно, не осталась незамеченной и вызвала у всех противников большевиков на Украине резко отрицательное отношение, распространяющееся на всех евреев вообще и поведшее к массовым еврейским погромам (зимой 1918-1919 года) по всей Украине. Причем во время этих погромов страдали в большинстве пичем невинные евреи, не вмешивавшиеся ни в какую политику и не могущие, разумеется, нести ответственность за действия своих революционных единоплеменников.

Погромы эти, естественно, вызвали у всех евреев Украины вообще, самое резкое отталкивание не только от Директории и ее сторонников, но и от всех "украинствующих" и отождествление их с антисемитами-погромщиками и толкнуло украинское еврейство, даже противников большевиков, на путь, если не активной их поддержки, то, во всяком случае, на путь известных пробольшевистских симпатий. На Украине тогда действовали две силы: украинские шовинисты-социалисты с их склонностью к погромам и (украинские же) большевики, погромных тенденций не проявлявшие и с погромами боровшиеся. Не удивительно, что евреи выбрали последних, тем более, что в рядах большевистского возглавления было много их единоплеменников.

И когда Украина во второй раз оказалась во власти большевиков (весной 1919 года) — то и в Киеве, и в других городах Украины евреи (конечно, не все) пошли на активное с ними сотрудничество и заполнили многие большевистские учреждения, в том числе и "Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией и спекуляцией" (сокр. — ЧЕКА), которая наводила страх и трепет на противников большевиков и немilosердно их расстреливала. Расстрелы эти, за редкими исключениями, не коснулись евреев, не только "бундовцев" и сочувствовавших большевикам, но и ев-

реев вообще. Это, конечно, не осталось незамеченным не-еврейским населением Украины, и среди украинцев, не отличавшихся любовью к евреям и прежде, начали расти и крепнуть антиеврейские настроения.

Настроения эти усилились и получили для себя основание, когда Добровольческая Армия Деникина, занявшая летом 1919 года всю Украину, обнародовала, как списки членов и руководителей Чека, так и списки ее расстрелянных. В Киеве, например, Чрезвычайная Комиссия состояла почти исключительно из евреев. "Особая Следственная Комиссия Юга России (при Добровольческой Армии) состоявшая из высококвалифицированных юристов, в объективности которых сомневаться нельзя, установила что Киевская Чека состояла на 75% из евреев. Возглавлял ее Блюментейн (Сорин), а его ближайшими сотрудниками, запомнившими наиболее ответственные посты, были: Шуб, Цвибак, Кац, Финкельштейн, Шварцман — все евреи. В то же время среди имен установленных жертв Чека, огромные списки которых опубликовывались, еврейских имен не было.

Во всех других городах Украины — было то же самое: почти исключительно еврейский состав Чека, и почти полное отсутствие евреев среди установленных жертв Чека.

Натыкаясь при своем продвижении по Украине повсюду на это явление, Добровольческая Армия, естественно, относилась к еврейскому населению вообще с известной настороженностью и недоверием, а в отдельных случаях, па этой почве бывало и не мало эксцессов отдельных лиц или групп добровольцев. Эксцессы эти вовсе не были кровавыми погромами, как это делали петлюровцы, но все же отдельные выходки, от которых страдало имущество(а не жизнь) евреев были.

Это создавало предпосылки для враждебного отношения к Доброармии всех евреев Украины вообще, даже еврейской буржуазии, недвижимое имущество которых, отобранное большевиками, добровольцы им возвращали и его даже охраняли. В добровольцах эта буржуазия видела носителей реакции и восстановителей дареволюционных ограничений, существовавших для евреев.

В результате, все украинское еврейство в целом, несмотря на внутренние расхождения и разногласия, заняло по отношению к Добровольческой Армии такую же не только отрицательную, но и враждебную позицию, какую оно заняло к "украинцам" - петлюровцам. И из трех сил, боровшихся тогда (1919 год) за власть на Украине: украинских шовинистов, большевиков и Доброармии, украинские ев-

реи в слою массе (за редкими исключениями) отдали свои симпатии большевикам и цепляли на активную их поддержку и сотрудничество. Даже те из них, которые не разделяли идей марксизма.

На эту установку евреев Украины, надо полагать оказали влияние еще и следующие обстоятельства:

1. — Решение общероссийской партии меньшевиков "самомобилизоваться" для поддержки большевиков в их борьбе против Белых Армий, о котором упоминалось в предыдущем изложении.

2. Решение Съезда эсеров о прекращении борьбы с большевиками и о борьбе с добровольцами (тоже упоминалось выше).

(А так как среди евреев Украины было не мало, причислявших себя к общероссийским меньшевикам или эсерам, то партийные решения были для них обязательны).

3. — Наличие в то время в рядах большевиков огромного процента их единоклещенников занимавших самые высокие должности, что было немыслимо ни при власти украинских шовинистов, ни при власти добровольцев.

Это массовое проникновение евреев на высшие должности в те времена нашло свое отражение даже в народном языке. Вся Россия пела частушку: "Чай — Высоцкого; сахар — Бродского; вся Россия — Троцкого" (все они евреи). А на Украине была распространена песенка-пародия: "Гоп мои гречаники! — Уси жиды наши начальники! Гоп мои сири! — Уси жиди нам на шую силы!"

С окончанием Гражданской Войны закончились и случаи проявления антиеврейских настроений, выражавшихся в pogromах петлюровцев и разных атаманов и в самочинных действиях добровольцев. Железная рука Чека положила этому предел и привела всех противников евреев к молчанию.

Еще 27 июня 1918 года в "Известиях" было опубликовано специальное постановление советского правительства об энергичной борьбе с "антисемитизмом".

Надо полагать, что отрицательное отношение к евреям, пазывавшееся многими "антисемитизмом", приняло такие размеры, что понадобилось это специальное постановление, согласно которому эти противники евреев (названные в постановлении "погромщиками") обзываются "вне закона".

Постановление это было обязательно для органов советской власти на всей территории, на которую эта власть распространялась, а потому и на Украине, как только местные большевики захватывали власть, они в своем отношении к противникам евреев руковод-

ствовались этим постановлением. Вопрос же о том, кого считать "вне закона" решала та самая Чека, которая, без всякого суда, производила расправу.

Зная все выписанное, становится понятным, что все противники евреев на Украине были приведены к молчанию и все проявления антиеврейских настроений прекратились, как только советская власть утвердила на Украине.

И украинское еврейство широким потоком хлынуло в административный аппарат новой власти, как на Украине, так и во всей России, а еврейская молодежь начала заполнять учебные заведения, куда раньше им доступ был ограничен.

Это порождало известное недоброжелательство к евреям, не только на Украине, где оно всегда было, но и во всей остальной России.

Известный деятель "Бунда" (он же и один из лидеров Российской партии меньшевиков) С. М. Шварц в своем капитальном труде "Антисемитизм в Советском Союзе" (Н. Иорк. 1952 г.) приводит интересные высказывания Калинина по этому вопросу:

"Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни Революции в канал Революции бросилась интеллигентская и полупротилегантская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в каналы революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления.

Для еврейского народа, как нации, это явление имеет громадное значение, и, я должен сказать, значение отрицательное. Когда в одном из заводов меня спросили: почему в Москве так много евреев? — я им ответил: если бы я был старый раввин, болевший душой за еврейскую нацию, я бы предал проклятию всех евреев, сидящих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для еврейской нации. В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью и они для еврейской нации со второго, максимум, с третьего поколения потеряны, они превращаются в обычных руссификаторов".

Приводя в своей книге это высказывание Калинина, С. Шварц говорит, что эта аргументация Калинина "должна была подкрепить антисемитские настроения на заводе". Но с этим вряд ли может со-

гласиться тот, кто не находится во власти религиозно-расового, чисто еврейского, настроения, а еврейский вопрос рассматривает с точки зрения гуманитарной, общечеловеческой и не видит ничего страшного в том, если еврейство вместо путей самоизоляции от народов, среди которых они живут, пойдет по пути слияния с этими народами.

Советская власть не только не противодействовала этому массовому проникновению евреев в аппарат власти, но всячески этому содействовала. Не надо забывать, что в эти годы (годы установления советской власти), евреи играли руководящую роль в ее создании и укреплении и занимали большинство самых ответственных положений. Еврей Свердлов был всемогущим руководителем всей внутренней политики; еврей Троцкий стоял во главе всех вооруженных сил; еврей Штейнберг — юстиции; еврей Рязанов — создавал идеологические обоснования новой власти; еврей Зиновьев — диктатор Петрограда; еврей Ярославский — ведал борьбой с религией; множество самых крупных саповников новой власти были евреи. Они создавали каркас новой власти и, устремлявшиеся к власти еврейские массы были самым надежным элементом, на который можно было положиться, ибо они были противниками, и русского национализма, и украинского шовинизма, которые были основными противниками советской власти в первые ее годы. К тому же евреи не имели своей национально-исторической территории, наличие которой всегда может создавать предпосылки для развития сепаратизма. А советская власть, по существу, была властью централистической и всегда с опаской смотрела на проявления всяких сепаратизмов.

Кроме того во всей России, где не было черты оседлости, евреев население мало знало и к ним не было того определенно отрицательного отношения, какое всегда было характерным в украинско-еврейских взаимоотношениях. Естественно, поэтому, что евреи охотно перебирались из Украины в Москву и другие области, доступ в которые им был раньше ограничен.

А оттуда они приезжали на Украину уже в качестве всесильных советских сановников, которым с настроением населения можно было не считаться.

Так во время коллективизации прибыл для руководства ею, сделавший в Москве карьеру, украинский еврей — Каганович и в результате его деятельности на Украине погибло от голода украинцев гораздо больше чем было на всей Украине евреев. Факт сли-

шком общезвестный, чтобы нужно было приводить какие либо доказательства.

В Москву и остальные территории России украинские евреи все же переехали не все, а значительная часть задержалась на своих насиженных местах.

Но уже не в положении ограниченных в правах подданных Российской Империи, а как полноправные (с сильным уклоном в сторону привилегированности) граждане Украинской Социалистической Советской Республики.

Украинская еврейская молодежь, как уже упомянуто, заполнила учебные заведения, окончание которых открывало перед ней неограниченные возможности для карьеры, как в масштабе украинском, так и в масштабе всесоюзном.

Старшие поколения заполнили собою административный и хозяйственный аппарат Украины. Известный социалист — лидер партии "Крестьянская Россия" — С. Маслов в своей книге "Россия после 4-х лет революции" (Прага. 1922 г.) высчитал, что в административном аппарате СССР к 1922 году было 33-40% евреев. На Украине этот процент был значительно больше.

В убытке осталась только еврейская буржуазия, чье имущество было социализировано. Но лично, как уже указывалось, она не пострадала. Более богатое меньшинство этой буржуазии выехало за пределы Советского Союза, а подавляющее большинство — буржуазия средняя и мелкая, — равно, как и представители свободных профессий быстро ориентировались в новой обстановке и с энергией включались в дело создания и укрепления нового социального порядка.

И, подводя итоги этого бурного периода (начавшегося революцией 1917-го года и окончившегося только в 1921 году) нужно сказать, что двух с половиной миллионное украинское еврейство, в конечном результате, выиграло. Потеря социального положения незначительной частью еврейской буржуазии Украины, с избытком была возмещена новыми позициями в политической и социальной жизни Украины, приобретенными широкими массами украинского еврейства.

В пессимистичном проигрыше оказалась только идея национально-религиозно-расового обособления, которая держала евреев в своем строго замкнутом и ограниченном круге. Революция нанесла сокрушительный удар по этим обособленческим тенденциям и направила украинское еврейство по пути слияния с народами, среди которых

они живут. Калинин оказался прав, сказавши, что евреи, едущие в Москву потеряны для своей нации.

Но не только уехавшие в Москву евреи оказались потерянными для своей нации, для еврейства. Не менее потерянными оказались и те, кто не уехал с Украины в Москву, а только порвал с замкнутым кругом жизни местечковых евреев и включился в общеукраинскую жизнь. Начался отход от религии, появились смешанные браки, начал забывать даже "идиш", на котором до Революции говорили все евреи России. На Украине этот процесс шел медленнее чем в остальной России, но все же он шел и идет неуклонно.

Неразрывно и параллельно с ним, как его следствие, идет и изживание того "антисемитизма", который на протяжении многих веков отравлял жизнь евреев.

Не признать это явление явлением положительным, гуманным, глубоко демократическим и прогрессивным могут только люди, находящиеся в плену человеконенавистнических расистских инстинктов и, порождающих их, теорий о "избранности" того или иного народа. Таких людей на Украине становится все меньше и меньше. Украинские евреи поняли, что их будущее лежит в слиянии с народом, среди которого они живут много поколений, а не в пребывании среди этого народа на положении чужеродного тела. И из года в год на Украине (и во всем СССР) все больше и больше евреев по крови сами себя, без всякого принуждения, называют "украинцами" или "русскими" и стремятся сливаться полностью с народами, на исторических территориях которых они живут.

Таким путем верно изживается то взаимное отталкивание украинцев и евреев, которое было характерным в прежние времена за их долгую совместную жизнь и которое многие называли "антисемитизмом".

Происходит такое же слияние этнических групп, если таковые имеются на исторической территории народа (украинского, русского и др.), какое происходит в США, где во втором-третьем поколении все этнические группы сливаются в "американскую нацию".

Разница только в названии: в США это называется "созданием американской нации", а, если совершенно аналогичное явление происходит на Украине или вообще в СССР, то употребляется выражение "культурный геноцид" пущенное в оборот сторонниками еврейского расово-религиозного обособления.

Но как бы это явление ни называли, оно неуклонно происходит на благо, и еврейского, и украинского народа, который охотно идет

на слияние с еврейским меньшинством, если последнее отказывается от своих расовых теорий об "избранности" своего народа, о превосходстве своей расы и самоотмежевания в замкнутый расово-религиозными концепциями круг.

Как видно из всего сказанного выше о национальных меньшинствах Украина единственным из всех этих меньшинств было меньшинство еврейское, которое и играло известную роль в событиях в годы Революции и Гражданской Войны, и, в результате этих событий, значительно изменило то положение среди украинского народа, которое оно имело до Революции.

Все остальные меньшинства, как таковые особенно замечено участия в событиях не принимали и после окончания Гражданской Войны их положение и взаимоотношения с украинским народом, среди которого они живут, ничем не изменились.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ.

1920 г. --- 1939 г.

(Краткий очерк)

Почти два десятилетия, после окончания Гражданской войны, Украина - Русь была разделена между четырьмя государствами: основное ее ядро — Российская Украина, под именем Украинской Социалистической Советской Республики (УССР), входила в состав СССР, как была переименована Россия; Галичина и значительная часть Волыни (уступленной Польской польцам) находилась под оккупацией Польши; Буковина была превращена в румынскую провинцию; Карпатская Русь была под властью чехов.

Период этот, хотя и не было войн и внешних столкновений, полон событий чрезвычайной важности, глубоко затронувших все слои населения. В УССР в этот период произошла ломка всех, исками установившихся, социальных взаимоотношений и условий быта; в оккупированных чужеземцами частях шла ожесточенная борьба против агрессивно-ассимиляционного наступления оккупантов, как национального, так и религиозного.

Много кроши, много насилий — и физических и моральных — много нарушений того, что веками считалось незыблаемым, пришлось испытать на себе за эти неполные два десятилетия, разделенной на 4 части Руси - Украине.

С фашистской нетерпимостью и полным пренебрежением писанных и неиссанных законов, на которых держалась раньше вся жизнь населения, уничтожалось, ломалось и подавлялось все, чтобы создать нечто новое, желаемое теми, в чьих руках была полнота власти.

В УССР — конечной целью было построение коммунизма, любой ценой, ни с чем не считаясь.

В оккупированных чужеземцами частях — ассимиляция, быстрая и полная.

Во имя этих конечных целей над населением совершалось не мало насилий, которые вызывали реакцию, вылившуюся нередко в акты террора и создававшую предпосылки для острой ненависти и кинения страстей. А каждая сторона считала себя правой, ибо все происходящее и совершающееся рассматривала, как неизбежное для отстранения препятствий на путях к достижению своих конечных целей.

Правыми, вероятно, считали себя правоверные коммунисты, ломая и разрушая все для создания "новой жизни" в УССР; правым считало себя и население, борясь, по мере сил и возможностей, против этой ломки и защищая старый, привычный уклад жизни.

Правыми, надо полагать, считали себя представители польской администрации, оскверняя и разрушая православные храмы — ведь это вело к победе католицизма и ополячиванию населения. Не менее правым считало себя и население, боровшееся против этого.

**

Хотя об этом периоде и существует множество печатных трудов исторического и мемуарного характера на разных языках — относиться к ним нужно с сугубой осторожностью. Страсти еще не улеглись; многие активные участники еще живы; многое из напечатанного носит характер острой полемики, а не спокойного повествования. Не только оценка, но даже и описание событий нередко бывает диаметрально противоположна, в зависимости от чисто субъективного подхода авторов. А это лишает возможности дать исчерпывающее и максимально объективное описание событий и причин их вызвавших, без чего историческое повествование теряет свой смысл.

Общеизвестные, например, зверства украинских фашистов, сотрудничавших с немцами, над поляками в начале 2-ой мировой войны и их способы "украинизации" на занятой немцами территории, с их точки зрения — "национальный подвиг". С точки же зрения не только их противников, но и общечеловеческой — это преступление против человечества.

Деятельность Кагановича, руководившего коллективизацией на Украине, стоившей многомиллионных жертв населению Украины, с точки зрения коммунистов — "успешное выполнение задания". С точки же зрения населения Украины и общечеловеческой — это страшное преступление.

И, если бы обстоятельства позволили, то, несомненно, вожди и вдохновители украинского шовинизма и фашизма не жили бы свободно на Западе, разъезжая даже по международным конференциям, как их участники; а Каганович не сидел бы в Кремле.

По примеру Израиля, поляки и украинцы поместили бы их в стеклянные клетки и устроили бы над ними народный суд.

Таких людей ("героев", в глазах одних — "преступников", в глазах других) не мало рассеяно по всему миру, но обе стороны железного занавеса, как под своими собственными, так и под вымышленными именами. А многие из них даже принимают активное участие в эмигрантской политической жизни и в административном аппарате СССР.

**

Учитывая все изложенное выше, мы приходим к выводу о невозможности в настоящее время дать исчерпывающее описание событий этого периода. Описание не только годных фактов и действий, но и причин, их вызвавших, факторов, влиявших на события.

Поэтому, говоря об этом двадцатилетнем периоде, разумно будет ограничиться только кратким очерком, в котором будут приведены только главнейшие события. Более подробно этим периодом должны будут заняться те, кто будет о нем писать, когда придут, нужные для этого, исторические сроки, улягутся страсти и станет доступным многое то, что сейчас еще скрыто в разных архивах.

Так как жизнь Украины — Руси за этот двадцатилетний период протекала различно во всех четырех частях, на которые она была разделена, в кратком очерке об этом периоде надо будет отдельно сказать о жизни и событиях в каждой из них.

РОССИЙСКАЯ УКРАИНА

(Украинская Социалистическая Советская Республика)

Как уже изложено раньше, в январе 1918 года немцам нужно было, чтобы была провозглашена независимость Украины для того, чтобы было с кем заключить договор о мире, "союзе и помощи" и тем формально оправдать намеченное занятие Украины. Исполняя это же желание немцев и надеясь с их помощью удержаться у власти, Центральная Рада своим 4-м универсалом, 9/22 января 1918 года, провозгласила независимость Украины, называвши новое государство **Украинской Народной Республикой**.

Но в это время уже существовало и второе правительство Украины. Тоже независимой, с центром в Харькове, которое послало своих делегатов на мирные переговоры в Брест.

Как известно, из двух правительств Украины, немцы отдали предпочтение тому правительству, которое было создано Центральной Радой в Киеве, хотя к тому времени оно уже и потеряло почти всю территорию Украины, захваченную силами Харьковского правительства.

Немцы быстро заняли всю Украину. Харьковское правительство бежало в Москву; Киевское же правительство вскоре было разограно немцами и на Украине установлена власть Гетмана, всецело зависящая от немцев.

Когда немцы потерпели поражение и началось восстание против Гетмана, в этом восстании дружно приняли участие, как сторонники Харьковского, так и сторонники Киевского правительства. Не ожидая окончания, успешно протекавшего, восстания, сторонники Харьковского правительства начали захватывать города и территории при помощи местных сторонников. Не прошло и нескольких недель после бегства Гетмана, как, поднявшись против него восстание, Киевское правительство (истлюровцы) последовало его примеру, и к февралю 1919 года почти вся территория Украины находилась под властью Харьковского правительства, а истлюровцы были в бегстве.

В дальнейшем, напомним, истлюровцы сколько нибудь значительной роли в борьбе за власть на Украине не играли, а только дважды делали попытки захватить власть над Украиной: один раз, летом 1919 года, играя третьюстепенную роль в военных операциях

Галицкой Армии, дожедшей до Киева; во второй раз, в 1920 году, двигаясь на Украину в обозе поляков. Обе попытки кончились неудачей. На Украине установилась власть Харьковского правительства, стоявшего на пробольшевистских позициях.

16 марта 1919 года на З-ем Всеукраинском Съезде рабочих, крестьянских и краснокардинальских депутатов была утверждена конституция Украинской Социалистической Советской Республики, как независимого государства.

18 мая 1919 года ЦИК УССР провозгласил федеративную связь между Российской Соц. Федер. Сов. Республикой и Украинской ССР.

1 июня 1919 года было провозглашено объединение советских республик Украины, России, Белоруссии, Латвии и Литвы в форме военного союза.

29 декабря 1922 года на конференции полномочных представителей Украины, Белоруссии, России и Закавказской СФСР подписан договор о создании СССР.

Так создалась Украинская Социалистическая Советская Республика, являющаяся частью единого государства — СССР.

Украинская сепаратистская историография, описывая все события, в результате которых была создана УССР, изображает их, как завоевание Украины великими россиянами и установление ими на территории Украины своей оккупационной власти. При этом роль и значение Харьковского украинского правительства и тех сил, которые его создали и поддерживали старательно замалчивается.

Поэтому надо, хоть в самых кратких словах, сказать, как о тех силах, на которые опиралось Харьковское правительство в годы Гражданской войны, так и о тех силах, которые создали не только каркас власти, но и весь государственный аппарат УССР после ее окончания.

Силы эти почти исключительно были силы свои, местные, украинские. В то время как на других фронтах Гражданской войны значительную и часто решающую роль играли латыши, венгры, китайцы и другие инородцы — на Украине их не было. В этом вопросе нет разногласий между многочисленными украинскими сепаратистскими историками и мемуаристами и описаниями Гражданской войны, которые печатают большевики. В предыдущем изложении приведено много выдержек из мемуаров сепаратистов, в которых они одной из главнейших причин своих неуспехов в борьбе с силами Харьковского правительства считают то обстоятельство, что приходилось вести борьбу против своих же украинцев. А большевики в своей "Истории

гражданской войны в СССР" весьма подробно пишут о тех силах, которые изгоняли сторонников Центральной Рады и Директории в годы Гражданской войны. Богуиская, Таращанская, Новгород-Северская бригады (по три полка), "Червоные казаки" Примака и много других частей состояли исключительно из украинцев. Вообще вся 12 советская армия и 44 дивизия, оперировавшие на Украине, были частями украинскими.

Таким образом можно с полной достоверностью утверждать, что Украина не была завоевана великороссами, а советская власть на ней была установлена местными, украинскими, силами.

На вопрос, кто организовывал и составлял весь аппарат власти УССР, по утверждению украинской сепаратистической историографии, "оккупированной" великороссами, мы получим ответ, если рассмотрим, из кого состояли основные кадры тех, кто создавал этот аппарат.

Прежде всего это была группа украинцев, с самого начала революции пошедшая с большевиками: Петровский, Чубарь, Мануйльский, Затонский, Скрыпник Коцюбинский, Шахрай, Балицкий и много их единомышленников. Вообще почти вся Коммунистическая Партия (большевиков) Украины — сокращенно КП(б)У — состояла из уроженцев Украины и выступала активно с первых же месяцев революции.

Вторую группу, весьма многочисленную и активную, составляли так называемые "укаписты", возглавляемые Шумским, Михайличенко, Заливчим, Винниченко, Шрагом, Христюком, Чечелем, братьями Лакиз, Одинцом и другими.

"Укаписты" — это бывшие члены левых фракций украинских эсдеков и украинских всеров, отколовшиеся от них и назвавшие себя "независимыми эсдеками" и "всерами-борьбистами". Стояли они на большевистской платформе и в начале действовали раздельно, сотрудничая с большевиками в их борьбе против Центральной Рады и Директории. Летом 1919 года они слились в одну партию, назвавши ее "Украинская Коммунистическая Партия", сокр. УКП.

Некоторое время они сотрудничали лояльно с КП(б)У, но в конце 1919 года выдвинули требования создания отдельной украинской армии, полного отделения экономики Украины и форсирования украиноизации Украины. С Российской Коммунистической Партией (больш.) "укаписты" желали поддерживать связь и контакт только через Коминтерн и даже подали в последний заявление о приеме их, как партии отдельного государства. Коминтерн "укапистам" в их

просьбе отказал и порекомендовал им распустить свою партию и влиться в КП(б)У, что "укалисты" и сделали в марте 1920 года.

Но "укалистские" настроения этим не были изжиты и известные трения между большевиками и бывшими "укалистами" продолжались, правда, в скрытой форме.

Третью группу составляли, покаявшиеся и великодушно прощенные большевиками, бывшие деятели времен Центральной Рады и Директории. Желая загладить свое прошлое, они из кожи лезли воц, чтобы доказать свою верность новой власти, которая, хотя им и не доверяла полностью, все же допускала в свой аппарат, разумеется на второстепенные должности. А таких покаявшихся и вернувшихся даже из эмиграции было не мало, не только рядовых петлюровцев, но и таких крупных деятелей, как например быв. Президент Украины — Грушевский, Премьер — Винниченко (перешедший в УКП), военный министр — Норш, бывш. глаиконверх — Тютюнник и много других.

Четвертую группу составляли галичане, массами хлынувшие из Польши и из эмиграции, считавшие, что теперь создается Украинское Государство. Приехали 360 бывших офицеров Галицкой Армии во главе с бывшим командиром Сечевых Стрельцов, Г. Коссаком. Приехали многие политические и культурные деятели Галичины: Витик, Лозинский, Рудницкий, Чайковский, Яворский, Порайко, Крупельницкий и много других. Всем им была предоставлена возможность включиться в жизнь новосоздаваемой УССР.

Пятую группу, создававшую и поддерживавшую УССР составляли украинские евреи, в особенности, многочисленный и хорошо организационно оформленный, Бунд. Значительная его часть еще в годы Гражданской войны попросту перепала в коммунистическую партию, во главе со своим лидером — Моисеем Рафесом. Остальные, хотя в ком. партию и не перешли, все же активно поддерживали новую власть и занимали ее политическо-административный аппарат. Новая власть широку шла им навстречу.

Все перечисленные пять групп сторонников новой власти на Украине, конечно, не составили большинства населения Украины и ошибочно бы было утверждать, что все или подавляющее большинство жителей Украины было за новую власть.

В годы Гражданской войны подавляющее большинство населения было вообще пассивно. Борьбу вели политически активное незначительное меньшинство. На Украине это меньшинство, в основном, делилось на три группы: сторонников большевиков (самая большая); сторонников Белого Движения (следующая за ней); сторонников

Центр. Рады (самая маленькая и неустойчивая). Победила самая многочисленная и самая активная группа из политически активного меньшинства населения.

Победа эта, как уже упоминалось выше, была одержана силами своими, местными, т. е. силами уроженцев Украины, а потому говорить о "захватении" Украины великими — большевиками, как это делает украинская сепаратистическая историография, — это значитозначительно искажать историю Украины.

Но не только победа в Гражданской войне была достигнута своими местными силами. Эти же самые силы создали и Украинскую Социалистическую Советскую Республику, в чем ей оказали существенную помощь и, прибывшие из за границу, галичане.

Зная это, делается ясным и то, что утверждение сепаратистов об "оккупации" Украины великими не соответствует исторической правде.

**

Из эпохи Революции и Гражданской войны Российская Украина, переименованная в УССР, вышла сильно урезанной: благодаря предательству петлюровцев, Волынь стала жертвой польской агрессии, а украинская часть Бессарабии была захвачена Румынией. Но главная часть территории с подавляющим большинством населения осталась в границах России, тоже переименованной в СССР. Восстановленная в половине 17-го века общая государственная жизнь Украины-Руси с остальной Русью продолжилась, а попытка оторвать Украину от России провалилась.

И почти два десятилетия между двумя мировыми войнами Украина-Русь делила судьбы всей России: пережила эпоху военного коммунизма, ВЭП, коллективизацию, ношла по путям стремительной индустриализации. Советская власть, будучи федералистической по форме, была строго централистической по содержанию и все мероприятия характера идеологического или привципиального проводились во всесоюзном масштабе. Все входящие в СССР его составные части могли быть национальные по форме, но обязательно должны были быть социалистические по существу.

Поэтому в настоящем кратком очерке нет необходимости подробно останавливаться на мероприятиях советской власти, проводившихся во всесоюзном масштабе, как, например, борьба с религией, ликвидация частной собственности, пропагандация идеи коммунизма во все области жизни и быта населения — все это было одинаково на-

всей территории СССР, в том числе и на территории УССР, и хорошо известно.

Но некоторые события и явления этого периода являются специфичными именно для Украины, как, например, принудительная украинизация, голод в начале тридцатых годов, в связи с проведением коллективизации, процессы так называемых "буржуазных националистов". О них необходимо сказать, хоть кратко, т. к. сепаратистская историография, искажая факты и извращая историю, изображает все эти события и явления как отдельные эпизоды "угнетения" великороссами "порабощенных" ими украинцев, будто бы ведших и ведущих борьбу за свое "национальное освобождение". Насильственная украинизация — это вынужденная уступка оккупантов — великороссов, на которую они должны были пойти под давлением настроений украинского народа, требовавших этой украинизации.

Голод — мера специально направленная против украинцев, чтобы сломить их сопротивление советской власти.

Процессы "украинских буржуазных националистов" — это доказательство не прекращающейся борьбы украинцев против своих по-работителей — великороссов.

Так освещают эти, специфические для Украины, события и явления сепаратисты, замалчивая одно и извращая другое с совершенно очевидной целью превратить эти события и явления в неопровергнутые подтверждения справедливости своих утверждений, что русские-великороссы "угнетают" украинцев.

Совсем по другому выглядят эти события и явления, если их рассмотреть совершенно объективно и изложить и правдиво, что мы и постараемся сделать, хотя бы в самых коротких словах.

Украинизация.

В Гражданской войне, как уже не раз

сказали раньше, боролись между собой украинцы, которые имели, в основном, однотиповую социальную программу (социализацию), а различались между собой только степенью своего украинского национализма. Национализм петлюровцев был шовинизмом, толкавшим их по путям острого русофобии и русофобии, чуждого широким массам украинского народа. Национализм (тоже украинский) их противников был чужд шовинизма и русофобии, а поэтому они имели больше успеха и из Гражданской войны вышли победителями.

Победе этой не мало содействовали "украинцы", вышедшие из недр Центральной Рады и привнесшие с собой, господствовавшие

там, шовинистические тенденции, которые они сохранили и после распуска своей партии и вступления в правительенную партию Украины — КП(б)У.

И на "Первом Всеукраинском Совещании КП(б)У", состоявшемся в Харькове 2-4 мая 1921 года, по инициативе бывших "укапистов", вынесена следующая резолюция:

"Поскольку на основании многовекового порабощения среди отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены Российской Коммунистической Партии должны относиться к ним с наибольшей терпимостью и бережностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения о тождестве интересов трудящихся России и Украины.

Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и разговаривать на родном языке во всех советских учреждениях, всемерно противодействуя попыткам искусственными мерами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс.

/ Немедленно должны быть предприняты меры, чтобы во всех советских учреждениях было достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели говорить по украински.

Эта резолюция должна проводиться Партией со всей решительностью в жизнь". (Цитируется по журналу "Коммунист". Харьков. 1921 год. №7).

Как имеющая большое принципиальное значение, резолюция эта, несомненно, вынесена с одобрения и самого Ленина и, ведавшего тогда делами национальных меньшинств, Сталина. И основная ее цель, разумеется была во все не в том, чтобы облегчить населению Украины коммунистическое просвещение. Политически активная его часть и без этой резолюции поддержала пробольшевистское Харьковское правительство и содействовала победе коммунизма и над белыми, и над петлюровцами.

Цель резолюциишла гораздо дальше и глубже. Во первых, она в значительной мере парализовала пропаганду петлюровцев (как бежавших за границу, так и прибывших на Украину), которая уверяла, что новая власть на Украине, как дружественная Москве и от нее зависимая, проводит политику насилившейся русификации. Во вторых, этим делалась уступка "укапистам", надежным сотрудникам власти, во всех ее социальных мероприятиях и на-

ходившихся к ней в оппозиции только в вопросе форсирования украинаизации. В третьих, резолюцией этой демонстрировалось перед границей национальное равноправие, проводимое советской властью.

И результаты не замедлили сказаться, хотя резолюция эта и проводилась в жизнь без особой поспешности и настойчивости, которая, надо сказать, и не была особенно нужна, ибо служащие советских учреждений все без исключения умели говорить по украински (это не значит, что знали и украинскую грамматику), а народные массы к украинаизации относились скорее отрицательно чем положительно.

Но зато были удовлетворены "уканисты" и слажены треняя внутри самой партии, происходившие на почве недостаточной, по мнению "уканистов", интенсивности проведения украинаизации.

Второй результат, и очень важный -- это соглашательские настроения в рядах петлюровцев, вызванные этой резолюцией и приведшие к массовым покаяниям и возвращениям в УССР из эмиграции для участия в создании государственного аппарата УССР.

Третий результат -- это широко распространяемое во всем мире мнение, что советская власть освобождает порабощенные нации и сама содействует их национальному возрождению. Для распространения коммунизма в странах колониальных это последнее имело огромное значение.

Широкие же народные массы Украины никакого оптимизма от вынесения этой резолюции не проявили и попросту не обратили на нее никакого внимания, ибо ничего существенного в их жизнь она не внесла. Лучшим доказательством служит то обстоятельство, что население в подавляющем большинстве предпочитало отдавать своих детей в школы с преподаванием на русском языке, в которых язык украинский преподавался, как отдельный предмет, чем в школах, в которых все предметы преподавались по украински.

По советской власти от обещания перемен в деле украинаизации несомненно выиграла, ибо с ней не только примирились, но и вошли на сотрудничество многие бывшие противники. Действуя "кнутом и пряником" (кнутом для бывших белых: пряником для бывших сторонников Центр. Рады), советская власть укрепляла свои позиции не только на Украине, но и во всем СССР.

К этому времени выяснилось, что расчеты на осуществление мировой революции, на что надеялись коммунисты, оказались ошибочными. Надо было думать об устройении самого СССР, а для этого нужно было какое то примирение с наследием и привлечение его на

свою сторону. Пружна была длительная передышка, во время которой можно было консолидировать внутреннюю жизнь, отложивши на некоторое время осуществление коммунистических идей в самом СССР.

ПЭП дал эту передышку в области экономической жизни. Поддержка национальных культур в отдельных республиках и областях СССР умиротворила активные патриотические круги разных народов и вместе с оппозицией власти направила их на сотрудничество с ней.

Понесяшие на сотрудничество с властью бывшие "уканисты" и средние им по настроениям бывшие деятели времен Центральной Рады и Директории, не встречая препятствий со стороны власти, начали проводить украинизацию Украины или, по словам Винниченко, "диктатуру украинского языка".

Кроме незначительного числа относительно культурных возглавителей, бывшие "уканисты" и, шедшие с ними в одном фарватере, их сотрудники-украинские патриоты, состояли или из зеленой молодежи (главным образом полуинтеллигентии) или из бывших петлюровских "атаманов", малокультурных, наханицких, привыкших каждый "вести свою политику". В немедленной украинизации они видели спасение от всех зол, а для себя лично — неограниченные возможности для достижения верхней власти, несмотря на отсутствие образования и опыта. "Мы тоже коммунисты, только украинские" — говорили они, совмещая в себе интернациональный по идеи коммунизм и зоологический украинский шовинизм. Все же свои неудачи и неуспехи они объясняли тем, что их "ушемляют" за их украинство.

Не встречая сопротивления, дорвавшись до власти, они и начали проводить "диктатуру украинского языка" путем соответствующего "народного просвещения".

Наркомы народного просвещения УССР были сначала бывшие "уканисты" Гринько и Шумской, а затем старый большевик и близкий Ленину — Скрыпник.

Не только в школах и других учебных заведениях, но и в учреждениях и в быту украинский язык вводился методами насилиственно-революционными и темпами стахановскими. Были годы, когда в Киеве были запрещены все издания на русском языке, а из учреждений немилосердно изгонялись старые служащие за недостаточное знание украинского языка, даже украинцы по рождению и происхождению, свободно владевшие разговорным украинским языком.

Украинская "сознательность" была главным и единственным критерием при запятии разных должностей. Не имея возможности останавливаться на подробностях этого национально-шовинистического террора, все же следует привести случай, когда деканом факультета Киевского университета был назначен ... студент 2-го курса. За свою украинскую "сознательность"—других данных у этого молодого человека (кстати с чисто великорусской фамилией, но рожденного киевлянина) не было. Теперь его называют "украинским ученым".

Вахты в УССР галичане запятали не мало руководящих чинов в деле народного образования, несмотря на более чем сомнительное образование свое собственное. Оно заменилось украинской "свидомостью и циростью" (сознательностью и искренностью). Считая себя непревзойденными авторитетами в области украинского языка и считая украинским языком только свой галицкий диалект, они с "храбростью невежества" начали внедрять этот язык в УССР. Дело дошло до того, что парком Срыпник выработал даже план для более успешного проведения украинизации пригласить из Галиции 8.000 учителей, а украинизацию проводить не только на территории УССР, но и всюду в СССР, где жили украинцы, например в Сибири. (Сведения об этом плане взяты из книги К. Мейнинга "Украина под советами". 1958 г. Нью Йорк).

Коммунисты с удовлетворением наблюдали, как бывшие их противники, получивши возможность строить коммунизм по украински (в смысле языка, а не идей), всю свою энергию направили на это строительство, безоговорочно проводя все предначертания советской власти: борьбу с религией, перевоспитание масс в коммунистическом духе, ликвидацию не только подлых бывших противников коммунизма, но и потенциальных его противников. В этом отношении украинские "активисты" ничем не уступали коммунистам остальным. Общеизвестно, например, что именно украинцы (тогда еще "боротьбисты") расстреляли крупнейшего украинского культурного деятеля-гуманиста В. П. Науменка; что, прославляемый многими в украинской эмиграции, украинский поэт Хыцльский (настоящая фамилия — Фитильев) прославился не только своими стихами, но и исключительной жесткостью при ликвидации "классовых врагов", каковыми он считал например, монахинь одного монастыря в Харьковской губернии.

Но, с другой стороны, коммунисты, допустившие украинизацию и даже покровительствовавшие ей, не могли не заметить и одно явление, порожденное украинизацией и совершенно недопустимое с

точки зрения центральной власти СССР: появление украинского политического сепаратизма среди тех, кто проводил украинизацию языка и быта УССР. Этот политический сепаратизм, которому были чужды широкие народные массы (что показано в годы Гражданской войны) принесли с собой галичане, если не формально, то по существу, игравшие в деле украинизации руководящую роль и бывшие ее инициаторами и инспираторами. Обрабатывая в соответствующем духе, невежественные (в подавляющем большинстве) массы быв. "уканистов" и петлюровцев, они начали создавать небольшие группы украинских политических сепаратистов, главным образом среди молодежи. Одним из таких был и Фитилек-Хильевский, совмещавший в себе последовательный коммунизм и чисто зоологический украинский шовинизм.

Показавшийся и вернувшийся в УССР идеолог украинского сепаратизма, Грушевский, получивши почетное и ответственное место в Академии Наук УССР, привлек к работе в Академии много своих бывших сотрудников из Галиции и посыпало Академия начала превращаться в центр, где вырабатывались так называемые "научные" обоснования украинского политического сепаратизма. А, чтобы его обосновать и оправдать, соответствующим образом извращалась история Руси вообще, а история Украины-Руси, в особенности.

Кроме порождения зародышей украинского политического сепаратизма, "диктатура украинского языка" породила и еще одно явление, нежелательное для центральной власти и затруднявшее ее экономические мероприятия проводившиеся во всесоюзном масштабе. В результате преподавания всех предметов на украинском языке пришлось срочно создавать украинскую научную терминологию, при чем такую, которая бы была исходна с русской терминологией — этим подчеркивалась бы обособленность языка украинского от языка русского. Вопрос был срочный и решен он был очень просто: была взята вся научная терминология из Галиции, где она в свое время была создана путем заимствования из польского и немецкого языков. Благодаря этому, люди окончившие украинские учебные заведения только с большим трудом могли быть использованы во всесоюзном масштабе, в тех его частях, где не было "диктатуры украинского языка". А между тем, в связи с вачинавшейся индустриализацией и проведением пятилеток во всесоюзном масштабе, происходило постоянное перемещение кадров, не только принудительное, но, гораздо больше, добровольное. И, с точки зрения центральной власти, конечно, было весьма желательно, чтобы эти

кадры, особенно высший технический персонал, мог без затруднений впоследствии различия терминологии, быть использован в любой части СССР.

Учитывая, приведенные выше, отрицательные с точки зрения централистического по своей сущности коммунизма, результаты форсирования украинизации, с начала 30-х годов "диктатура украинского языка" начала быстро ослабляться и умеряться шла ее сторонников, что, естественно, вызывало их недовольство.

Это совпало с началом индустриализации и коллективизации—мероприятий всесоюзных, распространявшихся, конечно, и на УССР. Мероприятия эти, заменившие политику НЭП-а, были вообще мало популярны, в широких народных массах, а на Украине, в особенности, благодаря, во первых, сравнительной зажиточности украинского крестьянства, а во вторых, его вековой привычке владеть землей на правах собственности, в отличие от Великороссии, где народ смылся с общим землепользованием.

Ослабление "диктатуры украинского языка" вызвало острое недовольство тех, кто ее проводили и на этом строили свои карьеры. А экономические мероприятия власти, в особенности коллективизация, породили не менее острое недовольство широких масс украинского крестьянства и той части, вышедшей из его среды интеллигенции, которая не прониклась коммунистическими идеями. (Украинцы-коммунисты, как известно, принимали самое активное участие в раскулачивании и коллективизации).

Процессы националистов.

На этой почве создалась атмосфера, благоприятная для антиправительственной пропаганды. Зашевелились, сидевшие доселе все мирно и сотрудничавшие с коммунистическим правительством УССР, бывшие сотрудники Центральной Рады и Директории. Всю вину за пепоющую коллективизацию они сваливали на Москву и ее алии, старательно замалчивая, что в свое время они сами произвели отмену частной собственности на землю и принцип социализации земли (4-ым Универсалом). Большевики — и всероссийские, и украинские, — проводя коллективизацию, только осуществляли то, что решил Трудовой Конгресс и отдал 4-ый Универсал.

Недовольство украинских коммунистов-шовинистов против замедления темпов украинизации и недовольство бывших нефтегорцев и крестьян мерами коллективизации создавали предпосылки для сепаратистской пропаганды, которую к тому же старались усилить

и раздуть украинские сепаратисты, пребывавшие вне пределов УССР, в особенности, так называемые "Украинские Националисты" (украинские фашисты) возглавляемые полк. Коновалцем, а также, рассеянные по странам Европы, остатки петлюровцев.

Пропаганда эта не успела развиться, а противники проводимых правительством мероприятий не успели организационно оформиться. Быстрыми и решительными мероприятиями органов власти они были обезврежены.

Обезвреживание своих потенциальных противников правительство УССР проводило этапами, разбивши их на отдельные группы, и действия по отношению к каждой из них различно.

По отношению к не-коммунистам, проявлявшим симпатии к Центральной Раде и Директории был применен способ показательных процессов, всячески раздувая при этом силы и значение этих оппозиционных групп, которые на деле были и слабы, и неорганизованы.

В 1929 году состоялся процесс "Союза Освобождения Украины", главным обвиняемым на котором был известный умеренно-социалистический деятель времен Центр. Рады С. Ефремов и его единомышленники. Процесс закончился сравнительно легкими обвинительными приговорами для одних и оправданием для других обвиняемых. На процессе выяснилось, что вся вина обвиняемых состояла в безобидной болтовне и в воспоминаниях о днях Центральной Рады и Директории, когда они играли большую роль.

Вторым процессом был процесс СУМ-а (Союза Украинской Молодежи). Фактически никакой СУМ, как организации и не существовал и никаким саботажем или противоправительственной пропагандой не занимался. Это были небольшие кружки молодежи, связанные личной дружбой, которые критиковали власть, не вынося эту критику за пределы своих кружков. Руководство СУМ-ом приписывалось совершенно бесцветной личности — некоему Николаю Павловичеву. Тем не менее многие, которым приписывалось участие в СУМ-е жестоко поплатились, как по суду, так и в порядке расправы помимо суда.

В 1934 году состоялся третий процесс. Судили участников, будто бы обнаруженного органами власти "Украинского Национального Центра", самое существование которого многими отрицается. Главными обвиняемыми были бывшие деятели Ц. Рады, украинские ватры, во главе с, бывшим тогда уже на свободе, бывш. премьером — Голубовичем.

Но и этот процесс ничего не показал и ничего не доказал, по той простой причине, что вообще ничего и не было. Разве на кого нагнал немного страха.

Украинские сепаратисты в эмиграции раздувают эти процессы еще гораздо больше чем это делало в свое время правительство УССР и приводят их как доказательство "борьбы украинцев" против их "пограничников-великороссов".

Покончивши с врагами все правящей Украинской коммунистической партии (больше воображаемыми или, в лучшем случае, потенциальными), было приступлено к мерам против своих же коммунистов или бывших "уканистов", проявивших признаки украинского политического сепаратизма. С ними, как нарушителями партийной дисциплины и генеральной линии, было поступлено гораздо строже, хотя никаких специальных процессов и не было организовано. Одних, как, например, Скрыпника сначали убрали с руководящих постов, а потом без особой огласки ликвидировали. Некоторые, как например бывший боротьбист Любченко (премьер УССР) со страхом сами застрелились. Бесследно и без огласки исчез и сам вдохновитель "хвильевизма" — Фитилев-Хвильевский. По всей Украине была проведена чистка всего административно-политического аппарата и были устраниены все заподозренные или замеченные в симпатиях к политическому сепаратизму, главным образом, бывшие "уканисты" и "хвильевисты". Одни были просто смещены или перемещены; другие — сосланы; не мало было расстреляно.

Период "диктатуры украинского языка" и насилиственной украиноизации закончился.

Запрещенный и преследуемый даже в частной жизни русский язык был допущен в школы, разрешена печать на русском языке, разрешены русские театры. Не в ущерб языку украинскому, а наравне с ним. Населению была предоставлена свобода в вопросе языка, хотя в учреждениях, как официальный язык и остался язык украинский.

Подавляющее большинство населения Украины эти реформы горячо приветствовало, а сторонники "диктатуры украинского языка" притаились и замолкли.

Выявились они только во время второй войны, безоговорочно пойдя на сотрудничество с немцами, и всячески помогая тем украинским фашистам, которых немцы привезли с собой. Бежавшие вместе с немцами с Украины все эти "хвильевисты" после капитуляции Германии развиваются в эмиграции весьма интенсивную полити-

ческую деятельность, имея и моральную и материальную поддержку ведущих стран свободного мира.

Подлинное же свое отношение к политическому сепаратизму население Украины с предельной ясностью выявило, когда встал вопрос о формировании украинских частей для борьбы с коммунистами на стороне немцев. Подавляющее большинство украинцев с территории УССР, добровольно записывавшихся в формируемые немцами части, записывались к ген. Власову, пединему под знаменем обще-российским и никто не хотел записываться к ген. Шандруку, формировавшему части под знаменем украинского сепаратизма. Факт этот общеизвестен и о нем подробно пишет в своем обстоятельном труде о Власовском движении известный немецкий писатель Торнальд, сообщая, как ген. Шандрук, видя настроения украинцев с Великой Украиной, сам начал искать сотрудничества с ген. Власовым, признавши, что украинские массы идут за Власовым, а не за ним -- Шандруком.

Голод.

Голод на Украине, приведший в 1932-3 годах к гибели многих миллионов населения от голода смерти, украинские сепаратисты изображают, как мероприятие оккупировавших Украину великороссов, направленное на уничтожение украинцев и всячески его выдаивают в своей пропаганде.

Наличие голода никто и не отрицает. Число жертв, разумеется, никто точно не знает. Если об этом и существуют какиенибудь точные данные, то они скрыты в архивах, в настоящее время еще недоступных исследователям. По приблизительному подсчету разных исследователей этого вопроса число жертв голода колеблется от пяти до десяти миллионов. Как наиболее вероятную можно принять среднюю цифру в 7 мили.

Не отрицают никто и то обстоятельство, что голод был результатом мероприятий правительства (правительства УССР), согласованного, конечно, с соответствующими мероприятиями, проводившимися на всей территории СССР.

Но цель этих мероприятий была вовсе не физическое уничтожение нескольких миллионов украинцев, как утверждают сепаратисты, а совсем другая: власти надо было во что бы то ни стало сломить массивное сопротивление украинских крестьян, не желавших идти в колхозы.

Как известно, коллективизация проводилась в масштабе не

только украинском, но всесоюзном. Чем зажиточнее и экономически крепче было крестьянство какого либо района или области, тем неохотнее шло оно в колхозы и всеми мерами противодействовало коллективизации. Противодействие это было не только на Украине, но и в Поволжье, богатых черноземных частях Великороссии, на Кубани, на Дону. На Украине это противодействие было почти поголовным, так как украинское крестьянство было относительно зажиточно, бедняков имело не так много, а, кроме того, привыкло к индивидуальному землепользованию на правах частной собственности и не знало общин.

От голода на Украине пострадали исключительно крестьяне в то время как голодных смертей среди городского населения не было. Оно все же получало какой то хоть и скучный паек. И не только крестьяне-украинцы. Целые села в Новороссии и Харьковской губернии с чисто великорусским населением почти поголовно вымерли точно так же, как и соседние села с украинским населением. А в то же время украинцы, живущие в городах или работавшие на фабриках и заводах, получали свой паек, который был различным в зависимости от рода работы. Можно привести бесчисленное количество случаев, когда два родные брата, оба украинцы совершенно по разному ощутили на себе голод: один, живший в селе, погиб от голода со всей семьей; другой, служивший на железной дороге и получая сравнительно сытный паек, голода сам не ощущал, и только его наблюдал.

Зная это, можно с полной категоричностью опровергнуть утверждения сепаратистов, что голод был искусственно создан для уменьшения числа украинцев.

С такой же категоричностью можно опровергать утверждения сепаратистов, что мероприятия, приведшие к голоду на Украине проводились великороссами.

Все правительство УССР состояло тогда исключительно из украинцев, конечно, коммунистов, а на местах действовали многие тысячи активистов, раскулачивая более зажиточных крестьян, отбирал от всех запасы зерна и создавал таким образом все предпосылки для голода.

Наблюдал же за всей подготовкой к голоду и руководил ею ген. секр. КП(б)У шурии всесильного тогда Сталина — Каганович, распоряжения которого для всех были — закон. Но Каганович тоже родился и вырос на Украине и его можно скорее причислить к украинцам чем к великороссам.

Кагановичу, несомненно, принадлежит главная заслуга за проведение коллективизации на Украине. Но на нем лежит и ответственность за гибель семи миллионов крестьян на территории УССР, хотя лично он никого и не убивал, как не убивал лично евреев и Айхман, когда он проводил директиву национал-социалистов по ликвидации евреев. Оспаривать это вряд ли возможно.

ОККУПИРОВАНИЕ ЧАСТИ УКРАИНЫ – РУСИ

Галичина.

В результате 1-ой Мировой войны, Галичина на два десятилетия попала под власть своих вековечных угнетателей — поляков. Они сразу же продолжили то национально-религиозное преследование, которое было прекращено в 18 столетии, когда Галичина отошла к Австро-Венгрии и ее население получило от последней, хотя бы относительную, защиту от поляков, стремившихся его ополячить и окончательно окатоличить, не удовлетворяясь унией, отдавшей религиозную жизнь Галичины под власть Папы Римского.

Политика Польши по отношению к населению обширных областей, доставшихся ей по милости держав-победительниц (Галичина, Волынь, Белоруссия) была формулирована словами ее первого премьера, сказавшего: “дайте мне несколько десятков лет — и все это будет польским”.

Эта ассимиляционная политика (как национальная, так и религиозная) неуклонно проводилась все 20 лет польской оккупации этих не-польских территорий.

Менялись в Польше правительства, от консерваторов-шовинистов до сторонников, называвшего себя социалистом, Чылсудского (бывшего, но существу, тоже польским шовинистом), но неизменным оставался ассимиляционный нажим на население оккупированных областей.

Несмотря на “демократическую” конституцию и провозглашенное ею “равноправие” всех граждан Польши, население оккупированной поляками части Украины-Руси, фактически, было гражданами неполноправными. Им власть не доверяла; в свой административно-политический аппарат не допускала; их национально-культурную деятельность, если не прямо запрещала, то всячески затрудняла, до-

пуская и даже покровительствуя только тому ее течению, которое имело поленофильские тенденции и создавало предпосылки для окончательной полонизации.

Лучшим свидетельством отношения Польши к культурной деятельности многомиллионного населения Галичины и Волыни может служить тот факт, что, несмотря на настойчивые домогательства населения, так и не был открыт украинский университет во Львове. Желавшими же учиться не по польски, молодежь организовала во Львове так называемый "тайный университет", который власти преследовали и, сбираявшуюся учиться, молодежь разгоняли. Это вызвало многочисленную эмиграцию учащейся молодежи, главным образом в Чехо-Словакию, которая широко открывала для них двери своих высших учебных заведений и давала стипендии.

О степени заботы Польши об образовании широких народных масс оккупированных областей красноречиво свидетельствует тот факт, что среди них был огромный процент вообще неграмотных. Это с предельной очевидностью было выявлено в беженских лагерях в Германии (после 2-й войны). Слушатели курсов по ликвидации неграмотности были почти исключительно галичане. Уроженцев УССР на этих курсах не было, по той причине, что среди них не было неграмотных.

Ломки социальных взаимоотношений и быта, характерных в этот период для УССР, Галичина не испытала. Все сохранилось так, как было во времена Австрии: основная масса населения — малоземельное крестьянство с высоким процентом деревенского пролетариата — батраков, работавших в крупных хозяйствах капиталистического типа; помещики — исключительно поляки, католики; торговля и ремесла — в руках евреев; крупный капитал — в еврейско-польских руках; администрация — в чисто польских руках; сильно урезанное в правах, местное самоуправление руководилось и направлялось поляками, которые допускали туда только проверенных и "благонадежных" (с их точки зрения) представителей местного населения.

Это местное население в подавляющем своем большинстве относилось к оккупантам резко отрицательно. Только незначительная часть галицкой интеллигенции пошла на "сотрудничество" с поляками, которое, в сущности, было не сотрудничеством, а безоговорочным выполнением инструкций Польского правительства. За это оно имело от поляков не мало явных и тайных компенсаций материального характера. Это, сотрудничавшее с поляками, незначительное меньшинство

старалось пропагандировать идею украинско-польской дружбы, но успеха в массах никакого не имело. Население относилось к ним пренебрежительно и за ними не шло.

В первое десятилетие оккупации симпатии населения, в основном, были направлены на восток, куда ушла в 1919 году Галицкая Армия. Одних привлекал, осуществляемый там, социализм; других — проводимая в УССР, украинизация, которую они считали "созданием Украины"; третьих тянуло на восток потому, что там была Россия, хотя и переименована в СССР (довоенные "москофильские" настроения не умерли и порождали эти настроения). Только сравнительно незначительная часть была во власти украинско-шовинистических настроений, которые вели к отталкиванию от всего, что было на востоке только потому, что там не было руссо-непавистничества, в котором десятилетиями лоснилась часть галицкой интеллигенции. Они тяготели к Германии. Конечно, отрицательно относились ко всяkim симпатиям, направленным на восток и те социальные слои населения, для которых была неприемлема, проводимая коммунистами социальная ломка.

Во втором десятилетии настроения Галичины начинают сильно меняться. Все больше и больше она отдает свои симпатии крайним украинским шовинистам, проводившим террор против ненавистных представителей польской власти. Организационно оформленные под именем "Организация Украинских Националистов" (ОУН), они имели свой центр за границей, а по всей Галичине создали сеть своих весьма активных и многочисленных ячеек, благодаря чему успешно проводили террор, направленный против представителей оккупационной власти. Им удалось убить даже одного польского министра и совершил ряд экспроприаций для пополнения своей партийной кассы. (В эту кассу шло не мало средств и из иностранных источников).

Тяготение же населения на восток в этом десятилетии сильно ослабело по ряду причин. Изменение политики в УССР в украинском вопросе (прекращение насильственной украинизации) оттолкнуло известную часть политически настроенных галичан, направивших их в ряды ОУН. Проводимая в УССР колLECTIVизация испугала многих крестьян, тяготевших раньше на восток потому, что там крестьяне захватили помещичью землю. Борьба с религией, которую вели коммунисты в СССР дала повод для агитации против коммунизма и сильно охладила симпатии очень многих, которые к вопросам религии относились с большим уважением. Подчеркнуто интернациональный характер политики СССР и иностранный состав его возглавления поко-

лебали веру бывших "московофилов" в то, что СССР проводит славянофильскую политику царского правительства и имеет целью "собирание Руси", что их раньше толкало на восток.

Сила и влияние ОУН, иновинистско-украинского по настроениям, террористического по методам действий и германофильтского по высоким политическим устремлениям, росла и крепла, несмотря на все противодействие поляков и, сотрудничавших с ними галичан.

Не смогла многое сделать для усиления поленофильских настроений и униатская церковь, к которой формально принадлежали почти все галичане. Возглавлял ее польский граф Шептицкий, родной брат польского военного министра. Один из братьев, униатский митрополит, называл себя русином-украинцем, другой был завзятым польским иновинистом. Зная антипольские настроения не только широких народных масс, но и значительной части духовенства, Шептицкий не мог открыто занять пропольские позиции, ибо в этом случае он рисковал потерять свою популярность в пароде, которая была очень велика. Поэтому он действовал осторожно и многое помочь полякам не мог.

Видя неуспешные своих попыток пропагандой завоевывать, если не симпатии, то хоть лояльность населения Галиции, поляки прибегли к репрессиям. Ставивши в Галичину жандармерию и усиливши ее частями регулярной армии, в один день были произведены массовые обыски и аресты многих тысяч галичан-граждан Польши. Без предъявления каких либо обвинений, на основании заранее составленных списков "неблагонадежных", людей лишали свободы и направляли в специально приготовленные лагеря, не сообщая даже сроков заключения.

Этот беспримерный террор, названный поляками "пацификацией" (умиротворением), конечно, запугал население. Оно замолкло и притаилось, а наиболее активная часть, особенно интеллигентная молодежь, устремилась за границу и пополнила собою ряды ОУН.

Результат сказался вскоре. Когда, в 1939 году, началась война, галичане не только не проявили никакого желания защищать Польшу, но ишли на сотрудничество с ее врагами-немцами. А украинские националисты-фашисты, как пришедшие с немцами, так и вышедшие из подполья, жестоко расправлялись с остатками разбитой польской армии. Известны случаи, когда они поливали бензином и сжигали раненых поляков и вырезывали и разорвали целые польские села.

Так закончился 20-летний период оккупации Галиции Польшей.

на два препятствия, которых не было в Галичине. Во первых, на православную церковь, русскую по настроениям и враждебную всякой мысли о подчинении Риму, хотя бы и в форме уни. Во вторых, население Волыни, пребывавшее 130 лет в составе Российской Империи, считало Волынь частью России, а интелигенция Волыни полностью восприняла русскую культуру и считала себя русскими. Кроме того Волынь с остальной Россией пережила годы Революции и Гражданской войны, во время которых была произведена ломка старых социальных взаимоотношений и на авансцену местной общественной и политической жизни выступили новые, революционные, силы, как общероссийского, так и украинского направления — петлюровцы (в незначительном количестве).

И, заявившим Волынь, полякам пришлось для осуществления своей ассимиляционной политики повести борьбу сразу по трем направлениям: против православной церкви, против русской культуры и против революционно-социалистических настроений.

Местных сил, кроме немецкx-поляков, для ведения этой борьбы Польша на Волыни не имела. Ни ополяченных, ни полуподпольствующих групп на Волыни не было.

По зато в Польше оказалось несколько тысяч петлюровцев, сидевших без дела и без всяких средств (их кормила Польша) и готовых выполнить все, что от них потребуют, давшие им приют, поляки.

После надлежащей подготовки и инструктирования, поляки начали их постепенно включать в хозяйственную, культурную и общественную жизнь Польши. Понимая, что переход от русского (общероссийского) характера жизни Волыни к чисто польскому, встретит много сопротивления, поляки, как переходную ступень, избрали "украинизацию" этого захваченного края.

Украинизация православной церкви, сопровождавшаяся насильствиями и хулиганскими выходками, расстрелянагандированных агентами власти, групп молодежи, к которой примкнула и часть православного духовенства Волыни, нанесла огромный удар единству православной церкви и поколебала ее авторитет в широких массах населения. Имея за спиной поддержку власти, эта украинизация деморализовала неустойчивую часть православного духовенства, которое пошло на попадание у хулиганствующих украинизаторов церкви.

Украинизация культурной жизни проводилась путем создания це-

лой сети шовинистико-украинских культурно просветительных обществ — "просвит", получавших и моральную и материальную помощь от органов власти. Кроме того открывался ряд учебных заведений в городах с преподаванием на украинском языке и полным изгнанием русского языка из преподавания. Польша субсидировала также украинские театры, спектакли, печать на украинском языке. Все русское было или под ирлым запретом или, в лучшем случае, в загоне и едва терпимо оккупационными властями.

Украинизация хозяйственной жизни и, связанный с ней, местной общественной деятельности проводилась путем субсидирования и фаворизирования кооперативов и крестьянских банков, стоявших на украинских позициях и всяческого ущемления их конкурентов или прямых противников.

Кроме того бывшие петлюровцы приносили полякам большую пользу, как осведомители и сотрудники по борьбе с революционно-социалистическими настроениями и группировками. В годы Революции и Гражданской войны, пока они не пошли на "сотрудничество" с поляками, петлюровцы сами были активными революционерами и социалистами и своих бывших единомышленников на Волыни хорошо знали.

В результате всех этих мероприятий, Волынь впешне начала приобретать характер края примирившегося с властью Польши и постепенно поддающегося польской ассимиляционной политике. Но это было только впешне. На самом деле, поляки, несмотря на все свои старания, не смогли превратить население Волыни не только в патриотов Польши, но даже, лояльных граждан, что и было продемонстрировано, когда началась война. Население Волыни, как и галичане, не проявили никакого желания защищать Польшу, даже те, кто пользовался доверием польских властей и содействовал их ассимиляционной политике. А, игравшие на Волыни большую роль, петлюровцы сразу же отмежевались от поляков, предавши их с такой же легкостью, как в 1919 г. предали галичан.

Наш короткий очерк о жизни Волыни под Польшей был бы неполным, если бы обойти молчанием жестокую агрессию католичества, объектом которой было население Волыни. Не довольствуясь проведенной украинизацией православной церкви, благодаря чему она стала разъединенной и ослабленной, католики повели наступление сразу по трем линиям.

Во первых, они предъявили множество исков об отобрании православных храмов от православных прихожан и передачу их униатам,

которые на скорую руку создавались, действуя "жутом и пряником": одним что-то обещали, других страшали, что отказ от перехода в иудаизм будет рассматриваться, как акт политической неблагонадежности, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Таким образом создавались церковные грушики униатов, которым и передавались православные храмы, а если прихожане этому противились, применялась сила. Требования эти католики обосновывали тем, что когда то эти храмы были униатские. На этой почве возникло множество конфликтов и случаев самого грубого вмешательства представителей власти в церковные дела, вплоть до насильственного разрушения храмов, их осквернения и запрещения совершать в них богослужения. Эта агрессия вызвала волну возмущения во всем мире и была пристановлена только перед самой войной.

Вторая линия католической агрессии заключалась в создании так называемого "восточного обряда" католической церкви. Заключался он в том, что при полном сохранении внешней, обрядовой, стороны православия, проводились догматы католической церкви. Эта подмена православия католичеством для людей мало сведущих в вопросах богословия была совершенно позаметной.

Третья линия агрессии заключалась в создании приходов "православных поляков" в которых все богослужение шло на польском языке. Польонизация языка богослужений должна была содействовать полонизации прихожан, которые вовсе не были поляками, а только польскими гражданами. А этим открывался путь к сближению с католицизмом.

Не имея возможности в этом кратком очерке более подробно описать эту беспримерную религиозную агрессию, имевшую место в 20-ом столетии в государстве, которое называло себя демократическим, мы отсылаем всех интересующихся этим вопросом к соответствующим источникам. Документировано и подробно описано это наступление католичества на православие в книгах магистра богословия А. Свитича ("Православная церковь в Польше и ее автокефалия" — Буенос Айрес. 1959 г.) и К. Николаева ("Восточный обряд". Париж. 1950 г.)

Карпатская Русь.

Русь, под влиянием разных внешних обстоятельств, вошла в состав новосозданного государства — Чехо-Словакии. Это вхождение она

Как уже описано раньше, после распада Австро-Венгрии, Карпатская

рассматривала, как временное, впредь до возможности воссоединиться с Россией, к чему единодушно стремилось все ее население. Чехами была обещана самая широкая автономия и полное невмешательство в национально-культурную жизнь.

Однако, чехи своего обещания не сдержали и начали бесцеремонно не только вмешиваться в национально-культурную жизнь Карпатской Руси, но и проводить свою политику, направленную к "чеханизации" административно-политического аппарата Карпатской Руси и покровительству микроскопических группок "украинствующих" карпатороссов. Группки эти, почти, незаметные до войны, начали расти и шириться благодаря пропаганде, бежавших из Галиции в Чехо-Словакию, галицких украинских шовинистов.

Этим последним Чехо-Словакия всячески покровительствовала из своих собственных соображений: желания ослабить Польшу, отношения с которой заставляли желать лучшего. Имея прочную базу в Чехо-Словакии, украинские шовинисты проникли в Карпатскую Русь, через которую шла пропаганда и материальная помощь тем, кто в Галичине вел борьбу с поляками. Но кроме этого они не оставляли своим вниманием и местное, карпаторусское население, ведя борьбу с прорусскими настроениями и желая превратить карпатороссов в "карпатоукраинцев".

Унитская церковь (формально все карпатороссы были униаты) всемерно сочувствовала и весьма активно содействовала этой пропаганде украинских шовинистов, внося смуты и разногласия в жизнь населения.

Чехо-Словакское правительство было полностью на стороне украинских шовинистов. Оно их поддерживало и морально, и материально и создало ряд центров украинской пропаганды на своей территории. Молодежь на средства государства обучалась не только во всех чехо- словацких учебных заведениях, но для нее были созданы и украинские, в которых господствовал дух крайнего украинского шовинизма и откуда выходили украинские пропагандисты и активисты.

По подавляющее большинство населения твердо держалось своих традиционных русофильских настроений и пропаганда украинских шовинистов успехом не пользовалась.

Когда же Чехо-Словакия, под давлением Германии, начала распадаться и Карпатской Руси предоставилась возможность подлинно свободно самоопределиться, она недвусмысленно вывела, что считает себя Кашатской Русью, а не Карпатской Украиной.

Во время этой кратковременной свободы (скоро ее захватил

Венгрия, с согласия Гитлера), Карпатская Русь создала свое правительство, свободно выбранное и отражающее подлинные настроения народа. Правительство это состояло из карпаторосов, стоящих на "русских", а не на "украинских" позициях.

После поражения немцев во 2-й войне, Карпатская Русь, как и Галичина, были воссоединены с СССР-Россией. Население это воссоединение, в массе своей приветствовало, несмотря на коммунистическую власть в СССР, к которой оно, в основном, относилось отрицательно: оно видело в этом воссоединении осуществление вековечной мечты о соединении с остальной Русью.

**

Буковина и Бессарабия. Воспользовавшись революцией в России и распадом Австро-Венгрии, Румыния, без всяких договоров, голосований и плебисцитов, попросту захватила Буковину и Бессарабию. Попытки населения сопротивляться этому захвату были раздавлены в самом зародыше. И на два десятилетия эти области превратились в провинции королевства Румынии.

Социальные сдвиги и перемены, характерные для УССР, ни Буковины, ни Бессарабии некоснулись. Взаимоотношения остались те же самые, что были и до войны. Население, ставшее румынскими подданными, вынуждено было приспособляться к новым обстоятельствам, изучать румынский язык и подчиняться румынской администрации, в ряды которой не допускались представители местного населения.

Конечно, Румыния, как и всякое государство, имеющее национальные меньшинства, имела известные ассимиляционные виды на не-румынское население захваченных территорий и желала бы их румынизировать Но, надо это признать, Румыния не проводила ни национального, ни религиозного террора, как это делала Польша. В вопросе религиозном вообще не возникло никакого конфликта, ибо сами румыны были православными. Православным было и население Бессарабии. К православию тяготела и, формально униатская, часть населения Буковины (другая часть были православные).

В вопросе национальном Румыния с одинаковым недоверием и подозрительностью смотрела на проявления и прорусских и проукраинских настроений и всячески, как могла, старалась парализовать и одну, и другую пропаганду. Прорусские настроения направляли симпатии на восток, к России, и ставили под сомнение лояльность населения, пограничных с Российской областей. Настроения про-

украинские толкали к тесному контакту с галицкими "украинцами", настроения которых были или прогерманские или пропольские — однаково неприемлемые для Румынии. Учитывая это, Румыния не оказывала особенной поддержки ни одним, ни другим, а старалась постепенно румынизировать население. Делала и проводила это постепенно, приобщая сначала к румынской культуре только представителей высших классов и оставляя пока в покое широкие народные массы.

В ходе событий, связанных со 2-ой мировой войной, Румыния сначала потеряла Бессарабию, которая была воссоединена с СССР, а затем, с окончанием войны, и Буковину, которая также была воссоединена с СССР.

**

Заканчивая на этом короткий очерк двадцатилетнего периода между двумя мировыми войнами, необходимо еще раз сказать, что это только самое схематическое изложение, дающее только общую картину всего произошедшего за этот период.

По причинам, изложенным выше, вдаваться в подробности, которые еще не достаточно освещены и всесторонне проверены для того, чтобы их можно было использовать для объективного исторического труда, не было бы целесообразно.

Период этот был очень бурным, несмотря на отсутствие внешних войн и столкновений, а потому о нем и надо было сказать хоть в самых общих чертах.

В Российской Украине произошла ломка, веками сложившихся, социальных взаимоотношений и быта. Совершенно исчезли целые общественные группы, которые до Революции играли руководящую роль в культурно-общественной жизни, административном аппарате и экономике: помещики, фабриканты и заводчики, домовладельцы, духовенство, чиновничество. Им на смену пришли новые силы, выброшенные на поверхность Революцией. Не обладая ни опытом, ни знанием, не имея надлежащей подготовки и образования, они начали строить "новую жизнь" по рецептам коммунизма, в котором они видели панацею от всех зол и залог счастья и благополучия в будущем. С жертвами в настоящем, при построении этой "новой жизни" никто не считался. При этой ломке и, сопряженными с ней насилиями, не малую роль играло чувство мести у одних, жажда наживы (примазавшихся темных элементов) у других, благодаря чему без всякой надобности гибели материальные и культурные ценности и человеческие жизни.

Вопрос национальный, как это указано раньше, сколько нибудь значительной роли в событиях годов Революции и Гражданской войны не играл. Борьба велась в плоскости социальных, а не национальных взаимоотношений. Поэтому и после ее окончания результаты сказались в области социальных взаимоотношений, не делая никаких изменений в области взаимоотношений национальных. Население попало под власть не каких либо иностранных оккупантов, а под власть своих же украинцев-коммунистов, которые, естественно, и проводили "построение коммунизма", не считаясь с вопросами национальными, а преследуя цель осуществления коммунистической программы.

Совершенно по другому развернулись события в тех частях Украины-Руси, которые были захвачены иностранцами. Никакой ломки социальных взаимоотношений, от которых в Российской Украине пострадала не малая часть населения, там не было. Все осталось так, как было перед войной. Немедленно по захвате были восстановлены и на Волыни прежние социальные взаимоотношения, нарушенные было в годы Революции и Гражданской войны.

Во всех, захваченных иностранцами частях Украины-Руси (кроме Волыни) не только социальная верхушка, но и средние слои были уже давно денационализированы и, сохранивши свои прежние социальные позиции, сами себя причисляли к оккупантам.

Широкие же народные массы от перемены оккупантов (вместо Австрии — ее наследники) в смысле социальном ничего не выиграли и не проиграли.

Зато в плоскости национальных взаимоотношений они проиграли много и не мало и потерпели в этот период от ассимиляционной политики оккупантов, которые не жалели сил и средств, чтобы их возможно скорее сначала денационализировать, а потом и национально поглотить. (До войны центральное Австро-Венгерское правительство значительно сдерживало ассимиляционный дух поляков, делая ставку на их разногласия с населением Галиции).

На этой почве во всех захваченных частях Украины-Руси, в Галичине в особенности, происходили настоящие, и явные, и завуалированные, конфликты, как с представителями оккупационной власти, так и с теми немногими представителями местного населения, которые с оккупантами сотрудничали и проводили их политику.

Оккупанты же во что бы то ни стало хотели показать, что население с ними добровольно сотрудничает, что происходит консолидация межнациональных взаимоотношений. Создавались и поддерживались соответствующие политические партии и группировки. В пар-

ламенты проводились представители этих партий (конечно, при содействии властей) и всячески вытягивалось их участие в политической жизни, как доказательство сотрудничества с властью. Вспомни все выглядело очень демократично. На самом же деле население относилось весьма скептически к своим депутатам и сенаторам, отлично понимая, что они не представители народа, а только пешки в руках власти.

Запуганное репрессиями и не желая, чтобы они повторялись, население прибегло к тактике молчания и исполнения требований оккупантов. Требования же эти в вопросе национальном росли и усиливались.

Война положила этому предел. А после войны произошло и воссоединение, которое привнесло с собой ломку и разрушение прежнего социального порядка и создание на его руинах нового, по образцу того, который уже был установлен в УССР.

Этот новый порядок население должно было принять — его не спрашивали, — но отношение к нему было двойственное. Поскольку прекращение ассимиляционного давления оккупантов большинством населения приветствовалось, этого нельзя сказать о мероприятиях новой власти в области социальной и ломки быта. К этому население относилось (кроме меньшинства) в лучшем случае настороженно, а то и прямо враждебно.

Воссоединение, к которому веками стремились, оторванные от остальной Руси, ее части произошло в эпоху острой борьбы между идеями коммунизма и идеями демократии, одна другой враждебными и одна другую исключающими. Население воссоединенных частей до воссоединения жило в мире демократии и переход его в мир коммунизма вызвал если не противодействие (о нем нечего было и думать), то, во всяком случае, скрытое и молчаливое отталкивание значительной части, если не большинства, населения. Замалчивать это нельзя.

Как будут развиваться дальше исторические события и как будет изменяться социальный порядок воссоединенной Руси — мы не знаем. Но что с воссоединением закончено собирание Руси — это факт несомненный.

Является ли он положительным или отрицательным, принимая во внимание время, когда он произошел — об этом существует два мнения.

Одни считают, что этим усилился коммунизм, получивши под свою власть обширные территории с многомиллионным населением, а потому к факту воссоединения относятся отрицательно. Это мне-

ние иностранцев и части антикоммунистической амиграции.

Другие, будучи не меньшими антикоммунистами чем первые, факт воссоединения считают фактом положительным. По их мнению, режимы меняются — приходят и уходят — а Русь-Россия (как бы ее не переименовывали) — вечна и ее геополитические границы неизменны. Поэтому достижение этих геополитических границ на западе и прекращение ассимиляционного лажима оккупантов, привнесшего угрожающие размеры, надо считать явлением положительным.

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса, какая из двух точек зрения с точки зрения исторической может быть признана более обоснованной.

Мы приводим только факты: факт состоявшегося воссоединения и факт наличия разных о нем мнений, как среди иностранцев, так и среди эмиграции.

Время для объективного суждения о значении этих фактов в истории Руси вообще и в истории Руси-Украины, в частности, еще не пришло.

П О С Л Е С Л О В И Е.

Feci quod potui — feciant meliora potentes

“Сделал, что мог — пусть сделают лучше те, кто это смогут”. Это изречение древнего Рима вошло во все языки мира, часто повторялось во все времена и будет повторяться в будущем.

В эту фразу нередко вкладывается совершенно различный смысл.

У одних она означает самоудовлетворение своим трудом, собственную уверенность в его совершенстве и носит она реторический характер.

Другие, наоборот, этой фразой выражают призвание недостатков и недочетов своего труда и желание, чтобы труд этот был исправлен и дополнен теми, кто будут иметь возможность это сделать.

К этим другим я причисляю себя и надеюсь, что мой труд послужит только началом для дальнейших исследований и всестороннего, строго объективного, описания событий и явлений истории Украины-Руси и беспристрастного, строго научного, объяснения причин, события и явления породивших, и последствий, ими вызванных.

И написать и издать два тома “Неизвращенной Истории Украины-Руси” было делом не легким.

Ни материальной, ни моральной помощи я не имел. Ни от разных эмигрантских лидеров-меценатов, ни от многочисленных учреждений свободного мира, изучающих “русский вопрос” и располагаю-

щих для этого огромными средствами.

Только небольшая группа людей (объединенных в "Блок Националов — Народов России"), понимающих необходимость исторической правдой бороться с сепаратистской ложью, помогла собрать часть средств, нужных для издания, устроивши для этой цели несколько балов, доход с которых поступил на издание книги. Остальное (большую часть) пришлось почерпнуть из моих личных сбережений — результатов моего восьмилетнего физического труда в США.

Так был издан том 1-ый "Неизвращенной Истории Украины-Руси".

В рекордно короткий срок он почти полностью разошелся, несмотря на замалчивание его рядом самых распространенных печатных органов эмиграции.

Сотни полученных мною писем от читателей 1-го тома (начиная от профессоров университетов до бывших колхозников; от представителей старой и новой эмиграции), свидетельствуют, что книга, несмотря на все ее недостатки (которые я признаю), достигла своей цели. Она внесла нужную ясность и точность в вопрос о русско-украинских взаимоотношениях в прошлом. Том прошлое, которое искажается и извращается теми, кто этим путем хочет создать предпосылки для украинской сепаратистской пропаганды и расчленительской по отношению к России политики свободного мира.

Прочитало ее и не мало американцев, владеющих русским языком и интересующихся так называемым "русским вопросом". Судя по их письмам, книга произвела на них должное впечатление и пробудила интерес к изысканиям и проверке иправильности утверждений украинской сепаратистской историографии.

Второй том "Неизвращенной Истории Украины-Руси", в котором описываются события новейшего времени, надеюсь, поможет еще большее установлению исторической правды о русско-украинских отношениях.

Искажение этой правды привнесло неисчислимые бедствия украинскому народу в прошлом, вызвавши братоубийственную гражданскую войну. К такой же братоубийственной войне толкают эти искажения и в будущем, если только не будут своевременно разоблачены и тем сделана невозможной руссовенавистническая пропаганда украинских шовинистов.

Что было возможно сделать в нелегких условиях эмигрантской жизни я постарался сделать, как мог и как сумел. Но этого далеко недостаточно. Дело борьбы исторической правды с сепаратистской

можью надо продолжать, углубить и усилить. Хочу верить, что в эмиграции для этого найдутся и люди и средства.

А. Дикий.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Дополнение к библиографии, напечатанной в 1-м томе)

Антонов-Овсеенко В. — Записки о Гражданской войне. Москва.

1939. (по русски)

Борщак И. — Истор. легенда Украины "Ист. Русов". Париж. 1929.
(франц.)

Валишевский К. — Польша и Россия. Париж. 1919. (франц.)

Винниченко В. — За какую Украину. Париж. 1934. (Укр.)

Винниченко В. — Перед новым этапом. Коломыя. 1939. (Укр.)

Дело ЦК Партии Укр. Соц.-Рев. — Харьков. 1921. (русск.)

Дмитришин В. — Москва и Украина. Нью Йорк. 1956. (англ.)

Дяченко П. — Черные Запорожцы. Напеч. в газете "Америка".

1959. (Укр.)

История Гражданской войны в СССР. — Москва. 1935-59 (русск.)

Каховская Н. — Пути революции. Берлин. 1923. (русск.)

"Киевлянин" — газета — Полный комплект за 1905 г. (русск.)

"Киевская Мысль" — газета — Полный комплект за 1905 г. (русск.)

"Книга о русском еврействе" — Нью Йорк. 1960. (русск.)

Котчуба Г. — Киевская вспомогательная. Варшава. 1937. (польск.)

Лит.-Научн. Вестн. — Киев-Львов. Отдельные номера за разные годы. (укр.)

Малинг К. — Украина под советами. Нью Йорк. 1953 г. (англ.)

Маслов С. — Россия после 4 лет революции. Прага. 1922 г. (русск.)

Мазуренко В. — Черная Книга. Прага. 1925. (Укр.)

Назарук А. — Год на Великой Украине. Вена. 1920. (Укр.)

Николаев К. — Восточный обряд. Париж. 1950. (русск.)

Рафес Мойсей — Два года революции на Украине. Москва. 1920.
(русск.)

Рафес Мойсей — Мои воспоминания (былое). Москва. 1922.

Рафес Мойсей — Очерки по истории Бунда. Москва. 1923. (русск.)

Свитич А. — Правосл. церковь в Польше и ее автокеф. Б. Айрес.
1959. (русск.)

Станкевич В. — Воспоминания. Берлин. 1920. (русск.)

Струве Ш. — Общеросс. культ. и укр. сепаратизм. Петерб. 1911.
(русск.)

"Трагедия двух народов" — Изд. ЦК. УСДРП. Прага. 1928. (укр.)

"Украинский Комбатаант" — журн. Мюнхен. 1947 г. № 1 (укр.)

Франко И. — Русско-укр. литература. Черновицы. 1898. (укр.)

"Червона Калина" — журн. Львов. Полный комплект. (укр.)

**
**

Кроме приведенных выше печатных источников, использованы также многочисленные воспоминания участников событий годов Революции и Гражданской войны, которые еще никогда не напечатаны. В том числе воспоминания крупных политических и культурных деятелей Украины.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	3
Российская Украина в 19-ом веке	7
Первая мировая война	38
Революция и Гражданская война	62
Создание Украинской Центральной Рады	63
Борьба с Временным Правительством	75
Украинские политические партии	79
Генеральный Секретариат и 1-ый Универсал	89
2-ой Универсал	93
Борьба за Киев в 1917 году	101
3-й Универсал	111
Образование Харьковского Правительства	117
4-ый Универсал. Провозглашение независимости Украины	119
Призвание немцев	123
Бегство сепаратистов в 1918 году	131
Немцы на Украине	136
Гетман Скоропадский	147
Директория. Свержение Гетмана	180
Трудовой Конгресс	185
Провозглашение Соборной Украины	189
Бегство сепаратистов в 1919 году	191
Директория без столицы	194
"Зимовий Поход" и польская интервенция	227
Бегство сепаратистов в 1920 году	230
Западная Украина — Русь	240
Буковина и Карпатская Русь	299
Национальные меньшинства Украины	310
Период между двумя войнами	350

СОВЕТЫ ПО ЧИТАТЕЛЬСТВУ

Любите книги, читайте их, берите в руки, —
после выхода из книжного магазина
верните в библиотеку, чтобы другие
могли пользоваться ими.

Вполне достаточно для вас
шестидесяти страниц, чтобы
заполнить свою книгу
статьями о себе.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
Stanford, California

30 88